

МЕРТВАЯ
БОЦА

Алиса Локалова

Annotation

Самоуверенная боевая чародейка жертвует жизнью ради спасения отравленной подруги и становится живым мертвецом. Ей предстоит найти способ вернуть себе нормальное состояние, прежде чем она превратится в бесчувственное чудовище.

Давление со всех сторон выжимает из легких остатки воздуха. Тело рвется, коротко, отчаянно. В голове звенит, но скоро это должно пройти. Если только она не на глубине, у самого дна.

Девушка быстро перебирает ногами. Руки взмахивают и рвут, рвут тугую воду.

Что если она плывет вниз?

Феликса открывает глаза, и их тут же начинает щипать от соленой воды. Света совсем не видно. Ночь — или слишком велика глубина?

Вдохнуть. Если бы можно было глотнуть хоть немного воздуха...

От очередного гребка боль в ушах слабеет. Кожаные сапоги уже пропитались водой и тянут, как гири, но это ничего. Раз уши болят меньше, значит, поверхность близко. Пояс оттягивает оружие, но бросить его никак нельзя. Осталось немного. Наверняка совсем чуть-чуть...

В висках предательски стучит. Если в глазах и темнеет — Феликса этого не чувствует. Вокруг и так ничего не видно. Заледеневшие ноги начинают отниматься; руками двигать все тяжелее. В груди раскаляются мелкие угли: еще немного, и взорвутся, разлетятся на горящие клочки.

Ладони вспарывают поверхность воды. Наконец-то можно вздохнуть! Девушка глотает воздух, но тут же кашляет от набежавшей волны. Еще один судорожный взмах, и Феликса снова выныривает. Следующий вдох куда слабее, осторожнее.

Голова кружится от свежего воздуха. Тонкий месяц кажется размазанным, плывет и двоится, теряется среди сверкающего алмазного крошева звезд. “Проклятый портал, — успевает подумать Феликса, переворачиваясь на спину, — выбросил прямо в толщу воды. Спасибо, хоть не на скалы...”

Сердце начинает колотиться в изматывающем рваном ритме. Полные воздуха легкие почему-то больше не удерживают на поверхности. Берег где-то совсем близко, но что толку, если конечности отказываются слушаться?

“Без. Паники. Страх опасен, — уговаривает себя волшебница. — Это морская вода. Я не утону. Я выплыву. Голова кружится, потому что шок от телепортации еще не прошел. Потихоньку...”

Берег оказывается дальше, чем ей кажется. Когда Феликса нащупывает ногами дно, волны едва не сталкивают ее. Поднимается шторм. Отмель длинная, очень длинная — настолько, что к ее концу Чародейка валится с ног на крупный песок. Ее накрывает волной и едва не стягивает на глубину. Мысли путаются от усталости. Рефлексы заставляют измученное тело ползти туда, где море ее уже не достанет.

Феликса не знает и не видит, как за ее спиной поднимается темный, зловеще подсвеченный гребень.

Цепкие руки хватают волшебницу за ворот и бесцеремонно тащат подальше от хищной волны. Боль от мелких ракушек на песке Феликсу уже не беспокоит — сознание милосердно отключается, погружается в баюкающую тьму...

Глава 1. Вор

Утро застало Феликсу у двери какой-то таверны. Голова раскальвалась — что неудивительно, ведь ее выбросило из портала в глубине моря. Телепортация и так сожрала почти все силы, а неудачная точка выхода едва не убила. Волшебница наглоталась соленой воды и продрогла, пока пыталась выплыть. На поверхности вода оказалась в разы теплее. В слабый шторм часто бывает тепло...

Шторм?

Чародейка подскочила на месте, ударившись локтем о бочку.

— Твою ж мать, — зашипела она. Только сейчас Феликса поняла, что укрыта тонким пледом из верблюжьей шерсти. Солнце едва поднялось над горизонтом, но под пледом уже стало жарко.

Кто-то вытащил ее ночью из воды. Песчаная отмель чуть не сыграла с ней злую шутку: набежавшая волна запросто могла утащить в яму за косой, промытую подводным течением. Неизвестный спаситель не позволил этому случиться. Но и убежища ей не предоставил. Оставил у двери, как подкидыша.

На бочке, о которую она стукнулась локтем, стояла чашка воды, украшенная восточным орнаментом, и пиала с сухофруктами. Девушка не задумываясь съела и выпила все.

— Судя по всему, ты уже пришла в себя, — заметил кто-то наверху. Из окна на втором этаже торчала темноволосая мужская голова. — Люблю я ночную рыбалку.

— Теперь я тоже люблю твою ночную рыбалку, — хмыкнула Феликса. — Твоя таверна?

— Допустим, — осторожно ответил мужчина. Голос звучал гораздо моложе, чем она ожидала. Почему-то волшебница была уверена, что ее спаситель зрел, бородат и плечист.

Голова в каштановых локонах, однако, принадлежала парню лет двадцати пяти-тридцати, а то и еще младше. И местных южан он ничем не напоминал.

— Есть свободные комнаты? — поинтересовалась чародейка.

— Зависит от того, есть ли тебе чем платить.

Ответ Феликсу устроил. Доброта самаритянина не распространялась на бизнес. В сапоге и подкладке кафтана она припасла несколько крупных монет. Похоже, парень их не нашел — если вообще искал. Во всяком случае, все остальные ценности остались при ней: небольшая коралловая камея, водонепроницаемый кисет с простейшими ингредиентами для заклинаний, серебряная заколка с турмалинами и самое главное — богато расшитая перевязь с саблей. Лакированные ножны лежали у нее прямо под рукой.

Феликса стянула левый сапог, сунула руку внутрь и надавила на едва заметный выступ под стелькой в районе пятки. Широкий каблук тихо щелкнул. Чародейка сняла боковую планку и вытряхнула три тяжелых желтых монеты.

— Три недели, — она продемонстрировала монеты хозяину. — И еда три раза в день. Договорились?

— Нет, — покачал головой мужчина, — еда отдельно. У меня не портовая забегаловка!

— От порога свиной кровью воняет, — возмутилась Феликса. После множества лабораторных занятий запах свиной крови она различала на раз-два. — И вышибалы у тебя нет. А ну как нападут на меня тут? Я что буду делать?

— Брось, — фыркнул он. — Сабля ведь не для красоты.

— Это папина. Исключительно парадное оружие, — невозмутимо ответила чародейка.

— А из колдовства у тебя тоже только фейерверки и зелья от поноса? — засмеялся хозяин таверны.

Феликса присмотрелась к нему внимательнее. Она понятия не имела, что могло ее выдать.

— Поможешь мне кое-с-чем — расскажу, как догадался, — он показал Феликсе язык, — и буду кормить.

Волшебница закусила нижнюю губу. Некоторое время она разглядывала носки своих сапог. Потом ответила:

— Ладно, добрый человек. Дверь мне откроешь?

Он кивнул, и каштановые локоны скрылись из виду. Чародейка сложила плед, встала со стопки ковриков, на которой сидела, и перевела взгляд на вывеску над дверью. На цепях покачивалась фигурно вырезанная доска. Надпись под изображением грудастой зеленокожей женщины с рыбьим хвостом гласила: “Русалочьи слезы”.

Дверь бесшумно открылась, и Феликса зашла внутрь, держа в одной руке плед, а в другой — посуду из-под воды и сухофруктов. В таверне было достаточно чисто и уютно. Окна первого этажа закрывали ставни, так что полумрак рассеивали только лучи из окошка высоко над дверью и несколько керосиновых ламп.

— Фабио, — представился ей юноша из-за стойки. На столешнице перед ним лежал пистоль — не из самых современных, но вполне приличный. В руках он держал тряпку в багровых разводах. — Все верно. Свиная кровь. Опять облили вчера...

— Марта, — соврала Феликса. — Тебе с этим нужна помощь? — она кивнула на тряпку.

— Что ты, — махнул рукой Фабио. — Этому ничем не можешь. Пришлось согласиться с местными... эээ... охранниками.

— Портовые охранники, — понимающе кивнула она. — Ну, договорился и ладно. У меня есть, кхм, странный вопрос.

— Валяй, — пожал плечами хозяин таверны.

— Это Бедеран? — выпалила чародейка. Она нацеливала портал в определенный город, но стала сомневаться, что попала хоть сколько-нибудь близко к своей цели.

— Ну да, — Фабио приподнял бровь. — И правда странный вопрос. Ты не знала, где находишься?

— Будем считать, что у меня кратковременная потеря памяти, — поджала губы Феликса.

— Как скажешь... Марта, — усмехнулся Фабио. — Держи ключ. Комната на втором этаже, самая дальняя. Там есть таз с водой и все необходимое. Приводи себя в порядок и спускайся сюда, обсудим дело.

Феликса кивнула и пошла к лестнице.

— И... Марта, — окликнул ее юноша. Чародейка обернулась. — Если согласишься помочь, будь готова назвать настоящее имя. Не люблю псевдонимы.

Комната оказалась чистой, светлой и удивительно просторной. И весьма прилично отделанной для этой части света: стены обиты льняным беленым полотном; окна — целых два — хорошо застеклены; широкая, почти в полный размах рук, кровать застелена плотным покрывалом; в углу — большое трюмо со старым зеркалом. На трюмо и стоял обещанный таз и кувшин с водой.

Феликса кое-как умылась, достала крепкий деревянный гребень из кармашка,

расчесалась. Стянула сапоги и задубевший кафтан и плюхнулась на кровать.

Чародейке тут же показалось, будто из нее вышел весь воздух. Ей хотелось выдавить из себя хоть слезинку, но в голове звенела пустота, и даже сердце больше не сжималось от мысли: их больше нет. “Не успела попрощаться с отцом, а уж с матерью и наставницей — и подавно. Знать бы хоть, что происходит”, — подумалось Феликсе.

Отец умирал долго. На замок напали через пару часов после его последнего вздоха, Феликса с матерью едва успели сбежать. Из города выбирались с наставницей Марондой, но их снова ждали враги — за рекой в пустоши. Маронда первой попала под удар, и Феликса впопыхах начала открывать портал, думала, что они смогут пройти втроем.

Но мать попрощалась с ней, едва завидев пузырь перехода, и толкнула в портал. А Маронда тут же его схлопнула — это было последним, что Феликса видела. Звон латунных бубенцов на посохе наставницы до сих пор стоял у чародейки в ушах.

Лишь иногда его прерывали слова отца: “Не лезь на рожон. Береги себя. Я люблю тебя, дочка”.

— Я тоже вас люблю, — прошептала она в потолок.

Потом встала, стряхнула соль со штанов и босиком спустилась к Фабио. Теперь Феликса была готова выслушать его предложение.

Добротный дубовый стул разлетелся на щепки, ударившись о каменную стену таверны. Феликса уклонилась с гибкостью оцелота и ухмыльнулась.

— Негоже так, парень. Мы договорились: без крови. А ты себе дубовых заноз понасажал в ладони. Болит небось? — издевательски спросила она.

— У меня все стулья тщательно зашкурены, между прочим, — возмутился из-под стола Фабио.

— Прошу прощения, почтенный, — все так же насмешливо извинилась девушка. — Но этот болван способен пораниться об что угодно. Готова поспорить, что если ему дать букет ромашек, он и ими покалечится.

Дюжий моряк грубо выругался и двинулся на нее, выставив руки. Чародейка уклонилась и пнула его в колено. Здоровяк ухнул, пытаясь удержать равновесие, и схватился за край стола. Феликса вспрыгнула на стол и с разворота пнула моряка по роже. Ему показалось, что из глаз посыпались искры, разноцветные и яркие.

— Ну что, есть еще сомневающиеся в том, что я действительно не хочу "поиграть"? — громко спросила чародейка, уперев руки в бока.

Посетители, прижавшиеся к стенам на время драки, приветственно заулюлюкали, захопали и засмеялись. Феликса развлекала их почти каждый вечер. Частенько кто-нибудь заходил в "Русалочьи слезы", подходил к столу, за которым сидела одинокая черноволосая девушка и предлагал ей "пошалить", "поиграть" или просто пойти с ним, в зависимости от наличия или отсутствия фантазии у подошедшего.

После твердого и однозначного отказа человек, как правило, не сдавался и начинал козырять: и сам-то он большой, и все у него большое, и нравится она ему ну прямо очень. Получив второй отказ, чужак принимался за угрозы, мол, подождет, пока она выйдет из трактира. Феликса не выдерживала, бесилась и вызывала наглеца на поединок. Отвечали ей недоверием: "Я не стану драться с женщиной!" И тогда драку начинала Феликса. После пары ударов наглец уже воспринимал ее всерьез.

Заканчивалось все примерно так же, как и в этот день. Но нынешнее представление

внезапно продолжилось.

— Так что, есть еще желающие?

— Есть.

Феликса считала себя довольно высокой, но вышедший из толпы казался настоящим великаном. Он был лыс, щербат и небрит; каждый кулак — размером со сковороду. Татуировка исполина насторожила Феликсу: клеймо беглого раба с Паланийских островов. Человек явно с пиратского судна, что вообще-то довольно типично для Бедерана. Кузур, чьей столицей являлся Бедеран, выторговал свою безопасность у Паланийских пиратов за возможность беспрепятственно входить в порты Кузура и скидку на припасы в этих портах. Очень солидную скидку.

Пират подошел ближе к столу Феликсы, поигрывая мышцами под кожаной безрукавкой.

— Хо-хо, — усмехнулась девушка, — с тобой у меня не получилось бы, даже если бы я захотела. Но я что-то не хочу.

Громила улыбнулся.

— А ты мне и не нужна. Мне нужен бой.

Трактирщик, который уже собирался вылезать из-под стола, присвистнул и передумал. Феликса прыгнула, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от пирата.

— Ну так бейся.

Великан послушался. Он ударил кулаком снизу вверх, метя Феликсе в подбородок. Она молниеносно среагировала: развернулась, позволив инерции удара увести тело противника. Затем крепко обхватила его кулак и вывернула внутрь. Другой рукой она ударила по сгибу локтя. Великан опустил на одно колено и дернул руку вниз, чтобы сбросить сустав.

Феликса ударила его коленом в лицо. Гигант блокировал удар и схватил ее за ногу. Чародейка зашипела: “Будут синяки. Как будто старых мало...” Феликса дала ему локтем по затылку, и громила выпустил ее ногу. Она тут же отпрыгнула.

Пират тяжело поднялся. Теперь он понимал, что девица не так проста: ловкая, сильная, уверенная и жестокая. Такая не задумываясь покалечит противника.

— Что же ты стоишь, дружище? — Феликса тяжело дышала, но оставалась невозмутима.

Она уже сталкивалась с противниками крупнее нее. Под удар попадать никак нельзя. Такие, как он, чаще всего полагались на свои мышцы и массу — именно это помогало им выживать. Феликса же привыкла побеждать за счет проворства и сообразительности. Тем не менее, она нашарила на поясе зачарованный кастет. Либо здоровяк ляжет быстро, либо придется бежать.

Моряк тем временем попытался обмануть Феликсу ложной атакой. Он сделал вид, что бьет правой рукой, а левой ударил ниже, под дых.

Феликса не купилась на примитивный прием. Она отпрыгнула и тут же припала к полу, уходя от широкого удара сверху вниз. Чародейка перекатилась и треснула ему кастетом по лодыжке. Пират припал на колено, и она ударила его в висок, вложив весь свой вес. Здоровяк упал. На этот раз не на колени, а вытерев все плевки с пола жесткой щетиной.

— Еще герои есть? — тихо проворчала она, перешагивая через тушу лысого бандита. Феликса думала, что на этот раз точно сможет спокойно доесть свою рыбу, но не тут-то было.

— Эй, женщина! — услышала она хриплый голос со стороны двери. — Это наш рулевой.

— И что? За что ваш рулевой боролся, на то и напоролся, я ему только малость

подсобила, — хмыкнула Феликса. Ей не нравилось, как начинался этот разговор. Интуиция подсказывала, что обычной дракой сегодня дело не закончится.

Другой человек мог бы подумать, что Феликса преувеличивает, ведь пират начал разговор спокойно и вежливо. В этом случае другой человек ошибся бы. Надо знать паланийских пиратов, чтобы понять, почему.

— Ты нам рулевого, можно сказать, покалечила. Нам завтра уплывать, а он, может, и не встанет уже. Плати виру, — сказал Хриплый, щербато ухмыляясь.

— Может, мне вам еще и задницу подставить, всем по очереди? — дерзко ответила Феликса. Хриплый тем временем уже целиком появился в трактире, а за ним тихонько проскользнули еще двое, похожие на "рулевого", словно братья: горы мускулов в кожаных безрукавках, только у одного голову прикрывал красный линиялый платок. "Будут бить, — подумала чародейка, — а потом свяжут и в самом деле, чего доброго, попользуются. Пора делать ноги".

— Может, и задницу, может, и не задницу, — философски заржал Хриплый. — Ты вроде со всех сторон сносная. Только язык больно длинный.

Не успел он договорить, как пират в красном платке прыгнул к ней, занося кулак, а второй начал обходить ее, чтобы поймать, если она уклонится от удара. Уклоняться Феликса не стала. Чародейка блокировала удар скользящим движением, уходя из круга врагов.

— Правильно, двигай на кухню, — еле расслышала она свистящий шепот из-под стола, — я тебя прикрою.

Феликса не стала долго думать, а последовала совету: вспрыгнула на ближайший стол, разбросав пустые кубки и тарелки, оттуда на другой, и кувыркком улетела в дверной проем, где ее встретила грузная повариха. Из зала донеслись рычащие крики, драка охватывала весь трактир; посетители стремились вступить за нее и трактирщика — или просто повеселиться.

— Допрыгалась, зайнька? — ласково спросила Феликсу кухарка Радна, небрежно помахивая чугуновой сковородой. — А я говорила! Ничего, завтра поешь у себя. А там и на дело пойдешь, и никто тебя не сцапает.

Феликса устало кивнула. Развлечения развлечениями, но сегодня она сама перегнула палку.

— Я рыбу не доела, — пожаловалась девушка. — Положишь еще?

— Конечно, — обрадовалась Радна, — а то кто ж еще кроме пиратов на тебя, такую селедку тощую, клюнет!

Феликса чувствовала, как лицо сводит чудовищной гримасой. И чем больше она пыталась побороть отвращение, тем сильнее кривилась верхняя губа.

— Отличная работа, — выплюнула она. — Я похожа на шлюху.

— Еще нет, — хмыкнула Радна. — Титек маловато. Сейчас, корсет другой поищу...

Феликса подняла руки, чтобы кухарка помогла ей расстегнуть богато расшитое платье и расшнуровать исподнее. Платье было скроено по ферискейской * моде: открытые плечи, глубокое декольте, утянутая талия, юбка с километрами кружевных подъюбников, открывающих щиколотки. Винный цвет — компромисс между кричаще-алым и темно-синим — ее устраивал. Но все остальное...

— На-ка, примерь.

Чародейка влезла в корсет, чувствуя себя лошадьё в парадной сбруе.

— Боги. Портовые девки — и те меньше показывают, — разворчалась она.

— Ну уж, — фыркнула Радна, — скажешь тоже. Ферискейские чародейки сочли бы этот наряд скромным. Ты уж извини, но при твоих формах вариантов не так много. Зад еще ничего, а вот сверху...

— Довольно. — Феликса вздохнула. — И когда ферискейские маги успели потерять последние капли гордости? — буркнула она. Но грудь в корсете все-таки поправила. — Итак. Я должна притвориться куртизанкой от волшебства, чтобы получить возможность обчистить местного аристократа. Я все правильно понимаю?

Фабио хохотнул из-за ширмы.

— Если опешлять и упрощать, то да. На деле же... хм. Все несколько сложнее. Во-первых, аристократ не совсем местный. Мы наблюдаем за ним с тех пор, как он мигрировал в Бедеран с запада, с Ферискеи.

— Из столицы Ланвена*, — добавила Радна. — Был там большой шишкой.

— Мы думаем, он в изгнании, — продолжил Фабио. — Первое время дела у него здесь шли плохо. Ни денег, ни покровителя... до недавнего времени. Несколько месяцев назад барон купил себе замок и хороший кус земли к нему.

— Замок? В Бедеране? — недоверчиво сощурилась чародейка.

— Угу. Бывшая резиденция ланвенских послов.

Феликса присвистнула. Посольская резиденция наверняка стоила баснословных денег.

— И откуда у беглого ферискейского барона взялось такое богатство?

— Вот и я хотел бы знать.

Радна махнула рукой Фабио — дала знать, что все готово и можно смотреть. Феликса боялась вдохнуть: корсет грозил лопнуть прямо на ней. Все казалось неудобным, вычурным и дурацким, включая прическу с армадой шпилек и завитков.

— Это провал. Меня раскусят за пять минут, — чародейка поджала губы и уперлась кулаками в бока. Рукава зашуршали, а линия декольте опасно натянулась. — И этот макияж... все время про него забываю. Как бы уголек и сажу по всему лицу не развезить.

— Что поделать, в Ланвене сейчас такая мода. Все чародейки и аристократки так красятся, — заверила ее Радна. — Дома в Арделорее* ты совсем косметикой не пользовалась?

— А зачем? — фыркнула Феликса. — Лицом я и так вроде не черна, брови с ресницами нормального цвета. Ну разве что помадой иногда, чтоб мать совсем не расстраивалась.

Чародейка тут же сникла и помрачнела.

— Говорю вам, все это дурная затея, — выдавила она наконец. — Никогда не умела мужиков охмурять.

— Свежо предание, — возмутилась Радна, — и дня не проходит, чтоб какой-нибудь идиот про тебя у Фабио не спросил. В Бедеране худую женщину днем с огнем не сыщешь, еще и лица по традиции прячут. Потому-то ферискейские дамы и в цене!

— В цене, — поджала губы Феликса. — И как? Дороже кобылы или проще скотоложцем быть?

Фабио закашлялся.

— Ты вроде титулованная особа, а беседы порой ведешь как... как...

— Ну? Как кто? — развела руками чародейка. — Я привыкла к морякам и военным, а не к посиделкам за чаем на веранде после бала. Сам-то, между прочим! За простого трактирщика тебя только дурак примет.

— Это ты не слышала, как он с гостями разговаривает, — вступилась за него Радна. — Ты нас, Феликса, сама за дураков небось держишь. А Тайная канцелярия абы кого шпионить на юг не посылает.

— Нет больше вашей канцелярии.

— Да, — вздохнул Фабио, — уж мы заметили. Но если ты не поедешь к барону и не привезешь оттуда денег, нас тоже не будет. Ты сказала, в Арделорее было восстание. Значит, нам нельзя оставаться в Бедеране. Новые власти будут искать и нас, и тебя.

Феликса скрестила руки на груди. “Ладно. На примерке от глупого платья не померла, значит, и у барона выдержу. Раз уж иначе никак, — подумала она, — притворюсь самой развратной дурехой на весь Бедеран”.

— Ладно. Где там эта твоя дрянь, как бишь ее?

— Чулки?

— Да. Чулки. И купите мне хорошего мыла, пожалуйста. Лучше яблочного.

Чародейка надеялась проделать запланированный путь в одиночку. Боги дорог, однако, навязали ей симпатичного, но шумного, надоедливого попутчика.

— Ночью, как траур, черной...

— Я это уже где-то слышала, — прервала Феликса.

Едущий рядом блондин против ее ожиданий не обиделся, но перехватил поудобнее лютню, взял еще один не слишком стройный аккорд. Чародейка закатила глаза.

— Что? Может, хочешь поменяться местами?

— Не думаю, — ответила чародейка, — ты с моим ремеслом не справишься, это уж точно. К тому же, лорд просил девушку-чародейку, а не смазливый мальчишка, — хихикнула она.

— Тогда ему нужна не чародейка, а девка навряде тех, которые в порту стоят вдоль стен или сидят в тавернах. Ну, которые еще одеваться забывают утром, — подмигнул он.

— Нет, дорогуша, соблазнить меня ему не удастся ни за какие деньги.

— Тогда зря ты туда едешь.

"Ну уж нет, — подумала волшебница, — я взяла с собой это дурацкое платье, мне пришлось оставить саблю, и я не могу подвести Фабио! В конце концов, успешный исход дела и в моих интересах".

— А я говорю, езжай ты назад, — не умолкал попутчик. — Ничего, кроме твоих прелестей, ему от тебя не нужно, поверь мне! За его деньги он мог нанять магистров, архимагов, целый университет! Ему просто интересно, как ты с помощью магии будешь сопротивляться.

Феликсе стоило многих усилий, во-первых, не дать наглецу по морде, а во-вторых, не осадить его потоком слов, которые ей как юной девушке знать не положено. Она с самой слащавой — и самой ехидной — улыбкой, на которую была способна, парировала:

— А с чего ты взял, что лорду нравятся девушки? Может он того, а? С другого края? И тогда тебе стоит повернуть обратно. Ведь он мог нанять целый ансамбль профессиональных музыкантов, а не дилетанта вроде тебя.

Бард зарделся не хуже мака. Такого роскошного пунцового цвета Феликса давно уже не видала.

— Ишь ты, сама проницательность! — пробурчал он. — Раскусила меня. Я как раз еду не столько к самому лорду, сколько к его жене.

Феликса так расхохоталась, что чуть не свалилась с седла.

— Ну и кто из нас больше похож на портовую шлюху? — не удержалась она.

Блондин неожиданно тоже рассмеялся.

— Твоя правда. Мое положение ничем не лучше твоего, дорогая.

Феликса вдруг заметила, как блеснули васильковые глаза барда: как у гончара, который осматривает горшок, чтобы понять, ровно ли легла глазурь. Она приняла это к сведению, но расспрашивать не стала. Загадкой своего спутника она сможет заняться потом. “Но надо же как-то к нему обращаться?”

— Как твое имя?

Менестрель ответил не задумываясь, так быстро, словно долго ждал этого вопроса. Феликса решила, что ему не терпелось высказать придуманную заранее ложь, про которую он сам мог забыть:

— Мак, — выпалил он.

— Будем знакомы. Меня зовут Марта.

Бард кивнул, а Феликса подумала, что такой попугчик может стать серьезной помехой в исполнении их с Фабио плана. Особенно после всего, что они узнали о бароне...

Лорд Мордред Пигсвелл, эмигрант с Ферискеи, ловко обходя все таможенные преграды, принимал поток редких драгоценностей, добытых нелегальным путем. Хозяйка же, почтенная жена Мордред, леди Элизабет, выполняла роль не столько супруги, сколько партнера, ибо, как и большинство знатных женщин, понимала в драгоценностях чуть лучше. Правда, не столько в плане оценки стоимости, сколько в плане их охраны. Элизабет Пигсвелл командовала стражей, а также помогала чародеям строить сокровищницу.

Разумеется, жена не мешала лорду Мордреду таскать в койку многочисленных любовниц, а изредка — даже дарить им эти самые краденые драгоценности.

И Феликса согласилась, что такого мерзавца грех не ограбить. Фабио добыл сведения о бароне и сотрудничающих с ним контрабандистах у одной из бесчисленных бедеранских бордель-маман. Именно она подбирала любовниц лорду Пигсвеллу и подобным ему денежным мешкам.

Так что бедняга Мак в какой-то мере сказал правду, лорду интересны только прелести чародейки. Собственно, на то и расчет.

За полдня пути Феликса успела напридумывать себе десяток дурных исходов этой поездки.

— Как думаешь, нам еще долго ехать? — угрюмо спросил Мак.

— Минут сорок, — беспечно ответила Феликса, надеясь, что голос не выдает волнения.

Бард стрельнул глазами, будто что-то понял.

— Откуда ты знаешь?

— Да так. Девушки рассказывали. — Феликса пожала плечами, радуясь, что сейчас она в дорожном платье, а не парадном. “В конце концов, это практически правда. Девушки рассказали бордель-маман, та Фабио, а Фабио — мне”. — Видишь деревню? На главной улице вместо мечети ферискейская церквушка.

— И правда, — хмыкнул Мак, почесав затылок. — И как я сам не понял. Это его деревня? Лорда Пигсвелла?

— Других ферискейских лордов в округе я не знаю.

Наконец вдалеке, на фоне чарующей синевы округлых пиков, нарисовался хмурый темно-серый замок. Выстроенный в традиционной архитектуре Ферискеи, он едва ли

напоминал роскошный дом иноземного лорда. Скоро стало видно, как на ласковом ветерке трепещут флажки, флаги, штандарты с гербом Мордредра: черный кабан на густом горчично-желтом фоне, символ зажиточности, богатства. И — о чем лорд предпочитал не вспоминать лишний раз — глупости, агрессии и упрямства.

Замок, который тем больше походил на крепость, чем ближе подъезжали путники, окружал традиционный ров. От воды во рву беспощадно несло тухлятиной. Не мясом, просто застоявшейся водой, в которую ленивые кухарки ежедневно сливали обмылки и помои. Феликса подумала, что сам лорд тоже наверняка ленился ходить до отхожего места или хотя бы до ночного горшка, и поморщилась про себя. И к этому чудовищу она едет добровольно! Да еще и на целые сутки!

Хотя барон, разумеется, думал, что юная прелестница-чародейка пробудет у него подольше.

— Кто? — без тени вежливости заорал сиплый голос со стены над воротами.

— Чародейка Марта и великий музыкант Мак, к вашим услугам! — Феликса милостиво позволила своему спутнику представить их обоим, потому что ей не хотелось надсаживать горло в попытках докричаться до сиплого олуха. Местные стражники имели преотвратнейшую привычку по несколько раз переспрашивать имя и цель визита, издеваясь над кричащими гостями. Особо изобретательные порой спорили, скоро ли охрипнет входящий.

Но у Сиплого, видимо, сегодня не на что было спорить.

— Проходите, — все таким же грубым тоном проорал он. Раздался скрип плохо смазанного подъемника, и ворота медленно, неохотно стали подниматься. Лошадь под Маком нетерпеливо фыркала и стучала копытом. Умному животному явно не нравилась затея хозяина ехать в это дурное место. Конь Феликсы тоже не выражал восторга, но знала об этом только хозяйка. Породистые жеребцы, вроде ее полудикого, что она чудом нашла на Морском базаре пару месяцев назад, отличались не только невероятным для зверя умом. Они могли телепатически угадывать, какое поведение выгоднее для хозяина. Правда, об этой их особенности знали только жители родины Феликсы. Чародейка вздохнула, с тоской вспомнив Арделорею и ее чудеса.

Бок о бок они с бардом въехали в замок Мордредра.

Внутри, во дворе, царил праздный бардак. Стражники — довольно светлолицые, явно не местные, как и барон — переругивались, с ленцой поплеывая на сухую утоптанную землю; одни играли в кости, несколько других — в карты. Играли здесь, судя по всему, на интерес: жалованье по обыкновению аристократов Ферискеи выплачивалось стражникам в конце месяца. Оттого матюки были на редкость скучными и неизобретательными, а на лицах дебелих увальней не просматривалось и намека на заинтересованность в исходе игры.

За стеной замка обнаружилось несколько добротных домишек и даже пара хлебов для скотины: видимо, иноземный лорд желал кушать только свежее мясо. Наверняка где-нибудь на задворках, не видных приезжим гостям, есть небольшой огород, и уж точно имеется и свой сад, в котором можно прогуляться тихим теплым осенним вечером.

Феликса вдруг подумала, что ей точно придется совершить такую прогулку, только под ручку с мерзким бароном, рассчитывающим позабавиться нынче ночью. Ей тут же разонравился сад, которому она успела мысленно обрадоваться.

К ним подошел особый слуга, совсем молоденький парнишка в обтрепанной курточке. Он как-то странно смотрел на Феликсу, очень долго и пристально, будто силился что-то

вспомнить и не мог. Она отметила, что у него странный цвет глаз: янтарно-желтый, как у кота. Движения мальчишки были тоже кошачьи, плавные, тягучие, перетекающие из одного в другое. Он будто танцевал, а не шел.

Подозрительная чародейка тут же взяла эти особенности на заметку, так же, как и вранье нечаянного спутника. Такие странности, конечно, не могли быть случайными, но одно она знала точно: те, кто что-то задумал против Мордредра Пигсвелла, ей не противники.

— Прошу вас, госпожа, я отведу вашего коня. И вас тоже, господин... — со сдержанным достоинством, не свойственным дворовому слуге, проговорил парнишка. Его голос мягко вибрировал, будто мурлыкал, вызывая желание погладить мальчика по голове или спине. Феликса никак не могла отделаться от ощущения, что ему чего-то не хватает. Хвоста, например.

Слуга взял поводья, бросил последний загадочный взгляд на гостей и удалился в сторону конюшен, предоставив барда и чародейку самим себе, как подумала Феликса. Но в кои-то веки она ошиблась. Не успела чародейка сделать и шага в сторону замка-крепости, как им навстречу просеменил обрюзглый старичок в мешковатом бархатном одеянии.

— Добро пожаловать в Боархолл, замок лорда Мордредра Пигсвелла! — шепеляво, с комичной пародией на церемонность проговорил старик. — Я — Джеффри, кастелян. Лорд и его леди-жена уже ожидают вас. Рассчитывают, что вы развлечете их за обедом и разделите трапезу. Следуйте за мной, — старик Джеффри пошаркал обратно к воротам замка. Феликса брезгливо поморщилась и прошествовала за ним. За ней следовал притихший Мак.

Внутри замок оказался столь же неопрятен, как и двор, хотя и богато обставлен. Пышный ковер покрывали пятна продавленного ворса. При "жизни" ноги наверняка утопали в нем, но не сейчас. На стенах потрескивали факелы в причудливо изогнутых держателях. Двери из красного и черного дерева похвалялись позолоченными ручками в виде кабаньих голов. Кабаны, правда, слегка заросли щетиной грязи — чистке таких мелочей здесь явно не уделяли внимания. Феликса с тоской вспомнила светлый и чистый замок отца.

На стенах висели портреты, видимо, семейство Мордредра, все в темных, мрачных тонах. Люди на портретах тучные, все как один, за исключением разве что пары женщин из других семей.

Наконец старичок добрался до массивной высокой двери, около которой стоял швейцар в желтом камзоле. Лицо его скривилось в выражении таком кислом, будто его в жизни ничем, кроме лимонов, не кормили. "Как гриб маринованный", — прыснула Феликса.

Маринованный швейцар открыл дверь, и кастелян с гостями вошли в большой зал, где в двух резных креслах сидели господа. Старик представил гостей, но леди Элизабет, щуплая дама с крысиным носиком и бегающими глазками, не дождавшись, пока он закончит, нервно расхохоталась и поднялась навстречу со своего кресла.

— Музыкант, как это восхитительно! — закудаhtала она. Феликса про себя поморщилась. Леди надела легкое платье со смелым корсажем поросячьего розового цвета. Элизабет от души напудрилась, хотя даже слой этой художественной шпукатурки не скрывал морщинистую пергаментность кожи. — Мы вас заждались, господин Мак! Надеюсь, вы преподнесете нам приятный сюрприз.

— Уверен, я вас не разочарую, моя леди, — поклонился бард.

Феликса застенчиво улыбалась, делая вид, что не замечает плотоядного взгляда Мордредра, вяло блуждающего по ее груди.

— Госпожа чародейка, — хрипло взвизгнул он. "Вылитый хряк, — устало подумала Феликса. — Но не лишен своеобразного обаяния. Эдакий миленький поросенок, пока ему что-то от тебя надо". — Может, прежде чем приступить к делу, для которого я вас вызвал, вы тоже развлечете нас и покажете несколько фокусов?

— Да, милорд, — Феликса присела в изящном реверансе. "Самый веселый фокус ты найдешь у себя в вине, старый похотливый пердун", — пообещала ему Феликса про себя. — Иллюзии, трансфигурация, телепатическая и телекинетическая магия...

— О, да вы и впрямь серьезная чародейка, миледи! — визгливо рассмеялся хозяин замка, причем слово "серьезная" он произнес как "сурьезная", чем невероятно взбесил Феликсу. — Покажите нам вашу... а, как там ее? Твою ж мать... трансхрено... трансфигу... ну, ту штуку, про которую вы второй говорили?

— Милорда интересует искусство перевоплощения? — Феликса титаническим усилием стерла с лица брезгливое выражение и кокетливо улыбнулась. "Наверняка единственное, что его интересует — это перевоплощение одетой чародейки в раздетую!"

— Да, миледи, мой муж изволит частенько увлекаться всякой ерундой со сложными названиями! — захихикала леди Пигвелл. — А я бы с удовольствием посмотрела и на обычные иллюзии. А потом мы послушаем нашего барда, — и она захлопала в ладоши, думая, что выглядит как девочка, но на самом деле больше походя на умалишенную.

— Мы могли бы совместить наши выступления, — небрежно бросила чародейка. Мак зыркнул на нее и укоризненно поджал губы. Феликса вовсе не хотела его подставить, только побыстрее закончить со всем этим безобразием, чтобы у нее было больше времени на устранение лорда.

Когда чародейка шла по коридору к приемному залу, она заметила несколько сложных магических гексов, развешанных по углам. Она не могла понять, что именно делают эти амулеты. Оставалось надеяться, что лже-бард сможет ей чем-то помочь. В том, что он захочет это делать, она даже не сомневалась.

И все-таки, что же здесь нужно этому фальшивому музыканту? Неужели тоже сокровища? Феликса тряхнула головой и решила подумать об этом позже.

— Почему бы и нет, — натянуто улыбнулся Мак. — Что может быть очаровательнее иллюзий под музыкальное сопровождение?

— Прекрасно, — резюмировала Элизабет. — Джефффри проводит вас в комнаты, где вы сможете отдохнуть с дороги и переодеться.

Кастелян пригласил их следовать за ним. Комнаты им выделили небольшие, зато принесли теплую воду и даже мыло. В комнате Феликсы сидела молодая служаночка с родимым пятном в пол-лица — прислали помочь принять ванную. Чародейка была счастлива наконец-то смыть с себя дорожную пыль, но от помощи девушки отказалась.

— Меня могут наказать за это, госпожа, — всхлипнула служанка.

— Брось, никто не узнает, — заверила ее Феликса. — Просто сядь рядом. Расскажи что-нибудь. Здесь есть сад?

— Есть, — девушка присела на табурет рядом с бадьей. Феликса уже разделась и опустила в воду. Она стала энергично намыливать предплечья и шею. — Он очень красивый! И ягоды растут. А еще персики, но я их никогда не ела.

— Как не ела? — удивилась Феликса. У нее когда-то тоже имелись слуги, но очень мало, в основном повара. Ей, как и родителям, нравилось все делать самой.

— Леди Элизабет не разрешает, — вздохнула служанка. — Столько фруктов пропадает!

"Да уж, — подумала Феликса. — Про Пигвеллов говорят, что они едва ли не самые зажиточные во всем Бедеране. А тут такая жадность. И неухоженный замок..."

— Несправедливо, — выпалила Феликса. Девушка вздрогнула.

— Не мне судить господ, — кротко ответила служанка. — Да и не вам, если уж честно говорить. Леди Элизабет не любит, когда гости ее осуждают.

— Спасибо, что предупредила, — мягко улыбнулась волшебница. Она уже смыла с себя пену и вылезла из бадьи. — Просто у меня на родине принято иначе поступать с едой.

Феликса надела привезенное с собой винно-красное платье из плотного шелка, то самое, декольтированное глубже, чем она привыкла. Но Фабио считал, что так надежнее.

— Прощай, — сказала она служанке, как только та помогла ей затянуть корсет. —

Надеюсь, ты когда-нибудь попробуешь персики. В конце концов, их и на базаре полно.

Служаночка присела и наклонила голову. Феликсе показалось, что она расстроилась из-за приезда чародейки. "В лорда что ли влюблена?" — недоумевала она.

Джеффри и Мак ждали ее за дверью. Кастелян сразу повел их в главный зал, где ждали лорд и леди Пигвелл. И они начали творить — каждый свое дело. Сложность заключалась в том, чтобы иллюзии не были слишком сложными: нельзя показывать лорду и леди свою силу. Феликса легко подстроилась под незатейливую балладу Мака.

Феликса наколдовала небеса и облака вместо пола, затем — тропических фей и птиц, бабочек, редкие цветы, посыпала все это волшебными блестками, раскрасила завитушками и немислимыми красками. Получилось вычурно и примитивно, но все равно красиво.

Когда Феликса закончила с иллюзиями, она попросила подать ей любой предмет небольшого размера. Ей принесли диванную подушку, над которой она минут пятнадцать измывалась: подушка побывала в шкуре похабной книги — что вызвало дурашливый, но одобрителный смех у Мордеда — пары розовых шелковых перчаток — от которых ахнула падкая на безделушки Элизабет — круглой чаши для вина, кошки, сапога, седла и еще десятка скучных повседневных вещей. Феликса считала такие превращения ерундой, но представление с трансфигурацией хозяевам замка понравилось едва ли не больше, чем иллюзии.

Когда они наконец закончили, хозяева объявили ужин, которого Феликса ждала с нетерпением. Нелепые возгласы и неумные восторги по поводу "представления" достали ее вусмерть. Каждый из Пигвеллов стремился понравиться приглашенному артисту — очевидно, чтобы соблюсти хотя бы видимость естественного интереса к их персонам. Феликсе, вынужденной носить маску потаскушки-чародейки, такое лицемерие только больше уязвляло самолюбие.

Но фарс кончился, и волшебница поняла, что, несмотря ни на какие отрицательные эмоции, рада ужину. Может, просто потому, что проголодалась. И все же, ложными надеждами она себя особо не тешила: предстояло еще одно кошмарное испытание — светская беседа. Подобные застольные разговоры Феликса не любила с детства. Ее семья придерживалась схожего мнения, и развлекать сидящих за столом пустой болтовней ей приходилось редко. Но приходилось.

Как только подали первое блюдо — фаршированного яблоками гуся в остром кисло-сладком соусе — барон затянул свою чудовищную волынку, деловито похлопывая по тесноватому бархатному кафтану, который довольно удачно прятал пивное брюшко:

— Это было изумительно, госпожа Марта, в жизни ничего подобного не видел!

— А как сэр Мак прекрасно подобрал музыку, просто прелесть! — закудаhtала

Элизабет. — Ах, вы, оказывается, так талантливый!

— Ну что вы, миледи, меня не посвящали в рыцари, я вовсе не сэр. Вы слишком милостивы ко мне, — бард буквально рассыпался в любезностях, якобы польщенный, хотя его глазные мышцы наверняка сводило от желания закатить глаза. Феликса решила, что он неплохо держится для человека, вынужденного по какой-то причине играть жиголо.

Хотя ее положение было не лучше. И она решила, что самое время сменить тему разговора.

— Миледи, какое у вас прелестное кольцо! — с идиотской улыбкой прощепетала чародейка, чувствуя себя еще более глупой, чем должна казаться. — Белое золото и топазы, у вас тонкий вкус, — польстила она баронессе. Честно говоря, роскошное кольцо походило на более дешевую копию из кварца и серебра — видимо, ожерелье давно не чистили.

— Благодарю за комплимент, милочка, но вы ошиблись, — приосанилась довольная Элизабет, — это платина и розовые алмазы, очень редкие.

"Врет и не краснеет!" — плюнула про себя Феликса. Как любая стоящая чародейка, она не просто разбиралась в драгоценностях, она видела саму душу камней и металлов — дорогие самоцветы способны держать самую мощную магию. Большой магической проводимостью обладала только драконья кость.

— Ну надо же! — Феликсе почти не потребовалось изображать изумление. Главное — она добилась, чего хотела: перевести разговор на сокровища. — Наверное, такая редкость обошлась в целое состояние.

— О, драгоценности наша маленькая слабость, — признался лорд Пигсвелл. — У нас имеется целая коллекция украшений из редчайших материалов. Вы сможете взглянуть на нее позже, если захотите, правда, дорогая?

Леди Элизабет принужденно улыбнулась, но Феликса заметила, как вытянулось ее лицо при словах мужа. "Кажется, я ему понравилась", — обреченно подумала волшебница. С одной стороны, это здорово облегчало задачу, с другой — вполне вероятно, что вырубить барона придется раньше, чем она рассчитывала, а это могло вызвать подозрения. Что ж, она знала, что идет на риск.

— Ох, правда? Я бы с удовольствием, — кокетливо улыбнулась Феликса.

— В таком случае, после ужина мы сможем все вместе пойти посмотреть на нашу сокровищницу, — сухо пообещала Элизабет. Она явно была пока недовольна вечером, и Феликса надеялась, что Мак постарается это исправить.

Однако музыкант застенчиво молчал, и волшебница недоумевала, что же он все-таки надеется выгадать своим приездом в этот замок, если не благосклонность баронессы. Может, она чего-то не знала о бароне?..

Как бы то ни было, после окончания ужина барон под руку взял ее, а не музыканта или жену, которые шли позади них. Феликса с удовлетворением расслышала шепот музыканта позади себя. Тот наверняка расточал комплименты Элизабет, якобы опасаясь ревности мужа. Феликса уже начала опасаться, что между ними ничего не будет, но теперь расслабилась. Это означало, что баронесса теперь точно будет ночью занята.

По пути к сокровищнице Феликса снова попыталась понять, что за гексы развешаны по углам. Охраны в замке не больше, чем в любом другом. А вот ценности, если верить одной падкой на арак* бордель-маман, существенно превышали состояния местных, исконно бедеранских, аристократов. Сплетни то преувеличивали, то преуменьшали богатства Пигсвеллов, но сходились в одном: в Боархолл раз за разом привозили драгоценности.

Строжайшая секретность доставок дала трещину, когда Мордред стал приглашать в замок молодых чародеек. Едва ли не каждая уезжала из замка с подарком.

Когда Фабио выяснил, что местный лорд дарит наемным волшебницам редкие украшения, он решил узнать больше. Одна из девушек видела, как человек в черно-белом плаще привез сундуки. Мордред лебезил перед ним, как нашкодившая дочь перед строгим отцом. Лорд проводил незнакомца к сокровищнице, а любопытная чародейка в это время рассмотрела часть сундуков. Даже инкрустация на них стоила баснословных денег. Фабио решил, что внутри лежат еще большие богатства — такие, что их хватит на то, чтобы нанять целый флот и наконец-то уплыть из Бедерана.

Феликса совсем не была уверена, что сокровища существуют. Но сейчас, увидев эти сложные магические гексы, чародейка решила, что лорду Пигсвеллу есть, что охранять. Вот только что именно заставило барона сменить традиционных охранников на дорогостоящие, хотя и более надежные игрушки?

— Какой у вас огромный замок, милорд, — деланно восхитилась она. — Должно быть, вам дорого обходится охрана? Не только стража, я имею в виду, — Феликса захлопала ресницами, — наверняка и магия используется? Или вы спрятали половину охранников, чтобы не пугать гостей?

— Х-ха, ха-ха, — засмеялся барон. — Ну что вы. Просто охранники — всего лишь люди. Они смертны, и к тому же, их можно подкупить. Меня это не устроило. И тогда один кузурский маг рассказал мне про маленькие безделушки, сверхчувствительные к магии и взлому, не требующие особого обращения. Он их назвал каким-то мудреным словом, но к чему вникать в такие тонкости. Главное, что они фиксируют любые магические воздействия в замке и на расстоянии полумили от него.

— Ого, — вполне искренне присвистнула Феликса. — Никогда не слышала о таких мощных амулетах.

— На то и расчет, миледи... на то и расчет, — хохотнул Мордред. — О, а вот и наша цель.

Дверь, перед которой он остановился, разительно отличалась от всего остального замка. Никакой пыли, никакой ржавчины. Искусная резьба и богатая серебряная инкрустация украшала створки белого дерева, каждый виток причудливого узора начищен до блеска. И, что гораздо важнее, разил боевой магией. Феликса почувствовала сторожевые, оповещающие и охранные заклятия за несколько метров до самой двери и поняла, что снять их будет непросто. Если вообще возможно.

— Это главная сокровищница замка, леди Марта, — гордо проговорила Элизабет. — Едва ли в мире найдется место, которое было бы столь же неприступно.

Феликсе стало не по себе: сокровищница охранялась намного более надежно, чем она рассчитывала. Мордред снова обратился к ней:

— То, что вы увидите за этой дверью, должно сохраниться в тайне, миледи.

Феликса послушно кивнула. Зачем рассказывать, если на следующий же день она сможет все это показать Фабио? Не зря он все-таки настаивал на том, чтобы чародейка позаботилась о крайних мерах перед поездкой.

Лорд тем временем начал какие-то сложные манипуляции с замком. Выглядело это до неприличия смешно, потому что замок находился точно на уровне его мужского "эго". Пигсвелл дергал туда-сюда, забавно бормотал, тряс головой в течение нескольких минут, а потом жестом захолостного фокусника открыл наконец дверь.

То, что находилось за ней, затмило бы все украшения покойной матери Феликсы, а ведь ее шкатулка — самое ценное, что видела чародейка.

Одни только сундуки, вмещавшие потрясающие воображение богатства, стоили всего замка Мордред. Они были белого и красного, черного и сандалового дерева, обитые серебром, золотом всех видов, легендарными адамантитом и мифрилом. Крышки сверкали узорами такими искусными, что даже древние эльфийские руны не сравнились бы с ними изяществом. Казалось, живые птицы, бабочки, драконы, нимфы и наяды плетут свой гипнотизирующий, чарующий танец, словно ожившая сказка предстала перед глазами.

На грубых полках выстроились целые батальоны шкатулок, которые не только похвалялись тонкой работой, но еще и открывались каждая со своим секретом. Такие умели делать лишь гномы Драконьих островов, давно пропавшие легендарные мастера ювелирного дела.

Феликсу это так потрясло, что она не могла вымолвить ни слова. Она одновременно боялась и хотела увидеть то, что внутри сундуков. Судя по всему, кольцо Леди Свинки по сравнению с их содержимым можно назвать максимум "милым". Да и то с натяжкой.

Как только Феликса вспомнила про лорда и леди Хряк, она задалась уймой вопросов. Почему леди Пигвелл не носит все это великолепии? Почему доходы с несметных сокровищ не употребляются на улучшение состояния замка? Неужели лорд и леди настолько боятся раскрытия незаконности их деятельности? Но почему они тогда показывают свое состояние столь беззастенчиво?

Задуматься над всеми загадками ей, однако, не дали. Лорд Мордред подошел к одному из сундуков — наименее роскошному, по мнению Феликсы — и открыл его после недолгой возни со связкой маленьких золотистых ключиков. Внутри и правда находились предметы, превосходящие самые смелые ожидания и мечты.

— Ваше восхищенное молчание говорит больше, чем любые слова, не правда ли? — самодовольно проговорил Мордред. — Вижу, вам по душе мои безделушки. Вы провели восхитительное представление, миледи, — обратился он к Феликсе. — Другие маги не могли показать такого класса. Я предполагаю возможным оплатить ваши услуги одним из этих ожерелий, — с этими словами барон достал три прелестных кольца: белого золота с голубыми топазами, лимонного золота с рубинами и третье — заслуживающее отдельного внимания.

Это кольцо отлили из черного, как сердце пещеры, мифрила, который обычно не использовали на ювелирные украшения. Но крылья дракона тончайшей работы выглядели так, что отлить их из другого металла было бы кощунством. Дракон выдыхал темное пламя, и оно переливалось редкими черными алмазами, сапфирами, аметистами и хризобериллами изумительного оттенка. Глаза ящера тоже сверкали драгоценностями, но Феликса не могла понять, какими именно: таких камней она никогда не видела. По цвету они напоминали морские волны на небольшой глубине в ясный солнечный день или горное озеро, напоенное родником. Оттенки зеленого и голубого переливались в этих глазах, а зрачки были частями самих камней, будто в кошачьем глазе. Но ни один камень не имел черных прожилок.

— Ох... — только и выдохнула Феликса, глядя в глаза дракона.

“Где же ты мог такое достать, старый хряк? Гномью работу не в каждой сокровищнице встретишь”, — нахмурилась она про себя.

— Вижу, вижу, что вам по душе, — заулыбался лорд. — Это — наиболее ценное из трех. Если вы хотите именно его, вам нужно будет исполнить мою просьбу как можно тщательнее.

Плотоядная улыбка Мордеда окончательно привела Феликсу в чувство.

— Изложите вашу просьбу, милорд, и я сделаю, что в моих силах, — пообещала она слащавым голосом. Теперь, когда она увидела то, ради чего они все это затеяли, чародейка смогла наконец преодолеть отвращение и апатию и начать действовать.

— Ручаюсь, мое задание придется вам по душе, — кокетливо протараторил лорд, выдав еще одну похабную улыбку с претензией на сексуальность. — В моем саду вы найдете немало вещей, которые любой чародей сочтет интересными.

Мордред, при всей его глупости, не мог не заметить искру любопытства в глазах Феликсы. Он прекрасно понимал, что девушки приходят в восторг не от его прелестей, а потому всеми силами старался возбудить в них и вожделение, и жадность.

Хотя стоит заметить: барон был на самом деле не настолько отвратителен, как сперва показалось Феликсе. Довольно высокий, с широкими плечами, он производил приятное впечатление на дам, и даже лицо его не слишком портил слегка задранный вверх нос — внимание привлекали твердый подбородок с ямочкой и высокие гордые скулы. Лоб низковат, а брови почти сходились на переносице. Зато глаза необычного вишневого оттенка окружали длинные черные ресницы. Словом, прежние чародейки могли более снисходительно отнестись к лорду Пигсвеллу и даже счесть его привлекательным.

Феликса же всегда видела вокруг себя мужчин иного толка, которым не обязательно обещать золотые горы, чтобы завоевать женщину.

Все это пронеслось в голове чародейки сумбурным потоком, и в итоге она ответила:

— Я с удовольствием помогу вам.

Тем временем Мак и напудренная баронесса уединились где-то на террасе на одном из верхних этажей. В городе ходили слухи, что баронесса считает себя непревзойденной любовницей, а потому каждый раз громко и неправдоподобно стонет. Так что бард постарался уговорить ее уйти усладить слух музыкой в более уединенное место.

Феликса проследила за удаляющейся парой и взяла барона под руку.

— Ваша сокровищница способна затмить самые смелые фантазии, милорд, — прощепетала она, делая упор на слово "фантазии" и складывая выражение лица в "если-вы-понимаете-о-чем-я". Лорд слегка споткнулся о ковер и ответил ей взглядом "о-да-более-чем".

— И во сколько бы вы оценили мою коллекцию? — спросил он, продолжая играть в дурацкие гляделки.

"Сантиметра в четыре", — прыснула про себя Феликса.

— Не знаю. Это ведь не просто ресурсы, конечно, а произведения искусства.

— Да вы и сами практически алмаз, миледи.

Лорд и чародейка прошли через весь замок и наконец вышли к саду.

Сад был огромен и прекрасен. Не просто прекрасен — величественен. В углу, под монолитом каменной стены, увитой жизнерадостно-зеленым плющом, раскинулся полный колдовского очарования пруд. К его берегам доверчиво сползался барвинок и вереск, а над стеклянной темной гладью воды заботливо склонились ивы и ветлы. К береговым зарослям будто приросли полуостровки нежно-лиственной ряски, водорослей и кувшинок. Пруд предстал уголком чего-то искреннего и доброго в этом лживом затхлом месте.

Феликса вздохнула и посмотрела на остальной сад. В целом он почти не отличался от любого другого южного сада. Большую его часть занимали клумбы с цветами, персиковые деревья и яблони. Между ними проложили тропинки, посыпанные белым гравием. Вдоль

тропинок стояли резные каменные скамейки.

Напротив пруда высилась беседка белого мрамора с деревянным верхом. Между тонкими прямыми колоннами переливались цветные витражи, изображавшие религиозные сцены. Учитывая, что в Арделорее — да и во многих других странах — царил культ Трибогини, витражи с изображением мужчины с безумными глазами в агрессивной боевой стойке Феликсу не обрадовали.

Если сначала она верила, что справится с ограблением с помощью привычных магических приемов, то теперь Феликсе пришлось признать, что дело приняло удручающий оборот. Мощные гексы, блокирующие магию на территории замка и оповещающие об ее использовании, чародейке не по зубам. Оставались только крайние меры: за корсажем у нее прятался пузырек с особым зельем, рецепт которого она привезла из Арделореи. Чародеи на ее родине очень не любили этого варева — слишком много последствий от его использования. Зелье подчиняло разум того, кто его выпивал, без остатка. Оно практически объединяло разум мага и жертвы. Нужно обладать сильной волей и колоссально крепкими нервами, чтобы выдержать использование снадобья, не превратившись из наездника в лошадь.

Феликса почти не сомневалась, что совладеет с разумом лорда. Почти. Ей до смерти не хотелось лезть внутрь его бестолковой головы. Но выбора не было: в распоряжении осталось только одно средство, которое не оставляло магические следы. При приготовлении снадобья выделялась чудовищная магическая энергия, зато его использование абсолютно невозможно заметить. Если Пигсвелл не перехватит контроль, у Феликсы будет шанс проникнуть в сокровищницу.

С этой мыслью она позволила Мордреду проводить себя по гравийной дорожке к беседке. За украшенной витражом дверью обнаружился топчан, накрытый бархатным покрывалом, и низенький столик с кувшином вина и вазочкой сладостей на нем. "Старый наивный развратник", — вздохнула Феликса.

— Ох, нет, — притворно засокрушалась она. — Если я выпью еще хоть капельку, я совсем потеряю контроль над собой.

— Вы так зажаты, миледи, — лорд понизил голос на пару тонов, желая придать ему сексуальности. Вместо этого реплика прозвучала пошло и глупо. — Может, вам и не вредно было бы немного расслабиться.

Феликса присела на топчан и игриво хихикнула, изо всех сил стараясь не переигрывать. Мордред взял два хрустальных кубка и налил в них гранатово-красной жидкости из кувшина, после чего протянул один из кубков Феликсе. Она с притворным вздохом взяла кубок.

— Гост? — спросила чародейка, слегка наклоняя голову.

Барон медленно взмахнул своими угольными ресницами, проводя взглядом по ней вверх и вниз, задержав глаза на ее груди и — что удивительно — лице. Наверное, многие девушки смущались и краснели от этого взгляда. Феликсе тоже полагалось, но она решила слегка ускорить ход событий и взглянула в ответ из-под полуопущенных ресниц, слегка приоткрыв рот и проведя свободной рукой по обнаженной части шеи. Барон сглотнул и предложил:

— За прекраснейший цветок в этом саду.

Феликса внутренне поморщилась от банального комплимента, но призывно улынулась в ответ и подняла бокал. Они слегка стукнулись хрустальными стенками и выпили. Барон наконец заговорил о "деле".

— Как вы думаете, миледи, зачем я попросил именно девушку-чародейку приехать ко

мне?

— Не знаю, милорд. Я думала, вы мне скажете, — снова улыбнулась волшебница.

— Ха, ха-ха, моя милая, вы так очаровательны в своем неведении, — оскалился в очередной развратной улыбке Мордред. — Вы, чародейки, так тщательно следите за своей внешностью. Не стареете. Умеете пользоваться косметикой. От вас так приятно пахнет духами, от ваших волос... — С каждым словом голос Мордреда становился все ниже и тише, интимнее, а сам барон пододвигался все ближе, пока не стал почти выдыхать слова Феликсе в губы. Феликса вдруг поняла, почему девушки так липли к барону. Разумеется, без денег он бы такого внимания не завоевал, но совращал он эффективно, хоть и излишне прямолинейно.

— Я чувствую ваше желание, милорд, — прямо сказала Феликса, касаясь краешками губ его рта. Мужчина тяжело задышал и попытался прижать к себе Феликсу всю целиком. Чародейка вывернулась. — Но добыча приносит больше удовольствия, когда ей предшествует охота и бой.

— Что вы имеете в виду, моя сладкая лилия? — зашептал ей на ухо Мордред, касаясь губами мочки ее уха. "Это уже что-то пооригинальнее", — у Феликсы побежали мурашки.

— Принесите мне приманку, мой лорд, — сказала она, выгибаясь так, чтобы из выреза корсета показалось чуть больше груди, — и мы поиграем в робкую серну и дикого льва.

Мордред чуть не подскакивал от нетерпения.

— О какого рода... приманке вы говорите, миледи?

— Придумайте, вам ведь меня ловить, — засмеялась она.

— Ваше желание станет для меня на сегодня законом, — с поклоном сказал нетерпеливый барон и вышел из беседки. Феликса сквозь витраж видела, как он бежит по саду в поисках неведомой "приманки". "Кажется, и правда что-то придумал. Ну и ереси же я наплела".

Чародейка быстро вытащила из потайного кармана на корсете маленький узкий флакон и вылила содержимое себе в бокал. "Уж из одного бокала со мной ты выпить не откажешься", — подумала она.

Барон вернулся минут через пять, неся в руках горсть малины, которую он нашел в саду. Он сел на топчан рядом с Феликсой и протянул открытую ладонь с ягодами. Феликса старательно изобразила игривый взгляд и взяла малину с его ладони ртом. При этом ей пришлось наклониться, и в вырезе декольте стало видно очень много. У Мордреда Пигсвелла по виску медленно прокатилась капля пота. Он беспокойно ерзал на топчане, будто сидел голым на колючей шерстяной поверхности или что-то мешало ему.

— Кажется, вы почти поймали меня, милорд, — шепнула Феликса, готовясь нанести решающий удар. Она взяла бокал и сделала глоток, после чего протянула его барону. — Испейте и вы моего нектара.

Лорд послушно выпил остаток вина из бокала, не выказав и доли сомнения или подозрительности. Руки Мордреда потянулись к завязкам ее корсажа и уже почти начали расшнуровывать его, как вдруг хозяин замка непонимающе уставился на собственные колени.

— О, наш лев поймал добычу большую, чем он может проглотить, — не удержалась Феликса. Ей приходилось регулировать перед глазами две картинки: свою и барона. Оставалось только покопаться в его мозгах и выудить оттуда самое необходимое. Кто знает, может, не придется ждать глубокой ночи и тащить его самого к дверям сокровищницы.

Феликса напряглась, отделяя чужие мысли в своей голове. Мысли крутились прелюбопытнейшие: Мордред явно ожидал какого-то наказания от неведомого Ребеллиона, который наверняка должен то ли в порошок его стереть, то ли зажарить целиком. Феликса решила не абстрагироваться от мыслей лорда, а вслушаться внимательнее, по крупицам вычерпывая информацию. В сумбуре чужой головы разобраться непросто. Но даже то небольшое, что Феликса могла уловить, казалось невероятным.

Мордред действительно бежал от закона своей страны и неминуемо обеднел бы на новом месте, если бы не таинственный незнакомец, Ребеллион, который купил ему замок и велел сохранить пару "вещиц". Вещиц оказалось намного больше. Десятки сундуков прибывали и прибывали, но открывались единицы. "Вот почему Элизабет не трогает другие украшения, — поняла чародейка. — И вот почему в замке бардак. Не всякая магия по зубам местным волшебникам, а? Ничто не заменит хорошо заколдованный замок".

Феликса коснулась рукой ноздрей, проверяя, не потекла ли кровь носом. Такое часто случалось у магов, прикладываящих длительное ментальное усилие. Но рука осталась чистой, и чародейка с усилием влезла еще глубже в путаницу воспоминаний и мыслей.

...Самый ценный сундук — из плотного гладкого дерева. Феликса дала бы руку на отсечение, что это дуб с легендарного Острова Жизни. Даже в мыслях Мордреда он сиял от магии. Кроме того, в одном из воспоминаний барона Ребеллион говорил на арделорейском языке, а в ухе у него поблескивала императорская изумрудная серьга, древний символ власти. Наглец, кажется, совсем не скрывал, откуда он и что из себя представляет, скорее хотел произвести впечатление. Феликсе это непередаваемо не понравилось.

Чародейка встала и, покачнувшись, дала лорду мысленный приказ тоже подняться. С хладнокровием, удивившем ее саму, она велела ему положить руку ей на талию и приобнять. Слегка привалившись к Мордреду и притворившись, что шепчет ему что-то на ухо, изображая из себя подвыпившую потаскушку, чтобы не вызвать подозрения слуг, Феликса со своим ментальным рабом двинулась в ближайшую к сокровищнице комнату — малую гостиную. Из слуг ей попала только молоденькая испуганная горничная — та самая, что помогала ей. Она тут же куда-то шмыгнула, отведя полные слез глаза. "Точно влюблена в барона", — отстраненно отметила Феликса, забирая из комнаты дорожный костюм. Мимо нее еле слышно прошмыгнул кот — наверное, питомец служаночки.

Кастелян Джеффри, стоявший у дверей гостиной, тоже поспешно ретировался, не забыв при этом поклониться. Стражники же сделали вид, что никого не видят, а потом тихонько ушли. Вероятно, это не первый раз, когда Мордред уединялся с девушкой в одной из общих комнат.

Феликса заперла дверь в гостиную изнутри, погрузила лорда в легкую дрему и принялась ждать наступления полуночи. Ключи без хозяина ей ничем помочь не могли.

Через пару часов ее внимание привлекли тихие шаги и неуверенная ругань. Феликса все свое немногочисленное имущество поставила бы на то, что это Мак. Но это был не бард. За дверью стоял мальчишка-конюх с золотистыми глазами.

Конечно, Феликсу удивило его появление. Конюшонок с самого начала вызывал подозрения, но вот так запросто проследить за ней и войти сюда? Такого чародейка ожидать не могла.

— Что ты здесь делаешь?! Пшел вон! — прикрикнул лорд по ее приказу.

— Не ломай комедию, волшебница, — мягко ответил юноша. Он странно повел плечами и тут же начал меняться. Феликса видела, как под покрытой бледным золотистым

загаром кожей начали перекатываться бугры мышц и сухожилий. Послышался влажный треск, и мальчик стал увеличиваться в росте, раздаваться в плечах, менять некоторые черты лица.

— Перевертыш, значит, — процедила она. Про таких оборотней она только слышала, но никогда еще не видела вживую. Не просто так же он за ней проследил? — Да еще и полиморф... Я так понимаю, у тебя ко мне дело.

— И не только у меня.

— Ах, вот оно что. Фальшивый бард с тобой? Неплохо играет для обманщика. Насколько я понимаю, нас всех интересует сокровищница, — продолжила Феликса. — Но что-то мне подсказывает, что вы с ним здесь не ради пустой наживы.

Золотоглазый очень грустно улыбнулся.

— Нетрудно догадаться, верно?

— Очевидно, у вас нет продуманного плана. Воры, как правило, подготавливаются лучше, стараются свести риск к минимуму.

— Как ты.

— Да, как я. Прискорбно признавать себя воровкой, но у меня есть свои причины. А вот вы оба, похоже, совсем отчаялись, — Феликса вздохнула. Чародейке пришлось отправиться сюда в одиночку, и это было самое уязвимое место их с Фабио плана. Если будет погоня, лучше встречать ее втроем. — Помогу, чем смогу. При условии, что ты тоже мне поможешь. И расскажешь всю правду.

— Разумное условие, — вздохнул перевертыш, — тем более, что терять мне нечего, мы действительно в отчаянии, — он немного помялся, не зная, с чего начать. — Меня зовут Данатос. Я, как ты верно заметила, оборотень-полиморф, перевертыш. Я могу изменять свое телосложение и принимать около десятка родственных форм.

Феликса приподняла бровь.

— Ты не знаешь точное число? Разве так бывает?

— Со мной бывает и не такое, — улыбнулся он, на этот раз совсем не грустно. Ему с изяществом далась та улыбка, которую так отчаянно пытался изобразить несчастный лорд — красивая, легкая и обольстительная. Феликса замотала головой, пытаясь избавиться от наваждения. — Официально я вообще не существую. Похоже, я редкий зверь.

— Да уж, — волшебница улыбнулась в ответ. — Во всяком случае, магам славирской академии о таких как ты почти ничего не известно. Но я теперь по крайней мере знаю, что гексы не реагируют на смену облика перевертыша.

— А почему они не реагировали на твое выступление? — нахмурился оборотень.

— Хозяин замка наверняка как-то контролирует их. Чем-то вроде амулета или другого артефакта. Я подозреваю, что это брелок на связке ключей от сокровищницы, но у меня не получается найти этому подтверждение в его мозгах.

— Так ты мне веришь? — обрадовался Данатос.

— Верю. Не вижу смысла тебе попусту хвалиться. Так зачем ты влез сюда?

Данатос посмотрел на собеседницу взглядом утопающего, который никак не решится уцепиться за брошенную ему веревку. Он сел в кресло напротив нее и наконец проговорил:

— Моя сестра сильно больна. Я почти уверен, что ей осталось жить дня два-три, не больше. Устроился сюда конюхом сразу, как только узнал. Надеялся стащить что-нибудь, чтобы хватило на сильного жреца или мага. Моего жалования здесь хватило на консультацию у одного из лучших знахарей Бедерана, — Данатос долго молчал, собираясь

сказать что-то тяжелое и неприятное для него.

— Новости были хуже некуда, верно? — догадалась чародейка.

— Не знаю, кто мог ее так невзлюбить. Брисигида проклята, это даже не болезнь, это... — он запнулся, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

Феликса тоже едва не задохнулась, услышав имя — Брисигида. “Сколько мы не виделись, лет пять? Моя единственная подруга. Адептки в Академии меня не выносили, а у нее хватало на меня терпения. Родители. Наставница. Теперь и она?! — пронеслось в голове. — Триединая... за что? Так ты решила наказать меня за спесь?”

Их последнюю встречу чародейка до сих пор вспоминала со стыдом.

— Что стряслось? — хрипло выдавила она.

— У Брис кожа стала полупрозрачной и холодной, как лед. Все вены и артерии под ней видно лучше, чем на гравюре в учебнике по анатомии. Кровь потемнела до фиолетовой, глаза помутнели... Она так выглядела не сразу, но сейчас вид хуже трупa. Вчера я узнал, что здесь есть то, что может ее вылечить. Парень, который приехал с тобой, наш близкий друг. Бывший агент Тайной канцелярии, шпион. Он умен и ловок... Я надеялся, что он сможет украсть ключи от сокровищницы и вытащить оттуда все, что нужно.

“Надо же, еще один шпион канцелярии. Может, они с Фабио знакомы?”

— Не выйдет, — покачала головой Феликса. — Слишком умный замок. Он умеет распознавать хозяина. Даже его жена не откроет сокровищницу без ведома мужа.

— Зато ты явно нашла способ проникнуть туда. Помогите мне, — взмолился Данатос, — я сделаю для тебя что угодно, стану рабом на остаток жизни, только помогите спасти сестру!

— Не говори глупостей, я не собираюсь делать из тебя раба! — возмутилась чародейка. — Все, что мне нужно, это вывести свою лошадь отсюда, не поднимая шума. Если ты здесь давно, должен знать устройство замка, потайные выходы... — оборотень кивнул. — Дождемся твоего друга, и я скажу, что нам нужно делать.

Феликса вдруг вспомнила то, что вот уже которую неделю пыталась забыть. Симптомы, описанные оборотнем, были ей знакомы, родом из кошмара наяву, вынудившего ее бежать в чужую страну.

— Данатос, а не читала ли Брисигида какую-нибудь книгу перед тем, как слечь?

Оборотень впился пальцами в мягкие подлокотники кресла, переменившись в лице.

— Как ты узнала?

— Мы... мы знакомы. У нее есть давняя привычка, как у моего отца. Смачивать пальцы слюной перед тем, как перелистнуть страницу.

Данатос только ошарашенно кивнул.

— Возможно, мне надо будет взглянуть на эту книгу, как только выберемся отсюда.

— Ты объяснишь наконец, в чем дело?!

— Сразу, как только противоядие будет у нас в руках.

— Но...

— Дождемся чертова барда — скажу ровно столько, сколько нужно для дела! — отрезала Феликса. — Не думаю, что нам придется ждать слишком долго. Вряд ли он на самом деле станет ублажать эту кошелку, — уже мягче добавила она. — Я правда хочу помочь, но не собираюсь пугать тебя раньше времени.

— Сестра ведь не умрет до моего возвращения, правда?

— Надеюсь, — вздохнула девушка.

“Что бы между нами не произошло, Брис по-прежнему мне дорога. Встретить ее здесь

— большая удача... хотя и неудивительно. За время, пока я жила у Фабио, в Бедеране появилось немало беженцев из Арделореи. Кто-то прячется лучше, кто-то хуже, но Фабио знает всё и обо всех. Кроме Брис и Данатоса... Да, не хотелось бы мне видеть скорбь на этой кошачьей морде", — подумала она про себя — и удивилась собственным мыслям. Она еще не привыкла к тому, что большую часть своих чувств и эмоций приходится прятать, чтобы никто не мог ими воспользоваться. Не привыкла к постоянному недоверию, лжи, корысти. Но Феликса на собственном опыте уяснила, что жить по старым правилам и привычкам в Бедеране небезопасно.

Феликса заметила, что перевертыш уже несколько минут пристально разглядывает ее. По его золотым глазам сложно было что-то понять, но ей почему-то нравилось чувствовать на себе его взгляд.

— Я до сих пор не знаю, как тебя на самом деле зовут, — заметил Данатос.

Феликса молчала, видимо, дольше положенного.

— Ты мне не доверяешь, — хмыкнул Данатос, — но при этом сразу же согласилась помочь. Ладно, не хочешь — не надо, буду звать тебя Мартой. Хотя я всему этому вижу только одну причину. У кого ты видела подобные симптомы?

Чародейка опустила глаза. Когда она вспоминала, как ее отец, сильный и выносливый, как медведь, угасал буквально на глазах, внутри разрастался айсберг.

— Отец. Он умирал гораздо быстрее твоей сестры. Он слишком поздно понял, что яд на страницах, а почувствовать его не мог. У него не было ни малейших магических способностей для этого, — Феликса выдохнула и продолжила. — Это случилось во время мятежа.

— Судя по твоим манерам и лошади, ты владела немалым титулом в прежней Арделорее, — осторожно предположил оборотень.

— Герцогиня.

— Да уж, — крикнул кот, — в твоём случае это все равно что имя назвать. Феликса Ферран, так?

— Не думала, что арделорейская аристократия так знаменита, — хмыкнула девушка, — но ведь вы с Брис и сами из наших краев, не так ли?

Жрицы не слишком жаловали чародеек, но и враждебности не испытывали. Брисигида всегда казалась Феликсе самой мягкой и понимающей из всех жриц, что она видела. Может, именно поэтому она так резко оттолкнула подругу, когда та не согласилась с ее амбициозными планами отыскать Остров Жизни?

— Брисигида. Третья ученица Нокт, Верховной Жрицы Триединой, верно? И заняла бы ее место, если бы не... Мы ничего не знали о семьях жриц, — Феликса нахмурила лоб. Они столько времени проводили вместе, а она даже не подумала об этом спросить. — Но это даже к лучшему.

— Это еще почему?

— Лучше для твоей и ее безопасности, — пояснила Феликса. — Если бы кто-то узнал о твоих способностях, ты стал бы одной из первых жертв атаки, как моя семья.

— Большинству аристократов досталось, — понимающе кивнул оборотень.

— Им плевать на наш титул, повстанцам была нужна я, — покачала головой Феликса. — Они устранили отца, потому что не знали наверняка, от кого мне передались магические способности. Мама тоже не владела магией в привычном понимании этого слова, но сути это не меняет.

Чародейка умолкла. Удерживать сознание лорда снова стало тяжело: ему снился кошмар. Пришлось закрыть глаза и внушить барону более спокойное сновидение.

— Когда мы поняли, откуда яд, когда осознали, что ничего не можем сделать... Мы оцепенели, не знали, чем помочь. Но отец быстро сообразил, что происходит, и велел нам бежать. Я замаскировала его иллюзией, чтобы те, кто собирался прийти за нами, подумали, что яд не подействовал. Когда они ворвались, то увидели вполне здорового человека с книгой в руках. Ублюдки так удивились, что сперва отступили и почти полчаса выпытывали, где я и мать. Когда он им в очередной раз стал рассказывать про особенности рыбалки на южном берегу озера Каракач, — Феликса криво усмехнулась, — один из этой банды сукиных детей ударил его копьем. Но оно пронзило только труп отца. По его же просьбе я пропитала его тело самой взрывоопасной алхимической пастой, какую смогла сделать. От нападавших остался только мелкий кровавый туман. Правда, наш замок тоже сильно пострадал... Если бы они знали о тебе, с тобой бы случилось нечто подобное. Неудивительно, что Брисигиду пытались убить — она очень сильна, и, видимо, только поэтому до сих пор жива.

Оборотень долго смотрел на нее, прежде чем снова заговорить.

— Но на этом кошмар не закончится, да? — Феликса кивнула. — Эти люди не успокоятся, пока не выследят всех, кто представлял для них опасность, пока не убьют нас всех, — он досадливо вздохнул и почесал за ухом, но потом вдруг окинул ее пронзительным взглядом и буквально атаковал вопросами: — Где ты собираешься скрываться? Здесь, в Бедеране? Мы ведь не можем сидеть, как мыши под метлой, не можем постоянно скрываться в подполье! Скольких еще близких ты похоронишь или уже похоронила?

"Удивительное дело, как запросто он стал мне доверять. Мне-то больше нечего терять, но каково ему просить помощи и сочувствовать незнакомке? Похоже, у оборотней какое-то чутье на людей. Никогда не слышала, чтобы кто-то предал полиморфа", — задумалась чародейка.

— Ни одного, — ответила Феликса, закусив губу. — Никого из тех, кто тогда погиб, я не смогла похоронить. У меня больше нет близких. Никто больше не пострадает из-за того, что кто-то считает меня опасной.

Данатос хотел что-то возразить, но в этот момент послышался мягкий поворот щеколды, дверь тихо открылась, и показался Мак. Он быстро проскользнул в дверь и начал тараторить, стоя к ним спиной и пытаясь закрыть дверь как можно тише.

— Дани, плохие новости! — выпалил бард. — Эта карга упилаась до поросычьего визга, но все напрасно! Она не может открыть чертову дверь — ключ у жирного ублюдка, и просто так спереть его не получится. Боюсь, нам придется вытащить их вместе с той сладенькой магичкой и тащить силой к сокровищнице, так что превращай свою кошачью задницу во что-нибудь огромное и страшное и...

— В этом нет абсолютно никакой надобности, дорогуша, — промурлыкала Феликса. — Все в сборе, пора на дело.

По лицу лже-барда тут же пробежала буря эмоций: удивление, страх, злость, недоверие и, наконец, смущение — Мак понял, что ляпнул лишнего.

— Сладенькая магичка? — хмыкнул Данатос. — Я бы на ее месте тебе это припомнил, — оборотень повернулся обратно к Феликсе. — Ты обещала объяснить, как действует яд.

Богатая мимика Мака снова продемонстрировала многочисленные переживания. Он

вытаращил глаза и зашипел не хуже змеи:

— Ты что, все ей рассказал?! Ты в своем уме? Чем она, по-твоему, может нам помочь, иллюзиями в блестках? Или превратит ту дверь в коромысло? Или повиляет бедрами?! — взорвался он. Феликсе даже показалось, что из его задницы тянется дымок.

Данатос вдруг тоже разозлился и даже повысил голос:

— Будто ты собирался решить проблему другим образом!

Мак сделался красным под стать псевдониму и разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Феликса только прыснула.

— Кажется, ты попал другу по больному месту! Мы всю дорогу спорили, кому первому придется подставлять задницу. Ну, и до какой степени эта милая старушка успела тебя раздеть? Судя по торчащей рубашке и отсутствию ремня, до дела самую чуточку не дошло! — Феликса ехидно расхохоталась. Музыкант окончательно побагровел и стал смешно сопеть.

— Ну-ну, а тебя, значит, хряк и пальцем не тронул... — проворчал он. — Интересно только, каким образом он оказался здесь и почему так мирно спит.

— О, это все презренная магия. Не иллюзии в блестках, конечно, но тоже сойдет. Неплохая идея насчет коромысла, кстати. Правда, есть одна проблемка. Маленькая такая проблемка в виде чертовой кучи гексов по всему замку! — вспыхнула чародейка. — Видишь ли, зелье для подчинения разума, которое они не могут засечь, у меня с собой было. А вот зелья для хитроумных замков я готовить не умею, какая жалость! Типичная ни на что не годная "сладенькая магичка"!

Данатос расслабился и звонко хохотнул:

— О да! Один-ноль в пользу герцогини Ферран, Лаэрт!

Лицо барда — то есть шпиона — вытянулось, брови поползли вверх.

— Ну, дела! — присвистнул он. — Местная аристократия должна бы тебе в ножки кланяться. Даже если половина портовых слухов о тебе — брехня.

— Ну что ты. Брехня — только четверть. Остальное — обычные сказки.

Данатос хмыкнул и поднял руки в примиряющем жесте.

— У нас нет времени на обмен подначками. Объясни уже, наконец, что за яд убивает сестру и что за лекарство нам искать в сокровищнице?

Феликса не могла не заметить, что Данатос назвал друга не тем именем, которым он представился хозяевам замка. “Впрочем, нечему удивляться, — рассудила она. — Догадывалась ведь, что врет. Да и кто когда видел, чтобы шпион сходу сказал о себе правду?”

Лаэрт, кажется, и правда начал успокаиваться. С его лица исчезло возмущенное выражение, он сделал пару шагов и устало плюхнулся в ближайшее кресло. Феликса глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

— Это яд цветов Черного Пламени. Моя наставница моментально распознала характерные симптомы, когда я рассказала ей о том, что случилось с отцом, — пояснила она. Разум лорда на какое-то время перестал брыкаться, но у самой Феликсы за лобной костью начинала скапливаться пульсирующая, мучительная боль. — Черное Пламя — это название дерева, которое растет у подножий вулканов. Когда начинается извержение, эти деревья не умирают, а загораются огнем черного цвета. После этого на них распускаются ядовитые цветки, два-три на все дерево. Они цветут, пока не застынет лава у корней, потом очень быстро сворачиваются и засыхают. Эти цветы питаются жаром, простого тепла им

недостаточно. Если сделать из них вытяжку и смешать с вулканическим пеплом, то при взаимодействии с водой — или слюной в случае Брис — она начинает тянуть тепло из всего, чего коснется, — Лаэрт в кресле нахмурился и замер, будто перестал дышать. — Вода смешивается с пеплом, отделяя его от вытяжки, и яд распространяется по всей доступной области, например, по человеческому телу. Вскоре температура падает до нуля, а вся жидкость испаряется от магического жара. Яд вытягивает из тела тепло и нагревается... пока не закипит и не выпарит всю кровь, лимфу, не иссушит слизистые. Если мы не поторопимся, от твоей сестры останется только прозрачная мумия.

Лаэрт застыл в своем кресле, выпучив глаза от ее рассказа и нервно сглатывая каждые несколько секунд. Данатос только кивнул, будто и не надеялся на хоть сколько-нибудь благополучный исход.

— Так. Это худшее, о чем я когда-либо слышал. Я подозревал, что Брис может умереть, но надеялся, что яд не такой мощный. В крайнем случае, я бы попробовал нанять мага, чтобы он помог вытянуть часть яда в мое тело. У меня очень быстрая регенерация, — признался Данатос. — Но из твоих слов явно следует, что это только погубит еще и меня, невзирая на все мои силы.

— Ты сказала, если не поторопимся, — Лаэрт виновато посмотрел на нее, будто боялся, что она передумает им помогать из-за его поведения. — Значит, лекарство есть? Ее можно спасти, так?

Феликса бросила презрительный взгляд в сторону Мордредра. Если бы все было так просто...

— Все так. Я бы не сказала, что это лекарство, но помочь ей можно.

Данатос и Лаэрт обеспокоенно переглянулись.

— Есть какое-то “но”?

Феликса кивнула.

— Ты нам не скажешь, — покачал головой Данатос.

“В этом нет необходимости, — погрустнела Феликса. — Все и так будет предельно ясно”.

— Это касается только меня. Речь идет об одном артефакте с Острова Жизни. Сомневаюсь, что кому-то еще в Бедеране под силу им воспользоваться. О нем и знают-то не все. А из тех, кто знает, половина не верят.

“И еще одна мелочь. Та самая, из-за которой мы поссорились. Как там?.. До конца эпохи, пока Тьма не сойдется со Светом под началом Странницы, пришедшей из мира без сердца, — вспомнила Феликса. — Все так надеялись, что я здесь ни при чем. Что пафосное звание Дочери Меча и Магии не имеет ко мне отношения. А теперь мне достанется то, к чему наверняка очень рвался этот Ребеллион, властитель дум старого хрыча Мордредра. Потому что я не хочу, чтобы погибла лучшая жрица Триединой... И чтобы этот золотой кот ее оплакивал. А, пророчество — не пророчество, старуха Маронда права: есть судьбы, которые мы не в силах перековать. Глупо было спорить с наставницей”.

— Тебе придется нанести себе вред? — сделал догадку Лаэрт.

Чародейка улыбнулась уголком рта.

— Можно и так сказать. Хотя я буду не единственной, кто пострадает! — Оборотень и шпион вопросительно посмотрели на нее. — Брисигида здорово накустыляет нам, когда узнает, что ее спасло.

Коридор был освещен очень тускло. Факелы сильно чадили — качество масла оставляло желать лучшего.

— Бедеран изготавливает лучшее масло на материке, — покачал головой Лаэрт, — а старый хряк скупится на нормальный факел.

— А в Арделорее вообще давно перестали пользоваться маслом и смолой, — заметил Данатос. — Алхимики вывели состав, который горит почти без дыма, и пропитку для фитиля, чтобы дольше горел. Во всех храмах держали такие светильники вместо факелов. Чародейки по праздникам зажигали магические огни в бедных кварталах — и они светили по несколько дней...

— Тише вы, — шикнула Феликса. — Не хватало только слуг раньше времени переполошить!

Оборотень тут же умолк и виновато оглянулся на нее. Лорд Мордред под управлением разума Феликсы безучастно крался впереди Данатоса, тихо, как никогда в жизни.

— Так с нами же хозяин замка, — Лаэрт пожал плечами. — Чего им полошиться?

— То есть ты считаешь, что им покажется совершенно нормальным, что лорд Пигсвелл среди ночи решил прокрасться в свою сокровищницу, прихватив не только магичку-любовницу и горе-музыканта, но и внезапно повзрослевшего конюха?! — подняла брови Феликса.

Лаэрт закатил глаза и поджал губы, но послушно замолчал.

Вскоре они добрались до белой с серебром двери. Феликсе было непросто заставить хозяина замка открыть ее — ему застилал разум страх перед своим покровителем. Наконец створки мягко повернулись на петлях, и чародейка снова увидела полки с дивными шкатулками и баснословные сундуки. Но в этот раз она обратила внимание на то, что выловила в мыслях барона: маленький столик в самом дальнем углу, и на нем — простой деревянный сундучок, грубо вытесанный из дуба с Острова Жизни. “Есть только одно место, где он мог все это взять, — сообразила чародейка. — Волшебный народ не делал такие подарки кому попало. Гномье ожерелье, этот сундук. Серьга в ухе Ребеллиона. И вот я своими глазами смотрю на императорскую сокровищницу. Чтоб меня черти взяли!”

— Данатос, — тихо позвала она, — вон тот сундук.

Оборотень кивнул. Лаэрт повернулся к ней:

— Это спасет Брис? Ты сможешь его открыть? — с тревогой спросил он. Феликса вдруг подумала, что это, должно быть, и есть настоящий Лаэрт. Не зазнавшийся музыкант, не ехидный шпион, не лже-любовник — но человек, который дорожит чужой жизнью куда больше собственной.

Феликса неуверенно кивнула:

— Я попытаюсь, но, в любом случае, не здесь. Остальное я возьму сама.

Лаэрт с сомнением оглядел ее.

— Интересно, как? Ты же не можешь применять “презренную магию” при гексах, а на своем горбу никто столько не утащит.

— Я хорошо подготовилась, — чародейка широко улыбнулась. — Под моей чудесной нижней юбкой можно пронести годовой запас провизии для королевских гвардейцев.

— Я бы после такого эту провизию есть не стал, — кисло отозвался шпион.

— Тебе никто и не предлагал, — парировала Феликса, накрывая подолом один сундук за другим. Все они оказывались в ее хранилище на астральном плане, откуда их нужно извлечь не позже, чем на седьмой восход солнца. Чародейка порадовалась, что заколдовала

юбку, а не широкие рукава на другом платье, как хотела сначала. Подолом она справлялась намного быстрее и могла накрыть сундук любого размера. Когда-то она училась прятать в рукава всякие мелочи — яблоки, гребень, зеркальце. Теперь это умение все чаще пригождалось ей, особенно на темных портовых улочках, где небезопасно открыто носить кошелек.

Когда все сундуки оказались под ее юбкой, Феликса попросила своих союзников выйти, чтобы она могла переодеться в дорожный костюм. Потом вышла сама и приказала лорду покинуть сокровищницу и закрыть дверь. Головная боль нарастала. Ей едва удавалось бороться с его страхом.

— Данатос, — снова позвала она, чувствуя, как лоб покрывается испариной от ментального усилия, — ты сможешь вывести нас за стены замка тайком вместе с лошадьми?

Оборотень с беспокойством посмотрел на нее.

— С тобой все в порядке?

— Сможешь или нет? — настаивала Феликса.

Данатос достал из кармана маленькую чистую тряпочку и прижал ее ко лбу чародейки. Прикосновение теплой ладони сквозь тонкую ткань успокоило ее, и она благодарно кивнула.

— В дальней стене сада есть калитка для слуг, лошади туда пройдут, — объяснил он, внимательно глядя ей в глаза. — Ты теряешь контроль над ним?

Феликса помотала головой.

— Не совсем так. У Мордредра нет воли сопротивляться, но он в панике. Его страх действует на меня, как удавка. Такую сильную эмоцию тяжело не допускать в свой разум, тем более что у меня тоже есть причины бояться. Но я справлюсь.

“Должна справиться”, — поправила она себя.

— Возьми ее за руку, — посоветовал Лаэрт.

Феликса хотела возмутиться, что ее не нужно вести за руку, как маленькую, но Данатос легко прикоснулся к ее ладони, и от его звериной энергии ей стало спокойнее. Как в теплом безопасном месте с мурчащим котом на коленях.

— Всем становится спокойнее от котов, — пояснил Лаэрт. — Особенно от оборотней. И больше всего — от Дани, — он грустно улыбнулся. — Брисигида запрещает ему прикасаться к себе, когда злится на кого-то из нас. Слишком быстро успокаивается, — глаза юноши заблестели при упоминании жрицы.

“Мне бы было начхать, — подумала Феликса. — Существо, способное так легко меня успокоить, не заслуживает, чтобы я на него злилась”. Несмотря на спокойствие, разлившееся от прикосновения оборотня, она чувствовала, что ментальный “поводок” натянут и напряжен. Волшебница ощутила влагу над верхней губой: кровь пошла носом. Плохой знак. Она слишком долго держала напуганного аристократа под контролем.

— Мне придется усыпить его и отпустить, — тихо сказала Феликса, утирая кровь. — Мы можем оставить его на топчане в беседке. У меня нет ни малейшего желания искать его спальню... Слуги все равно не поднимут шума, не решатся... будить господина, — с каждым словом ее голос становился все тише и тише.

— Я надеялся, что он останется у тебя в заложниках, — протянул Лаэрт. Данатос покрутил пальцем у виска и ожег его взглядом. Он явно лучше понимал, что игры с чужим разумом никогда ни для кого не проходят даром; и хотя Феликсе хватило сил, это не могло продолжаться слишком долго.

Она не стала объяснять все это Лаэрту: тот и без того смутился от укоризненного

взгляда оборотня.

— Вы двое — готовьте наших лошадей, — Феликса старалась говорить простыми короткими фразами, сосредоточившись на том, чтобы подавить страх Мордредра. — Встретимся в саду, я буду ждать у беседки.

Лаэрт раскрыл было рот, чтобы возразить, но Феликса уже направилась по коридору к выходу в сад, а Данатос тянул его за руку совсем в другую сторону. До Феликсы донеслись тихие слова оборотня: "У нас нет времени на глупые препирания..."

Чародейка не сомневалась, что оборотень справится с норовом ее коня. Конь был и правда особенный, и Данатос заметил это, отводя его в конюшню. Когда Феликса увидела этого коня на большом базаре в порту, это практически вернуло ее к жизни. Прошли всего сутки с небольшим с того момента, как она вынырнула из неудачного телепорта в толще морской воды. Феликса была подавлена, но вдруг увидела лошадь редкой породы, той же, что и ее прежняя кобылица, даже такой же масти: серый в яблоках. Она не знала, что случилось с ее Тьяррой; вероятнее всего, кобылу убили, когда она не далась в руки чужакам.

Похожего на нее коня она не могла купить за ту цену, которую заломил торговец, но и пройти мимо оказалось выше ее сил. Феликса заклятием распугала всех его лошадей, и коневод решил, что серый в яблоках — смутьян с диким норовом, и именно он взбесил остальных коней. Так что он снизил цену на него, и чародейка выменяла коня за одну из своих драгоценностей. Все остальные побрякушки она продала, чтобы купить ингредиенты для зелья и платье для поездки в замок.

Серый Тьярр оказался капризным и вредным жеребцом, но Феликса всегда выбирала себе таких коней и знала, как с ними обращаться. Она никогда не "обламывала" норов лошадям — старалась вызвать у своих питомцев чувство привязанности.

В Арделорее говорили: сломанный норов аукается предательством, но подружись с конем — и он будет верным, как пес. Если Данатос и правда брат Брисигиды и провел жизнь в Арделорее, он это знает.

Когда Феликса вышла в сад, кровь уже непрерывно текла у нее из носа. Она знала, что страх помешает лорду Мордреду уснуть, и подавляла его, как могла. Однако она надеялась найти в саду хоть какую-нибудь успокаивающую траву. Чародейка сомневалась, что здесь растет валериана или пустырник, но хотя бы ромашки должны быть где-то на клумбах.

Удача ей улыбнулась: под раскидистой магнолией, совсем рядом с беседкой, цвела маленькая клумба. Часть ее засадили розмарином, мятой и шалфеем, и, похоже, эти травы часто попадали на кухню — часть стеблей оборваны совсем недавно, другие растения украшены свежими побегами. На краешке клумбы нашлась и мелкая аптечная ромашка.

Феликса быстро сорвала несколько цветков ромашки и по веточке мяты, шалфея и розмарина, потом выплеснула из хрустального кубка остатки вина и положила все туда. Один лист шалфея она подержала над свечой, все еще горевшей на столе в беседке; травы в кубке она аккуратно растерла пробкой от флакона с зельем и залила водой из графина. Она заставила лорда выпить воду с соком трав из кубка до конца и закусить мокрыми листочками оттуда же. "Жуй, старый козел, еще и здоровее будешь, — зло думала она, досадуя, что из-за его трусости нос закровоточил. — И вонять изо рта будет меньше. Надо бы шархнуть тебя каким-нибудь подсвечником, да боюсь поранить. Если слуги заметят кровь на лорде, шум поднимут раньше. А так и он, и его стервозная карга проспят до полудня, и у нас будет достаточно времени, чтобы вернуться в Бедеран и затаиться".

Феликсе пришлось провести перед глазами Мордред Пигсвелла немало успокаивающих видений, прежде чем он поддался ее приказу и уснул. Благодаря выпитому накануне вину, травмам и пережитому волнению лорд должен был заснуть надолго.

Оставалось надеяться, что Данатос и Лаэрт не попадут в передрагу.

— Тебе не кажется подозрительным, что за нами все еще нет погони? — спросил шпион у Данатоса.

Оборотень нервно пожал плечами и неохотно ответил:

— Кажется. Несмотря на то, что хозяева замка спят, никто в конюшне нас не видел, ни один охранный гекс не сработал... Меня все равно что-то смущает. Как будто все прошло слишком гладко, не считая состояния Феликсы.

Феликса не отреагировала на упоминание своего имени. У нее все еще кружилась голова и шла кровь из носа. В висках ломило и шумело. Она едва различала, о чем говорят ее спутники. Тьярр будто чувствовал ее недомогание и шел спокойнее и ровнее, без своего обычного фыркания и порывов пуститься галопом.

Верхом ехали только Феликса и Лаэрт. Первое время лже-бард ехал на своем коне вместе с оборотнем, но как только они оказались за пределами действия магической сигнализации, Данатос спешился и принял одну из своих впечатляющих форм. Наполовину он остался человеком, но весь покрылся шерстью; строение костей частично обратилось в кошачье — ноги стали как кошачьи задние лапы, ступни сузились и вытянулись, а пальцы ног укоротились, дополнившись длинными, крепкими и острыми когтями. В таком виде оборотень мог бежать наравне с лошадьми, даже если бы они шли галопом. Но они не торопились.

Феликса не выдержала бы галопа. Мелкая рысь, которой они сейчас двигались, и то доставляла неудобства. При каждом движении лошади пульсация крови в висках отдавалась барабанным гулом во всем теле. Волшебница даже не могла применить магию, пока зелье полностью не выведется из ее организма — последствия заклинаний, примененных к любому из объектов ментальной связи, могли быть непредсказуемыми.

Через некоторое время Феликсе пришлось остановить коня. Она неловко сползла с него и направилась к редким зарослям колючих кустов, растущих вперемешку с дикими кипарисами. Она не хотела, чтобы Данатос и Лаэрт видели, как ее тошнит.

Чародейка убеждала себя, что это нормальная реакция организма на магическое усилие и эмоциональное напряжение, но правда была в том, что никогда раньше она не испытывала подобных последствий этого зелья. Часто у нее ускорялось сердцебиение, сбивалось дыхание, она покрывалась потом, один раз у нее шла кровь, так же, как и сегодня. Но такой слабости Феликса еще никогда не испытывала. Чародейка начала подозревать, что, сама того не ведая, взломала сильную ментальную защиту, которую неведомый Ребеллион мог наложить на разум Мордред. Она знала, что далеко на востоке Арделореи, ее родины, в особой школе обучали антимагов — ассасинов, противников волшебства. Их учили сложным техникам, позволяющим выйти из-под любого магического контроля, ментального или физического, вроде оглушения чарами. Эффект, который она на себе испытывала, мог быть результатом преодоления одной из таких техник.

Когда она вернулась, посеревшая, как известно, Данатос ничего не сказал, но смотрел на нее с откровенным беспокойством. Лаэрт предложил ей сесть на одну лошадь с ним. Феликса отказалась.

Они ехали между затопленными ночными полями, залитыми слабым светом убывающей луны. Рисовые топи перламутрово поблескивали, едва покрытые рябью от слабого ветерка, но Феликса не чувствовала ни малейшего дуновения. Ей казалось, что вокруг ужасно душно. Она знала, что это не так.

Чародейка рискнула положить себе под язык безоар, чтобы вытянуть возможный яд или токсины, в которые могло обратиться зелье. Спустя мгновение она перестала что-либо видеть и потеряла сознание.

Мордред очнулся в беседке в саду, весь мокрый. Ему снился кошмар...

“Лорд Пигсвелл, — раздалось у него в голове. Мордред застонал. Это был не сон. — Вы послушали меня. Было непросто связаться с вами”.

Барон ненавидел этот голос. И зеркала. Рядом с любой зеркальной поверхностью с ним мог связаться Ребеллион. В беседке бликовали несколько зеркальных вставок над витражами. Как же Мордред теперь жалел о том, что позволил Элизабет их поставить!

“Вы ходили в сокровищницу, — продолжил голос. — Но без леди Пигсвелл. Кажется, вас уведомили об условиях...”

Ребеллиону не казалось. Разумеется, Мордред помнил инструкции. Но проклятая ведьма вскрыла его, как фельдшер — свежий труп. Его до сих пор трясло. От мысли, что придется сообщить Ребеллиону об ограблении, отнимался язык.

— Ведьма, — выдавил он, косясь на зеркальный уголок наверху. — Я н-не виноват...

“Разумеется, не виноваты, — терпеливо согласился голос. — Откуда вы могли знать? У вас недостаточно опыта...”

Мордред прошибло жаром, холодом и снова жаром. Он уже слышал эту интонацию однажды. Тогда ему пришлось сменить начальника стражи.

“Расскажите мне, что случилось, лорд Пигсвелл. И не вздумайте лгать”. Мордред рассказал все. Он описал девушку, действие зелья, ощущение паники. Челюсть прыгала так, что он едва мог выговаривать слова.

“Любопытно, лорд Пигсвелл. Что ж, это даже я едва ли мог предусмотреть. У меня больше нет необходимости в вашей помощи. Прощайте”. Мордред упал на колени:

— Прошу вас, Владыка! Я еще могу быть полезен! Я не...

Дыхание перехватило. Зеркало мутно мерцало над головой барона. С каждой расплывчатой вспышкой ледяная лапа сжимала сердце все сильнее. Он никак не мог протолкнуть воздух в легкие.

В окне замка на втором этаже мелькнул свет. Леди Пигсвелл подскочила на кровати и повернулась к зеркалу.

“Не подведи меня, Элизабет”, — услышала она высокий холодный голос.

Феликса очнулась от слабых покачиваний и запаха мокрой шерсти. Когда они ехали, она не видела туч, только легкие облака, но было очевидно, что недавно прошел дождь. Ее волосы намокли, а платье заметно потяжелело. Голова все еще кружилась. Феликса с трудом вспоминала то, что происходило накануне. Она слышала голоса и даже различала слова, но не могла сосредоточиться на смысле.

— Сомневаюсь, что в таком состоянии она сможет хоть чем-то помочь Брисигиде, — ворчал первый голос.

— Напрасно, — отрезал второй.

— Ты сможешь оторваться от погони с ней на плече? — продолжал занудствовать первый голос.

— На что ты намекаешь, дружище? — мягко ответил второй. — Предлагаешь бросить волшебницу прямо здесь? Положить под кустом и поехать дальше? Может, еще коня украсть? — в ответ на последнее предложение жеребец Феликса возмущенно фыркнул.

Первый голос молчал. Феликса уже проваливалась в небытие, когда он все-таки ответил:

— Разумеется, ты прав, мы не можем ее оставить. Но и она права, Брисигида нас живьем сожрет, если узнает о воровстве. О, Триединая, подумать страшно: она сейчас совсем одна, умирает, а я беспокоюсь о том, что она скажет...

— О чем ты? — хмуро спросил оборотень.

Ответа Феликса не услышала. Она провалилась в глубокий, вызванный изнеможением сон.

Глава 2. Правитель

Когда волшебница проснулась, было раннее утро. Неподалеку слышались крики чаек и многочисленные людские голоса. Даже не открывая глаз, можно узнать окраину рыбного рынка в порту Бедерана. Феликса лежала на циновке под хлипким навесом. Воняло селедкой и копченым угрем, и она почувствовала тошноту, но уже не такую, как накануне ночью от слабости и выпитого зелья. С учетом головокружения и прилипшего к позвоночнику желудка чародейка поставила себе самый банальный диагноз: голод.

Она огляделась, но не увидела ни хозяина рыбной лавки, ни своих вчерашних спутников. Феликса с трудом села, прислонилась к бревенчатой стене и стала подумывать, не стащить ли кусок угря из источающего сомнительные ароматы открытого ящика. Однако приглядевшись к полкам под прилавком, поняла, что нет необходимости продолжать мучить организм: на небольшом деревянном подносе лежали пара кусков ржаного хлеба — потрясающая редкость для Кузура — и нарезанные тонкими ломтиками солонина и козий сыр. Рядом стояла кружка, от которой шел ароматный пар.

Феликса не задумываясь съела все. Если это обед торговца, ей не составит труда его компенсировать. Но что-то ей подсказывало — еда оставлена для нее. Не стал бы бедеранский торговец брать себе на обед черный хлеб с сыром и запивать его горячим травяным чаем.

Под подносом девушка увидела край тонкого листа для упаковки рыбы и удивилась, как она не заметила его раньше. На нем кто-то угольком нацарапал короткое послание: "Погоня началась под утро. Ты спала, и я тебя спрятал. Хозяин лавки — один из наших немногих друзей. Жду тебя в доках возле самой убогой лодки на свете". Вместо подписи Феликса увидела отпечаток кошачьей лапы. Отпечаток был раза в четыре больше ее ладони.

"Мне бы сейчас еще зеркало, кусок мыла и воды, — подумала она, — и можно считать, что мероприятие окончилось успехом".

Разумеется, никакого мыла и зеркала здесь не нашлось. Посидев еще пару минут с кружкой в руках, Феликса стала внимательно осматривать себя. Одежда, намокшая ночью по ее смутным воспоминаниям, уже высохла. Туфли на ногах отсутствовали, вероятно, слетели, пока Данатос убежал с ней на плече. Волосы почти высохли, но страшно спутались. Феликса принялась разбирать пряди пальцами, но вскоре поняла, что без зачарованного гребня только проредит себе шевелюру. Маленький поясной кошелек обнаружился на месте. Там лежал обычный гребешок, которым Феликса сейчас не рискнула бы воспользоваться, мазь от ушибов и мелких порезов, несколько монет, зачарованное на невидимость кольцо — заряда оставалось секунд на десять, не больше, — и хлопковый платочек, не слишком изящный, но мягкий и практичный.

В углу под дальней частью прилавка чародейка нашла небольшую миску с очень холодной водой — очевидно, в ней вчера торговец держал лед для рыбного прилавка. Феликса поморщившись обмакнула в нее платок и стала осторожно протирать себе шею и лицо. Это немного взбодрило ее, и она наконец нашла в себе силы встать с циновки.

Идущий мимо моряк тут же ее окликнул:

— Эй, рыбка! Почему твоя рыбка? — и дурашливо захохотал.

Феликса хотела было ответить пошловатой остротой про "вялого угря", но из домика, к которому прилегал прилавок, вышел настоящий торговец: невысокий, худой, но поджарый и

крепкий, с матерой сединой лесного хищника. Явно не местный. Феликсе понравился его взгляд. Серо-зеленые глаза друга Данатоса смотрели спокойно и холодно, беззлобно, но твердо и уверенно.

— Локоть утря — пять медных. Берешь больше пяти локтей — уступлю по четыре. Селедка поменьше — два медяка за рыбину. Побольше — три медяка, — мужчина помолчал, ожидая, пока дурацкая улыбка сойдет с лица моряка. Моряк продолжал лыбиться и не сводил взгляда с Феликсы. — Чтобы пялиться на девушку, придется отдать кошелек и расправиться со мной, — с этими словами в руках торговца рыбой как по волшебству появился простой, но увесистый дрын.

Моряк плюнул, ругнулся и ушел к ближайшей корчме. Торговец тоже плюнул ему вслед, вполголоса обругал моряка, его мать, бабуку и даже отца с прибавкой "если у этого крапивника таковой есть". После чего заметил, что за тупые шутки пора начать вешать, если не на шибенице, то хотя бы на позорном столбе.

Феликса не стала дожидаться реплики в свой адрес:

— Благодарю вас за приют и вмешательство, господин торговец. Могу ли я вас как-то отблагодарить за хлопоты? — тихо сказала она.

— Я не торговец, — хрипло ответил седой мужчина, — и уж точно не господин. Благодарностей мне оставил парнишка, да столько, что я на них могу до цирроза упиться. Я бы на твоём месте поскромнее одевался в портовом городе, дева, — добавил он.

Феликса хмыкнула. "Знакомое лицо", — отметила она. Все-таки вспомнила.

— Отличный совет от "не-торговца". Последую ему при ближайшем случае. Бывай, солдат.

Седой неожиданно лукаво улыбнулся и легко поклонился ей.

— Бывайте, госпожа капитан.

Феликса пробиралась узкими портовыми улочками к докам. Она задавалась вопросом, сколько еще соотечественников, бежавших от бунтарей из Арделореи, она может здесь встретить?

Солдата она едва узнала. Бедеранский загар и изрядная для его лет седина сильно изменили его. Он не ходил с ней в морской дозор на одном корабле, но держал вахту в порту, настоящий служака, точно на своем месте. Однажды Феликса видела, как он выпорол форменным ремнем пойманного за руку карманника. Он отошел подальше от скоплений народу, так, чтобы никто не услышал всхлипы пацаненка, но Феликса перед рейдом всегда магически обостряла чувства и все равно все слышала. Ей показалось, что мальчик больше плакал от обиды или стыда, чем от боли. Потом солдат долго и жестко выговаривал ему за воровство, пугал рассказами о публичных казнях. Воришка шмыгал носом и клялся всем, что только мог вспомнить, что больше так не будет. Конечно, откуда мальчик мог знать, что в Арделорее не казнят преступников младше шестнадцати?

На следующий день вернувшаяся из рейда Феликса снова увидела того воришку — и едва узнала его. Его отмыли и нарядили в фартук булочника и комичный белый колпак, который то и дело сползал ему на нос. Пацан смешно дергал бровями вверх, чтобы поправить его, и звонко кричал на весь порт: "Свежие булочки! С маком, вареньем, повидлом! Пирожки горячие! С рисом и рыбой, с картошкой, с мясом, с яйцом и луком, свежие, только из печи!". Солдат стоял возле оружейного склада и усмехался себе в усы. Рядом размахивал руками и громко хохотал булочник, которому больше не было нужды

трудить свои старые ноги, простаивая с товаром в порту.

Феликса улыбнулась воспоминаниям. Она как раз вынырнула из очередного переулка прямо к складам у доков и увидела похожего мальчишку. Но на его прилавке вместо свежих ароматных булочек и пирожков лежали совершенно несъедобные на взгляд Феликсы лепешки, которые в Бедеране ели вместо хлеба. Девушка вздохнула и стала высматривать "самую убогую лодку на свете".

В доках стояло очень много лодок и кораблей, которые Феликса не задумываясь назвала бы убогими. У некоторых намечался сильный крен. Часть кораблей вообще с натяжкой можно было назвать даже ялом; многие демонстрировали латаные-перелатаные паруса. Наконец Феликса поняла, о чем шла речь.

У самого крайнего причала, которым почти никто не пользовался, потому что один из столбов прогнул и часть его уже утопала в воде, была пришвартована лодка. Она завалилась на бок почти до середины борта; парус обтрепался до дыр. Борт, выглядывающий над водой, сильно разохся. Феликса придирчиво оглядела киль, вписанный в песчаную косу, намытую волнами. Киль покрывали трещины; из самой большой прямо на глазах у Феликсы выполз маленький неуклюжий рак-отшельник.

На полузатопленном причале сидел Данатос с удочкой в руках и беззаботно болтал ногами в воде. Идиллическая картина. Грязь и ругань центра порта остались позади, оборотень сидел лицом к дивному пейзажу, где горы на фоне умытого неба причудливыми фигурами спускались в море. Феликса замерла на несколько мгновений — настолько непривычным в суете последних месяцев жизни казался открывшийся ей вид.

Улова она не заметила. Феликса поняла, что удочка в руках Данатоса служила не для рыбалки, а для отвода глаз. Она подошла ближе, и захватившее ее очарование развеялось.

На затопленной части причала лежал посиневший и раздувшийся труп. Чародейка узнала форму охранников Пигсвелла, но облачение было неполным. Его меч в ножнах, кинжал и шлем лежали возле перевертыша. Труп больше не кровоточил, но Феликса разглядела чудовищные раны: из правого бока вырвали немалый кусок мяса, судя по всему, вместе с печенью; через горло шли глубокие следы огромных бритвенно-острых когтей.

— Если ты хочешь спросить, съел ли я его печень, спрашивай, — проговорил Данатос, поднимаясь. Он напряженно смотрел на Феликсу, ожидая жестокого вопроса.

Девушка пожалала плечами.

— Я знаю, что оборотни не едят людей. Мифы о том, что человеческий ливер прибавляет оборотням-хищникам сил, не просто раздут, а высосан из пальца. А труп ты сюда притащил, чтобы никто не догадался, что его убил именно оборотень. Тебя что, тяготит твоя сущность? Чего-то стыдишься?

Данатос заметно расслабился, но все равно хмурился.

— В детстве я плохо контролировал зверя. Одна из жриц увидела, как я задрал корову и грыз ее ногу. Она визжала, как будто я грыз ее ногу, а не коровью, и просила Триединую уберечь ее от бездушного монстра. Меня, то есть...

— ... А потом оказалось, что буренка болела ящуром и ты спас несчастную от долгой и мучительной смерти, — бросила наугад Феликса. Данатос натянуто рассмеялся.

— Нет. Она просто была очень старой, слепой и бесплодной. Наступила в сусличью или кротовую норку и поломала ногу. Очень неудачно, открытый перелом — от нее несло кровью. Я и не удержался

Чародейка покачала головой.

— Ты совсем как Брисигида. Тяготишься тем, в чем нет твоей прямой вины.

Оборотень кивнул и виновато развел руками. Феликса хмыкнула.

— Пойдем к твоей сестре. Боюсь, ее время истекает, а мне надо подготовиться и открыть тот сундук.

— Я как раз хотел с тобой об этом поговорить, — осторожно начал Данатос. Чародейка нахмурилась. Данатос вздохнул и продолжил. — Когда за нами погнались, у тебя из носа снова пошла кровь. Я попросил Лаэрта спрятать тебя в зарослях на время, пока я отвлекаю стражников. Когда я вернулся, он сидел с очень растерянным видом. Сказал, что пытался стереть кровь у тебя с лица, чтобы она не потекла дальше и не испачкала одежду, как вдруг ты поднялась и схватила его за руку. Он жутко перепугался, потому что глаза у тебя были будто залитые зеленым огнем, и ты не своим голосом пророчествовала.

— Что я сказала? — неестественно ровным голосом спросила Феликса.

— Знаешь, я всегда поражался памяти Лаэрта... Он запомнил твои слова дословно. Последняя Надежда, Дочь Меча и Магии, войдет в мир мертвых и будет внимать гласу живых. Не будет ей вкуса от пищи, ни отдыха от сна, ни радости наследия до конца эпохи, пока Тьма не сойдется со Светом под началом Страницы, пришедшей из мира без сердца, — подтвердил ее опасения Данатос. — А потом ты утерла ладонью кровь с лица и приложила ее к сундуку, к тому месту, где должен быть замок.

— И он открылся, — поняла Феликса.

— Открылся, — подтвердил оборотень. — Внутри он весь зарос лозой и плющом, и они оплели два сосуда. С живой и мертвой водой, как я теперь понял. — Данатос взял Феликсу за обе руки и пристально посмотрел ей в глаза. — Ты не должна исполнять то, что сказала. Я понял, почему Брисигида будет сердиться. Я бы тоже пришел в ярость.

Феликса вздрогнула от прикосновения, и подумала, что, возможно, потеряет больше, чем предполагала. Но она ответила твердо:

— Если сундук открылся моей кровью, отступать нельзя. И позволять Брисигиде умирать такой страшной смертью только потому, что я стану нежитью, я не могу.

— Иного ответа я и не ожидал. Но спросить должен был, — он отпустил руки волшебницы и посмотрел на труп стражника. Феликса сразу поняла.

— Я им займусь, не переживай.

Она покрутила рукой, разминая каждый палец и сустав, а затем опустила руку в море. Вода вокруг пальцев замерцала. Золотистые и серебристые искры волнами расходились от ее руки. Спустя некоторое время море у берега вскипело от многочисленных стай рыб, креветок и даже крабов. Второй рукой Феликса подтолкнула труп в воду, и морские обитатели стремительно набросились на его плоть.

— Жутковатое зрелище, — прокомментировал оборотень.

— Море — очень чистоплотная стихия, — отозвалась Феликса, — и старается прибирать грязь, которая в него попадает. Рыбам на пользу, а из следов останутся только кости да латы. Кто тогда догадается, когда и от чего он погиб? Может, утопился от несчастной любви...

— Да ты романтик, — хмыкнул Данатос. — А в латах поселится новая колония крабов. И анемонами обрастут его бранные останки.

— А ты делаешь вид, что ты циник, а сам до сих пор жалеешь старую корову, — парировала чародейка. — Лодку ты здесь оставил тоже для крабов и анемон?

— Нас на ней сюда привез Хольгер, солдат-северянин, — пояснил Данатос, глядя, как

рыбы снуют через ребра, уже обглоданные ими почти до чистоты. — Он сказал, что станет торговцем рыбой, и ему будет стыдно иметь такую лодку. А утопить ее у меня рука не поднялась. Мы неделю плыли на ней по подземным горным рекам и еще дней десять по морю. Она даже в шторм не раскололась, хотя это скорее заслуга Брисигиды. Эта лодка — одна из последних вещей, напоминающих мне о доме.

— Не хочу тебя расстраивать, но возможно именно она выдала ваше с Брис присутствие.

— Нет, — покачал головой Данатос, — нас выдала только глупость. Брис стала искать храм Триединой здесь и спрашивала всех подряд. В какой-то момент к ней подошел торговец книгами и сказал, что храма в Бедеране нет, он далеко за городом, ибо жители города исповедуют другую веру. И дал ей книгу об истории веры Триединой на Юге.

— Ей-то Брисигида и отравилась, — догадалась Феликса.

— Да. Я выследил торговца по запаху и требовал противоядие. Тот перепугался, но не хотел ничего мне говорить и покончил с собой. Раскусил пуговицу с ядом на воротнике.

— Пуговицу с ядом? — поразила чародейка.

— В одной из пуговиц он запечатал кусочек ядовитой смолы или чего-то похожего, — объяснил оборотень. — Яд в этой шкуровке убил его очень быстро. Я не рискнул даже прикасаться к его одежде после смерти. Только проверил кошель, но там были лишь деньги, свисток и еще один кусочек яда, завернутый в пергамент.

Рыбы уже закончили трапезу. Только самые маленькие еще тыкались мордочками между костями.

— Ты уверена, что другого способа нет? — Феликса отрицательно покачала головой. — Кошмар, — резюмировал Данатос. — Тогда я тебя отведу.

Он прошел по причалу и узкой песчаной тропинке, ведущей к скалам по северной части гавани. Феликса, несмотря на ракушки, колющие стопы, не отставала. Через час они вышли к хижине, частично утопленной в пещеру. Свод пещеры составлял половину потолка, стены были нелепыми и пузатыми, повторяя форму каверны. Пол устилала высушенная водоросль и трава. "Хоть дверь нормальная, — хмыкнула про себя Феликса. — Впрочем, такая избушка будет надежнее любого дома. Наверняка в своде прорублено отверстие под дымоход".

Чародейка почти угадала. Внутри обнаружился очаг, дым от которого уходил в щель между фрагментами скал. В дождь эту трещину, похоже, закрывала вогнутая металлическая пластина, скапливающая воду, с заслонкой, через которую можно слить излишки. Феликса поразила изобретательность обитателей пещеры-избы.

Совсем рядом с очагом на плотной циновке лежала проклятая жрица, укрытая тонким шерстяным покрывалом. Под головой у нее была удивительная для Бедерана редкость и роскошь — подушка, набитая то ли пухом — совсем немыслимо! — то ли шерстью — уж не свою ли Данатос собирал? Феликса с облегчением обнаружила, что сердце жрицы еще бьется. Оно приняло темно-фиолетовый оттенок, как и говорил Данатос, и изредка вздрагивало.

У изголовья постели стоял открытый сундук. Лозы, оплетающие два сосуда, росли прямо из стенок и дна сундука. Один из сосудов выглядел как главный стебель для лоз — вытянутый, деревянный, оплетенный тонким вьюном, с листочками, проросшими из коры. Живая вода.

Второй был сделан из шершавого серого камня, безжизненного и холодного. Лозы вблизи него истончались и иссыхали. Их переплетение повторялось в черных узорах на стенках сосуда. Мертвая вода.

Лаэрт сидел скрестив ноги возле постели Брисигиды, не сводя с нее глаз. Увидев Феликсу, он поднялся и низко поклонился ей.

— Я бы отдал свою жизнь вместо тебя ради ее спасения, — сказал бард. В степенном печальном юноше, неотрывно смотрящем на жрицу, Феликса едва узнала вчерашнего Мака. — Я клянусь вечно сопровождать тебя и помогать тебе во всем, пока ты не вернешь свою отданную жизнь.

Феликса здорово смутилась от такой перемены и пафосной, но вполне искренней клятвы. Она чувствовала потребность сделать в ответ что-то столь же значительное, хотя бы формально.

— Как герцогиня одного из боярских домов я принимаю твою службу и дарую тебе титул, — девушка ненадолго задумалась, — хранителя моего герба и статус личного гвардейца.

— Спасибо, — кивнул Лаэрт. — Хоть это и не обязательно. Только бы Брис жила.

Лаэрт окончательно разволновался и покрылся алыми пятнами. Данатос кашлянул за ее спиной.

— Тебе, похоже, никто не сказал, но ты больше не герцогиня, — заявил он. Феликса подняла бровь и хотела возмутиться, но оборотень с трепетом в голосе продолжил. — Предсмертным королевским указом ты была удостоена титула наследной принцессы. Указ у Брисигиды в сумке. Боюсь, ты теперь наследница престола.

Феликса не знала, что и думать. Единственное, что она могла сказать в тот момент — что все это больше не имеет никакого значения.

— Обсудим это неудобное обстоятельство позднее, — проворчала она. — Ритуал с этими артефактами все равно ставит меня на грань государственной измены.

— С чего бы вдруг? — любопытствовал Лаэрт.

— Некромантия, — ответила Феликса, извлекая сосуды из лоз. — Слишком близко к некромантии.

— Тебе нужна помощь для проведения ритуала? — Лаэрт, казалось, был готов бежать за черными свечами, кровью, алмазной пылью, кристаллами и прочей ненужной лабудой.

— Нет. Ритуал предельно прост, — со вздохом пояснила волшебница, легко снимая крышку с каменного флакона. Тот тут же стал костяным и хрупким, полностью изменившись. — Каждый из флаконов — проводник к источникам Жизни и Смерти. В источниках, соответственно, живая и мертвая вода. Брис пьет сначала мертвую, потом живую — и живет. Я пью в обратном порядке — и становлюсь живым мертвецом. Если бы Брисигида не умирала, она обрела бы бессмертие живого, нормального человека. А я все равно стала бы нежитью, тоже бессмертной.

— Я знал про источники, но не знал, что ритуал так прост, — удивился Данатос. — Зачем это делать именно тебе? Я могу сделать это.

— Не все так просто, как кажется. Во-первых, я должна выпить воду из источников добровольно, а Брис — не обязательно по своей воле. Во-вторых, чтобы поддерживать жизнь в неживом, нужно быть могучим магом, — Феликса рассеянно почесала висок. В свое время она едва не довела библиотекаря Академии до нервного срыва, заставляя искать в архивах древние манускрипты с тайными знаниями. Хотя все, включая ее наставницу, были уверены, что знания эти никогда не пригодятся. — Это и ставит меня на грань некромантии — необходимость поддерживать жизнь в мертвом теле. После этого ритуала мне потребуется не меньше трех заклинаний в день, чтобы не рассыпаться в прах и не обратиться в

неупокоенного безумного призрака. В-третьих, нужно быть практикующим магом, чтобы пропустить через себя огромное количество магической энергии и не лопнуть. Даже я не полностью застрахована от такого исхода, — хмыкнула чародейка.

Оба мужчины смотрели на нее исподлобья, обеспокоенные перспективой. Феликса, игнорируя мрачные мины, уже слегка надавила Брисигиде на подбородок, приоткрыв ей рот, и капала водой из костяного сосуда. Затем она сняла крышку с деревянного флакона — тот тоже изменился, обратившись в радужный хрусталь — и наклонила его над губами жрицы. Кожа из прозрачной уже стала просто бледной.

Феликса слышала, как журчит ручей возле ее ног — но никакого ручья, конечно же, не было. Вокруг нее и жрицы закручивались чудовищные силы. Волосы чародейки стали подниматься и виться, подобно клубам дыма, словно она зависла в толще воды. Тело Брисигиды окуталось молочным сиянием. Капли из флакона тяжело падали вниз, четко разделенные и неестественно округлые, тягучие, как расплавленное стекло.

Феликса, преодолевая сопротивление напряженного от магии воздуха, поднесла флакон к своему рту и сделала глоток. Вода обожгла нёбо и гортань и взорвалась в животе. С усилием заткнув флакон крышкой, чародейка поднесла ко рту второй флакон и выпила из него.

В тот же момент все напряжение схлынуло, свечение пропало, а магия развеялась. Феликса закрыла второй флакон и убрала оба в сундук, после чего захлопнула крышку, надрезала палец и приложила к тому месту, где должна быть замочная скважина. Крышка приросла к сундуку, словно он никогда и не мог быть открыт.

Феликса с ужасом понимала, что больше не чувствует жара от очага и не слышит своего дыхания, что порез не болит, равно как и ступни, поцарапанные ракушками. "Надо вылечить все мелкие ранки заклинаниями или мазью. Регенерация — свойство живых". Волшебница пробормотала заклинание, но не почувствовала покалывания в кончиках пальцев от применения магии. Она больше не могла ощущать жар, холод, боль, а позже потеряет способность различать вкусы и запахи. Зато слух и зрение стали постепенно обостряться. Она уже разглядела маленькую водяную крысу, спрятавшуюся в дальнем конце хижинно-пещеры между камней, слышала, как ее коготки скребут по камню.

Тем временем Брисигида возвращалась к жизни. Бледная кожа покрывалась неровным румянцем — давление вернулось к норме, и кровь стремительно заполняла все сосуды и капилляры. Некоторые, самые тонкие, не выдерживали потока свежей крови и лопались, расцветая алыми звездочками на коже. Дыхание, до того еле заметное, стало шумным и сильным. Феликса расслышала стук сердца жрицы — оно аритмично билось, напоминая муху, с усилием прорвавшую смертельную паутину.

Прошла всего пара минут, и Брисигида открыла глаза. Она с протяжным стоном села на циновке и тут же схватилась за живот.

— Точно, — сообщила Феликса. — Мой завтрак... Ты же не переносишь черный хлеб. И мясо не ешь.

— При чем тут это? — поразился Лаэрт, опускаясь на колени рядом с Брисигидой и протягивая ей фляжку с водой.

— Ты поменялась с ней оставшимися годами жизни, не так ли? — догадался Данатос. — Включая последние мгновения до ритуала. Она переваривает пищу, которую съела ты. Чувствует твои мелкие раны. Усталость от воздействия зелья, вероятно, тоже.

— Зараза, ты прошла по ракушкам босиком? — зашипела жрица, подтверждая слова

брата. Она потянулась к ступням, но не нашла порезов — тело приняло только ощущение. — Хм, если нет ссадин, все пройдет само, и довольно быстро, — девушка тут же нахмурилась, осознав, что значат слова оборотня. Она огляделась и увидела то, что искала — деревянный сундук, и тут же вскочила на ноги, возмущенно глядя на Феликсу.

— Ну, давай, скажи, какая я самовлюбленная и безответственная гордячка, на все готовая, лишь бы прославиться как герой, — фыркнула Феликса. — А потом возмущись, как мог император последним указом сделать меня наследницей. А потом возмущись еще больше тем, как я пренебрегла оказанной мне честью и доверием. Потом ты, конечно, справедливости ради поблагодаришь нас всех за спасение, но снова начнешь заламывать руки, утверждая, что судьба страны и всего мира важнее твоей жизни. А потом...

— Умолкни, будь добра, — холодно прервала ее Брисигида. Она опустилась на колени рядом с чародейкой и принялась бесцеремонно ее осматривать: оттянула нижнее и верхнее веко, осмотрела зубы, достала неизвестно откуда маленький ножичек и отрезала им прядь волос, которая тут же обратилась в прах. Этим же ножичком легко царапнула Феликсе предплечье и коротким жестом вылечила царапину, которая даже не думала кровоточить. Феликса равнодушно позволила ей проделать все манипуляции и послушно молчала. Сосредоточенная жрица продолжала осмотр: прощупала пульс и несколько минут вглядывалась в радужку каждого глаза. — Прекрасно, — вынесла она вердикт. — Ты бессмертна и бесплодна. Императрица мечты. Королева-лич! А теперь я скажу, что ответила бы мне ты, — ехидно продолжила жрица. — Что это не навсегда, и близится конец эпохи, и это вовсе не обязательно апокалипсис. Что бессмертная может править и без наследников, но править все равно нечем, потому что страну захватила сила, которую тебе не одолеть. Ты скажешь, что не стоит зря переживать, ведь все уже случилось, и предложишь заняться, к примеру, пиратством, осев на Паланийских островах.

— Идея неплохая, — с карикатурно серьезным видом кивнула Феликса, — но у меня есть план получше.

— Но мне ты его, конечно же, не расскажешь, — проворчала жрица.

— Зачем? Ты все равно его раскритикуешь. Скажешь, например, что он глупый и детский.

Они обе даже не заметили, как вскочили на ноги, и теперь долго смотрели друг на друга.

Феликса досадливо вздохнула и отвела взгляд. "Ладно, — подумала она, — разве я могу поступить иначе? В конце концов, у меня не было подруги ближе. Пока мой поганый язык все не испортил".

— Вот поэтому мы с тобой и разругались, — покачала головой Брисигида. — Ты связываешься в очередную драку, чаще всего — ненужную, и ничего никому не говоришь. Как твои родители это терпели?

— Никак, — буркнула Феликса, слегка пощипывая руку в надежде снова что-то ощутить. — Мать руки заламывала, не хуже тебя. Отец все время пытался приставить ко мне гвардию. Будто ты не знаешь. Наверняка и от храма кто-то за мной шпионил на всякий случай.

Брисигида виновато покачала головой. Феликса была права.

— Но в море вам всем приходилось от меня отвязаться. Нет места надежней, чтобы спрятаться, — продолжала Феликса, — поэтому Палания — действительно не худший из вариантов. Там немало соглядатаев, что правда, то правда, но если все время бессистемно

заходить в разные порты на разных островах, можно очень долго скрываться.

Брисигида молчала, будто взвешивая каждое слово, которое собиралась сказать.

— Это и есть твой план? Прятаться в море, сколько получится? А что потом? — опередил ее Лаэрт. — Если за тобой охотятся, нельзя вечно бегать. Либо надежно прячешься, либо даешь отпор.

К удивлению Брисигиды, Феликса согласно кивнула.

— Ты прав, никто не может бегать вечно. Мне нужно только время, чтобы исследовать ту часть океана, которую я пыталась изучить в рейдах последние два года.

— Ты думаешь, там есть неоткрытые земли? — спросил Данатос.

— Нет, там проклятые острова. Воды, в которых пропал легендарный адмирал Фарнисс, подозревают в коварных рифах или течениях, и в них есть и то, и другое. Но рифы не возникают из ниоткуда. Велика вероятность, что поблизости есть неизвестный архипелаг.

— Проклятые острова? Почему проклятые? Что там случилось? — забеспокоилась Брисигида.

— Фарнисс во время последней экспедиции вел зачарованный судовый журнал. Он писал в проекции журнала, в то время как сам журнал хранился в арделорейской Академии магии, в безопасном месте. Последняя запись говорила о тумане, таком плотном, что не видно ни носа, ни кормы, если стоишь на палубе. Моряки плыли на звуки, которые принимали за крики чаек, пока не увидели обезвоженные трупы на поверхности. Они попытались вытащить один из них, и тут он закричал и открыл глаза — белесые, как вареные яйца, — Феликса умолкла, пытаясь представить себе, что они испытали, увидев нежить, и задалась вопросом, не будет ли испытывать то же самое теперь, глядя на себя.

— И это место ты хочешь найти? Где мертвецы кричат, словно чайки, и туман как молоко? — возмутился Лаэрт, оживляя огонь, потухший из-за ритуала.

— Фарнисс считал, там находится ключ к Острову Жизни, — догадалась Брисигида, — и ты считаешь, что сможешь его отыскать.

Феликса кивнула.

— Тем более теперь, когда ты превратила себя в лича! — горько закончила жрица.

Волшебница фыркнула. "Пора признаться себе, что я скучала по этой навязчивой заботе", — подумала она.

— Теперь у меня едва ли есть выбор. Если где и место сбываться пророчествам, то только там, а значит, там у меня есть шанс вернуться к жизни. Он ведь так и называется — Остров Жизни. А это о чем-то говорит, правда? — улыбнулась Феликса.

— Ты явно знаешь об этом больше нас, — улыбнулся Данатос в ответ.

Феликса приободрилась от его реакции.

— Ну что, поплывете со мной?

Лаэрт усмехнулся.

— Я уже поклялся, куда деваться. Тем более, что нынешнее укрытие один хрен надежным не назовешь.

Брисигида просто кивнула, все еще расстроенная превращением Феликсы. Данатос подошел к чародейке и обхватил за плечи одной рукой:

— Теперь мы все тебе должны и поплывем с тобой на край света.

Феликса хотела съехидничать, но услышала за стеной пещеры знакомое ржание. "Ну я и скотина, конечно, — укорила она себя мысленно, — совсем забыла про бедного Тьярра".

— Собирайте вещи. Если есть что-то тяжелое, закрепите на седле, — девушка

ненадолго задумалась, потом снова повернулась к Брисигиде. — Ты поедешь верхом.

Феликса договорилась встретиться с Фабио на небольшом складе на задворках доков. Она не сразу согласилась на его авантюру. Трактирщик внимательно следил за каждой дракой с участием Феликсы, и не мог не предугадать исход всех этих событий: богато одетую, наглуую девчонку решили ограбить, но, так как было непонятно, кто за ней стоит — и стоит ли за ней вообще кто-нибудь — пираты применили старую схему "плати за ущерб". Закон о выплате виры за покалеченного члена команды корабля уже даже на пиратских Паланийских островах мало где действовал, а уж в Бедеране о нем даже и не слышали. Тем не менее, если бы кто-то заступился за нее, они попытались бы слепить из этого какое-то оправдание. Однако Феликса, благодаря помощи Фабио и его полнотелой кухарки, вовремя сбежала и от драки, и от ее последствий.

В тот день она наконец дала Фабио окончательное согласие участвовать в ограблении — и приобрела бесценных союзников, владеющих массой полезной информации. Например, они хорошо знали, что в порт недавно пригнали несколько хороших кораблей, которые можно попробовать купить. Знали, кто запросто сдаст ее новым властям Арделорее как военную преступницу. Где добыть денег на корабль и припасы для побега из Бедерана. Знали, что ее здесь никто не разыскивал, не считая драчливых пиратов; во всяком случае, пока. Они даже нашли, кого можно набрать в команду на корабль.

Не знали только, куда сбежать. Как управлять кораблем. Кого назначить капитаном. Глядя на агрессивную решимость Феликсы, Фабио решил доверить ей не только ограбление, но и побег из чуждого, жаркого, опасного Бедерана. Когда она назвала им свое настоящее имя, трактирщик и кухарка поняли, что им крупно повезло с союзницей.

Трактирщиком и кухаркой, впрочем, они на самом деле не являлись. Фабио и Радна служили связными для императорских агентов в Бедеране, но те не появлялись уже больше полугодом. Когда они сообщили Тайной канцелярии о странном бездействии, оказалось слишком поздно — начался переворот.

В такой ситуации они здорово растерялись: ни один из агентов не показывался уже очень долгое время, возвращение на родину стало невозможно. Единственное, что им удалось узнать о событиях в Арделорее — это список разыскиваемых "государственных преступников и слуг тирана". В котором они, разумеется, числились.

Спустя еще какое-то время им удалось выяснить, что агентов арестовали и тайно казнили. Оставалось только продолжать заведовать трактиром и терпеть бесконечные пьяные драки моряков.

Фабио стал подумывать о том, чтобы попытаться сменить район, но неожиданно обнаружил, что это не так-то просто. Он держал лучший трактир в портовых кварталах, а значит, с него собирали самую большую дань бандюги-"охранники". Преступный мир в Бедеране имел куда большее влияние, чем официальная власть. Сперва ему мешали исподтишка: подговаривали хозяев подходящих домов говорить ему, что дом не продается, задерживали грузы с поставками продуктов, распугивали дебошами посетителей, подсылали актеров, разыгрывавших болезни и отравления... Потом стали откровенно угрожать: письма, зловещие знаки, выписанные на двери кровью, постоянная слежка.

После того, как трактир едва не спалили, Фабио смирился. Через неделю, когда его крыльцо в очередной раз облили свиной кровью, он выловил Феликсу. О ее появлении он узнал от анонимного доброжелателя. Кто-то связался с ним через зеркало и сказал, что

судьба всей Арделореи зависит от того, выберется ли она на берег. Фабио не сразу в это поверил, но все-таки отправился на побережье. Флуоресценцию портала он, конечно же, не разглядел. Он увидел девушку в момент, когда она выбралась на песчаную отмель.

Когда они познакомились, Феликса и Фабио не слишком доверяли друг другу. Однако за несколько дней их отношения заметно улучшились. В том числе и из-за драк, в которые постоянно ввязывалась волшебница. Это привлекло много новых посетителей. К тому же, из-за Феликсы и ее репутации в трактир больше не совались портовые девки и любители бить по пьяни посуду.

После той самой драки с паланийским штурманом Фабио предложил ей спрятаться в одном из укрытий, которые раньше использовали агенты Арделореи. Имея в союзниках опытного мореплавателя, он обрел новую надежду на лучшую жизнь и предложил Феликсе спланировать их общее исчезновение из страны. Они немало времени провели, корпя над картами, разыскивая надежных моряков, собирая информацию об имеющихся возможностях. В том числе исследуя окрестности Боархолла и собирая сплетни о его хозяевах.

Сперва Феликсе была неприятна и даже неприемлема мысль о воровстве. Она привыкла отдавать свое, а не брать чужое. Но чем больше она узнавала о Пигсвеллах, тем меньше сомнений у нее оставалось, ведь то, что она собирались украсть, все равно не принадлежало барону и баронессе.

Сейчас она испытывала чувство облегчения и удовлетворения от того, что согласилась на эту авантюру и преуспела. Феликса получила больше, чем они рассчитывали: одного только мифрилового дракона хватило бы на все необходимые припасы, а корабль можно купить за содержимое одного из сундуков. Кроме того, Феликса получила зацепку к разгадке переворота в Арделорее. Ребеллион, до полусмерти пугавший Мордредра, не случайно носил императорскую изумрудную серьгу. Подделать или скопировать символ власти невозможно, в этом чародейка была уверена: как и прочие регалии, серьга имела мощную ауру, в данном случае — антимагическую, а изготовили ее из уникальных материалов. Например, витое кольцо, на котором переливалась миллионами оттенков зелени изумрудная подвеска, выплавили из метеоритного сплава. Как и ожерелье-дракон, его создали вымершие гномы Драконьих островов.

Феликса считала, что в замок Пигсвеллов перекочевало немало драгоценностей из императорской сокровищницы. Чтобы проверить свою догадку, ей нужно только найти место, где можно извлечь из астрального хранилища свою добычу. Склад в доках не подходил: во-первых, это совсем маленький склад, а во-вторых — в доках часто шныряли воры и соглядатаи купцов, вечно конкурирующих друг с другом.

По крайней мере, сейчас Феликса могла спокойно оставить платье, не опасаясь, что с сокровищами что-то случится. Воспользоваться наложенными на юбку чарами могла только она.

Чародейка отвела Брисигиду и ее спутников в свое убежище, старое зернохранилище возле разрушенной мельницы. Хранилище все еще было сухим и теплым, когда Фабио предложил ей укрыться там, так что ей оставалось только вымести пауков и прогнать крыс, чтобы жить там стало сносно. За пару месяцев она раздобыла приличную кровать, крепкий стол и даже настоящую пуховую подушку, которую никто не хотел покупать из-за поселившихся в ней клопов. Клопов Феликса вывела заклинанием за пару минут, а на следующий день в той же лавке купила себе старое, но крепкое и теплое одеяло и хлопковую простыню.

Брисигида пришла в восторг, увидев настоящую кровать.

— Вот уж не думала, что буду радоваться таким простым признакам комфорта! — покачала она головой, садясь на матрас, набитый гречневой шелухой. Лаэрт тут же плюхнулся рядом и откинулся спиной к стене.

Данатос хмыкнул:

— Когда мы стали жить в пещере, ты тоже радовалась. Говорила, что так и подобает жить духовному человеку: аскетично и скромно, подобно монахам...

— ...а комфорт положен мирянам! — расхохотался Лаэрт. — Точно, говорила.

Брисигида улыбнулась брату и покачала головой.

— Я только пыталась прибавить себе оптимизма. Мы все знаем, что Триединая не вынуждает своих последователей ограничивать себя в пище или условиях существования. Не смею подвергать сомнению эту древнюю мудрость! — с этими словами она сгребла пуховую подушку и со стоном удовольствия положила на нее голову.

Феликса переделалась за шгоркой, которая отгораживала место для умывания. Она страшно обрадовалась, что жрица отвлеклась на то подобие комфорта, которое она попыталась создать в старом амбаре. Пока она снова не начала разговор о последствиях ритуала, Феликса сунула платье в руки Данатосу с просьбой присмотреть за спрятанными в юбке сокровищами. Потом громко сказала, что скоро придет, ни к кому конкретно не обращаясь, и практически выбежала из здания.

Оседлала коня и вскоре была на складе в доках.

Возле склада стояла кухарка Радна и старательно выводила на двери какой-то замысловатый символ синей масляной краской. Она слышала цокот подков, но не повернулась, пока не дорисовала свой знак.

— Для кого этот знак? — поинтересовалась Феликса, спешиваясь. — Для команды?

Радна поморщилась.

— Не уверена, что этих алкашей можно назвать командой. Дело-то свое знают, но синячат, не просыхая.

Феликса пожала плечами:

— Обычное дело для моряков на суше. Шкипера нашли?

— Одна из немногих хороших новостей на сегодня. Шкипера нашли, и, похоже, действительно хорошего. Хиловат на вид, зато тоже беженец из Арделореи. Говорят, увел бриг всего с двумя зелеными юнгами прямо из-под носа захватчиков.

— Ха! Так может, я его знаю? — обрадовалась волшебница.

— Это вряд ли. Он из южных губерний, горец. Смуглый, как дубленая кожа, чуть ли не до черноты, и весь солью пропах. Славирские моряки не такие, все в форме ходят, и выправка солдатская, а этот сутулый и жилистый, как степной волкодав. Акыром себя зовет.

Феликса немного приуныла. Фабио говорил ей, что первый откликнувшийся плыть с ними был горцем, но не сказал, что он шкипер. С горцем будет непросто — на юге не принято подчиняться женщине.

— Он знает, что наниматель — я?

— Знает, — улыбнулась Радна. — Видел тебя в драке в трактире. Говорит, ты колдун, притворившийся девкой для смеху. Не знаю, как он отреагирует, когда узнает, что яйца у тебя есть только в переносном смысле.

Феликса вздохнула. При желании она могла обойтись без шкипера, но не на том

маршруте, который задумала. Не хотелось бы менять или добирать членов команды; моряки слынут народом, который с трудом принимает новичков. А врать она по-прежнему не любила. Феликса махнула рукой и зашла внутрь.

Для рыбного склада внутри оказалось удивительно сухо и чисто. Запах, конечно, никуда не делся, но Феликсе он даже нравился. Она стала оглядываться в поисках Фабио. Трактирщик был невелик ростом, и она не сразу увидела его среди здоровенных ящиков, которыми заставили небольшое помещение.

— Княжна, я здесь!

Фабио плевал на все титулы, ему просто нравилось слово "княжна", поэтому он так ее называл. Феликса пошла на голос. Трактирщик сидел возле одного из ящиков и аккуратно простукивал дно. Одна из дощечек показалась ему более звонкой, и он надавил большим пальцем, одновременно потянув в сторону. Раздался тихий щелчок, и у ящичка открылась ниша — двойное дно. Внутри лежала небольшая записная книжка в потертой кожаной обложке.

— Здесь список тех, кто хочет к нам в команду. Про самый проблемный пункт Радна тебе рассказала?

— Ага. Только она назвала его "одна из немногих хороших новостей". Я так понимаю, с остальными тоже не все гладко?

Молодой мужчина почесал затылок.

— Как сказать... Они все со своими заморочками. Но с горцем, пожалуй, самый непредсказуемый случай. Я припас тут кое-что ему в гостинец, чтобы умаслить, если туго пойдет. У остальных в основном проблема с доверием, сама понимаешь.

— Как и у тебя.

— Как и у всех, кто привык быть сам по себе, — сказал Фабио. Феликса приподняла бровь. — Ах, конечно, но только не у тебя. Ты считаешь, что всех видишь насквозь.

Она рассмеялась.

— Хорошо, ты меня поймал, я самоуверенная засранка, и когда-нибудь меня это погубит. Технически, уже погубило, — и она рассказала ему события прошедших суток.

Фабио реагировал на удивление хладнокровно. Феликса уже не раз замечала, что в первую очередь он старается проанализировать информацию и подсчитать потери и выгоду, и только потом решать, как он относится к услышанному.

— Не могу сказать, что совсем не расстроен случившимся с тобой, но пока я не вижу явных проблем. Жрица Триединой — это однозначная гарантия верности многих из тех, кто должен прийти. Оборотень — это боевая единица, равная тебе, судя по твоему описанию. Что касается музыканта, который вовсе не музыкант... Судя по твоему описанию, это Лаэрт Тумарати. Поверь, он тебя еще удивит. Мне доводилось работать с ним, когда я был на подхвате в канцелярии, и я просто потрясен, что ты смогла почти сразу понять, что он не совсем тот, за кого себя выдает. В то время он служил адъютантом императорской Тайной канцелярии с самыми блестящими перспективами. К тому же, ходили слухи, что в его присутствии магическая сила начинает просто бурлить. Магам легче колдовать, продолжительность действия амулетов увеличивается, щиты тоже держатся дольше. Но сам Лаэрт магическими способностями не обладает, это точно.

Чародейка задумалась.

— Я слышала о таком явлении, но сочла мифом и не вдавалась в подробности. В конце концов, это могут быть только слухи.

Фабио согласно кивнул.

— Помимо всего прочего, ты выгребла такую кучу сокровищ, что можно хоть флагман бедеранского флота выкупить, если кому-то придет в голову его продать. Вот только на твои проклятые острова не все могут захотеть плыть, — он с сомнением посмотрел на волшебницу. — Даже вместе с жрицей, даже за баснословные деньги.

Феликса закатила глаза.

— На этом перечисление очевидных фактов можно завершить. Я не собираюсь никого просить заплывать со мной в сам архипелаг. Подбросят до границы тумана — и то хорошо. А для этого, как известно, хватит и шкипера с двумя юнгами.

Оба они вздрогнули, когда от двери раздался хриплый смех.

— Я смотрю, наниматель уже наслышан о моих приключениях!

Смеявшийся и правда был жилист и сух, с темно-коричневой кожей, смоляными черными волосами, убранными в плотный пук, и немного сутулой осанкой. Феликса моментально отметила то, как бесшумно он оказался на пороге и как ловко спрятал при себе оружие. Он оделся очень просто — льняные сероватые штаны и рубашка со свободными рукавами. В руках он держал только простой деревянный посох, или скорее узловатую вязовую ветвь. Но Феликса поставила бы все сокровища, которые добыла, на то, что это не единственное его оружие.

— Мир тебе, путник, — поздоровалась Феликса — и только потом поняла, что по давней привычке произнесла традиционное южное приветствие. Когда-то она ездила с отцом договариваться с горцами о торговом пути через перевал. Она долго готовилась к этой поездке, но, доехав, поняла, что ее присутствие только повредит. Так что она осталась тогда в гостевой хижине и очень надеялась, что отец не проболтается, что привез с собой дочь детородного возраста.

Шкипер не спеша подошел ближе и уставился на нее темными, почти черными, глазами. Брови сурово сдвинулись, появился подозрительный прищур.

— Ну, предположим, и тебе мир. Не знаю только, как величать тебя: то ли хозяином, то ли хозяйкой.

Феликса уже решила, что врать не станет, и ответила:

— Этому месту я не хозяйка, так что придется звать по имени. Я — Феликса, дочь Драгана и Валисс Ферран, бакалавр Академии Чародейства Славиры, в прошлом — капитан рейдового брига "Стальная гарпия".

Горец угрюмо молчал. Чародейка поджала губы.

— Так уж вышло, что я не мужчина. Но все, что могут делать мужчины, я могу делать не хуже. Хочешь — испытай, а не нравится — оставайся в этом проклятом городе, где даже хлеба нормального нет.

С этими словами Феликса села на невысокий ящик рядом с Фабио, вытасила из сапога боевой нож и кусочек жесткой замши и стала полировать клинок. Она ожидала, что горец плюнет и уйдет, но тот внезапно крикнул "Х-ха!" и принял боевую стойку, слегка отведя назад свою ветку-трость. Феликса подняла глаза, воткнула нож в крышку ящика и сделала два шага вперед, жестом принимая вызов.

Акыр начал с традиционной горской атаки. Феликса после путешествия к горцам выучила, что в племенах этот удар считался сложным, опасным и необоримым, и знали его только в одном племени — гибрийском. Отец Феликсы говорил, что из всех горских племен гибрийцы считались самыми нелюдимыми, гордыми и загадочными. Их хижины венчали

самые холодные и крутые вершины, а воины слыли самыми яростными. Феликса помнила свое восхищение, когда увидела их вождя с белым барсом у ног на собрании племен. Ей пришлось здорово постараться, чтобы никто не засек ее заклятие-шпиона: шаманы горцев не сильны в боевой и тайной магии, зато прекрасно разбирались в целительстве и предсказаниях и с легкостью обнаруживали любые следы волшбы.

Фабио увидел, как Акыр размазанным светлым пятном подлетел к чародейке, подпрыгнул и опустил посох ей на голову. Трактирщик приготовился к сухому треску, с каким палка бьет по чему-то твердому, но Феликсы уже не было на прежнем месте. Горец, приземлившись, пнул пустоту.

Феликса скользнула вбок, воспользовалась секундной заминкой Акыра и ударила под колено. Нога горца подогнулась, но он тут же вывернулся и занес посох снизу, под подбородок. У Феликсы едва получилось избежать удара. Следующую атаку он провел молниеносно. Чародейке вновь удалось уклониться и подсесть горца ударом под колено. На этот раз пинок пришелся на опорную ногу. Горец споткнулся, и короткое промедление стоило ему оружия. Феликса выкрутила руку, державшую посох, и тот сменил хозяина.

Пользоваться вязовой ветвью чародейка не стала, осталась на равных с противником. Акыр явно был не слишком молод, но чертовски вынослив. Если удары под колени и причиняли боль, горец не показывал вида. Теперь он вел себя осторожнее и не стал нападать сразу.

Акыр обходил Феликсу по дуге, выжидая удобный момент, когда яркий свет из единственного окна под потолком будет светить ей прямо в глаза. Она не дала себя провести. Чародейка не стала уходить от него по кругу, приближаясь к лучу света. Вместо этого она шагнула вправо и стала наносить удары руками, один за другим, в темпе, который был невозможен для прежней, живой Феликсы. Волшебница с трудом подавила злость и испуг от очередного признака смерти.

Акыр блокировал большинство ударов, но с трудом продолжал держать оборону. Кроме того, он уже понимал, что Феликса быстрее него и контратаковать удастся вряд ли. Он пропустил удар под солнечное сплетение, затем в челюсть. Феликса измотала его, как делала это в спаррингах с матросами, когда ходила в рейды, наглядно демонстрируя, что даже самого сильного противника можно взять измором, обладая достаточной выносливостью. Или владея простейшими магическими приемами.

Когда ее кулак должен был нанести сокрушительный удар в висок противника, Феликса остановилась.

— Хватит. Если этого не достаточно, тебя и смерть не убедит, — и она отступила от него на два шага с легким поклоном. Акыр покрылся крупными каплями пота, но дышал почти все так же легко. Феликса знала, что одним ударом такого воина не свалить — и все же остановилась, опасаясь ранить горца.

— Я знал, что ты сражаешься искуснее меня. Видел, — зло сплюнул мужчина. — Сил нет уже эти бедеранские лепешки жевать. Смердят, как собака, и на вкус не лучше.

Феликса сдержала усмешку. На родине его племени тоже ели лепешки, но из картофельной муки. Ей не нравились ни те, ни другие — да и как они могут сравниться с настоящим хлебом, румяным караваем? Но она знала, что горцы только свою еду считают праведной и чтут лишь свои законы. Чтут силу. Но мудрость чтут больше.

— Фабио, мы с тобой, похоже, не самые вежливые люди, — обратилась она к трактирщику. Фабио молча махнул рукой в сторону небольшого плетеного короба под

окном. — Акыр-ага! Позволь угостить тебя скромной трапезой.

Горец, польщенный почтительной приставкой “ага”, с которой сам когда-то обращался лишь к старейшинам племени, сдержанно кивнул. Правая скула и щека сильно покраснели, и он берег левую руку.

Феликса поставила еще один ящик поменьше рядом с большим, который заменял стол, и принесла к нему короб. Потом подобрала трость-ветвь, отброшенную в сражении, и с поклоном поднесла ее Акыру.

— Хватит кланяться, как болванчик. Разве ты не затем позвала, чтобы заставить меня кланяться тебе?

Чародейка сняла с короба крышку, достала большую льняную салфетку и постелила на ящик, вытащила оплетенную бутылку с вином и пару глиняных чашек, вяленую баранину и персики. А потом с видом волшебницы на первом занятии адептов показала настоящие деликатесы: соленый овечий сыр и завернутые в ткань лепешки. Из картофельной муки.

Акыр, горец из племени гибрийцев, расплылся в белозубой улыбке и тут же нахмурился.

— Ты знаешь наши традиции лучше любого, с кем я знаком. Даже лучше моих молодых. Значит, знаешь, что под женской рукой я ходить не могу.

— Знаю, Акыр-ага. Но я другого племени, и я последняя из рода. Меня воспитывали как мужчину, я служила, училась и сражалась, как мужчина.

Акыр хмуро молчал. Феликса понимала, что все перечисленное — недостаточно веская причина для гибрийца, чтобы гневить Старого Когтя, хранителя духов и душ его предков.

— Если ты согласишься уплыть со мной отсюда, тебе не придется "ходить под женской рукой", — проникновенно продолжила она. — Старый Коготь не разгневется, если ты будешь слушать не приказы, но советы. Команда порой лучше капитана знает, как плыть. А я могу посоветовать, куда.

У горца немного разгладились нахмуренные брови. Он отломил кусочек картофельной лепешки, отрезал кинжалом, появившимся словно из ниоткуда, кусочек сыра и стал жевать, чинно и молча. "Кинжал небось в рукаве держал, — отметила Феликса. — Ишь ты, бирюзой отделан, и ни трещины на ней! Море морем, а за камнем следит, как деды научили — горной водой моет".

— Складно поешь, — наконец сказал он. — Ну а если тебе не понравится, как плыву, что тогда? Моей же палкой мне по хребту "насоветуешь"?

— Может, и насоветую, Акыр-ага, — усмехнулась девушка, — но не палкой, а словом. А ты мне волен ответить: "Молчи, женщина, мне лучше знать". Мне ли оспаривать мудрость того, кто вдвое дольше меня по морю ходит?

Фабио тем временем успел достать третью глиняную чашку и налить вино. Акыр смотрел на него с легким неодобрением, и Феликса подумала, что надо было позвать Радну накрывать на стол. Но чашу горец все же взял. От напряженной мысли по лбу пролегли две глубоких линии — ни дать ни взять штормовые волны.

— Сперва глянем, кто еще откликнулся на ваш призыв. Команду из растяп я больше вести не хочу, — проворчал после долгого молчания Акыр. — А пока, почтенная советница, выпьем с тобой. Если ты и пьешь, как мужчина, Старый Коготь меня простит.

Они успели открыть третью бутылку вина, прежде чем стали приходиться другие кандидаты.

— Твои юнги не придут? — спросила Феликса заметно повеселевшего горца.

Тот расхохотался:

— Мои "юнги" — это жена и дочь, которых я нарядил мужчинами, чтобы увезти! Неужто думаешь, мы правда втроем бриг вели? — хмыкнул он. — Спрятались на выходящем из порта бриге. Откровенно говоря, подфартило нам... — он вдруг осекся и снова стал серьезным. — Если поплыву — то только с ними. Бабы крепкие, почти как ты, да простит меня Старый Коготь. И так нагрешил, в штаны обеих одел.

— Ну дела, Акыр-ага! — вздохнула Феликса. — Еще двух советниц повезешь! — она улыbnулась, давая понять, что лишь слегка подтрунивает. — Разумеется, поплывете вместе. Жена твоего племени?

Акыр резко мотнул головой.

— Нет, вовсе нет. Равнинная, сирота совсем. Встретил ее в лечебнице, когда с моря раненым вернулся. В горы к своим можно было больше не соваться — проклянут совсем, хоть Старый Коготь и не запрещает чужих любить. Да хоть бы и запрещал! Наши духи не уходят с гор. Что творится на равнинах — не их дело.

— Лекарь на корабле будет более чем полезен, — заметила удивленная Феликса. Когда она встречала в южных провинциях горцев, все они казались нелюдимыми, никто не рассказывал о себе, не то что ей, даже ее отцу. Отец же говорил, что горцы не ходят в море надолго и всегда возвращаются между плаваниями в горы, и в гаванях с семьями не живут. Повезло же встретиться с единственным исключением!

— А то! Лучшего целителя на юге не найдешь, чем моя жена.

Феликса хотела ответить, что не сомневается, но тут заметила, что у двери толкуются несколько юношей. Приглядевшись, она поняла, что по-настоящему молоды только двое вышедших вперед. "Братья, — рассмотрела Феликса, — да еще и близнецы". Темноволосые и сероглазые, высокие, как и она, они первыми прошли от двери к их импровизированному столу, поклонились и поздоровались:

— Приветствуем тебя, капитан! — громкое хоровое приветствие отдалось слабым эхом. — Мы ребята простые, пришли в матросы проситься, — сказал один.

— Мое имя Кайл, а мой брат — Сойл, — продолжил второй.

— Лучше нас с парусами никто не управится! — закончили они, снова хором.

Феликса многозначительно посмотрела на Акыра, как бы напоминая: "Ты главный. Я только советую".

— Это мы еще посмотрим! — рявкнул горец. — А ну-ка скажите мне, к какому такелажу относятся топенанты нижних реев?

Близнецы растерянно переглянулись.

— Вопрос с подвохом, — заметил один.

— В Арделорее — к бегучему такелажу, — сказал второй.

— В остальных странах — к стоячему, — подхватил первый.

Позади них кто-то хмыкнул и пробурчал:

— Больно грамотные для матросни...

Акыр одобрительно кивнул, но тут же нахмурился в свойственной ему манере.

— Теория — прах, когда практики нет, — заявил шкипер. — Госпожа советник, подвесь им канат к окну, будь любезна.

Феликса, от души веселясь, заставила левитировать толстый пеньковый канат, а заодно кусок брезента, обернутый канатом потоньше. Близнецы, не дожидаясь команды, синхронно полезли по канату и стали с двух сторон развязывать брезент. Оба догадались придержать

один край брезента, пока другой разворачивался вниз — совсем как парус — а потом легко слезли вниз. Акыр, похоже, был доволен ловкими мальчишками — оба чуть старше шестнадцати на вид.

От дверей послышались сдержанные хлопки. Теперь там стояло почти два десятка человек, впереди — рослый мужчина с небольшой залысиной, слегка полноватый, но явно крепкий. Феликса не сразу поняла, что с ним не так. Впотымах — уже вечерело, и довольно стремительно — ей почудилось, что одна нога у него короче другой. Но это оказалась не нога. Ниже колена ее заменила хитрая конструкция из дерева и металла, очевидно, протез. Небольшая рессора и система пружин и рычагов выполняла роль ступни и лодыжки. Девушка подумала, что в таком механизме легко спрятать пару выдвижных клинков.

— Ладно, от парней будет толк, — проворчал Акыр. — Садитесь, куда получится. А ты, одноногий, что собрался делать на корабле?

Мужчина переступил с ноги на протез, и тот протяжно скрипнул, словно ехидно засмеялся. Глаза Феликсы привыкли к полумраку, и она разглядела лицо одноногого в обрамлении рыжих бакенбард и редящих волос: обветренное, со скептически сжатыми губами и грустными, как у бассет-хаунда, бледными глазами. Он кашлянул, прочистил горло и ответил низким скрипучим голосом:

— Штурман я. Навигатор.

Феликса наклонилась к горцу:

— Акыр-ага, позволь мне с ним поговорить, — шепотом попросила она. Гибриец еле заметно кивнул и продолжил жевать кусок вяленой баранины, от которого отрезал тонкие ломтики своим кинжалом с бирюзой. — Как зовут тебя, добрый человек?

"Добрый человек" аж плюнул себе в рыжую бороду.

— Сама ты добрый человек. А я Кистень. Пошто со мной, как со сборщиком податей, говоришь?

— Учтивость ничего не стоит, зато экономит уйму времени и отпирает многие двери, — пожалала плечами Феликса. — Расскажи лучше, как проложишь курс к Паланийским островам?

Как и у Акыра, вопрос был с подвохом.

— Ха! Спрашиваешь меня, как на родину поплыву? — хмыкнул тот. — Арделорею стороной обойду, это уж точно. Патрули когда ходили, тихие были воды. Нынче там разбой до самых островов. По островам-то тоже так просто не пройдешь. На южных островах налог на осадку. К центральным и северным — путь по мелководью, даже если рифы знаешь, лот из рук лучше не выпускать. Зато налогов почти никаких, даже на торговлю! Но вы-то не торговать туда плывете?

— Нет, Кистень, мы не купцы и даже не контрабандисты. А ты?

— Я, — заскрипел навигатор, — от бандюг только на старости лет сбежал, да неудачно, здесь застрял. Не верят мне, что без ноги на корабле твердо стою. Да моя новая нога лучше прежней! Я ее сам мастерил, и рессору сам ковал, и пружину калибровал! — Кистень демонстративно на ней подпрыгнул и стукнул пяткой сапога о кованый набалдашник протеза. — На островах предприимчивый человек себе всегда занятие найдет. Большинство, конечно, находят торговлю и разбой. Но если ты не из таких — добро, сработаемся.

Феликса вопросительно посмотрела на Акыра, который невозмутимо жевал вяленую баранину с картофельной лепешкой. Тот едва заметно кивнул и коротко сказал:

— Добро, разбойничья рожа. Парни с тобой?

— Только пятеро, — проворчал Кистень. — Квартирмейстер и рулевые. Проверенные мужики!

— Как скажешь, только у меня своя проверка, — сказал Акыр. — Это касается всех! Кто называет себя матросом — лезем на канат! Кто считает себя офицером — покажите, каковы в бою! Встаньте по двое...

За несколько часов Акыр и Феликса познакомились со всеми пришедшими — почти полтора ста моряков. Акыр задал немало каверзных вопросов будущей команде, но выгнал всего двоих матросов, пришедших слишком пьяными, чтобы лезть на канат. Феликса забрала офицера, который нервно хихикал и все время чихал. Акыр спорить не стал, но Феликсе все равно пришлось объяснить, что за порошок довел офицера до такого насморка и почему тому, кто им слишком увлекается, не место в команде.

Они договорились встретиться на следующий день в гавани, на закате, и отплыть еще через двое суток в ночь на Паланийские острова. Когда все разошлись, Акыр и Феликса сошлись на том, что на рассвете пойдут выбирать корабль.

Похоже, в своем "советнике" горец больше не сомневался.

Глава 3. Старпом

Гавань Бедерана — место удивительное и поганое. Боги, по мнению Феликсы, по сущему недоразумению даровали жестокому народу прекрасную, тихую бухту, окруженную со всех сторон скалами так, что непривычный глаз ни за что не догадается, что она там есть. Эти же скалы, усиленные фортом, укрывали город от набегов врагов с суши, срастаясь в неполное кольцо.

Внутри этого скального круга гавань условно делилась на две неравные части.

Большая часть гавани имела глубокое скалистое дно. Когда-то маги Бедерана приложили немало усилий, чтобы избавить эту часть от опасных рифов и при этом не повредить морским обитателям. Часть рифов выросла вглубь земной коры. В результате корабли смогли свободно проходить к пристаням, не прибегая к искусству лоцмана.

Меньшая часть стала пляжем, покрытым мелким белесым песком. Круглый год горожане могли проводить свободное время на этом пляже, спасаясь от жары. Феликса часто радовалась тому, какие горожане заняты, потому что на деле пляж в основном пустовал. Она любила там гулять и смотреть на корабли и прозрачные морские волны. Ночью она зажигала маленькие волшебные фонарики на кончиках пальцев и зачаровывала свое дыхание, а потом ныряла в самую глубину, под кили лодок и кораблей, к рифам, где даже ночью кипела жизнь...

Корабли в гавань Бедерана заходили самые разные. После переворота в Арделорее Бедеран стал набирать популярность как центр морской торговли. Здесь стали собираться как пиратские суда, так и корабли почтенных купцов и славных капитанов. В результате порт превратился в огромный кипящий котел, где каждый вечер происходили сотни пьяных потасовок, из которых не все участники выходили живыми.

Феликса к таким инцидентам относилась философски, но ее участие в них закончилось еще до поездки к Мордреду Пигвеллу, в тот день, когда за ней пришли паланийские наемники. С тех пор она ела тайком на кухне трактира Фабио, никогда не появляясь в зале. В город она выходила только с убранными под платок волосами, с кисеей на лице, как ходили некоторые бедеранские женщины. Она даже красила руки, лицо и шею, различимую под прозрачной тканью, чтобы казаться смуглой от природы. В таком виде никто не обращал на нее внимания, и она стала вести себя достаточно тихо и спокойно, чтобы начать слушать.

Так она и услышала о сокровищах Боархолла и пристрастиях его хозяев. Фабио, который давно знал о богатом замке, удивился, когда она пришла к нему с рассказом о Пигвеллах. В тот момент они с Радной признались ей, что думали о том, чтобы ограбить замок, и Феликса, поначалу яростно отвергавшая любые предложения, связанные с воровством, согласилась на нелепый план. Все его этапы пока проходили хоть и не совсем гладко, но вполне результативно. Оставалось последнее дело.

Акыр, как они и условились три дня назад, ждал ее у центральных причалов. Лицо у него было в высшей степени недовольное. Он стоял возле стола одного из портовых чиновников, собиравших налоги за швартовку и размещение суден. Самого чиновника они едва могли видеть за горой грессбухов.

Феликса обошла стол сбоку, чтобы поздороваться с работником, у которого, очевидно, Акыр хотел узнать, где получить разрешение на покупку корабля. Фабио предлагал им купить корабль на подставное лицо, но лицо это, похоже, не соизволило пожаловать в срок.

У Феликсы имелся план и на этот случай: она оделась по-мужски, а длинные волосы убрала под парик с модной юношеской стрижкой. В арсенале Фабио также нашлась накладная эспаньолка и усы. Ее мужской костюм изображал молодого купца с западных материков, сына дьявольски богатых родителей, предпринимателя и авантюриста.

Увидев наконец между гроссбуховых башен чиновника, Феликса досадливо вздохнула. У нее возникло ощущение, что на самом деле нет никаких разных чиновников и сборщиков податей, а есть один и тот же вездесущий чиновник, который состоит из набора чиновничьих черт. Сколько раз она видела таких портовых канцелярских крыс! Все они были похожи, как близнецы-братья. Мало того, что внешне — невымытые и нечесанные сосульки темных волос, крючковатый нос, глубоко посаженные глаза с навечно застывшим в них презрением — так еще и характер у всех как на подбор мерзкий.

Так что Феликса решила зайти с козырей.

— Прифетстфую, фашше благорродье! — поздоровалась она с чиновником на арделорейском — довольно популярном по всему миру — наречье, но с акцентом западных материков. Голос, и без того от природы низкий, она исказила под гнусавый басок.

— Тобрый утро, — буркнул чиновник, не поднимая головы от очередного гроссбуха с длинными столбцами записей. По-арделорейски он говорил, но не очень чисто и с явной неохотой. Очевидно, после переворота этот язык стремительно терял популярность, чему южане только радовались — уж больно неудобным им казалось произношение. — Запыс корабл — четыре короны серебро. Запыс по центру причал — восем. Плата вперед, по восход.

Слова "плата вперед" он произнес разборчивее всего.

— Нет, любезный, — покачала она головой в парике. — Я хотеть купить.

— Купить корабл? — чиновник заметно оживился. — Торговая шхуна?

— Болше, много болше, корабель для авантюрр.

Сальные сосульки немедленно были убраны за уши, тонкие губы изогнулись в подобие улыбки, а гроссбух отодвинулся. Правда, его немедленно сменил другой.

— Так вы от паша Хатцаль? — залебезил чиновник. — Месьэ Франсисск Дебуссы! Рекомендации и сопроводительные письма поступить толко вчера. Тля ваши цели есть толко один корабл, ошшен торогой. Я профести фас к атмилал... атмиррал...

— Адмирралтейсфу, — снисходительно улыбнулась Феликса.

Акыр все это время стоял в стороне и делал вид, что ждет опаздывающего товарища. Феликса была уверена, что он ее узнал — она предупреждала про маскарад. Да и Акыр, увидев ее, еле заметно кивнул. Так что конспирировался он неплохо — тихо ругался, попинывал столбы для швартов и все время смотрел в сторону узких и грязных портовых улиц.

Феликсе же теперь предстояло сделать вид, что ей не хватает денег на фрегат в порту, который высмотрел Фабио — и который Акыр тоже видел и запомнил. Фрегат прибыл в числе эскадры из Арделореи и все еще стоял оснащенным, практически готовым к отплытию. Почти вся эскадра поступила на продажу — Феликса узнала корабли личного императорского флота, новенькие, только-только с верфи, и это было их первое плавание. Всего в эскадра насчитывала шесть кораблей — совсем немного, но среди них числились три линейных корабля, два фрегата поддержки и один совершенно чудовищный монстр с названием "Бастион", вмещавший на борту почти двести пушек и около сорока окованных баллист, обшитый новым, совершенно невероятным сплавом меди: латуню. Такая обшивка,

изобретенная не без помощи алхимиков, покрывала днища, кили и часть бортов всей эскадры, в том числе и фрегата, на который они положили глаз.

Феликса все еще сомневалась, что стоит брать именно этот фрегат. Тайный императорский флот, выставленный на продажу в порту Бедерана — немыслимо! Кто бы не захватил власть в империи, он должен был понимать, что подобные боевые суда бесценны. Что могло толкнуть новые власти Арделореи на столь отчаянный шаг?

Этот вопрос она смогла задать только в бедеранском адмиралтействе. Очередной чиновник кузурского флота выглядел едва отличимо от того, что проводил ее сюда. Даже гора гроссбухов высилась над ним с тем же зловещим ощущением предстоящего опустошения кошелька.

— Неушшели в порту всего один боевой корабель? — Фель изобразила недоверие.

— Нет, — признал чиновник, — но мы не мочь продавать корабл из Бедеран. Господин паша сказал, вы отплывать срочно. Готофф к отплытию толко фергат из Артелорей.

— Арртелоррейский фсегта торого, — цокнула языком Феликса-Франциск, погладив накладные усы. — Но феть я идти на слушбу к Арртелоррей. Мошшет, я моку оплатить шасть в шшот шалования?

На самом деле с деньгами никаких проблем быть не могло. Но узнай об этом бедеранские власти, и ее тут же заподозрят в воровстве. Когда Феликса наконец получила возможность хотя бы приблизительно посчитать стоимость украденного, результат ее шокировал.

Сундуков оказалось просто невероятно много. Какие-то отпирались довольно легко: в них лежала семейная казна Пигсвеллов в разной валюте. Когда она нашла сундук с южными коронами с тонкой вязью глифов на ободке, она отложила нужную сумму в отдельный миниатюрный ларец. Другие сундуки снабдили замками-головоломками и магическими печатями. Она не стала их взламывать — если это и возможно, времени уйдет слишком много.

Ларец с деньгами она взяла с собой, когда пришла в порт. Часть она уже выложила информатору Фабио, той самой бордель-маман. Именно она сдала им Франциска Дебюсси, которым теперь притворилась Феликса, и она же помогла им добраться до паши Хатцаля. Неравнодушный к мальчикам паша к шантажу оказался не в меру устойчив. Фельфиксе пришлось потратить почти три недели на то, чтобы внушить паше глубокое уважение к Франциску.

Уважение внушалось способом столь непотребным, что волшебница едва не бросила эту затею. Хатцаль заказывал себе мальчиков чуть ли не каждый день. Они-то и приносили с собой дурманящие благовония, заставлявшие пашу вспоминать то, чего на самом деле не было: тесную дружбу с Франциском Фабиусом Дебюсси, благородное желание бросить пить и ночи, полные бурных возлияний.

Вскоре мальчики пашу интересовать перестали, а фальшивый капитан Дебюсси получил каперский патент и пакет рекомендаций от бедеранского адмиралтейства. Настоящий Дебюсси получил магическую амнезию и стойкую морскую болезнь.

После нескольких уточняющих вопросов Феликса наконец получила желаемое предложение: разрешение на приобретение корабля на имя Франциска Фабиуса Дебюсси и запись в книге учета потенциальных судовладельцев. Всего за пять корон. "Грабеж, — подумала чародейка, — и ведь у всех в книге записан такой же огромный налог! Не то что на рис!"

— Хозяин фрегата на центр причала, — расплылся в улыбке чиновник. — Про тсена и скитка нато спрашивать его. Проводить господин?

— Нет, благодарю, — ответила Феликса и откланялась, как принято в Бедеране.

Она вышла из адмиралтейства, и через пару десятков шагов ее нагнал Фабио, а еще чуть погодя — Акыр.

— Твой человек не явился, — тут же набросился горец на Фабио.

— Я знаю, — тихо ответил тот. — Его казнили полчаса назад на рыбной площади. Втихаря.

Акыр длинно и витиевато выругался.

— Сколько человек из нашей команды — арделорейские беженцы или находятся вне закона? — помолчав, спросила Феликса.

— Почти все, — вздохнул Фабио. — Офицер, которого ты вчера выгнала, был местным. Еще несколько матросов — паланийские выходцы, про них никогда нельзя сказать, преследует их закон или нет.

— Ставлю на то, что проклятый наркоман нас выдал, — процедила сквозь зубы Феликса. — Проследил за кем-то из вас и сдал. Акыр, где твои жена и дочь?

Горец побледнел, осознав, что им может грозить.

— Ступай за ними немедленно, и приходите сюда. Если сможешь — одень их как мужчин или местных женщин. Мы купим корабль и сразу будем готовиться к отплытию, — горец тут же сорвался с места и скрылся в одной из вьющихся от порта улиц. Она повернулась к бывшему трактирщику. — Пусть Радна соберет всех не позже двух часов после полудня. Я пошлю весть Брисигиде, чтобы поторопились прийти сюда. Знаешь, где здесь голубятня?

— На западном конце. Возле таможни.

Феликса заметила, что ее союзник говорит все тише и зевает все чаще. Круги под глазами у него начинали приобретать нездоровый фиолетовый оттенок.

— Уже сегодня нас здесь не будет, — напомнила она Фабио. — И ты выспишься как следует. А пока покажи мне мерзавца, который имеет наглость торговать кораблями тайного императорского флота.

Измотанный Фабио провел ее мимо пары причалов с допотопными галерами и пузатыми торговыми кораблями и наконец показал высокого сутулого человека с хищным крысиным выражением лица. Феликсе был не по нраву контраст между разбойничьей рожей продавца и его богато расшитым камзолом в новых арделорейских цветах: черном, красном и белом. Он не потрудился прикрыть залысину париком, и теперь она медленно накалялась на бедеранском солнце до медного цвета. Он что-то втолковывал маленькому человечку в треуголке, который трясся и постоянно кивал.

Феликса дождалась конца разговора и только тогда сама заговорила с продавцом кораблей. Обращаться к нему на родном языке она не рискнула — в отличие от чиновника, тот мог распознать фальшивый акцент. Так что она заговорила на одном из западных наречий, которым неплохо владела:

— Halle! Biret tui, qui salet frigate?

Это значило — привет, ты продаешь фрегат?

— Ano.

Да.

— Quanden?

Сколько?

Мужчина ответил. Феликса мысленно обрадовалась — похоже, повстанцы не знали настоящей цены этого корабля, да и других тоже. В конце концов, в Арделорее еще не успели наладить производство новейшего латунного сплава, а латунная обшивка являлась одной из самых дорогих деталей корабля. В Бедеране иногда обшивали корабли медью, но она стоила еще дороже, так что в основном в ходу был шпон.

Тем не менее, она недовольно зацокала языком, и сказала, что дорого. Предложение оплатить часть стоимости в счет каперского жалования одобрения не встретило. После непродолжительного, но бурного спора хозяин проверил ее бумаги и выписал ей судовладельческую грамоту, которую они сразу подписали у того же чиновника. Мужчина помрачнел еще больше: ему пришлось уплатить налог с продажи, который, конечно же, тоже оказался разбойничьим. Франциск Фабиус Дебюсси теперь стал владельцем сорокачетырехпушечного фрегата и чудовищного долга новому арделорейскому командованию.

По документам корабль проходил без названия. Чиновник настоял, чтобы название было. Феликса притворилась равнодушной и попросила записать его как "Имя". Чиновник даже одобрительно хихикнул от такого выкрутаса — записать в графе "Имя" слово "Имя". И записал его на своем родном языке. Чародейка поблагодарила чинушу, попрощалась и ушла к голубятне, чтобы отправить послание Брисигиде.

В голубятне сидел специальный чародей, внушавший птицам образы мест, куда им нужно лететь. Чародей и сам напоминал голубя и все время смешно дергал головой. Феликсе пришлось долго объяснять ему про мельницу и пристройку к ней, где она жила последнее время — все-таки убежище и впрямь надежное. Наконец чародей понял, в каком направлении лететь птице, когда она показала место на карте, и отправил маленького юркого самца в полет.

К счастью, в голубятне не пришлось платить золотом.

Наконец Феликса получила возможность осмотреться на приобретенном судне. Капитан перегонной команды провел ее по фрегату. Корабельщики постарались на славу: на такелаж, палубу, каюты и скромную элегантную отделку пошли лучшие сорта дерева. Капитанский мостик явно обрабатывали самые опытные мастера, а над кают-компанией поработали талантливые краснодеревщики. Все было наводнено, натерто, просмолено; пушки привели в полубоевую готовность. Феликса бегло осмотрела трюм и обнаружила там в том числе основательные запасы пороха.

На бортах она к своему удивлению увидела несколько тяжелых баллист с абордажными крюками и странными гарпунами, напоминающими шестопер. Похоже, тот, кто проектировал корабль, планировал отбиваться от летающих тварей и брать на абордаж корабли на расстоянии сотен метров. "Возможно, абордаж тут ни при чем, — вдруг подумала Феликса, — это ведь эскадра. Может, они планировали идти в сцепке или маневрировать, цепляясь за более тяжелый корабль?"

Чем дальше она осматривала корабль, тем больше он ей нравился. Особенно, когда перегонщики наконец ушли.

Через некоторое время Феликсу стало охватывать острое чувство тревоги. Ей казалось, что все проходит слишком уж гладко: ее не настигла погоня из Боархолла, ни одного из ее убежищ не нашли, она встретила старую подругу, набрала команду и даже корабль смогла купить. Конечно, оставался человек Фабио, которого казнили сегодня, и Акыр, который

слишком долго не возвращался — время уже подходило к двум пополудни. И это ее беспокоило больше всего: она боялась, что именно в последний момент кто-то помешает им отплыть из города. Феликса ожидала — не могла не ожидать — что среди тех, кому они вчера дали от ворот поворот, найдутся доносчики, но ей казалось, что они не найдут серьезного повода для доноса. Ведь что они, по сути, делали на том складе? Всего лишь набирали команду. Да и кто они такие? Бродяги и авантюристы без роду и племени — никто не упоминал о родине, хватило ума...

Однако кто-то оказался достаточно ловок и незаметен, чтобы выследить человека Фабио и найти на него компромат. И при этом не нашел ничего на самого Фабио или на нее. Почему?

Тревога не отступила даже тогда, когда нанятые матросы под руководством Фабио и Радны стали грузить припасы, купленные и перенесенные на склад сразу после набора. Вскоре пришли Брисигида, Лаэрт и Данатос — к ее облегчению, они предприняли меры предосторожности: Брис прикрыла лицо, Данатос уменьшился в размерах, Лаэрт чем-то намазался и стал похож на древнего старца. Все они явились по одному и с перерывом; Дани нес в руках сразу несколько сумок с пожитками — ее вещи тоже собрали.

Только Акыр все не возвращался. Феликса не выдержала:

— Ты знаешь, где живет наш капитан? — спросила она Фабио и Радну.

— Нет, — одновременно ответили они. Радна продолжила: — Он очень скрытный. Всегда выходил на связь сам.

Феликса тяжело вздохнула. Был у нее и другой способ найти пропавшего. "Опять придется возиться с зеркалом. Ненавижу. После предвидений всегда голова болит и тошнит".

— У кого-нибудь есть под рукой зеркало? — громко спросила волшебница.

— Вон в тех тюках — твои вещи, — немедленно отозвался Лаэрт, не забывая продолжать разыгрывать старика — даже голос преобразился в скрипучий, старческий.

Феликса достала простое маленькое зеркальце в деревянной оправе, из нагрудного кармана вынула совсем крошечный амулет — гранатовый шарик, в народе зовущийся "яблочко", и пустила его кататься вдоль рамы по кругу. После девятого оборота голова закружилась, и она увидела подернутую дымкой картинку.

... В маленьком холмике было едва возможно распознать землянку. Горец ни за что бы не стал жить в такой развалине, будь у него хоть тень выбора. Вдали виднелось несколько старых ветряных мельниц и огромные здания зернохранилищ и складов. Самая окраина.

К землянке двигался целый отряд воинов в бедеранской форме и остроконечных шлемах. Каждый — с ятаганом на поясе и тяжелым копьём в руке — усиленная когорта. Воины встали перед маленькой землянкой полукругом, блокируя выход...

Картинка размылась, и Феликса снова увидела свое отражение и остановившееся "яблочко".

"Без магии с целым отрядом не справиться, — подумала она, — а магия тут же меня выдаст. Да и силой прорываться — только беду навлекать. Нужен совет".

Феликса как можно короче рассказала все Брисигиде, Лаэрту, Данатосу и Фабио.

— Расстановка сил — хуже не придумаешь, — сразу заявил Лаэрт. — По твоему описанию — все здания далеко, не подкрасться. Я бы предложил поджечь мельницы, будь это обычные стражники, но особая когорта не помчится проверять поджог. Если мы ставим на отвлекающий маневр, он должен затрагивать самих стражников...

— Что само по себе уже привлечет внимание властей и всей городской стражи, —

закончила фразу Феликса. — Нас пытаются отловить по-тихому, значит, знают, кто мы.

— Тогда скрываться больше нет смысла, — резюмировал Данатос. — Ты можешь провесить им портал?

— Нет ингредиентов, — покачала головой чародейка. — Для телепорта нужны руны, вырезать их слишком долго. К тому же, я не смогу его так точно нацелить. Радиус разброса может достигать двадцати метров на таком расстоянии. Телепортируясь из Арделореи, я вообще не попала в Бедеран, а оказалась в толще воды в гавани. Будь они в пределах видимости...

— Мы поняли, поняли, — остановила ее Брисигида.

Какое-то время все молча обдумывали ситуацию.

— Я пойду за ним сама, — решила Феликса.

— Подожди, — возразил Дани. — Подумай вот о чем. Человек Фабио исчезает, и его казнят на рыбной площади без огласки. Однако вы все равно об этом узнаете, и ты отсылаешь Акыра за семьей. Но его не ждут солдаты — их пришлют позже. Когда ты начнешь волноваться и пойдешь за ним. Зачем посылать целую когорту, да еще и особую, за горцем, для поимки которого и пары стражников с мелким магом хватит?

Феликса поджала губы: "И рада бы возразить, да нечего".

— Это засада на тебя, — подвел он итог.

— И не просто засада, — добавила Брис. — Амулет показывает только те события, которые коснутся тебя самой, не так ли? И он не показал тебе Акыра и его семью. Только воинов — еще одно доказательство, что они ждут именно тебя. Вероятно, они готовились сражаться с опытным боевым магом. Как думаешь, что они приготовили против магии?

Феликса тоже хотела бы знать, что бедеранские власти могли придумать для ее поимки.

— Что бы это ни было, оно должно быть мне не по зубам, — сдалась чародейка. — С тобой действовали наверняка. Как нам помочь капитану в таком случае?

— Брис пытались отравить, на Феликсу охотятся, — стал загибать пальца Лаэрт. — Фабио, похоже, тоже под прицелом.

— Остаемся мы двое, — кивнул Данатос. — Мое существование — пока еще тайна, к счастью. Раз уж даже Феликса не знала... А Лаэрт и вовсе работал на Тайную Канцелярию. О нас вряд ли знают хоть что-нибудь. Мы и пойдем.

— Нет! — попыталась возразить Брис, но тут же стушеввалась под укоризненным взглядом Данатоса.

— Какой же у вас план? — с тревогой спросила Феликса.

Ответил Лаэрт.

— Ха, план! Дани это как раз плюнуть. Вы бы видели, в какое чудовище он превращается. Пума, но размером — с медведя!

— Почти, — с неудовольствием добавил Дани.

— Когти как ножи!

— Перестань, — еще больше нахмурился оборотень.

— Клыки как сабли! А рычит...

— Довольно! — коротко крикнул Дани, словно рыкнул огромный хищник, слегка испугав матросов. — Да, я жуткий монстр, огромный и страшный. Одного моего веса хватит, чтобы раскидать даже рыцарей в тяжелых доспехах. Когти-ножи и клыки-мечи я стараюсь особо в ход не пускать.

Лаэрт, ни чуточки не обидевшись, улыбался.

— Когти нужно рвать что есть мочи, — сказал он. — Одолжишь коня?

Феликса не знала — да и не могла знать — что Данатос и Лаэрт работали в паре давно. Коня она все-таки одолжила, кроме нее никто не держал верховых лошадей. И неудивительно — от богатой жизни в матросню не нанимаются, а офицеры, единственный канонир и даже паланиец Кистень были все-таки беженцами и воплощали собой поговорку "гол как сокол".

Тьярр к Лаэрту не то чтобы сразу проникся доверием, но артачиться не стал. Данатос же моментально растворился где-то в тенях между доков: ему хватало частичной трансформации, чтобы двигаться со скоростью скакуна. Оба они хорошо представляли себе место, где могла быть землянка Акыра, так что встретили друг друга, не сговариваясь, уже на окраине города.

— У нас есть план? — спросил Дани.

— Да какой уж тут план, — вздохнул Лаэрт. — Ты — круши, а я — хватай и беги. Но если серьезно, поступим так...

Боевая трансформация не заняла у оборотня много времени. Иногда ему самому не верилось, какой огромный зверь прятался внутри его жилистого тела — золотистая пума, намного, намного больше обычной. Говоря, что он размером с медведя, Лаэрт нисколько не преувеличивал. При условии, что имел в виду отъевшегося бурого медведя или кадьяка. Любой зловредный гризли или другой некрупный, но подвижный вид сбежал бы от такой кошки без оглядки.

Дани уже разглядел стражников, становившихся вокруг двери, хотя от хижины его разделяло порядочное расстояние. Его самого и подавно могли уже заметить, так что он рванул к землянке в ту же секунду, когда завершилась основная фаза трансформации. Он почувствовал приятную тяжесть гибких мускулов, ощутил, как обострились все чувства. Пума мчалась с такой скоростью, что все вокруг размывалось не просто в пятна, а в однородные косые полосы. Горячий воздух обжигал ноздри и норовил забить их песком, лапы едва касались земли — та раскалилась не хуже сковороды, но это не мешало хищнику. При его приближении стражники начали оглядываться, скорее интуитивно: они не могли слышать шорох песка под лапами или чувствовать вибрацию земли под его весом. Шаг почти полутонного зверя был легок, как шелковая лента.

Данатос забежал с фланга и без лишних ухищрений стал сшибать мужчин с ног. Стройный полукруг когорты тут же превратился в беспорядочную свалку; от страха стражники спотыкались о свои копыта, друг друга и собственные ноги. Несколько самых молодых побежали, кто в сторону мельниц, кто к городу; командир — оборотень определил его судя по султану на шлеме — пытался встать и поднять копьё, но Дани не дал ему такой возможности. Всех, кто пытался подняться на ноги, он сшибал лапой обратно на жесткую землю.

Краем глаза он уловил размытое движение — всадника. Инстинкт едва не заставил его напасть — хищная натура подсказывала, что конник намного опаснее валяющихся на земле людей. Однако он видел Лаэрта верхом на Тьярре, а не врага. Лаэрт спешил прямо на ходу, вышиб дверь — и откуда столько силы бралось в тщедушном юноше? — и спустя пару мгновений вытащил наружу упирающихся Акыра и его супругу. За ними буквально выпрыгнула девочка лет одиннадцати-двенадцати и повисла на руке бывшего агента Тайной Канцелярии с тонким воплем:

— Отпусти их!

Увидев Данатоса, все трое опешили. Девочка опомнилась первой и попыталась укунить Лаэрта за руку, но с ним давно не проходили подобные трюки: он попросту приподнял руку чуть выше ее роста. Девочка даже не заметила, что ее родители перестали вырываться.

Лаэрт воспользовался их шоком, чтобы объясниться.

— Мы не враги, нас прислала твоя старшая помощница, кэп, — затараторил он, встав у Акыра прямо перед лицом. — Слышишь меня? Феликса передает привет!

Капитан вздрогнул и взглянул на него, уже осмысленно.

— Я вижу только одного коня.

— Извини, капитан, больше нет, — развел руками Лаэрт, отпустив Акыра и его жену. — Кто из вас умеет ездить верхом?

— Все, — ответила жена, невысокая коренастая женщина лет тридцати с неправдоподобно длинной светло-русой косой. — Уж не хочешь ли ты сказать, что мы поедем на звере?

— Ты — нет, — успокоил ее Лаэрт. — Вы с дочерью езжайте на лошади, а на моем друге Данатосе поедем мы, мужчины.

Женщина недоверчиво хмыкнула, но взяла дочь за руку, помогла ей сесть на Тьярра и ловко взобралась в седло сама, махнула рукой мужу и помчалась в сторону гавани. Лаэрт уважительно присвистнул — жена Акыра с ходу послала строптивного коня в галоп.

— Любят ее лошадки, — прокомментировал Акыр. Он явно еще не до конца оправился от шока и оттого стал болтлив. — У тестя табуны какие были! Не кони, ветер! Как взбираться-то на твоего друга? Холка раза в два выше конской!

Данатос молча лег на землю. Лаэрт привычно оперся о заднюю лапу и вспрыгнул на широкую спину, придвинулся ближе к голове и крепко обнял пуму за шею, насколько рук хватило. Акыр повторил маневр с невнятным бурчанием, но вместо шеи обхватил торс Лаэрта. Бывший агент почувствовал, что бесстрашный горец весь напрягся и как будто слегка дрожит.

— Держись крепче и не расслабляй булки! — весело посоветовал ему Лаэрт.

В ту же секунду Данатос рванул с места, постепенно набирая скорость. Таиться уже не было смысла, и он несся по самым широким улицам, разбросав лавки, редких стражников и даже какого-то вельможу в паланкине.

В доки он ворвался на полном ходу и вышел прямо к кораблю. Краем глаза он увидел, что сходни убраны, паруса частично подняты, даже рассмотрел, как Тьярра уводят в специальное стойло под палубой. Так они и договаривались — к их приезду все должно быть готово к отплытию.

Данатос, не сбавляя скорости, вспрыгнул с причала прямо на палубу. Инерция протащила его к противоположному борту, и корабль слегка качнулся под весом тяжелого хищника. Дани развернулся, подлетая к борту, чтобы потом затормозить задними лапами и немного амортизировать прыжок, но маневр все равно дался ему тяжело, и на гладкой палубе остались следы от когтей. Лаэрту пришлось помочь Акыру слезть, хотя Дани снова прилег, чтобы помочь им обоим спуститься. Он с уважением отметил, что горец крепко держится на ногах, и его все еще не тошнило, хотя лицо болезненно посерело.

Почти вся команда стояла с вытянувшимися лицами, а штурман Кистень достал из-за широкого пояса маленький арбалет.

— Кого ждем, псы помойные! — тут же рявкнул Акыр. — По местам! Поднять якорь!

Он отдавал еще какие-то команды, но не забывал поглядывать вокруг, и наконец обнаружил свою семью рядом с Феликсой и Брисигидой. Феликса держала его жену за руку и что-то быстро говорила с виноватым лицом. Женщина звонко рассмеялась, обняла чародейку и даже поцеловала в щеку.

"Рано мы обрадовались, — думала потом Феликса. — Конечно, кто мог тогда знать, что мы уходим не из капкана, а из зыбучих песков..."

Она вспоминала, как сразу после отбытия Лаэрта и Данатоса она вступила в короткую перепалку с Кистенем, который возмущался, что капитан все еще не прибыл. Феликса выругала его, не выбирая выражений, и рассказала про засаду, после чего он заткнулся и ходил у штурвала, надувшись, как спящий сыч. Несколько раз он высказывал сомнения, что молодые парнишки отобьют Акыра, с которым он вчера выпил немало вина, у толпы стражников.

Феликса игнорировала его ворчливое нытье и раздавала указания матросам. Квартирмейстер, мужчина средних лет по имени Джереми, осматривал трюмы и инвентаризировал припасы. Брисигида затеяла медицинский осмотр всех и вся, а Фабио с Радной помогали квартирмейстеру переписывать запасы съестного и пресной воды. В общем, все занимались делом, чтобы хоть как-то отвлечься от беспокойных мыслей.

Через некоторое время Феликса с облегчением увидела Тьярра, несущегося по краю порта. Всадница пустила его по причалу рысью, чтобы не разнести копытами доски. Сразу за ней они убрали сходни, и Феликса попросила Брис отвести коня в стойло под палубой, чтобы поприветствовать напуганных женщин, точнее, женщину и девочку. Женщина была относительно спокойна, представилась Цефорой и сказала, что дочь зовут Диной. Девочка вцепилась в материнскую руку и смотрела на всех волчком. "И это маленькая храбрая юнга?" — удивилась тогда Феликса. Она высказала свое восхищение наездницей Цефорой и их с дочерью смелостью.

Когда примчался Данатос, Феликса поняла, что так сильно напугало девочку. Напрасно Цефора берегла причал: когти вспороли верхний слой досок, оставив глубокие следы. К счастью, палуба оказалась крепче. Она и подумать не могла, насколько грозен оборотень в своем кошачьем облике. В императорском зверинце жило много хищных кошек, любимцев Триединой, но ни одно животное не нависало над человеком такой смертоносной громадой. Ни разу в жизни Феликса не видела у столь крупного хищника такой скорости, гибкости и стремительности движений. Особенно ее удивил контроль Данатоса над собственным огромным весом, и еще больше — почти мгновенная и бесследная трансформация в человека. Большинство перевертышей оставляли при трансформации различные ткани и жидкости: кожу, когти, шерсть, сукровицу или даже кровь. Чем быстрее трансформация, тем больше ошметков оставалось.

Она тут же снова подошла к Цефоре и Дине, которые знакомились с Брисигидой, и стала извиняться, что пришлось их так напугать, чтобы вытащить из засады, и повинилась, что поймать рассчитывали скорее всего именно ее. Дина робко спросила, можно ли будет как-нибудь погладить "котика", ее мама рассмеялась, сказала, что все в порядке, и поблагодарила за помощь.

Краем уха Феликса слышала команды Акыра. Казалось бы, все было в порядке и готово к отплытию, однако что-то ее смущало.

Через мгновение она поняла, что. Штиль. Еще минуту назад в гавани дул легкий бриз,

то что нужно для отплытия. Сейчас же над морем не чувствовалось ни малейшего дуновения. "В этих широтах, в гавани, в это время года? — подумала Феликса. — Секунду назад ветер, и уже тишина. Так не бывает!"

Она попыталась наколдовать ветер. Обычно это не составляло ей ни малейшего труда: стихийная магия не требовала длительной подготовки, только сосредоточения и ясности ума и духа, а еще — крепкой физической формы. Для магии воздуха, например, нужны гибкие руки и ловкие пальцы. Однако ни одно движение не дало результата.

— Ветер умер, — вдруг негромко промолвила Дина.

— Ты тоже чувствуешь? — так же тихо спросила ее Феликса.

— Да, — коротко ответила девочка. — Я всегда чую ветер, где бы ни была. Даже когда все замирает, немножко ветра есть. Он шепчет. А сейчас я ничего не чувствую. Ветер умер, — повторила она.

Феликса прошла на корму, ближе к берегу, и увидела нескольких неприметных людей в коротких, чуть выше колена, плащах с накинутыми капюшонами. Сперва она различила только троих, двигавшихся к их причалу, затем присмотрелась и стала различать других, неуловимо похожих друг на друга: еще тройку со стороны доков, пару — идущих с той стороны порта, где осталась лодка Данатоса и Брисигиды, сразу четверых с противоположной стороны, откуда прискакала Цефора. Воздух вокруг них словно вибрировал, они двигались ритмично, к одной и той же точке, и люди перед ними расходились. Наконец она разглядела главного, уже несколько минут стоявшего на причале, в черно-белом плаще, с двумя скимитарами и боевой плетью на поясе. Он что-то напевно бормотал себе под нос, не поднимая глаз на корабль, и Феликса чувствовала, как от него расходится невидимая паутина, сковывающая воздух, который начинал рваться, как муха на липких нитях.

Она хотела позвать Брисигиду, когда увидела в толпе еще одну знакомую фигуру. Мужчина не бежал, но двигался быстрее, чем фигуры в капюшонах, и раньше оказался на причале. Пройдя мимо человека в черно-белом плаще, он вдруг закричал:

— Это антимаги!

Феликса наконец узнала его. Кричал Хольгер, солдат-северянин. Черно-белый плащ тут же подскочил к нему со скимитарами — Феликса не заметила, как он успел достать их из ножен — и ударил с разворота двумя клинками, один за другим. Хольгер успел отразить обе атаки коротким кортиком, но бой был неравным — ассасинов-антимагов тренировали до потери пульса с юного возраста. Феликса собралась прыгнуть в воду, чтобы помочь ему, но Дани ее опередил, махнув сразу на причал в частичной трансформации. Он отбросил убийцу, как куклу, подхватил Хольгера и противоестественным прыжком зацепился сначала за край латунной обшивки, а потом и за борт.

Он не заметил, как ассасин метнул в них сразу четыре кинжала. Один попал Дани в плечо, но тот едва ли что-то почувствовал. Остальные три засели у Хольгера в спине, воткнувшись больше, чем до середины.

Брисигида ахнула и тут же бросилась к нему. Феликса удивленно смотрела на Кистеня, который теперь достал два маленьких арбалета и стрелял в черно-белого, не перезаряжая болты. Над крестом с тетивой высился магазин с короткими болтами, а Кистень только ловко перебрасывал здоровенные рычаги, по очереди натягивая плечи обоих орудий. Ассасин отражал болты, но недостаточно быстро. К сожалению, Кистень не мог себе позволить прицельной стрельбы, но его цель была в другом: антимаг не смог метнуть еще

одну серию ножей. Феликса ожидала, что остальные фигуры в плащах побегут, но они сохраняли шаг и ритм.

Брис и Цефора уже вытащили клинки из Хольгера. Один из матросов принес воду и чистую ткань.

— Я не могу остановить кровь, — с истерикой в голосе произнесла Брис. — Я ничего не могу сделать!

Внезапно Феликса поняла, почему антимаги не побежали.

Их было тринадцать.

Они считали шаги.

Они читали свою мантру.

— Это Колодец... — Феликса повернулась к Брисигиде и почувствовала, что и сама недалеко от истерики. — Они плетут Колодец, который поглощает всю нашу магию. Я бессильна. Мы можем драться с ними обычным оружием, но любой из них сражается лучше меня. Я не уверена, что справлюсь хоть с кем-то из них даже один на один.

— Шансы есть, — сказал Акыр. — Нас намного больше...

— Посмотри на улицы, — перебил его Лаэрт, — за нами прислали целую армию.

Феликса тоже уже видела пыль, поднятую десятками десятков сапог, на улицах, расходящихся от порта.

— Мы можем попробовать... — робко начал Лаэрт.

Его тут же оборвала Брисигида:

— Нет! Ни в коем случае, — жестко сказала она, помогая Цефоре накладывать мазь на глубокие раны. Она уже начала успокаиваться, видя, что ножи не задели позвоночник. Однако Феликса заметила, что повреждены легкие — рот солдата покрыла кровь, и Цефора держала его, чтобы не слишком дергался, пытаясь откашлять кровь. У него было не слишком много времени.

— Что ты предлагаешь? — Феликса повернулась к Лаэрту, не видя других вариантов.

— Даже не думайте, — Брис не дала ему ответить.

— Это как-то связано со слухами, которые о тебе ходят? — спросила Феликса, не обращая внимания на жрицу.

— Не вздумай ей рассказывать! — снова возмутилась та.

— Если мы не отплывем от Колодца в ближайший час, Хольгер захлебнется кровью, а мы увязнем в драке, в которой не сможем победить, — сказала ей Феликса шепотом на ухо.

Брисигида некоторое время смотрела то на нее, то на Хольгера, словно пытаясь найти другой выход, и наконец сдалась.

— Лаэрт — проводник.

Феликса присвистнула. Одно дело — усиливающая магию аура, и совсем другое — прямой доступ к бесконечному запасу магической силы. Проводник не может использовать ее сам, только "сливать" на оператора — мага, шамана, жрицу или, по неподтвержденным предположениям, на элементалей — узкоспециализированных магов, которые владеют магией только одной стихии, но работают с ней напрямую.

Любому магу для колдовства нужна природная энергия, сила, которая движет всем живым.

Маг преобразует ее в другой тип энергии — ману, которой может пользоваться для заклинаний или создания артефактов. Иногда мана не нужна для магии: многие природные ингредиенты обладают магическим потенциалом, активирующимся при смешении или

обработке. На этом основывалась магия зелий, притираний, ей пользовались деревенские знахарки.

Шаманы использовали энергию духов — астральную, или тайную, магию, которую в Академии называли арканой. Она тоже преобразовывалась оператором-шаманом, но иначе: шаман перемещался на перемычку между материальным и астральным миром и прогонял силу духов через свое тело, делая ее подвластной себе в материальном мире.

Схожим образом поступали жрицы. Их молитвы призывали божественную энергию, которой они оперировали через медитативные каналы. В этих каналах святая сила "заземлялась" и могла действовать в мире жриц.

Только про элементалей доподлинно никто ничего не знал. Элементали слыли скрытными и старались жить в окружении своей стихии. Как они этой стихией управляли, до сих пор оставалось загадкой.

Так вот, проводники могли любого из них "подключить" к их источнику силы. Но эту силу все равно нужно было обрабатывать. Феликса знала, что если оператор не сумеет преобразовывать силу с той же скоростью, с какой она поступает, проводник может столкнуться с катастрофическими побочными эффектами, о которых Брисигида, похоже, знала больше нее.

— Не знаю, можем ли мы так рисковать, — выговорила она наконец.

— Мы должны попробовать, — уверенно сказал Лаэрт. — Я уверен в тебе и Брис. Вы справитесь с потоком.

— Не факт, что это поможет, — предупредила она. — Колодец — это страшная штука. Он ловит магию в тот самый момент, когда преобразованная энергия принимает форму заклинания, и не дает ему подействовать.

— Попробуем его переполнить, — предложил Лаэрт. Он уже снимал перчатки и сапоги, закатывал рукава и регулировал дыхание ритмичными вдохами и выдохами.

Феликса все еще стояла в нерешительности. Брисигида, похоже, уже смирилась и тоже готовилась к попытке преодолеть Колодец прямым противостоянием.

— Я знаю только одного человека упрямее, чем Лаэрт, и это ты, — позволила себе шпильку жрица. — Он уже все решил. Так что давай, командуй. Я попробую поддержать тебя, чтобы ты не распалась на атомы, а ты — устрой им бурю.

Феликса сняла перевязь с саблей, плащ, жилет и дурацкие усы, распустила волосы, затем, поразмыслив, стянула и сапоги, оставшись в щегольских мужских чулках, коротких брюках и рубашке с огромными рукавами, стянутыми у запястий.

"Колдовать только простые заклинания, — скомандовала она себе. — Простые, но действенные. Пиромантия и телекинез".

Она подошла к самому краю борта и кивнула Лаэрту. Тот кивнул в ответ, слегка развел руки, и Феликса увидела, как его светло-голубые глаза постепенно загораются густым сине-фиолетовым светом, заполняющим его лицо, шею, все тело, заставляя кожу светиться изнутри.

В ту же секунду она ощутила, как ее накрыла огромная, невыносимо свирепая волна силы. Ей едва удалось совладать с ней; в последний момент она подхватила ее, и Феликса почувствовала, что если не даст ей выход, она разнесет и ее, и проводника на мелкие ошметки.

С диким, нечеловеческим криком она вспыхнула волной огня, направив пламя в сторону причала. Время застыло. Она впервые испытала подобное: каждая клетка ее тела порождала

огонь, воздух перед ней накалился, задрожал и окрасился оранжевым, переходящим в синеву; огонь лился с кончиков пальцев, волос, из глаз и раскрытого в крике рта, рвался вперед раскрытой драконьей пастью — поглотить, снести, уничтожить...

Инферно бушевало всего мгновение — даже полмгновения. Ассасины уже сошлись на причале, и их круг замкнулся. Колодец заработал на полную мощь и поглотил всю магию, быстро и жадно, как ненасытное чудовище. Феликса все еще дрожала всем телом, пропуская невероятные объемы энергии, но все было без толку. Огонь так и не достиг цели, даже не возник вновь.

Она попыталась сменить тип магии на более грубую и ударила кинетической волной, способной разметать участников круга по сторонам, но и это заклинание поглотил ритуал антимагов — еще быстрее, чем волна огня.

Рядом тяжело дышала Брисигида; от ее рук в сторону Феликсы лилось золотое свечение, обеспечивающее постоянную регенерацию клеток, не выдерживающих поток магии. Вскоре пропало и оно, ухнув целиком в Колодец.

Феликса оставила попытки наколдовать что-то и теперь сливала ману, едва успевая переработать. Когда к ней присоединилась жрица, стало немного легче. Они надеялись переполнить Колодец: тогда они смогли бы использовать избыточную силу. Но переполнить его бездну оказалось невозможно. Временами Феликса чувствовала, как мана начинает плескаться, словно она застыла у самого края Колодца и вот-вот выплеснется, но девушка поняла, что это только иллюзия. У Колодца не было и не могло быть никакого края — только зияющий провал, который увлекал в свои недра преобразованную, подчиненную энергию.

"Еще немного, и начнет слезать кожа, — подумала она. — Этот Колодец утянет нас в себя вместе с силой, которую засасывает. Меня расщепит на атомы, как и сказала Брисигида".

— Закрывай поток! — крикнула она Лаэрту.

Лаэрт — светящаяся сине-фиолетовая фигура — не ответил. Жрица с беспокойством повернулась к своему другу, и ее лицо, и без того напряженное и беспокойное, покрылось пятнами от волнения. Она едва стояла на ногах от усилия.

— Держись, — еле слышно шепнула она Феликсе. — Я попробую его вытащить.

Феликса совсем не была уверена, что выдержит поток в одиночку, но кивнула Брисигиде. Жрица жестом подозвала брата. Тот подхватил светящегося Лаэрта на руки, а сам опустился на колени ради удобства Брисигиды. Жрица обхватила руками лицо юноши, глубоко вдохнула и опустила свое лицо к его, будто нырнула. Свечение стало охватывать и ее, продвигаясь за неровной чертой, словно ее лицо намокало в чернилах.

— Брис! — завопила чародейка. — Ты не выдержишь, что ты творишь!

Свечение перекинулось на ее светлые волосы, и в эту секунду Брисигиду резко отбросило от Лаэрта. Магия разлилась вокруг них, набухнув сине-фиолетовым валом, как маленький взрыв. Феликсу обдало льдом и жаром одновременно, и все стихло.

Брисигида лежала на досках палубы и дышала, как выброшенная на берег рыба. Феликса метнулась к ней, чтобы пощупать пульс, но та открыла глаза и вполне осмысленно взглянула на нее.

— Посмотри, нет ли припадка, — посоветовала жрица.

— Нет, — ответила Феликса после короткого взгляда на бывшего агента Тайной Канцелярии. Лаэрт тоже уже приходил в себя.

Феликса так и осталась сидеть на коленях возле лежащей жрицы. Ее охватывало отчаяние и бессилие.

— Простите меня, — она подняла глаза на команду и друзей, — я привела нас всех на смерть.

Вся команда уже собралась на палубе; у многих в руках было оружие. На лицах царили самые разные эмоции, от страха до холодной решимости. Только Кистень равнодушно перезаряжал магазины арбалетов.

— Ты не виновата, — сказали хором Акыр и Цефора. Женщина продолжила: — Еще не все потеряно, мы будем сражаться...

— Ветер, — перебила ее Брисигида, привстав с палубы. — Посмотри на парус.

Жрица была права: край нижнего паруса еле заметно трепыхался. Феликса непонимающе уставилась на него, пытаясь почувствовать дуновение и недоумевая, откуда оно взялось.

И вдруг поняла.

Дина медленно зачерпывала что-то руками из воздуха и словно толкала в сторону паруса. Девочка раскачивалась, опираясь то на правую, то на левую ногу, сгибая колени в мальчишеских сапожках.

"Почти правильно, — невольно подумала чародейка, завороченно глядя на девочку. — Ноги только шире расставить и глубже присесть на правую ногу..."

Я всегда чую ветер, где бы ни была. Даже когда все замирает, немножко ветра есть. Он шепчет...

— Как это возможно? — спросила она, ни к кому не обращаясь.

— Не корабль, а сборище реликтов, — хмыкнул очнувшийся Лаэрт. Он тут же раскашлялся, содрогаясь всем телом. Феликса видела, что под побледневшей кожей проступили вены, синие, вздувшиеся, как у глубокого старика. — Наша девочка — элементаль воздуха.

— Собрались как-то в трактире элементаль, полиморф, проводник и старый пират, — проворчал Кистень, загоня в магазин последний короткий болт, — а трактирщик им и говорит...

— ...если прямо сейчас не нападет дракон, считай, зря собирались, — закончил Фабио бородатый анекдот, переименованный Кистенем.

Матросня, капитан и даже его жена расхохотались, и напряжение спало. Тугой змеиный узел, смотавшийся у Феликсы под ложечкой, слегка ослаб, и она снова смогла соображать. "Нужно помочь девочке, — подумала она. — Это я еще могу".

Смущенная таким вниманием Дина остановилась, и парус тут же безжизненно повис.

— Дина, — тихо позвала девочку чародейка, — Дина, милая...

"Нет, я совсем не умею разговаривать с детьми. Особенно с девочками", — сокрушенно осознала Феликса.

— Не нужно, — ответила Дина, видя ее косноязычие, — я понимаю. Но у меня все равно ничего не получается. Мне не хватает сил. Я слабая.

— Чушь, — отмахнулась Феликса, — ты сильная. Когда ты научишься, твоя магия воздуха будет сильнее моей. Ты ведь слышишь, как шепчет ветер. Мне такого никогда не услышать.

— Он слишком далеко, — пискнула девочка. — Я могу притянуть только совсем чуть-чуть.

— Не тяни ветер с материка. Где-то рядом все еще есть морской бриз, — посоветовала чародейка.

— Но он же дует не в ту сторону!

Феликса рассмеялась.

— Это ты решаешь, куда дует ветер. Ты решаешь, когда он подует, кому принесет прохладу, а кому — иссушит глаза и горло. Ты ему родная сестра, и он послушает тебя, потому что у ветра нет своей воли.

Дина замороженно слушала ее.

— Тебе нужно только дисциплинировать себя и свою волю. Поза, в которой ты призываешь ветер, помогает в этом. Мы ее чуть-чуть поправим, и все получится. Давай, вместе со мной, повторяй движения, — она подала девочке руку, чтобы помочь принять устойчивую позу, а потом увидела ее сапоги — намного больше ее ступней. — Сними, не мучайся.

Дина с облегчением разулась и посмотрела на родителей, ища поддержки. Цефора сложила руки чашей и прижала к сердцу — благословляя.

Феликса, впервые в жизни осознавшая себя не ученицей, но наставницей, встала в позицию, держа девочку за руки.

— Давай, малек. Колено перед пяткой. Сядь глубже, не бойся. Протяни руки, вытяни пальцы, да, вот так. Теперь прислушайся к себе, у тебя внутри есть свой собственный ветер. Выпусти его. Воздуху нужно лишь направление.

Они стояли в одинаковых позах, вытянув сложенные ладонями друг к другу руки над согнутым коленом. Краем глаза Феликса видела, как стражники в сверкающих шлемах заполняют порт, слышала щелчки рычагов, которые отстреливали болты в арбалетах Кистеня, но не обращала внимания на их возню.

— Сосредоточься. Не закрывай глаза, смотри на что-то нейтральное, на море, горы. Слушай свое дыхание, почувствуй, как воздух вливается в твои легкие, как стремится обратно. Твое дыхание — тоже ветер, первооснова, без которой невозможна жизнь. Ничего важнее твоего дыхания нет. Где-то здесь, на берегу, рождается ветер. Помоги ему. Вдохни в него немного своей жизни. Теперь ты слышишь?

Феликса и так знала, что Дина слышит. Волосы девочки трепетали у левой щеки, как маленькое крыло. Она дышала глубоко и ровно, и на очередной выдох подул настоящий ветер — сильный, уверенный бриз. Девочка вопросительно взглянула на Феликсу, та кивнула и начала раскачиваться с ноги на ногу, перенося ладони к груди, а затем выставляя ладони в сторону паруса. Движения рук и ног были синхронны: левое колено согнуто — руки над ним; переход и опора на правую ногу — ладони проходят возле груди и вытягиваются над правым коленом, направляют энергию к парусам. Дина повторила за ней, и паруса развернулись и захлопали, наполнившись. Доски скрипнули, и корабль повлекло прочь от причала, на котором тут же раздались возмущенные крики. Обшивка зазвенела — кто-то стрелял в них, выплескивая бессильную злобу.

— Не останавливаемся, малек, продолжаем раскачиваться! — подбодрила Феликса девочку. Та старательно дышала и двигалась размеренно, сгибая попеременно ноги.

Постепенно ветер усилился, и корабль поплыл все быстрее, вспенивая волны.

— Нам придется миновать форт на выходе из гавани, — напомнил Кистень, становясь к штурвалу. Он достал из-за борта кафтана складную подзорную трубу и уставился через нее на скалы, где, как они все знали, скрывались укрепления и орудия. — Готов поспорить, нас

там уже ждет теплый прием.

Феликса знала, что он прав. Но еще она знала, что чем дальше они отходят от причала, тем выше вероятность, что сила Колодца перестанет действовать.

Укрепленный форт, утопленный в скальном монолите, был абсолютно неприступен для большинства кораблей. Калибр пушек, которые обычно ставили на фрегаты, слишком мал, чтобы нанести хоть сколько-нибудь существенные повреждения форту. Будь у них несколько суток, Феликса могла бы что-то придумать: собрать брандер, атаковать с суши или хотя бы подкупить какого-нибудь офицера и устроить маленькую диверсию, которая даст им пару лишних часов, чтобы миновать зону обстрела.

Но времени у них не было совсем, и что гораздо хуже — все еще отсутствовала магия. Они уже приблизились к выходу из гавани, — и к форту, конечно, — но призвать хотя бы маленький огонек не получалось. Колодец действовал ровно в пределах гавани.

— Может, проскочим? — понадеялся Фабио.

— Без шансов, — буркнул в ответ Кистень. — Я осматривал этот форт как-то ночью, из шлюпа. Свистнул в порту и поплыл, думал, продам потом информацию каким-нибудь чертям, пусть разнесут к херам. Хрена лысого! Нечего оказалось продавать. Форт неприступен — это раз. С суши туда вообще ведет подвесной мост. Пушки стоят такого калибра! — он развел руками в стороны, чуть ли не выгибая их за спину. — Явно на скале стоят, не всякая каменная кладка удержит такую махину. Это два. Заряжаются, конечно, долго, но стоят всегда наготове. Ядро закинул, фитиль поджег и вперед, даже целиться не нужно...

— Но им ведь требуется перезарядка, так или иначе, верно? — заметил Акыр. — Сколько там батарей этих сверхтяжелых пушек?

— Я насчитал тридцать бойниц, — почесал в затылке Кистень. — На что ты намекаешь?

— Ветер Дины дует по команде, так? — начал Акыр. — Мы можем попробовать заставить форт сделать выстрел вхолостую.

— То есть?

— Смотри, — Акыр указал пальцем на горловину бухты, сформированную скалами. Скалы вздымались неполным кольцом, неровным, но почти сомкнутым, позволяющим разойтись всего двум-трем кораблям. Форт располагался с одной стороны горловины — противоположную скалу составляла прочная порода, вроде гранита, и обустроиться на ней жителям Бедерана так и не удалось. Зато со второй — сейчас она расположилась по правую руку с их стороны — форт был построен на совесть. — Перед горловиной мы разгонимся, как сможем. Вряд ли в форте понимают, какого происхождения ветер, который нас движет. У самого форта мы развернемся, перенаправим ветер, а после залпа наполним паруса заново. И уплывем до того, как они перезарядят свои здоровенные пушки.

— Может выгореть, — покивал Кистень. — Малая, что скажешь?

Дина вздрогнула, но, к удивлению Феликсы, не прекратила раскачивающих движений, помогавших ей усмирять ветер. Сама Феликса тоже продолжала раскачиваться, готовая подхватить магию, если девочка собьется. Но Дину не сбил даже рев Кистеня, обращенный к ней. Она наморщила лобик, что-то пошептала себе под нос и посмотрела прямо в глаза чародейке.

— Мы ведь справимся, правда? — еле слышно спросила она.

— Ты все делаешь сама, и делаешь хорошо. Ты способная, у тебя все получится, —

искренне ответила девушка.

— Ты все равно делай со мной, ладно? — все так же тихо попросила Дина.

— Конечно, — улыбнулась Феликса.

Дина откашлялась и звонко ответила штурману:

— Добро, господин штурман!

Кистень аж крикнул.

— Ну, девок понабрали! Одна хлеще другой!

Акыр довольно улыбнулся и подмигнул дочери, после чего принялся озвучивать команды. Матросы сновали по реям, тросам и палубам, готовясь к маневру. Кистень даже принялся немелодично напевать что-то похабное себе под нос.

Дина в соответствии с планом отца разгоняла корабль все быстрее. Светлые прядки метались маленьким ураганом, но ей это нисколько не мешало.

— Насчет "три"? — предложила Феликса. Девочка кивнула. Феликса обернулась на матросов, сновавшим по такелажу, чтобы подготовить паруса к маневру, и принялась считать: — Раз! — примерно минута до обстрела. — Два! — чуть больше половины минуты. Феликсе показалось, что она слышит шипение далеких фитилей. "Самообман", — отмахнулась она про себя. — Три! — выкрикнула она и вместе с Диной, не сговариваясь, повела руки вокруг себя.

Корабль слегка накренился, повинуюсь Кистеню и обрасопленным* парусам. Дина уцепилась за Феликсу, чтобы удержаться на ногах.

— Не останавливаемся! Добивай до полного разворота, — сказала она девочке. — И разгоняйся как можно быстрее.

— Кистень, старый хрыч, крути штурвал быстрее! — орал капитан.

Кистень и рулевые старались, как могли. Весь корабль вместе с ними затаил дыхание, ожидая залпа.

Когда Феликса уже начала думать, что маневр не удался, ее оглушил сокрушительный выстрел сразу тридцати огромных пушек. Корабль, все еще наполовину развернутый в сторону гавани, завершал поворот.

— Малая, разгоняй нас скорее! — завопил Кистень.

Дина и Феликса подхватили ветер, раскачавшись в один присест, и корабль помчался, как резвый конь, едва ли не быстрее прежнего.

Кто-то в форте пытался в них стрелять из ручных мушкетов, пистолетов и мелкокалиберных орудий, но фрегат проскочил слишком быстро, а расстояние от скалы с фортом до их корабля стремительно увеличивалось.

Они выскочили из горловины, как пробка из бутылки. В ту же секунду стало понятно, что магический ветер больше не нужен: над волнами дул уверенный морской бриз, да еще и попутный. Дина опустила руки и встала прямо. Феликсе пришлось тут же подхватить ее — та слишком устала и переволновалась, и ноги уже не держали девочку. Повинуясь непривычному порыву — скорее памяти, чем сердца — чародейка обняла девочку и погладила по голове. Волосы были влажными от пота.

— Ничего, больше не придется столько колдовать, — заверила она девочку. Та, похоже, засыпала на ходу, но все равно гордо улыбалась. — Ее бы в каюту отвести, — виновато обратилась она к Цефоре.

— И накормить, — дополнила Радна.

Фабио с Цефорой вдвоем унесли Дину под палубу.

"Магия вернулась, — внезапно осознала Феликса. — Я чувствую, как кто-то колдует!"

Она обернулась и увидела Брисигиду с ладонями, светящимися золотом над спиной Хольгера.

"Вот кто сразу занялся делом, — одобрительно подумала Феликса, — пора и мне сделать что-то. Как меня достала эта гавань, этот город, вся их гнилая продажная власть, впустившая ассасинов!". Глядя на горловину и виднеющуюся в ней гавань, она развела руки в стороны параллельно палубе, расставила ноги так, чтобы колени, согнутые под прямым углом, образовали квадрат, подняла ладони вверх и резким движением вытянула руки вперед, а затем стала с усилием поднимать, вытягивая из недр земли утопленные когда-то бедеранскими магами кораллы. Те успели немного нарасти, и когда она, забывая дышать от усилия, закончила свое колдовство, в нескольких местах вода забурлила, подпуская кораллы к самой поверхности. По мнению Феликсы, это должно было задержать возможную погоню.

"Вот и все, с чем я справилась, — осознала она, глядя на свои руки. — Вот и все".

Глава 4. Наставник

— Что значит "ушли"? — спросил холодный высокий голос, доносящийся из зеркала. Говорившего Джамир не видел. Возможно, его видел начальник группы, который только что закончил доклад об их неудаче. Он едва не ломал себе пальцы и, казалось, сам себе готов съесть за их провал.

Быть на его месте, как и видеть собеседника, Джамир не хотел бы.

— Мы полагаем, что этому способствовала девочка. За ней послали стражников, чтобы взять вместе с родителями, но кто-то... по их словам, скорее "что-то"... им помешал.

Джамир помнил этого "кого-то". Он сам не входил в ту группу захвата — послали других антимагов, замаскированных под особую когорту — но он шел по одной из улиц, по которой "кто-то" пробирался к гавани. Он едва не позабыл ритуальную мантру, когда увидел это огромное саблезубое чудовище.

— И вы не смогли узнать, кто это? — внешне спокойно спросил голос. Джамир, однако, знал, что говорящий был далеко не спокоен. Обилие вопросов с очевидным ответом говорило о том, что хозяйина голоса обуревала запредельная злость.

Джамир его понимал. Операция готовилась не одну неделю. На месте говорившего через зеркало он тоже разозлился бы. Каково! Распланировать все, предусмотреть даже взлом сокровищницы, и все равно потерпеть неудачу... Джамир буквально полнился пониманием. Но все равно до смерти перепугался.

Единственное, ради чего он вообще вслушивался в разговор — это наказание, которое им грозило. Джамир знал, что голос из зеркала — не сторонник казней. Возможно, именно поэтому его сторонники оставались маниакально верны. Вместо казней использовались другие наказания. Он называл их "усиленные тренировки". Во время одной из таких тренировок напарник Джамира сошел с ума. Он очень сильно провинился, и его оставили на ментальной арене на девять дней. Девять дней он лежал на кушетке, пристегнутый ремнями, и бредил под влиянием особого вещества, разработанного алхимиками-антимагами специально для боевых видений.

Мало кто выдерживал дольше трех дней.

Джамир ожидал, что их пристегнут ровно на три дня. В конце концов, его напарник получил такое жестокое наказание, потому что Джамир раскрыл его как дезертира и предателя. Жить провинившемуся больше не полагалось. Сойдя с ума, тот покончил с собой прямо в камере. Группа Джамира, в отличие от него, действовала по приказу, а значит, их наказание не должно их убить. Их единственная вина в том, что разведчики ничего не узнали про полиморфа, который раскидал оперативную группу, как щенков. Если бы они не успели поставить Колодец — как же у Джамира болела после него голова! — их группа тоже сейчас валялась бы с переломанными ребрами.

— Мне очень жаль, господин, — донесся до него голос начальника группы. — Моя вина в том, что мы воспользовались устаревшими разведданными.

— Да, пожалуй, — согласился голос. Джамир вздрогнул. — Вам нужно больше тренироваться. Пройдете три цикла по три дня. Будете тренироваться собирать информацию и обрабатывать тактику.

— Да, господин, — ответил начальник группы дрожащим голосом.

Данатос проснулся от странного видения. Все было черно-багровым и полным боли — не его боли, чужой. Он чувствовал, что боль принадлежит кому-то, кто видел его лишь однажды и почему-то связывал боль с ним. Однако спустя несколько мгновений видение переменилось, и перед ним появился маленький домик в ночной тундре. Домик-землянка скрывался за ползучими зарослями, но возле самой крыши в крохотном окне горел огонек — белый, нежный и трепетный, как летняя бабочка.

Проснувшись, он постарался запомнить как можно четче все увиденное. Станный сон казался перехваченным посланием.

У соседней койки он заметил сестру. Брисигида склонилась над Лаэртом. От рук лилось свечение — на этот раз голубое, не золотистое. Данатос знал, что это сканирующая магия.

— Ищешь призрак? — спросил он.

Сосредоточенная Брис кивнула.

— А еще эпилепсию, кататонию и другие побочные эффекты, — добавила она.

Призраком арделорейские жрицы называли страшную болезнь, которую вызывала спонтанная мутация тканей. Человек мог долго жить с мутировавшими органами, пока они не отказывали, и в большинстве случаев человек умирал. На начальных стадиях жрицы легко могли обнаружить опухоль с тканями-мутантами и аккуратно ее устранить. Но как правило призрак находили слишком поздно, особенно у стариков: они становились жертвой призрачной болезни чаще всего.

— Не найдешь, — уверенно заявил Дани.

— Не найду, — легко согласилась Брисигида. — В предыдущие два дня ведь не нашла. Перестраховываюсь.

Жрица ежедневно делала обход: сначала пострадавших, Лаэрта и Хольгера, затем и всех остальных. Данатос считал, что этими обходами она отвлекает себя от мрачных мыслей, которые ей навевал ее главный пациент. Точнее, пациентка.

— Ты уже ходила к Феликсе?

Брисигида тяжело вздохнула.

— Я не уверена, что она впустит меня после вчерашнего разговора.

Феликса спряталась в одной из кают сразу же, как вытянула с морского дна рифы. Капитанскую и три лучшие офицерские она занимать не стала, закрылась в самой маленькой из одиночных. Брис знала, что это тревожный знак — на своем рейдовом бриге, "Стальной Гарпии", она всегда отдыхала в самой комфортной каюте, капитанской, и никто не оспаривал ее право.

Тем не менее, в первый день, когда они только вырвались из гавани, Брисигида не обратила на это особого внимания. Ее больше беспокоило состояние Лаэрта и Хольгера. Дани, который тоже получил небольшие ранения, позаботился о себе сам: вдали от Колодца заработали его способности перевертыша, в том числе и усиленная регенерация, и к утру от порезов не осталось и следа.

К ночи, после ужина, на котором Феликса не появилась, Брисигида начала беспокоиться. Сперва она решила, что волшебница просто устала, вот и не выходит из каюты — уснула. Однако Данатос тоже волновался. Он рассказал Брис, что в день набора команды Феликса пришла совсем поздно и спала совсем мало. Жрица запоздало вспомнила, что нежить, которой стала теперь чародейка, вряд ли чувствует усталость. Эта мысль только усилила ее тревогу.

Убедившись, что Лаэрт и Хольгер идут на поправку, Брисигида постучалась в каюту, где

заперлась Феликса, но ответа не последовало. Брис слишком устала, чтобы допытываться, и ушла спать, надеясь, что утром ее давняя подруга объяснится.

Наутро Феликса не только не вышла из каюты, но и не разговаривала ни с кем, кто к ней стучался. Брисигида раздосадовало такое поведение. Ей казалось, что Феликса начала понимать, что значит нести ответственность за свои решения и поступки, однако пока ее состояние больше напоминало подростковый кризис. Жрица была уверена, что, оставшись одна, Феликса принялась жалеть себя из-за неудачи в порту, которая едва не стоила им всем жизни и свободы.

После обеда Брис попыталась поговорить с ней через дверь. Ее сочувственные речи так и остались безответным монологом. Когда она попыталась спросить Феликсу, не чувствует ли она первых признаков некроза, та разозлилась, швырнула чем-то жалобно звякнувшим в дверь и резко попросила оставить ее в покое. Попытка развить эту тему кончилась тем, что Брис услышала яростную тираду, суть которой можно передать всего одной фразой: "Ты понятия не имеешь, о чем говоришь".

Сегодня наступил третий день путешествия, и они подходили к водам, которые некогда патрулировала Феликса на службе в императорском флоте. Кистень уже показывал им маршрут, по которому он планировал миновать эти широты: дугу, удлиняющую их путь почти вдвое. Феликса и это собрание пропустила, игнорируя или ругаясь на всякого, кто пытался ее позвать. Единственным, кому она соизволила ответить, оказался Акыр. Капитану Феликса сказала, что испытывает жестокое нездоровье и не может пока выйти из каюты.

Брисигида, конечно же, знала, что это ложь. Какие болезни могут быть у мертвеца?

— Я мог бы пойти поговорить с ней, — предложил Данатос.

— А ты еще не пробовал? — удивилась Брис. Она думала, что ее брат в первую очередь попытается вразумить Феликсу и вытащить ее из кокона жалости и самобичевания.

— Нет, — смущенно ответил Данатос. — Это было бы нечестно.

— Почему? — окончательно запуталась жрица. — Нечестно по отношению к кому?

— К ней, конечно, — ответил оборотень. — Я очень долго считал себя проклятым, помнишь? Чудовищем, кровожадным уродом. Я много гнусных названий себе придумал. Мне кажется, она чувствует нечто подобное.

Брисигида задумалась. В детстве Данатоса и правда мучило осознание его звериного существа. Однако после нескольких медитаций и молитв, которым она научила его, брат стал получать множество видений, в основном во сне. В каждом из них он видел прекрасную женщину в свободном одеянии, скрывающем растущий живот, а у ее ног — хищных кошек и других зверей, спокойно спящих. Девять видений, девять кошачьих, которые жили в нем. Брисигида знала, что в этих видениях сама Триединая разговаривала с ним. Не словами, конечно, а так, как умеют беседовать только боги. На девятый день Данатос наконец-то осознал, что его сила — это не проклятие, а благословение. Брисигида, тогда еще совсем юная адептка, наконец додумалась отвести его в храмовый сад, где жили стражи храма и любимцы Триединой, Богини-Матери: хищные кошки разных пород. Этим хищников к храму приводила воля Триединой. Так или иначе, на своих лапах из степи или тайком в трюмах страшных скрипучих кораблей, коты и кошки добирались до храма, чтобы стать его частью. Дани провел среди них немало времени в своих звериных обликах, и ни одна жрица, кроме самой Брисигиды, так и не узнала, что одним из стражей был оборотень.

В день нападения, однако, Данатос и Брисигида находились далеко от храма. Вместе с Лаэртом они выполняли особое поручение верховной жрицы Нокт: рассказывали степным

народам о Триединой. Лаэрт, агент Тайной канцелярии, выполнял свое задание, но он не успел к нему даже приступить, когда из объятый пламенем столицы прилетел почтовый сокол с невероятным приказом: бежать и прятаться.

— Не думаю, что твой опыт достаточно сходен, — сказала наконец Брисигида. — Тебе помогла молитва Матери. В ее ситуации молиться — только беду на себя навлекать.

— Я не говорил, что ей подойдет мое решение, — покачал головой Дани. — Я лишь сказал, что единственный из всех могу представить, что она чувствует сейчас.

— Тебе не нужно мое разрешение, — мягко ответила Брис. — Если уверен, что можешь ей помочь, делай, что считаешь нужным.

Данатос кивнул и ушел к каюте чародейки.

Возле каюты он столкнулся с другой посетительницей Феликсы. Дина стояла возле двери, никак не решаясь постучать. Данатос ходил слишком тихо, чтобы девочка услышала его шаги, и все же она вздрогнула, когда он приблизился, и повернулась в его сторону.

— Здравствуй, Дина, — поздоровался он вполголоса.

— И тебе здорову, — ответила она и тут же густо покраснела.

— Ты пришла навестить нашу волшебницу? — спросил он, просто чтобы не молчать и немного поговорить девочку.

— Отец сказал, что она очень больна, — серьезно кивнула девочка. — Она поправится?

Данатос вздохнул и покосился на дверь.

— У нее очень серьезная болезнь. Я не знаю болезни хуже. Она может поправиться, но ей нужно особое лекарство. Его очень трудно достать, — выговорил он наконец. Он не хотел врать девочке.

— Мы ведь можем ей как-то помочь? — не сдавалась Дина.

— Мы? Не знаю, — пожал он плечами.

Девочка все поняла.

— А кто может?

"Это очень правильный вопрос, — подумал оборотень. — И я надеюсь, что Феликса слышит наш разговор. Очень надеюсь".

— Только она сама, — уверенно сказал он. — Она должна найти в себе силы жить вопреки смерти, дышащей ей в затылок.

Клацнула щеколда замка, и дверь в каюту Феликсы открылась. Она стояла на пороге, измученная, сутулая, помятая. Глаза покраснели, будто она проплакала несколько часов и очень долго не спала. Волосы — всклокоченные и спутанные, слипшиеся в сосульки на концах. Под ногами золотилась наполовину высохшая лужица, окруженная осколками зеленого стекла.

— В одном только ты неправ, — прохрипела она, глотая подступивший к горлу комок. — Смерть дышит мне не в затылок, а прямо в лицо! И я не чувствую разницы между моим дыханием и ее. Не трогай меня! — крикнула Феликса, когда он шагнул к ней. — Я не желаю покоя!

Девушка осеклась, увидев Дину. Кажется, Феликса не сообразила, что Данатос разговаривал с девочкой, не узнала ее голос. Она присела на корточки, запустив пальцы в волосы, и прикусила губу.

— Простите меня, — зашептала она, — я не хотела, чтобы кто-то видел меня такой... Простите...

Феликса боялась, что Дина ужаснется и уйдет. Маленькой элементали действительно было не по себе, но она и не думала уходить.

— Ты не хочешь жить, потому что думаешь, что подвела своих людей? — спросила Дина, опускаясь на корточки рядом с волшебницей.

Феликса закивала, внутренне содрогаясь, что нагружает девочку своим чувством вины.

— И это тоже, — признала она. — Есть причина моей беспечности и самонадеянности, и она не делает мне чести.

— Это твоя болезнь? — Феликса снова кивнула. — Разве человек виноват, что заболел?

"Еще один правильный вопрос, — одобрил Данатос. — Пусть даже она не знает, о чем на самом деле речь. Разве она виновата, что Брис оказалась при смерти? Что единственный способ спасти ее заключался в том, чтобы прижизненно умертвить себя? Чья вина, что все мы оказались в одном месте, преследуемые врагом, неведомым — и потому таким опасным?"

— Нет смысла искать виноватого, — вмешался он. — Мало кому бывает от этого польза. Мы ведь не дознаватели, а ты не на суде. Все закончилось, мы свободны, плывем, куда и хотели...

Феликса вдруг поняла, что с тех пор, как они с Фабио начали планировать побег из Бедерана, абсолютно ничего не пошло по плану. Ничегошеньки.

— Мы уплыли только благодаря Дине, — заметила чародейка.

— Никто не знал о ее способностях, — возразил оборотень, — даже она сама. Правда? — улыбнулся он девочке.

Та застенчиво улыбнулась в ответ.

— У меня бы не вышло так заклинять ветер без тебя! — выпалила она. — Ты будешь учить меня дальше?

Феликса недоуменно уставилась на нее. Она никогда не думала, что у нее могут появиться собственные ученики, как у ее наставницы Маронды. Одно дело — показать, как направлять ветер, и совсем другое — взять на полноценное обучение элементалю. Феликса и в Академии-то их ни разу не видела. "Элементаль на обучении у мертвячки, — горько подумала она. — То-то будет потеха, если кто узнает!"

— Я покажу тебе, что сама знаю, — пообещала Феликса.

— Пойдем, малек, — Данатос позвал девочку, которая аж засветилась после слов Феликсы. — Моя сестра давно беспокоится за нашу могучую волшебницу. Пусть осмотрит ее. Если кто и сможет помочь с этой страшной болезнью, так это Брисигида.

Дина кивнула, мол, понимаю, и вприпрыжку отправилась на палубу.

Как только девочка ушла, Данатос пристально посмотрел на Феликсу. Та осторожно сдвигала осколки бутылки с порога и все не решалась поднять на него взгляд.

— Предупреди, когда в следующий раз надумаешь хандрить, — попросил он. — Сниму тебе замок заранее. А то уже думал, что дверь выбивать придется.

Он развернулся и пошел обратно в каюту, которую делил с Лаэртом. Феликса так и осталась стоять на пороге, растерянно глядя ему вслед.

Брисигида пришла к ней спустя всего несколько минут.

— Фу-у, пахнет, как от...

— ...трупы, — закончила фразу Феликса. Брисигида поморщилась, но не стала развивать эту тему. Она была рада уже тому, что Феликса не стала закрывать дверь.

— Покажи руки, будь так добра, — попросила жрица.

Феликса прекрасно знала, что Брис хочет увидеть на ее ладонях. Данатос не мог не заметить, как кончики ее пальцев почернели, а кожа на остальной части рук стала пепельно-серой. Конечно он рассказал Брис о том, что увидел. Чародейка закатала рукава повыше, чтобы жрица могла как следует разглядеть границу, где заканчивалась серая кожа.

— Давно твои руки так выглядят? — взволнованно спросила Брисигида.

— С тех пор, как я выдернула кораллы.

В тот вечер Феликса не сразу заметила черноту. Она смотрела на близнецов-матросов, Кайла и Сойла, которые по очереди катали Дину на плечах, когда почувствовала, что пальцы, слегка касающиеся один о другой, шуршат, как наждак. Вот тогда-то она и убежала в каюту, пока никто не заметил стремительно распространяющегося некроза.

— Надорвалась ты, — вздохнула Брисигида. — Так и думала, что добром не кончится.

— Как там Лаэрт? — спохватилась Феликса.

— Они с Хольгером в порядке, — заверила ее жрица, — опасность для них миновала. Лаэрт и сейчас спит. Ему нужен отдых, чтобы восстановиться. Так, — Брисигида не позволила себя отвлечь от главного, — нужно осмотреть тебя полностью. Раздевайся.

— Еще чего! — возмутилась Феликса. — Нечего на мне больше смотреть, вот я мертвячка, вот мои мертвяцкие грабли, а вот мое будущее! — и волшебница показала неприличный жест, бытующий у моряков.

Брисигиде было не впервой воевать со строптивыми аристократками.

— Или ты разденешься сама и дашь мне себя осмотреть и вылечить, — жестко сказала она, — или это сделает Данатос. Сама понимаешь, он в разы сильнее тебя.

Феликса со вздохом принялась стягивать рубашку.

— Хороша же из тебя наставница, — буркнула Брис. — Ведешь себя, как маленькая девочка. А ведь прошедшей осенью тебе второй десяток миновал!

Тонкие бледные пальцы жрицы легли на живот Феликсе и стали аккуратно давить на разные участки. Убедившись, что внутренние органы некроз не затронул, Брисигида положила ладони на область сердца и солнечного сплетения. Ее маленьких узких ладошек едва хватило, чтобы прикрыть расползающуюся черную кляксу на коже волшебницы. Такие же некротические поползны покрывали ее ступни и позвоночник.

— Ну и что ты сразу в панику впала, — продолжила причитать Брисигида. — К мозгу некроз не подобрался, внутренние органы тоже не затронуты...

— А сердце? — Феликса ткнула пальцем в ладони жрицы, сомкнувшиеся прямо над ним.

— Только поверхностный некроз, — тут же ответила Брис. — Повреждена кожа. Но глубоко. Ничего, я восстановлю эпителий, а дальше мы тебя подлатаем за пару дней... Как же ты не уследила за этим? Так хотела быть полезной, что вычерпала часть жизненной энергии из своего организма?

— Я больше не ощущаю грани, — призналась Феликса. — Когда дралась с Акыром, не чувствовала боли от ударов. Когда распаковала сокровища из юбки, не было холода, который сопровождает тайную магию. Когда Лаэрт стал проводить силу, почувствовала жар, а боль — нет. Точнее, я знала, что она должна быть, и кричала. Я осознала, только когда увидела обугленные пальцы.

— Технически, они не обугленные. Это омертвевшая ткань. Только не мокнет, как у настоящего трупа.

Феликса хмуро покосилась на жрицу, которая одной рукой держала ее за запястье, а второй вела вдоль позвоночника. На руке уже не было видно ни черноты, ни серой кожи.

— Прелестные подробности, как я без них жила, — проворчала Фель.

— Ехидничаешь, — улыбнулась Брисигида, — значит, хандрить пока не будешь. Ах да, вот еще что, — добавила она без всякой улыбки. — Ты разбила бутылку. А пить-то ты из нее пила?

Феликса кивнула.

— Безуспешно?

Еще кивок.

— Побереги печень и почки. Не пей больше. Печень очень тяжело поддается регенерации, особенно при некрозе.

— Ты ужасная занудная зануда, — прокомментировала чародейка. — Да не буду я больше пить, не буду. Все равно же толку нет.

— Это, конечно, аргумент, — улыбнулась Брисигида. — Обязательно приходи на обед, мы покажем тебе маршрут Кистеня. И будь готова к вопросам. У меня уже каждый матрос спросил, что с тобой.

Феликса нахмурилась.

— Я не стану никому врать.

Брисигида склонила голову набок, грустно глядя на нее.

— Ценю твою честность, — сказала она, — однако, зная твою привычку говорить все в лоб, не выбирая выражений, позволю себе дать тебе совет. Сказать, что не хочешь говорить о чем-то, — не значит соврать.

Отвечать Феликса не стала.

К обеду Феликса переделалась в светлую рубашку с широким поясом-корсетом с множеством пряжек и длинную широкую замшевую юбку. День выдался тихий, и она оставила маленькое окошко — еще одно диковинное изобретение арделорейских корабельщиков — открытым, проветрить каюту. Круглое окошко двойного стекла можно было герметично закрыть ставней со специальным приспособлением * в случае шторма.

Она критично оглядела каюту и решила, что уборки, которую она провела на скорую руку, достаточно. Главное, что отдающая спиртом лужа и осколки бутылки на пороге исчезли — их она собрала в свой льняной платок.

Феликсе было немного боязно и, чего уж там, стыдно появляться перед командой. Однако отсиживаться и дальше в каюте казалось еще хуже, так что она открыла наконец дверь и решительно двинулась по коридору к кают-компани.

За столом собрался уже почти весь офицерский состав, а Радна деловито сновала между камбузом и каютой, продолжая ставить какие-то закуски. Феликса с удивлением глядела на соленую семгу, орешки и какие-то незнакомые нарядные фрукты.

— Вот так нас небось и вычислили, — неловко пошутила она, — по царским кушаньям, которые вы закупили.

Радна поставила на стол очередное огромное блюдо — кажется, с вяленой говядиной и пахучим сыром — и с улыбкой повернулась к ней.

— Рада видеть тебя в добром здравии.

Улыбка у нее выглядела настороженно.

Феликса вежливо поздоровалась с остальными и села между Брисигидой и Цефорой.

которые явно оставили это место для нее. Хольгер благодаря стараниям двух целительниц тоже был здесь — бледный до зелени, но явно идущий на поправку.

Не хватало только Данатоса и Лаэрта.

— Лаэрт только проснулся, — словно угадав ее мысли, сказала Брисигида. — Они с Данатосом немного опоздают.

Однако они явились всего несколькими минутами позже.

— Всем приятного аппетита! — с широкой улыбкой пожелал Лаэрт и сам принялся за трапезу так, будто не ел три дня. "А ведь так оно наверняка и есть, — подумала Феликса. — Будь я целителем, я бы погрузила человека с истощением в сон. Брис, возможно, так и сделала".

Данатос тоже изо всех сил налегал на жареное мясо.

— А как же бифштекс с кровью? Коровья печень? — блеснул наполовину золотыми зубами Кистень.

— Терпеть не могу полусырое мясо, — миролюбиво улыбнулся оборотень, вгрызаясь в куриную ножку. — Я вообще больше сладкое люблю.

Похоже, подобные разговоры за столом никому не были в тягость.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Феликсу Цефора, как только все покончили с горячим.

— Спасибо Брисигиде — намного лучше, — честно ответила волшебница. — Но до полного выздоровления еще далеко.

— Почему? — удивилась жена капитана. — Я многих целителей встречала, и сама умею врачевать. Брисигида — великий целитель, уж она точно поставит тебя на ноги.

— Видишь ли, — смутилась Феликса, — моя хворь — не совсем естественного происхождения.

Феликсе до смерти хотелось не отвечать на этот вопрос, но еще больше она хотела покончить наконец с самым неприятным — тайнами. Она с детства терпеть не умела скрывать что-то. Промолчать, когда не спрашивают, она еще могла, а вот ложь давалась ей тяжело. Она вдруг подумала, что единственный раз переступила через эту привычку в Боархолле, и эта мысль ей не понравилась.

— Проклятие? — ужаснулась целительница.

Брисигида с тревогой наблюдала за Феликсой и решила прийти ей на помощь.

— Вроде того, — вмешалась жрица. — На деле все несколько сложнее.

— Неужто вы, могучие волшебницы, не одолеете проклятия? — спросил Акыр, нахмурившись.

"Могучие волшебницы" переглянулись.

— Способ есть, — созналась Феликса. — Но простым его не назовешь.

— Что же в нем такого сложного? — настаивал Акыр.

— Если я тебе скажу, Акыр-ага, ты со мной дальше, может, и не поплывешь, — Феликса, как и обещала, старалась быть откровенной. — Давай так, — решила она. — Врать я никому не хочу, но путешествие нам предстоит еще немалое. Так что поплывем пока спокойно, а как на горизонте покажутся острова, я вам всем — всей команде — правду расскажу, как она есть, и на все вопросы отвечу подробно. И ваше право будет сойти в ближайшем порту и расстаться со мной навсегда.

— Ну уж так-то... — крикнул Кистень. — Уже ль нам от тебя разбежаться в диком ужасе придется?

— Кто вас знает? — вымученно улыбнулась Феликса. — Я знала немало людей, кто даже при слове "проклятие" к человеку подойти боится. А то и просто посмотреть...

— Ну, туману напустила! — присвистнул старый пират. — Какое уж теперь спокойное путешествие! Как тебя вообще угораздило на проклятие нарваться? Гробницу какую ограбила?

— Нет, — снова ответила за нее Брисигида. — Феликса приняла его добровольно, спасая мне жизнь. Так что мы с братом не покинем ее, что бы ни случилось.

Данатос согласно закивал. Торжественность клятвы немного подпортили круглые щеки, за которые он продолжал уплетать курятину.

— Мне и моей семье покидать вас тоже не с руки, — признался Акыр. — Вы нас вытащили из лап стражи. Это не первый раз, когда за нами пришли целым отрядом. Они ищут Дину, мою дочь. Не удивлюсь, если те тринадцать в гавани явились ради нее...

Феликса и подумать не могла, что Акыр может записать жутких ассасинов на счет дочери. С другой стороны, не просто так ведь они бежали из страны?

— Вряд ли эти люди знали, кем на самом деле является Дина, — покачал головой Дани, прожевав наконец птичье мясо. — Я думаю, ее считали просто потенциальной чародейкой. Уж не знаю, чем маги так не угодили повстанцам, но в первую очередь преследуют тех, кто обладает магической силой. Славирскую Академию предали огню. Даже храма не пощадили, ведь и у жриц есть своя магия! Рано или поздно антимаги и на элементалей найдут управу, но пока им, к счастью, невдомек, как заблокировать их силу.

— Тогда за кем послали этих... антимагов? — спросил капитан.

— Многие из нас оказались мишенью в день восстания, — подал голос Лаэрт. Феликса мысленно его поблагодарила: она была уверена, что антимаги оказались в гавани из-за нее. — Даже меня, не способного распоряжаться магической силой, преследовали. Брис пытались отравить здесь, в Бедеране. Только существование Данатоса оставалось тайной, но теперь и за ним начнется охота.

— То есть по сути они пришли за всеми вами, — подытожил Хольгер. Он сидел, откинувшись на резную спинку, и потягивал из чаши какой-то зеленоватый сок. — Такие преследователи не останавливаются. Вскоре мы окажемся в водах, которые раньше патрулировали арделорейские корабли. Уверен, что патрули все так же выходят в рейды, но уже в другом составе. И с другими целями.

— Ты прав, — кивнула Феликса, — я думала о том же. Кстати, как ты узнал об антимагах на причале? Ты ведь бежал предупредить нас.

— Один из них шел мимо рыбной лавки и бормотал себе под нос, — рассказал Хольгер, — и я его просто-напросто узнал.

— Узнал? — поразилась Феликса.

— Мне довелось быть в отряде, который вез какую-то важную посылку в цитадель антимагов. До того дня я до конца не верил в их существование! — признался солдат.

— Обычно Тайная канцелярия возила туда послания, — нахмурился Лаэрт. — Почему вдруг собрали стражников из городских?

Хольгер-северянин пожал плечами.

— Император велел собрать отряд для этой поездки из разных подразделений. О причине никому не сообщили, как ты понимаешь. Был и человек из Тайной канцелярии, но возглавлял отряд воин, которого я вообще раньше не видел, судя по всему, не из Славир. Мы сопровождали закрытую повозку, очень большую, снабженную несколькими

воздуховодами. Я бы подумал, что в ней перевозят какого-нибудь зверя, но ни один зверь не перенесет такого пути взаперти. К тому же, в повозку было запрещено заглядывать, стучать, вообще трогать, так что ее содержимое так и осталось тайной для всех. Зато когда мы доехали, я увидел легендарных ассасинов, — Хольгер вздохнул и поморщился, пересаживаясь удобнее. — Они стояли у ворот в замок. В таких же капюшонах, в черном и белом. Они так внезапно возникли из теней, словно специально перестали скрываться. Я так опешил, что запомнил их лица на всю жизнь. Не самые приятные рожи, — усмехнулся солдат.

— Вам наверняка велели ничего не рассказывать о той поездке, — предположил Лаэрт. — Раз уж даже мне, одному из офицеров канцелярии, ничего не известно об этом грузе...

— Может, и велели, — хмыкнул солдат, — вот только сейчас смысла секретничать я не вижу. Антимаги ловят всех чародеек, разве такой был план у императора?

— Ассасинов, которым есть что противопоставить чародеям, взрастил другой император, — напомнил Лаэрт. — И все, сколько я их видел, как один — выпендренные макаки! Чванливые, не хуже самих магов, а толку от них чуть. Если кто из волшебников начинал безобразничать, его волшебники же и вязали, антимаги и чихнуть не успевали! А эти...

— ...Эти — воины, — согласился Данатос. — Фель, а ты что про них скажешь?

Феликса покачала головой.

— Лаэрт, давно ли ты сам их видел? — Агент махнул светло-русыми кудрями, мол, да, давно. — То-то и оно, что они уже не те бесполезные акробаты, какими были, скажем, лет десять назад. Отец устроил мне обучение у одного из них, всего на пару месяцев, — начала рассказывать девушка. — Приехавший учитель носил маску и ни разу не показывал мне своего лица. С клинками он обращался искуснее любого из мастеров при императорском дворе. Имени своего ассасин тоже не называл, я звала его по прозвищу — Мангуст. Он сказал, все, кто выезжает во внешний мир, открывают только прозвища, и каждый раз меняют их, называясь новому человеку.

Хольгер возразил:

— Но их воины у ворот были без масок, хотя и встречали посторонних.

— Сколько лет назад ты ездил туда? — спросила Феликса.

Северянин задумался.

— Чуть меньше десяти лет, наверное. Думаешь, они после этого так изменились?

— Почти уверена, — кивнула девушка. — Я думаю, это кто-то из них спланировал и поднял восстание. И готовил его не один год.

Феликсе самой только недавно в голову пришла эта мысль. За время жизни в Бедеране она не задумывалась, кто сжег все арделорейские устои в пламени революции. Только услышав в мыслях Мордредра имя Ребеллиона — вряд ли настоящее — она стала задумываться об этом. И пришла к неутешительному выводу: кто-то невзлюбил волшебство так сильно, что решил уничтожить всех, кто хоть как-то к нему причастен. Одного она пока еще не решила — из ненависти ли... или из зависти?

В Арделорее испокон веку рождались маги. Нет, конечно, и в других странах они были, но не столько. Кроме того, арделорейских чародеев словно любила сама природа: стихийная магия давалась им без труда, а первые элементали — элементали воды — родились на берегах озера Каракач. Арделорейские правители издавна привыкли к зависти и соседей, и

дальних стран. Но кто бы мог подумать, что на везучих повелителей стихий ополчится собственный народ?

Лет тридцать-сорок назад Арделорее уже грозило кровавое восстание. Немудрено: возгордившиеся своим благословением маги совсем зарвались. Многие считали себя выше других людей, лишенных магического дара. Император, лишенный способностей, подобно многим простым горожанам, увидел угрозу своей власти в древнем чародейском собрании мудрецов — Вече. Именно трусливый император, Таврос, второй в своей фамилии, потратил баснословные деньги на исследования, призванные выяснить, как лишить мага его магии. И, увы, достиг успеха.

Первое время маги и правда присмирели. Любого из них приводила в ужас мысль о том, что кто-то, пусть и особым длительным ритуалом или хитрым зельем, может лишить их силы. Многих гордецов-магов пугала потеря власти и влияния. Но нашлись и другие, к которым прислушались мудрые старейшины Веча. Среди них была наставница Феликсы — Маронда. В юности — малышка-Марошка. В зрелости, перед ликом беды — Маронда Премудрая. Под ее началом Академия Магических Искусств Славиры — а вслед за ней и другие школы по всей Арделорее — стали воспитывать юных магов иначе: в смирении и труде.

Каждый маг обязывался доказать, что в гордыне не станет вредить соседу с помощью своей силы. Для этого группа чародеев во главе с Марондой разработали зелье, погружающее чародея в иллюзорный мир, где разные события показывали истинный облик человека. К людям жестоким и черствым мир иллюзий был так же немилосерден, как они сами — к окружающим. Эгоисты и гордецы проходили иное испытание — одиночеством и унижением.

Феликса в свое время это испытание прошла едва-едва. Но через несколько лет поняла: потрясение того дня много раз останавливало ее, испытанный стыд не позволял совершать дурного. Только от злословия она так и не отучилась.

Маронда к моменту поступления Феликсы успела состариться. Она не сразу увидела плоды своих трудов. На первых порах чародеи возмущались и изо всех сил портили себе репутацию, обращаясь с людьми без магических способностей, как с грязью.

Таврос Второй, не слушая своих советников и старцев Веча, намеревался решить вопрос силой. Сперва он издал множество указов, урезающих права магов. Привычные для них действия оказались вне закона, а самое главное — один из законов лишал всех возможности заработать на магических услугах. Отныне хорошую погоду, исцеление, предсказания и многое другое маги обязаны были делать бесплатно. Любому, кто попросит.

Маги, конечно же, отказывались работать даром. Тогда император пригрозил всех арестовать за нарушение указа. Чародеев, рассмеявшихся ему в лицо, встретил неприятный сюрприз: отряды по тринадцать воинов в каждом квартале Славиры, читающие мантру. Призывающие Колодцы по всему городу.

Обилие аномалий, поглощающих силу, грозило настоящей катастрофой. Мало того, что людей в присутствии Колодцев начинала мучить мигрень, а многие животные буквально сходили с ума — в первую очередь, конечно, кошки — еще и стихии восставали против надругательства над природой. Через окраину города пролегла длинная трещина, разрушившая тайное императорское убежище. Море в заливе стало бурлить, а прилив и отлив сменяли друг друга каждые полчаса. На берегу начал зарождаться чудовищный, неистовый ураган, а многие дома загорелись от еле теплившихся очагов и свечей.

Горожане не простили императору Тавросу тиранской выходки. Революция грозила разгореться с чудовищной силой, и, вне всякого сомнения, переродиться в гражданскую войну: люди одинаково ненавидели и магов, и ассасинов, воздвигавших Колодцы, и самого Тавроса. Кто знает, чем бы все это закончилось, если бы не болезнь императора. Таврос Второй уже очень давно был болен призраком. Даже если бы жрицы захотели ему помочь, они не могли. О призраке стало известно слишком поздно.

Империю в скорбный и опасный час принял в свои руки молодой Леветир, единственный сын Тавроса. Он тщательно скрывал от отца собственные магические способности — очень слабые, но вполне реальные. Юному Леветиру, Маронде и чародейскому Вече удалось обуздать народную ярость — ценой компромиссов и долгих переговоров с наскоро созванным советом горожан.

Помимо отборочных тестов ученики Академии отныне стали проходить рабочую практику. Боевые маги могли нести службу в патрулях, целители — лечить в городских больницах, алхимики — разрабатывать новые вещества и смеси для нужд города. Много доброй работы нашлось для магов, прежде таких чванливых. Гордецы, высокомерные и холодные, быстро отогревались искренней благодарностью горожан. Все были измотаны десятилетиями противостояния и отчаянными действиями императора Тавроса. И все же — понадобилось еще некоторое время, чтобы маги обрели прежнее уважение, отныне замешанное не на страхе, но на благодарности.

Не всех магов устроил такой исход, и отряды антимагов Тавроса не остались без дела. Еще несколько лет они ловили бунтарей по всей стране, пока новое поколение магов, вдохновленное идеями равенства и ответственности за подвластные им силы, не возложило эту обязанность на себя. "Как в древние времена воины верили в правду духа и справедливое оружие, повинующееся этой правде, мы вверяем правосудие Природе, чьим даром мы пользуемся", — сказали тогда молодые чародеи. Они справлялись не в пример лучше антимагов, ведь они знали, как рассуждают чародеи, преступившие закон.

Однако тюрьма для магов осталась та же: суровые остроги в тундре, в комплексе цитадели антимагов, основанной Тавросом. Хуже тюрьмы и выдумать нельзя — земля в этих местах попросту омертвела, стала замороженной и бесплодной. На подступах к крепостям-острогам не росла даже цепкая тундровая растительность, а по голым скалам не бродили в поисках пищи ни хищники, ни другое зверье. Никто не брался утверждать, всегда ли эта земля была такой негостеприимной, или начала отдавать мертвечиной только после вмешательства антимагов. Факт оставался фактом: как эти места не любила жизнь, так же их избегала и магическая энергия, составляющая основу мира. Не поколдуешь.

Так рассказывали Феликсе ее многочисленные наставники, включая родителей, а также саму Маронду, ставшую очевидцем многих судьбоносных событий. Мать Феликсы, леди Валисс Ферран, была очень тихой и скрытной женщиной, и будто робела перед собственной дочерью. Но при этом — очень сильно любила, и Феликса это знала, потому что Валисс никогда не боялась это показать. Нельзя сказать, что девушка часто расстраивала мать, и все же Феликсе нередко бывало необъяснимо стыдно перед ней.

Когда они бежали через пустыню, и Маронда осталась, чтобы дать шанс хотя бы Феликсе, Валисс решила ей помочь. Маронда не возражала. Наставнице пришлось силой выпроваживать Феликсу, которая все еще не понимала, чем ее жизнь ценнее их, оставшихся защищать ее, ее одну.

Все-таки чего-то она не знала о матери. Чем эта тихая, мирная женщина могла помочь

хитрой ведьме Маронде?

Феликса знала, что магические способности передались ей по материнской линии, но сама Валисс никогда не колдовала. Разве что...

— Фель, ты в порядке?

Волшебница вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей. Большинство моряков разбрелись с обеда, кто на дежурство, кто по каютам. Остались Акыр с Цефорой, Кистень и ее старые знакомые. Все они обеспокоенно смотрели на нее и друг на друга.

— Так ты считаешь, что антимаги устроили заговор? Они убили императора? — взволнованно спросил Фабио.

Феликса кивнула.

— Тому есть немало свидетельств, — она стала рассуждать вслух, чтобы не выпадать из беседы. — Во-первых, в сокровищнице Мордредда Пигсвелла оказалось много императорских артефактов. Часть заряжены магией или эмануруют ее остатками. Тот, кто передал их Мордреду, дал ему и амулеты, способные засечь активную магию. В Бедеране таких никогда не делали! При этом охраны в Боархолле явно недостаточно для хранения таких ценностей. Так тоже не бывает, — покачала головой она. — Значит, эти гексы могут намного больше, чем думает хозяин замка. Запустить локальный Колодец, например...

Брисигида поморщилась. Ей тоже до сих пор было не по себе от последствий Колодца.

— Сам факт, что в первую очередь взялись за магов, кажется мне самым убедительным доказательством, — кивнула Цефора. — Уверена, среди антимагов осталось немало верных приспешников Тавроса.

— Таврос давно умер, — возразил Акыр. — Даже его советники не поддерживали его политику. Что уж говорить об антимагах!

Кистень задумчиво поскреб подбородок.

— Я что-то не понимаю, — проворчал он, — что за антимаги такие? На ведьм охотятся?

Лаэрт и Феликса переглянулись.

— Теперь ты рассказывай, — сказала она.

Лаэрт на секунду задумался.

— Антимаги — это особые убийцы, элитное подразделение, которых начали тренировать около полувека назад в тундре на севере Арделореи, — начал он. — Сперва они выполняли роль личной гвардии императора Тавроса, который очень боялся волшебников. Но ассасинов-антимагов народ боялся намного больше чародеев, потому что их методы... — Лаэрт замаялся, силясь подобрать слова. — Противоестественны. Если бы не смерть Тавроса, в Славире все передрались бы, и горожане, и маги, и убийцы.

— Главу антимагов казнили вскоре смерти Тавроса Второго, — тихо добавила Брисигида. — Он совсем обезумел, когда узнал, что наследник Тавроса — чародей. Покушался на жизнь императора Леветира, но его защитил Драган Ферран. Отец Феликсы Он великий воин...

— Был, — глухо добавила Феликса. — Да, отец тогда был еще совсем молод, но сумел справиться с убийцей. Он рассказывал, что чуть не умер в тот день.

— Так они искусные воины, получается? — нахмурился Кистень.

— Убийцы и садисты, вот кто они, — буркнул Лаэрт. — Воины бьются честно. Ассасины сражаются, как крысы: тайком, из засады, не гнушаясь ничем, включая яды и калечащие ловушки...

— А я все думал, как вам сказать, что за мной могут прийти опасные люди, — хохотнул

Кистень, ничуть не убоившись "убийц и садистов". — А моим бандюгам, похоже, придется встать в очередь, да еще и побережься!

Брисигида и Цефора переглянулись и тоже рассмеялись.

— За каждым, кто сидит за этим столом, кто-то охотится, — сказала наконец Феликса. — За кем-то более активно, за кем-то — менее. Никто не должен извиняться за такое, — уверенно продолжила она. — Никто не несет ответственность за действия своих преследователей. Никто не виноват, что родился с магическими способностями или неприличной для пирата честью, — Кистень неловко заерзал под ее взглядом, догадываясь, что последнее относится к нему. — Единственное, что я могу пообещать вам — что не пожалею никаких средств, чтобы защитить всех, кто мне доверился.

Выговорившись, Феликса вдруг осознала, что Дина была права до последнего слова, когда разговаривала с ней возле ее каюты. Все это время она разрывалась между чувством вины и оскорбленным самолюбием, не понимая, что у их проблем один корень, одна причина, и одно неотделимо от другого. Теперь у нее были силы со всем смириться и продолжить борьбу, в том числе за свою жизнь.

— Я тоже, — кивнул Лаэрт.

— И я, — отозвалась Брисигида.

— Мы все, — добавил Данатос. Фабио согласно закивал.

Феликсе стало намного спокойнее от этого разговора, от озвученного обещания, от поддержки Брисигиды и остальных.

— Добро, — сказал наконец Акыр. — Постоим друг за друга, как и положено одной команде. Покажи лучше, милсдарь штурман, свой маршрут.

И они все уставились на карты, разложенные одноногим навигатором. "Как и положено одной команде", — повторила про себя Феликса.

Дина с самого утра стояла у левого борта.

Когда она встала, было солнечно и свежо. Новая наставница показывала ей дыхательные упражнения, и они долго их практиковали: втягивали воздух разными ноздрями по очереди, глубоко вдыхали и мелко и часто выдыхали, задерживали дыхание и наоборот, наполняли легкие полностью. "Дыхание, — говорила наставница, — это основа твоей силы, твоей природы. Когда ты дышишь, ты говоришь с ветрами. Они слушают тебя, как песню, как змеи слушают заклинателя с дудочкой, и ждут, когда ты объявишь свою волю".

Дина дышала с закрытыми глазами, стоя на одной ноге, раскинув руки, на четвереньках и в мостике. Дышала, пытаясь расслышать ответ своей стихии. В конце концов у нее получилось: с юго-востока подул уверенный бриз, благодаря которому они быстро ушли из опасных арделорейских вод.

Но к вечеру вошли в другие, не менее зловещие.

Девочка уже не первый час вглядывалась в густой туман по левому борту и удивлялась, как так получается, что правый борт купается в закатных лучах, а левый кутается в мглистую шаль водяной взвеси. Наставница объяснила: "Мы на самой границе проклятого архипелага. Проклятые острова Смерти, или Фарниссовы острова — вот что прячет туман".

Дина, конечно же, попыталась сдуть этот туман с корабля, но ветер, вопреки здравому смыслу, проходил сквозь плотную завесу, даже не всколыхнув ее. Феликса и это объяснила: "Раньше я думала, что это иллюзия, весь этот туман, — рассказала чародейка. — Но однажды я рискнула в него заплывать, совсем чуть-чуть. Мы все промокли насквозь, и многих

начало лихорадить. А как только мы выплыли на солнце, все прошло. Как ты понимаешь, это не обычный туман..."

Феликса много всего рассказывала, пока учила ее. Дина про себя думала, что она очень хороший учитель: она никогда не кричала, не грозила длиннющей хворостиной, а еще — чудо из чудес! — отвечала абсолютно на все вопросы Дины. Даже на те, которые Дина сама считала глупыми. Наставница рассказала Дине, почему дует ветер, зачем человеку дышать, откуда в океане столько воды, а в горах летом снег. В отличие от прежних учителей, которые совсем недолго пытались учить Дину магии, ее новая наставница сразу объяснила, почему они начинают с дыхательной гимнастики и зачем упражняются физически. Она, не в пример тем учителям, знала, что Дина так же отличается от других магов, как рыба от лягушки: первая принадлежит своей стихии и живет в ней постоянно, в то время как вторая не может находиться в этой среде вечно.

Наставница даже договорилась с ее строгим отцом, чтобы тот разрешил им спать на палубе под навесом, чтобы Дина всегда могла слушать ветер и чувствовала себя комфортнее.

Дина была бы просто счастлива, но этот туман ее пугал, как ничто другое. Отцу он тоже не нравился: когда одноногий грубиян с жутким прозвищем — Кистень! — показал отцу и наставнице свой маршрут, отец сказал навигатору, что он псих, а Феликса с довольной усмешкой сказала, что он гений. Что антимаги ни за что в жизни не сунутся в аномальную зону, окружающую проклятый архипелаг.

— С чего это? — ворчал тогда капитан. — Проклятие — это магия, а они — антимаги! Разве они такого испугаются!

— Еще как, — рассмеялся ему в ответ красивый юноша с чистым лицом и светлыми русыми волосами. Дина знала, что он служил шпионом императора когда-то, но имени его пока не запомнила. — Иначе на патрульных кораблях и раньше плавали бы антимаги. Но нет, они никогда не ходят так далеко в море. А все почему?

— Почему? — встряла Дина и впервые не получила втык от взрослого человека за свое любопытство. Наоборот, шпион улыбнулся ей, как будто ждал, что кто-то его спросит.

— Потому что на этих островах нет ничего живого, — уверенно ответил он.

Дина в тот момент испуганно пискнула.

— Ты все-таки не совсем прав, — поправила его наставница Феликса. — Что-то живое там определенно есть, что-то, что тянет к себе мертвецов и не дает прохода живым. И это что-то — точнее, кто-то — антимагам не по зубам.

Отец Дины недовольно хмыкнул.

— А нам, стало быть, по зубам?

— Нет, конечно, — вмешался Кистень, — но нам и не надо пробовать эту тварь на зуб! Никто нас не тронет.

— Откуда такая уверенность? — недоверчиво ворчал Акыр-ага.

— Ей нравятся моряки, — пожал плечами пират.

— Ей?!

— Что значит "нравятся"? — выпалили почти одновременно Феликса и шпион.

Одноногий рассмеялся.

— Многие на Паланийских островах знают байки про Фарниссовы острова. Фарнисс был славный малый, — в голосе Кистеня сквозила ностальгия и мечтательность, — и, бывало, ремонтировал свои корабли в портах Палании. Легендарный командор! Сколько земель он открыл и сколько охрентельных историй набаял... Говорят, он пропал на

проклятых островах, потому что их хозяйка воспылала к нему страстью и околдовала. И с тех пор не губит моряков, подобных ему.

— Подобных в чем? — заинтересовался шпион.

— Фарнисс был чародеем, — вспомнила наставница. — Как и император Леветир, небольшой силы. В этом все дело?

— Точно, — подтвердил пират. — И со мной на корабле такой шел, когда мы бежали от паланийской Морской Вольницы. Лоцман, который знал все глубины без всякого лота. Жалко мужика!

Никто не спросил, что с ним стало, но Кистень и сам рассказал:

— Казнили его поганые южане. За девицу, видите ли, вступился, а та из гарема какого-то вельможи сбежала.

Дина вспомнила, как отец не выпускал их с мамой из их пристанища-землянки, и как она тогда обижалась, и как мечтала сбежать. И поняла, до чего глупо было дуться на отца: ведь он охранял их от наисквернейшего города на свете с глупейшими и жесточайшими законами.

Теперь Дина многое воспринимала иначе. Два месяца взаперти в чужом городе и сумасшедшее плавание втроем на большущем корабле — этого оказалось достаточно, чтобы утратить прежнюю наивность и доверчивость. Но последняя неделя в землянке далась ей особенно тяжело: душный дом только усиливал чувство тревоги, не отпускавшее ее ни на минуту. Оказавшись на корабле, на открытом пространстве, она словно очнулась от глубокого сна. И за время этого "сна" она переродилась в кого-то более решительного, сильного, отважного. В тот день, призывая ветер вместе с обессилевшей из-за борьбы с ассасинами Феликсой, Дина почувствовала, как ломается кокон из страха, сомнений, горя, неуверенности. Раньше ее единственной опорой были родители, а теперь она верила, что и сама сможет за себя постоять, и эта вера расправляла ее тонкие неокрепшие крылья.

— Ты ведь сможешь летать когда-нибудь, — сказала ей наставница, когда Дина пыталась ей объяснить про свой "кокон" и "крылья". — Это не самая простая магия, но тебе она дастся намного легче, чем мне или твоим прежним наставникам.

Отец боялся тумана еще больше, чем сама Дина. Он был категорически против плыть через воды проклятого архипелага. Тогда они с наставницей долго спорили.

— Вы с этим чокнутым пиратом предлагаете мне шило на мыло поменять! — возмущался Акыр. — Я не стану подвергать команду такой опасности.

— Очень советую тебе пересмотреть свое мнение, — процедила Феликса. — От ауры островов я еще найду защиту. А вот с эскадрой антимагов ничего не поделаешь!

— Это хотя бы понятный противник, — фыркнул капитан. — От него можно уйти под парусом.

— Хочешь дочь до полусмерти уморить? — съехидничала наставница. Дина подумала, что это несправедливое обвинение, ей даже стало обидно за отца.

— Думай, что говоришь, женщина! — прикрикнул Акыр. — Не забывай, кто здесь капитан! Что мы, без магии от врага не уйдем?!

— А я тебе о чем, упрямец! — вспыхнула чародейка. — Не уйдем. И битву не потянем: людей мало, канониров совсем нет... Сколько ты от преследователей лавировать будешь? Сутки, двое? Мы получили фору, а ты ее просрать собрался!

— Просрать, значит, — капитан сплюнул на палубу. — Созывай офицеров! Будем вместе решать.

К совету отец остыл. Офицеры выслушали все за и против и от Феликсы, и от Кистеня который этот маршрут предложил, и от капитана. Самым убедительным оказался Кистень. Так что Дине пришлось смириться со своей боязнью.

Стоя у левого борта, Дина мечтала, как когда-нибудь и правда полетит. Это помогало ей справиться со страхом перед туманом.

— Корабль на северо-востоке! — закричал вдруг матрос из "вороньего гнезда".

Дина побежала на корму и стала напряженно вглядываться, но так ничего и не заметила.

— Держи, малек, — сказал вдруг хриплый голос Кистеня. Дина обернулась и увидела, что рыжий бородач с улыбкой протягивает ей здоровенную подзорную трубу.

Девочка аккуратно разложила ее во всю длину и посмотрела еще раз.

— Паруса черно-белые. И что-то красное на флаге...

— Ишь ты, глазастая, — похвалил ее штурман. — Я только черно-белое разглядел. Небось эти самые твари, антимаги.

— Ты сказал, они за нами не поплывут, — удивилась Дина.

— Они пока не видят туман, — пояснила Феликса, подходя к ним. — Он довольно низко стелется. Но я бы не стала ждать, пока они подойдут на расстояние выстрела. У нас слишком мало канониров. Действуем по плану, — напомнила она.

По плану — значит, нырнуть в туман. Дина внутренне поморщилась, хотя и знала, что Феликса приготовила ритуал для поддержания вокруг корабля барьера, который должен не допустить этот вызывающий лихорадку туман.

Волшебница пошла на полуют^{*}, где были разложены ингредиенты для ритуала: три длинные серебряные спицы, тонкая серебряная проволока и маятник из рутилового кварца. Феликса воткнула спицы в доски вокруг себя, быстро намотала между ними проволоку, взяла амулет-маятник за тонкую цепочку и стала аккуратно раскачивать по кругу. Вскоре маятник начал двигаться сам, и чародейка отпустила цепочку. Кристалл изменил траекторию и стал летать вокруг нее, внутри треугольника из спиц и проволоки.

Чародейка сделала обширный пасс руками, словно накидывала покрывало, и корабль накрыло потрескивающим полупрозрачным колпаком барьера.

— Ныряем! — приказал капитан, увидев, что Феликса закончила ритуал.

Кистень, вставший на время пребывания в тумане за штурвал, приказал переложить руль, и корабль погрузился в серовато-белое молоко. Наступила зловещая тишина, в который слышался только скрип снастей и потрескивание барьера. Корабль шел ровно, неестественно ровно, словно ветер гнал его по гладкой поверхности без волн и качки. Дина, все еще стоя на корме, заметила, как исчезла пена на кильватерной линии.

— Компас здесь сбоят, — напомнил Кистень, — так что курс держу на пять градусов восточнее нужного.

— Как вы высчитали поправку? — поинтересовался Акыр.

— Один корабль плывет в молоке, другой — параллельным курсом, — пояснил штурман. — Потом сверяем.

Феликса, услышав вопрос, прокомментировала:

— Мы тоже пытались высчитать погрешность таким способом. Результат приблизительный, но колеблется действительно в районе пяти градусов. Так значит, пираты уже прятались от кого-то в тумане островов Смерти?

— Прятались?! — возмутился Кистень, потрясая бородой. — Чем я заслужил такую хулу

от тебя, магичка? Мы искали следы Фарнисса, я и несколько моих друзей.

— Ну, извините, — иронично улыбнулась Феликса. — Кто бы мог подумать! Зачем пиратам искать пропавшего арделорейского адмирала? Речь, очевидно, о долге чести?

Штурман улыбнулся, но улыбка вышла очень грустной.

— Когда я стал ссориться с Морской Вольницей из-за работорговли, — пояснил он, — Фарнисс меня здорово выручил. Чего уж там, жизнь нам спас! Не иначе, сам дьявол в женском облике сидит на этих островах и заманивает к себе моряков.

— Вы тоже не смогли пробыть в тумане достаточно долго, чтобы доплыть до сердца архипелага? — ровным голосом спросила Феликса. Никто не заподозрил бы, что ей тяжело держать барьер, но Дине казалось, что это не так уж просто. Чародейка держала спину прямой и напряженной. Руками она периодически делала какие-то пассы, от которых потрескивание барьера усиливалось.

Кистень сокрушенно покачал головой.

— Соваться в чертов туман без чародея — форменное самоубийство. Не все потом оклемались.

Феликса вдруг дернулась, словно кто-то закричал ей прямо в ухо. Она осмотрелась и поняла, что никто больше так не отреагировал, и ничего не сказала, только нахмурилась.

Дина очень беспокоилась за Наставницу, которая, как ей было известно, страдала от страшного проклятия. Так что девочка прошла к ней на полуют и очень тихо спросила:

— Тебя что-то беспокоит? — Феликса устало посмотрела на нее. — Ты сильно вздрогнула. Как от громкого звука.

Вблизи девочка увидела, что лоб чародейки покрылся испариной.

— Это, должно быть, последствия проклятия, — отмахнулась Феликса. — Не бери в голову.

— Это неправильно, — упрямо возразила девочка. — Когда тебе становится хуже, нужно советоваться с лекарем. Так мама говорит.

Суровая чародейка вымученно улыбнулась.

— Можешь сказать Брисигиде, что ее пациентка испытывает слуховые галлюцинации.

— Галлю...? — не поняла девочка.

— Слышит то, чего на самом деле не может быть.

Брисигида, Данатос, Лаэрт и Дина напряженно вслушивались уже больше получаса. Никто из них, даже Данатос с его сверхъестественно острым слухом, не мог различить звуков, описанных Феликсой. Однако Брис другого и не ожидала.

— Я не думаю, что это просто галлюцинация, — сказала она Феликсе, когда та наконец объяснила, что именно ей послышалось. — Эти воды перенасыщены темной магией. Я ощущаю присутствие какого-то древнего существа.

— Темная не всегда значит злая, — заметила Феликса. Барьер неумолимо тянул из нее силы. Если бы не Брисигида с ее целительными чарами, она могла бы этого и вовсе не ощущать, но сейчас она ужасно радовалась ощущению утомления и напряжению.

— В этом случае можно уверенно предположить, что ничего доброго тут нет, — заверила ее Брис. — Нужен более точный анализ, но он скорее всего только подтвердит мои догадки. Подозреваю, что замешана мощная некромантия.

— Это в некоторой мере объясняет, почему я слышу то, чего никто больше не слышит, — согласилась волшебница.

Феликса говорила о том самом звуке, который описал в судовом журнале Фарнисс: дикий крик, похожий на чайку, но куда более жуткий. Кроме того, она призналась, что слышит и другие странные звуки, например, стоны, как у китов, но тоже безусловно не имевшие к ним отношения. Временами до нее доносился зловещий шепот, в котором она не могла распознать ни единого слова. И кто знает, что еще чародейка услышала бы, если бы не барьер?

Брисигида была благодарна Дине за наблюдательность и беспокойство о Феликсе. Та уже не в первый раз игнорировала тревожные симптомы своей "послежизни". В этот раз, однако, эти симптомы могли предупредить их об опасности, тем более что им еще предстоял более глубокий рейд в эти места.

Когда Брис высказала это Феликсе, та сокрушенно призналась:

— Я и сама это сообразила, когда Дина спросила меня. Займешься анализом местной ауры? Нам плыть еще не меньше двух часов. Если только и время в этом проклятом месте не течет иначе...

Теперь Брисигида собиралась разместить на корабле особые датчики. Удачное стечение обстоятельств, благодаря которому в ее распоряжении оказалось множество драгоценностей для зачарования, позволило ей изготовить датчики некротической энергии и темной магии высочайшего качества. Если бы она уже находилась в эпицентре распространения энергии такого характера, ей было бы далеко не просто это сделать. Но магический барьер делал свое дело, пропуская только тончайшие сигналы, которые Феликса притягивала к себе, как некротический маяк. Без такого маяка никакие сигналы не проникли бы через преграду. "Не преграду, — поправила себя Брисигида, — маскировку". Феликса настаивала, что отгораживаться от непонятного тумана толку нет, куда эффективнее создать иллюзию, что их не существует.

"В последнем рейде в эти места я поняла, что этот дурацкий туман подчиняется разумному существу и служит ему чем-то вроде органов чувств. Для меня в моем нынешнем состоянии разницы нет, а вот вас надо защитить. И если я создам ограждающие чары, будет только хуже: это существо сразу поймет, что на его территории кто-то, кто его боится, кто-то враждебный, а значит, нужно атаковать. Бороться с ним — кем или чем бы оно ни было — мне не по силам", — терпеливо объяснила она.

Жрица ей полностью доверяла в этом вопросе.

Наполнив камни-датчики, она раздала их своим помощникам — брату, Лаэрту, Дине, Фабио и внезапно вызвавшемуся молчуну Джереми Киттерсу — и сказала, как их нужно поместить. Через иллюминаторы в каютах и резные отверстия стоков фальшборта* пропустили прочные тонкие нити. К ним крепились датчики, светившиеся от чар. Некоторые поместились почти на уровне ватерлинии, другие — у самой поверхности воды, а парочка ушла под воду.

Брисигида до последнего не была уверена, что они будут работать, как надо. Чужеродная, враждебная аура, нестабильные магические эманации, а самое главное — маскировочный барьер, намешанный Феликсой из разных чар, создавали море разнообразных помех для датчиков. Тем не менее, кристаллическая матрица, считывающая с них информацию, давала вполне определенную картину.

— Это демон, — без колебаний определила жрица.

Феликса недоверчиво взглянула на нее.

— Понимаю твое недоверие, — улыбнулась Брис. — Но сомнений быть не может. И

некротическая, и темная магия в этой области генерируется сильнейшей астральной сущностью, иначе говоря, духом хаотического типа. Грубо говоря, это демон.

— Демоны... духи ушли из нашего мира почти тысячу лет назад, — напомнила чародейка. — Вместе с эльфами, драконами, нимфами, дриадами...

— ...И прочими волшебными народами, — закончила Брисигида. — Я знаю. А еще я знаю, почему они ушли. И ты тоже.

— А мы нет! — подали голос Лаэрт и Фабио. Квартирмейстер Киттерс энергично закивал.

— Древние расы наблюдали рождение и развитие человечества, — выручил их Данатос. — В какой-то момент они решили, что люди саморазрушительны по своей натуре. Они смотрели в будущее иначе, чем человеческие провидцы и оракулы. И увидели там что-то, чему не пожелали быть свидетелями.

— Апокалипсис? — предположил Фабио.

— Почти, — кивнул Дани. — Гибель Сердца Мира.

— Это только теория, — буркнула Феликса.

— А что это вообще значит? — с недоумением спросил Лаэрт.

Дина уже несколько минут слушала их разговор. Брисигида подумала, что немного теории девочке будет только на пользу, а остальным даст необходимые объяснения.

— Чтобы понять, что такое Сердце Мира, нужно знать основы магических манипуляций, — начала Брис. — Прежде всего, мы всегда должны помнить, что существует бесконечное множество миров. Большинство из них не заселены: еще не заселены или уже не заселены. Во многих присутствует только псевдоразумная или относительно примитивная жизнь. Однако все миры объединяет поток энергии, из которой состоит все живое. Мы называем его магией. Она способна принимать разную форму, но доподлинно известно, что в нашем и почти всех остальных населенных разумными существами мирах эта энергия концентрируется в виде огромного хранилища, или источника, или сферы, или узла... — она вздохнула, пытаясь дать мысли более четкую форму. — Назвать эту сконцентрированную энергию можно по-разному. Мы называем ее Сердцем Мира, потому что если ее разрушить, все живое в этом мире почти наверняка погибнет или переродится в темных, озлобленных, несчастных существ, с множеством мутаций и aberrаций. Сердце Мира хранит запас магии, способной не только питать жизнь, но и позволять проводить с ней некоторые действия. Сердце, как и магия сама по себе, не принадлежит ни добру, ни злу, воплощая собой природный баланс.

— Точнее и не выразиться, — проворчала Феликса. Выражение ее лица явно говорило, что ей не нравится весь этот разговор.

— Гибель всего живого, конечно, не обязательно произойдет. Но магия умрет и станет недоступна, это факт. Все, кто владеет ей, погибнут точно. Волшебные народы — эльфы и все прочие Древние — тоже были бы обречены на гибель. Так что они не стали ждать последнего дня и потратили уйму сил, чтобы прорваться в другой мир, — добавил Данатос. — Существам вроде меня тоже придет конец, можно не сомневаться. Есть даже пророчество...

— Довольно, прошу вас, — поморщилась Феликса. — Все эти пророчества не заслуживают внимания.

Брисигида и Данатос с беспокойством переглянулись, и жрица еле заметно кивнула.

— И правда, тема мрачная, — несколько наигранно пожал плечами оборотень. —

Скоро мы выплывем из этих жутких вод и можно будет расслабиться.

"На какое-то время", — добавила про себя Брисигида.

Они с братом знали, почему Феликса так реагирует. *Последняя Надежда, Дочь Меча и Магии, войдет в мир мертвых и будет внимать гласу живых. Не будет ей вкуса от пищи, ни отдыха от сна, ни радости наследия до конца эпохи, пока Тьма не сойдется со Светом под началом Странницы, пришедшей из мира без сердца.* Вот что гласило пророчество, упомянутое Данатосом.

Строго говоря, они не должны были знать о нем. Наставница Феликсы, Маронда, среди своих магических талантов обладала одним особенно редким — прорицанием. Туманные пророчества редко приносили реальную пользу и еще реже касались по-настоящему важных событий, но однажды Маронда — тогда еще малышка-Марошка — превзошла даже эльфийских предсказателей и древних духов, предрекая судьбу всего мира. Уже тогда чародейка обладала достаточной мудростью, чтобы скрыть от всех мрачное предсказание. Ей успешно удавалось держать его в тайне долгие годы, пока однажды обстоятельства не вынудили ее прийти за помощью к жрицам Триединой.

Жрицы не берут денег и прочих ценностей за свою помощь, но Маронде было, что предложить взамен на неприятную для них услугу. Брис не знала, о какой именно услуге шла речь, но слышала, что Маронда за нее заплатила девятичасовой медитацией у алтаря. Казалось бы, какое дело жрицам до медитаций стареющей чародейки? Официально медитация считалась молитвой, а молитва являлась разновидностью пожертвований. Но и Маронда, и Верховная Жрица Нокт прекрасно понимали, чего можно добиться длительной медитацией в таком насыщенном энергией месте, как храм.

Всему жречеству в одночасье стало известно, насколько сильным медиумом является Маронда. Она выдала немало пророчеств, большая часть которых прозвучала не на человеческих языках. И одно, которое долго от всех скрывала. То самое.

Они с трудом пришли к соглашению, две немолодые женщины, привыкшие больше заботиться о чужой судьбе, чем о своей. Нокт признала таинственные действия Маронды правомерными, но потребовала чего-то еще. Чего именно, Брисигиде, конечно же, никто не сказал.

Ее, сироту, очень рано приняли в храм, почти сразу после гибели их с Данатосом родителей. Она тогда еще даже не знала о даре своего брата. Спустя несколько лет, когда ей исполнилось тринадцать, Нокт пришла к ней с очень странной просьбой. Верховная жрица просила ее присмотреться к Феликсе Ферран, лучшей ученице академии. Та была всего на год ее старше, и Брис знала многих ее ровесниц, с которыми у юных жриц случались общие занятия по теории магии и целительству. Но Феликса там никогда не появлялась. Она осваивала и теорию, и практику с недоступной большинству адептов скоростью, и к четырнадцати годам уже считалась подмастерьем. Индивидуальное обучение, которое положено только с семнадцати лет, она уже год как проходила у лучшей из лучших, у самой Маронды.

Но ректор академии все равно оставался недоволен талантливой ученицей. Вспыльчивый нрав, высокомерие, гордыня девочки пугали ее наставников, пожалуй, всех, кроме Маронды. Наставница Феликсы больше беспокоилась, что ее ученица все свое время посвящает бесконечным тренировкам: фехтование, верховая езда, боевая магия, аркана, алхимия и бесконечные часы в библиотеке, призванные направить практические умения, придать им осмысленность. У Феликсы никогда не было настоящих друзей. Она не знала

иной жизни, кроме тренировок и обязанностей высокородной аристократки, которые все больше доводили ее до иступления.

Брисигида очень сочувствовала ей. Родители Феликсы охотно звали юную жрицу в гости и поощряли свою дочь проводить время с ней. Казалось, сама Феликса тоже смущенно радуется, что у нее наконец есть подруга.

Но их дружба продолжалась всего несколько месяцев. Брисигида всегда терпеливо относилась к высокомерным выходкам Феликсы — в конце концов, они никому не приносили вреда — но в один день волшебница перегнула палку. Она с упоением рассказала новой подруге о пророчестве Маронды и о своей мечте возглавить один из отрядов сил Света. Она говорила о битве так, словно в ней состоял весь смысл ее жизни, и Брисигида не на шутку испугалась таких рассуждений. Слово за слово, и они поругались. Вспыльчивая молодая герцогиня Ферран тут же умчалась, а жрица не пыталась ее вернуть.

Только потом, спустя несколько лет, Брисигиду настигло чувство стыда за то, что после той размолвки она не пыталась наладить отношения с подругой. Ее взор застилал жреческий идеализм, порой — чего уж там — здорово отдававший ханжеством. Когда Феликса все-таки приехала в храм извиняться за вспыльчивость и излишнюю радикальность суждений, Брис приняла ее извинения отстраненно и холодно. Они не стали врагами или совсем уж чужими, нет, до этого было далеко. Но эта огромная разница в мировоззрении навсегда их разделила и не позволила их дружбе наполниться той сердечностью, которая начала зарождаться когда-то.

Больше всего Брисигиду расстроило то, что она узнала от верховной жрицы том пророчестве через несколько месяцев после их ссоры с чародейкой. Нокт призналась ей, что Дочь Меча и Магии из пророчества — это и есть Феликса, и ей предстояло стать живым мертвецом, а возможно, и уничтожить Сердце Мира. Брисигида от такого толкования несколько дней не могла прийти в себя. В конце концов, она решила рассказать все Феликсе и попросить ту побережся.

Подруга поблагодарила ее, хоть и не поверила, что речь идет о ней, а потом, словно назло, записалась на практику в военно-морской флот боевым магом.

Теперь Брисигида видела, как чародейку гложет изнутри страх, что все это пророчество и его толкование окажется правдой. Оттого она была еще более колкой, чем обычно, и немного успокоилась, лишь когда они покинули демонический туман и увидели перед собой чистое море без всяких кораблей и погони.

— Ты вся взопрела, — заметила Брис, когда Феликса разобрала свои спицы и проволоку.

— И слава Богине, — хмыкнула та. У нее действительно катились капельки пота по вискам, как будто она бежала марафон. Одно из заклинаний жрицы запустило выделительную систему организма, и тот теперь освобождался от всего, от чего положено освобождаться через пот. — Чувствую себя живее, чем была.

Брисигида не могла не заметить многочисленных перемен в девушке. С тех пор, как Феликса присоединилась к императорскому флоту, Брисигида редко ее видела. До нее постоянно доходили слухи о подвигах подруги: Ферран разгромила пиратский корабль одной только магией, Ферран вытащила терпящий бедствие баркас, Ферран — покорительница штормов... Феликса подралась с офицером. Феликса на спор вышла на дуэль против пятерых императорских гвардейцев и проиграла. Феликса охотилась на медведя с волшебной рогатиной. Феликса здесь, Феликса там — драки, демонстрация силы

и бесстрашия, бесконечный вызов всем на свете.

У нынешней Феликсы благоразумия и самосохранения не прибавилось, но Брисигида с возрастающей радостью смотрела на то, как волшебница возится с Диной. Такой Феликсы она еще не видела. Вечно раздраженная, высокомерная, нетерпеливая дворянка демонстрировала образец понимания и заботы. Она спала с девочкой на палубе под навесом, расчесывала ей волосы по утрам, постоянно рассказывала ее родителям, что она научилась делать за день. И никогда, ни разу за все время, не повышала на Дину голос, не выражала недовольства.

Даже сейчас, освободившись от необходимости поддерживать барьер, она позвала Дину, спустилась с ней в каюты, чтобы убрать все ингредиенты заклинания, а потом вернулась на палубу, шутя и смеясь с девочкой. Дина, первые дни не решавшаяся заговорить лишней раз, смеялась вместе с ней, громко и заливисто.

— Никуда он не убежит! — хохоча выкрикнула девочка.

— Нос-то? — подняла брови чародейка. — Если ты будешь держать его сопливым, обязательно убежит. Тебе бы понравилось быть в соплях с головы до ног?

Дина только снова рассмеялась.

— А не будешь мыть голову — волосы сбегут, — с самым серьезным видом продолжила Феликса.

— Это уж точно, — крикнул у румпеля Кистень. — У нас один матрос как-то все плавание башку не мыл, а плавали почти полгода!

— И что? — с улыбкой спросила Дина.

— Облысел! — ответил Кистень. — Правда ему в тот год аккурат пятьдесят стукнуло...

Тут рассмеялись все моряки, да и Брисигида не удержалась от улыбки.

Данатосу тяжело давалось морское путешествие. Качку он почти не ощущал, но ограниченное пространство и отсутствие твердой земли под ногами сказывались не лучшим образом. По ночам ему снились кошмары, в которых он бежал по пустыне, а его преследовали песчаные дьяволы — смерчи из пыли, песка и мелких камней. Под утро, бывало, он снова видел землянку посреди тундры с бликами белого огонька под самой крышей. Этот сон был особенным, вещим. Но истолковать его ни он, ни Брисигида так и не сумели.

Днем тревожные мысли тоже не отступали. Он надеялся поговорить с Феликсой наедине, но та все свое время посвящала Дине. Хоть Дани и восхищался юной элементарью, досада из-за невозможности поговорить с волшебницей заставляла его уходить с палубы каждый раз, когда Фель и Дина начинали занятие.

— Все-таки реки мне как-то милее, — пожаловался он как-то Лаэрту. — Куда ни глянь, кругом одно и то же. Хоть бы остров какой мелькнул...

— Я думал, ты вообще ненавидишь воду после той твари, — хмыкнул в ответ шпион. — Помнишь змея-мутанта? Я еще две недели держался подальше от воды. Даже в порт не ходил.

Дани недоверчиво покосился на друга.

— Мне казалось, ты стал избегать портовых кварталов ради Брисигиды, — поджал губы оборотень. — Все-таки порт известен определенным... э-э-э... контингентом. Ну, ты знаешь, о чем я.

— Разумеется, — поспешно согласился Лаэрт. — Ха, из одного заведения ко мне даже

посыльного прислали! Спрашивали, не случилось ли со мной чего, — рассмеялся юноша, но тут же поперхнулся под взглядом Дани. — Ты ведь знаешь, я уже давно не завсегдай борделей. Я верен Брис. Даже несмотря на то, что мои чувства безответны...

— Ладно, ладно, я тебе верю, — поморщился Данатос. Негласный уговор не обсуждать отношения Лаэрта и Брисигиды возник между ними давно. Дани не хотел снова ссориться из-за этого. — Я тоже вспоминал то страшилище из реки. Все-таки оно нас чуть не прикончило. Но сейчас... не знаю. Это какое-то другое чувство.

Лаэрт пожал плечами и приподнял брови. Дани попытался объяснить:

— Я плохо сплю. Я все время боюсь, но не за себя. Я будто замок в осаде. Не справлюсь я, а погибнуть может кто-то другой.

— Так речь о Феликсе, — Лаэрт стукнул по фальшборту и присвистнул. — И как я сразу не понял, брат!

Дани опустил глаза и глубоко вздохнул. Комментировать догадки Лаэрта он не хотел.

— Разве мы уже не делаем все возможное, чтобы помочь ей? — почесал в затылке шпион. — Брис день и ночь следит за ее самочувствием. Все ведь под контролем.

Дани кивнул. Он боялся признаться себе, что дело совсем не в физическом состоянии чародейки.

Несколько мгновений они молча смотрели на волны, пока не послышался глухой ритмичный стук. Протез Кистеня. Войлочная накладка не могла полностью заглушить удары металла о дерево.

— Хорошо плавать с магичками, а? — довольно причмокнул рулевой. — У меня еще ни одно плавание так гладко не шло.

— С такими волшебницами еще никто из нас не путешествовал, — сверкнул зубами Лаэрт. — Да что уж там! С элементарью воздуха даже императоры у нас не ходили.

— Погоди, — насторожился Данатос. — А кто же сейчас у руля?

— А зачем мне там круглые сутки торчать? — хохотнул Кистень. — Нынче курс у нас прямой. Раздал указания рулевым и свободен. Сейчас бы выпить еще! Да капитан больно строгий, — штурман покосился на Акыра, который с суровой миной слушал отчет квартирмейстера.

— Скорее бы уже доплыть, — вздохнул Дани. — Как-то мне на воде беспокойно.

— Ну правильно, ты ж кот! — рассудил Кистень. Лаэрт прыснул.

— Да ну тебя, — возмутился перевертыш. — И ты туда же! Что за нелепые стереотипы! Между прочим, я отлично плаваю.

— Ишь ты, — Кистень окинул его недоверчивым взглядом. — А отлично — это по чьим меркам? У меня вот один кореш был из береговых, тоже говорил, что отлично плавает. По-собачьи...

Лаэрт откровенно расхохотался. Данатос закатил глаза и покачал головой. Обижаться на старого пирата бесполезно — тот попросту не умел иначе разговаривать с людьми. Дани помнил себя вспльчивым и ранимым юношей. Несколько лет тесной дружбы с Лаэртом сделали его менее уязвимым к насмешкам, хотя гневливый нрав по-прежнему доставлял множество неудобств.

— Шутки шутками, старина, — проговорил Лаэрт, отсмеявшись, — а наш хищник и правда прекрасный пловец.

— К твоему сведению, Кистень, — добавил Данатос, — в дикой природе хищные кошки тоже хорошо плавают. Те из них, кто поколениями обитают на берегах крупных водоемов, по

крайней мере.

Лаэрт стал рассказывать пирату, как однажды Данатос перевозил его через бурную реку у себя на хребте. Оборотень не слушал. Он искал взглядом Феликсу — той нигде не было. Там, где они обычно тренировались с Диной, матросня во главе с Кайлом и Соилом затеяли танцы. Один из близнецов брэнчал на одолженной у Лаэрта лютне, а второй горланил средней похабности песни. Кто-то из офицеров выписывал ногами замысловатые кренделя, пока остальные хлопали в ладоши в ритм старому плясовому мотиву.

Дани отбросил желание спуститься к каютам и поискать Феликсу там. “Если их нет здесь, значит, шгудируют теорию у Фель в комнате”, — вздохнул про себя перевертыш. Он достал из кармана ленту, которой обычно перевязывал себе волосы, убрал шевелюру в хвост и пошел к танцорам. Танцы были для него нечастым развлечением.

Феликса, следившая за тем, как Дина учится держать равновесие на марсовой площадке, с улыбкой смотрела на танцующих моряков. Девочка стояла на самом краю с закрытыми глазами. Восходящий поток воздуха, которым она помогала себе удерживаться на марсе, разметал ее светлые волосы. Феликса могла за нее не бояться. Можно было спокойно наблюдать, как Данатос вписывается в круг пританцовывающих моряков, прыгает, отрицая земное тяготение, притопывает босыми ногами по палубе, переворачивается и встает на руки под восхищенный свист...

В такие моменты она снова начинала слышать стук своего сердца.

Феликса играла с Диной в "ураганчик". Дина научилась призывать маленький смерч и даже могла делать его то больше, то меньше. Сейчас она наколдовала смерч примерно в свой рост, и они гоняли его друг другу, как мяч. Смерч собирал с палубы песок и мелкий мусор, совсем немного — палубу драили на совесть, до блеска.

Феликсу терзало беспокойство. Прошло больше недели с тех пор, как они миновали демонический архипелаг, и ничего особенного не происходило. Путешествие оставалось спокойным, и Феликсе виделся в этом какой-то подвох. Все шло слишком гладко.

Кистень и Акыр, однако, не разделяли ее волнения. "Ближе к Островам мы еще намучаемся с этими псами из Вольницы! Попомни мое слово, задолбаемся прятаться", — обрадовал ее Кистень.

"Псов из Вольницы", то есть пиратов, Феликса вовсе не боялась. Пираты редко имели на борту магов. Если на судне и присутствовал маг, это как правило был "ветродуй" — тот, кто подобно Дине призывал ветра. А без магов, по ее мнению, им нечего противопоставить врагам, кроме огневой мощи.

С огневой мощью Феликса справлялась отработанными методами: телекинезом и призывом локального шторма. Пара пробоев на уровне ватерлинии от собственных ядер охладят любой пиратский пыл — это она знала по собственному опыту. "Скоро проверим, не потеряла ли я форму, — подумала она. — Завтра к вечеру на горизонте покажется архипелаг. Если навстречу не выйдет целая эскадра, справимся".

— Спустим ураганчик на воду? — предложила Дина.

— Давай, — поддержала Феликса. — Только снасти не задень, а то наматает наш ураганчик на себя все паруса.

Девочка сосредоточенно нахмурилась и нашла единственно верное решение: уменьшила вихрь и провела его через относительно свободную часть борта. Феликса одобрительно кивнула. Они разошлись вдоль борта подальше друг от друга: Феликса на нос, Дина — на

корму. Вихрь успел всосать в себя немало воды. Волшебница довольно быстро сообразила, почему ее ученица захотела спустить вихрь в воду. Подпитываясь водой, он стал быстро расти без чрезмерных усилий с ее стороны. Вскоре он крутился уже на уровне середины мачты, покачивая хоботом воронки рядом с бортом.

Хобот затанцевал по поверхности воды, подстраиваясь под волны, и двинулся к носу корабля, подчиняясь воле Дины. Феликса подхватила движение и почувствовала, что разросшимся ураганом стало намного труднее управлять. По Дине это было едва ли заметно — казалось, она осваивала свой дар даже быстрее, чем Феликса могла надеяться. Волшебница радовалась. Это казалось возвращением к прошлой жизни; в ней осталось так много странных, спорных и импульсивных выборов, в которых Феликса стала сомневаться, увидев ассасинов на причале. На этом фоне обучение Дины казалось ей самым нужным и правильным делом на свете.

В раздумьях Феликса повела вихрь по широкой дуге к другому краю борта, ожидая, чем ответит ее ученица. Дина не подвела: в ответ пустился уже настоящий торнадо, и его траектория пролегла действительно далеко от борта и петляла, будто торнадо танцевал вальс в переполненном бальном зале.

— Как далеко ты сможешь его отвести от борта? — крикнула Феликса, надеясь, что Дина на другом краю корабля ее услышит.

— Не знаю! — крикнула та в ответ, отбрасывая с лица волосы, разметанные ветряными плетями вихря. — Но пока я его вижу, я, наверное, могу им управлять.

— Попробуй! — предложила Феликса. Торнадо уже ревел у борта, как и положено буре, так что чародейка продолжала кричать.

Дина встала у самого края и выгнулась дугой, подняла руки над головой, слегка развела их и согнула напряженные кисти, как кукловод. Смерч бушевал всего в паре десятков метров от корабля. Девочка резко шагнула одной ногой назад и простерла руки вперед, толкая ладонями что-то бесплотное. Но смерч, вполне осязаемый, разбрасывающий мириады соленых брызг, гудящий и ревуший, помчался прочь от корабля. Вскоре на виду осталась только покачивающаяся чаша, мутно-серая и маленькая на таком расстоянии.

Девочка-элементаль победно улыбнулась и обернулась к Феликсе. В тот же миг мутная чаша смерча поблекла и распалась.

— Ой, — опомнилась Дина, — не уследила...

Феликса покачала головой, улыбаясь.

— Никогда не видела, чтобы оператор сохранял контроль на таком расстоянии.

— Оператор? — не поняла девочка.

— Этим термином мы называем того, кто управляет магическим предметом или явлением, — пояснила волшебница. — Ты — оператор смерча. За неделю ты достигла огромного прогресса. Удивительно, что тебя не пригласили в Академию Славиры.

Дина зарделась, улыбаясь из-под длинной косой челки. Закат заливал всю палубу розоватыми отблесками, и Дина казалась красной, как мак.

— Наши прежние наставники не слишком-то ее хвалили, — пояснил позже за ужином Акыр.

Цефора фыркнула.

— Наставники! Банда чванливых засранцев.

Дина удивленно уставилась на мать.

— Только и знали, что рассказывать, какую честь они нам оказали, что взяли нашу дочь

в класс! — бушевала целительница. — И учиться-то будет с дворянскими дочками, и способностей-то у нее кот наплакал, а они — поди ж ты! — такие великодушные, все равно ее взяли.

— Капитан — такое же почетное звание, как любое дворянское, — нахмурилась Феликса. — Если бы вы написали жалобу на этих олухов, Гильдия в Славире знатно надавала бы им по ушам за такие истории. Со мной на курсе учились и купеческие дети, и дети ремесленников, и даже несколько девушек из семей фермеров, земледельцев, а то и вовсе без семьи.

— Да и мы с братом — сироты, — напомнила Брисигида. — Возмутительно, что наставники могли позволить себе такие высказывания.

— Небось работали еще при Тавросе Первом, — хмыкнул Лаэрт.

— Судя по их виду — так оно и было, — хохотнул Акыр. — Сущие ведьмы! Скрюченные, увешанные цацками, как деревья на Солнцестояние!

Феликса живо представила себе их: старых, вычурно одетых, блистающих множеством нелепых украшений. Провинциальные наставницы. "Сколько талантов прошло через их руки? — подумала она. — Сколько таких, как Дина, терпели их дурной нрав и не могли толком ничему научиться? Сколько великих магов мы не увидели и не узнали просто потому, что их унизили, пренебрегли, заставили поверить в собственную ничтожность?"

Никто никогда не задумывался об этом. В храмовых школах лупили розгами потенциально великих медиков и травников. Военные училища убивали блестящих стратегов и тактических гениев. Университеты пригревали бездарей-традиционалистов и попрекали фонтанирующих гипотезами изобретателей, алхимиков, механиков. Художников учили рисовать по схеме, музыкантов — играть по нотам, поэтов — писать на заказ. И только она, Феликса, училась чему хотела и как хотела. Не только из-за Маронды. По праву рождения. По праву силы ее рода...

— Вы жили в маленьком городе? — поинтересовалась Брисигида.

— Портовый город, но не слишком большой, — признался Акыр.

Брисигида кивнула.

— В небольших городах хорошие наставники редко попадаются.

— Ну, это не совсем так, — возразила Феликса. — Маронда хвалила многих, кто работал вне Академии. Не всем по нраву жить в столице, особенно после того, что антимаги сотворили с ней. Некоторые магические аномалии до сих пор не устранены.

— Нам повезло, что Дину теперь учишь ты, — сказала ей Цефора. — Она так рада. Ты ей нравишься...

Волшебница вздрогнула. "Завтра к вечеру мы увидим берег одного из южных Островов Палании. И они узнают, что я — живой мертвец. Будет ли Цефора и дальше рада, что я учу ее дочь? Будет ли рада сама Дина?" Феликса бы не была.

Брисигида, похоже, думала о том же, и остаток ужина они обе угрюмо молчали. Жрица продолжала каждый вечер бороться с некрозом, который упорно пытался захватить весь организм. Пока ей удавалось лечить омертвление настолько эффективно, что на коже исчезли черные следы, но уже к утру следующего дня она находила новые признаки некротического воздействия. Черные "звездочки" вскакивали то на бедрах, то за ушами, хотя Феликса больше не перенапрягалась.

После ужина Брисигида пришла к ней в каюту.

— Хочу осмотреть тебя еще раз, — сказала она. — Мало ли что случится утром. В этих

водах полно пиратов. Если они нападут, тебе будет не до лечения.

Феликса кивнула и молча стала стягивать с себя одежду.

— Я тут прикинула, — продолжила рассуждать жрица, — как нам лучше поступить, когда мы снова поплывем к тем проклятым островам. Если мне удастся найти подходящее место, можно будет попробовать благословить корабль именем Триединой. Если она отзовется, демонические чары будут бессильны, пока мы на борту.

— А меня твое благословение не добьет? — покосилась на нее Феликса. — Мертвяки у Триединой не в чести.

Брисигида покачала головой.

— Во-первых, твое омертвление очень необычного характера. Магия Изначальных Источников сродни силе самой Триединой. Во-вторых, для благословения нужна молитва, и в этой молитве нужно непременно назвать цель. Нельзя же просить благословения по любому поводу. А наша цель — спасение твоей души. Аура должна получиться очень избирательной.

— Боги всегда прислушивались к тебе внимательнее, чем к другим жрицам, — заметила Феликса.

Брисигида пристально посмотрела на нее: подруга никогда раньше не говорила ей ничего подобного. Странно было услышать о своем... умении? величии?.. от кого-то сильного и гордого, вроде Феликсы.

— Не могу об этом судить, — выдавила наконец жрица. — Ну вот, до утра точно не должно появиться свидетельств некроза. Но я надеюсь, что их не будет дольше.

— Спасибо.

Брисигида кивнула и улыбнулась.

— Завтра... позволишь мне помочь тебе?

— В чем? — не поняла Феликса.

— Поговорить с командой.

Чародейка нахмурилась. Она хотела возразить, но Брисигида не дала ей даже начать.

— Я знаю, как ты обычно вываливаешь известия на людей. Особенно если признаешься в чем-то, что считаешь постыдным. Наверняка выйдешь и сходу ляпнешь что-нибудь вроде "Я мертвяк, стою гнию, ничего не чувствую".

Феликса вздохнула. В целом Брисигида была права, примерно так она обычно и говорила о своих провалах, неудачах, бедах. Мама, я сломала ногу офицеру императорского флота. Правда, он напился и сам напал. Отец, я сожгла твою лодку. Вот только в ней прятался некромант, которого гвардия неделю искала по всей Славире. Маронда, я сделала из своего отца бомбу. Он погиб, а наш замок захватили враги, он сам об этом просил перед смертью.

Вторую часть все обычно узнавали от кого-то другого.

— Ладно. В конце концов, ты тоже в этом замешана.

Ночью поднялся шторм. Несильный, но Феликсе он был на руку. Она не могла больше спать с Диной на палубе. Ей и так приходилось каждое утро тихонько уходить к Брис на лечение, а потом так же тихо возвращаться. Сегодня из-за шторма и дождя обе ночевали по каютам.

Феликсе не спалось. Она хотела быть морально готовой к своему признанию — или скорее к реакции на него — но испытывала все большее беспокойство. Вконец измучившись,

она вышла наружу, на палубу, к бешеному ветру и хлещущему дождю. Как ни странно, ей стало спокойнее. Когда вокруг тебя происходит то же, что и внутри, становится легче. Даже если снаружи и внутри безобразная разрушительная буря.

— Кошмарная погода, — буркнул кто-то позади нее.

Феликса узнала голос горца. Акыр стоял под навесом мостика, закутавшись в навощенный замшевый плащ. Навес был продолжением мостика, края досок выступали из-под перил, демонстрируя искусную резьбу в виде виноградной лозы. Вспышки молний, то далеких, то близких, озаряли резьбу холодным мертвенным светом. "Призрачная лоза на призрачном корабле, которым правит мертвец", — подумала волшебница.

— Должно быть, ты собираешься рассказать нам что-то совсем дурное, раз вышла в такую погоду сюда, — продолжил капитан. — Что, решила заранее себя наказать?

Феликса пробурчала что-то отрицательное, кутаясь в плащ, как и горец. Правда, она и так почти не ощущала холода. Единственное, что она чувствовала — это угнетающая опустошенность. Ей было страшно.

— Неудивительно, что ты не горишь желанием разговаривать, — снова заговорил горец. — Я догадываюсь, что с тобой не так.

Феликса вопросительно посмотрела на него.

— По правде сказать, мне все равно, — Акыр стряхнул капли с капюшона и хитро посмотрел на нее. — Я уже все решил для себя. Да и команда тоже. Шла бы ты спать спокойно. Дина вон уже давно спит. Она всегда хорошо спит, когда ветер сильный.

Он развернулся и ушел обратно в каюту, оставив Феликсу в противоречивых чувствах.

Спустя несколько минут она тоже ушла к себе. Она уснула быстро и крепко и проснулась, когда солнце уже поднялось довольно высоко. Все еще не зная, чего ждать. Зато абсолютно спокойная.

Глава 5. Подмастерье

— Джамир!

Кто-то терпеливо повторял его имя уже несколько минут. Джамир был не уверен, что сможет отозваться, да и что вообще хотел отзываться. Стоит ответить, и все останется по-прежнему. Превенная жизнь только что отвесила антимагу титаническую оплеуху, так что возвращаться к ней — плохая идея.

Голос не сдавался:

— Джамир! Ты должен очнуться. Джамир!

Он стал считать время между звуками своего имени. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

— Джамир, ты жив. Очнись, Джамир!

Он снова досчитал до семи.

— Джамир, услышь меня.

Он слышал. Постоянно повторяющийся звук его имени нервировал. Он страшно хотел заехать по зубам говорящему. Но продолжил считать.

— Джамир!

... пять, шесть, семь...

— Тебе пора прийти в себя, Джамир.

Конечно, пора. Он досчитал до семи уже раз пятьдесят — а может и сто — и звон в ушах начал стихать. Голос, постоянно произносивший его имя, был назойливым, лишним. Бесцветный, равнодушный голос нового напарника. Инструкция велит постоянно называть человека по имени. Считалось, что многократное повторение имени поможет быстрее прийти в себя. Будто имена что-то значили...

— Джамир, приходи в себя. Ты в сознании, Джамир.

Даже на третий раз он не привык к этому. Единственное, с чем он справился на третий раз — это апатия. Он смог считать. Прованный раз ему даже этого не удалось, он сбивался и в итоге подал знак, что очнулся. Пришлось открыть глаза и вдохнуть холодного затхлого воздуха. Он закашлялся, но смог встать. Сейчас все было иначе. Должно быть, злость прочистила разум.

Через некоторое время он почувствовал, что спазм отпускает мышцы спины и живота, скрученные, как тлеющий лист. Он почувствовал холодок, гуляющий по позвоночнику, тонкий хлопок, липнувший к мокрым от пота бокам. Простые и понятные впечатления: легкий дискомфорт, жесткое ложе, шершавые ремни, удерживающие его, холод, голод и пустая голова. По сравнению с пухнувшим от постоянного потока информации мозгом — просто благодать.

Зато теперь голова стала ясной как никогда. Теперь, на третий раз, он стал думать почти сразу, как очнулся с чудовищным звоном в ушах. Думать стало легко и приятно. Первое, о чем он подумал — нельзя показывать, что очнулся, как можно дольше. Нельзя показывать, как на самом деле подействовало зелье. Нельзя давать командирам повод проверять его видения.

Тем, кто лучше переносит эти "тренировки", чаще дают почетные — то есть опасные и сложные — задания, и еще чаще используют для проведения экспериментов. Ищут пределы возможного.

Джамиру удалось имитировать отсутствие дыхания достаточно долго. Когда он начал дышать, напарник стал повторять его имя и призывал очнуться, но Джамир продолжал изображать глубокий обморок, дышал как во сне, проталкивая воздух в область живота, не шевелил глазами яблоками под веками. Когда прошел спазм, он продолжил напрягать мышцы, чтобы никто не заметил, что он расслабился.

Теперь у него было время подумать, что делать дальше. Побег и дезертирство уже не казались такими пугающими, как раньше.

День, несмотря на климат северных широт, выдался жарким. Феликса спала почти до полудня, а проснувшись, почувствовала льющее в иллюминатор тепло. Между двойным стеклом распахнутой створки уже испарился ночной конденсат, так что блестящая поверхность отражала ровный яркий луч. Некоторое время девушка смотрела на солнечные зайчики, потом встала, оделась и вышла из каюты.

На палубе Феликса увидела Брисигиду — та ходила вдоль борта туда-сюда быстрыми, дергаными шагами, бормоча что-то себе под нос и чертыхаясь. Заметив Феликсу, она остановилась и направилась к ней.

— Скажем им сейчас?

Феликса кивнула. В голове было светло и пусто, как в пустыне.

Брисигида сделала рукой знак Акыру, и тот собрал своих офицеров перед квартердеком.

* Сам встал среди них, скрестив руки и усмехаясь уголком рта. Цефоры и Дины среди собравшихся Феликса не увидела, они стояли где-то на носу — оттуда слышался смех, радостные восхищенные возгласы и слабый плеск.

— На нашей родине, в Арделорее, — начала Феликса, — всегда очень ценились магические способности. Можно сказать, что благополучие всей страны строилось на магических искусствах и науках. Но и величайший позор можно было навлечь на себя магией, используя ее противоестественным образом или в недобрых целях.

Офицеры терпеливо слушали, ожидая, когда она перейдет к главному.

— Худшими и самыми опасными преступниками для Арделореи стали некроманты, — продолжала она, — и живые мертвецы, которых они порождали — в большинстве своем бездушные, темные создания, способные на любую гнусность.

Моряки закивали, послышался неодобрительный ропот. Только Акыр стоял на месте со скрещенными на груди руками, не сводя с нее глаз. Лицо застыло пасмурной маской, будто сам Старый Коготь смотрел на нее из глубины карих глаз немигающим древним взором.

— Находились люди, кто считал некромантию путем к вечной жизни. Но большинство всегда знали, что вечная жизнь — жизнь, противная самим законам природы. Не-жизнь. Человек, получивший подобное свойство — вечную юность, вечное существование — навеки проклят. Мне доводилось иметь дело с некромантами, брать их под стражу, отправлять на суд и казнь, даже убивать самой. И меня мог проклясть какой-нибудь некромант, надеясь подчинить себе. Я всегда страшилась этой участи...

Она обвела всех собравшихся взглядом, собираясь с духом.

— ...но избежать не сумела.

Она ожидала чего угодно — плевков, яростных криков, паники. Но не этого. В десятках пар глаз плескалась жалость. Несколько человек качали головами, бормотали проклятия сквозь стиснутые зубы, кривили и поджимали губы. Но большинство переговаривались и смотрели на нее открыто, без всякой агрессии, будто она и правда была тяжело больной.

Она почувствовала руку Брисигиды на плече и услышала тихий голос:

— Ты справилась лучше, чем я могла надеяться. Позволь теперь мне...

Жрица сделала шаг вперед.

— Я считаю, что всем вам нужно знать, что проклятие наложено не некромантом, и не является следствием неосторожности или опрометчивости Феликсы. Источник проклятия — Живая и Мертвая вода с Острова Жизни, артефакты, питаемые изначальными силами и несущие печать судьбы. Само провидение сотворило это с ней, взяв ее жизнь в уплату за спасение моей.

Феликса даже не заметила, как в руках Брис оказался тот самый сундучок с сосудами и древней магией. Жизнь и смерть, запечатанные в дереве.

— Мой святой долг, и как обязанной ей жизнью, и как жрицы Великой Матери Триединой, сопровождать ее на пути к спасению.

Моряки зашумели. Многие не верили — каждый пытался дернуть за рукав капитана и узнать, что тот думает по поводу таких новостей.

— Ни*я себе, б*ь, новости! — раскатисто ругался Кистень. — С мертвячкой плывем!

— По тебе так и не скажешь, что ты нежить, — подал голос квартирмейстер Киттерс, не переставая ковырять в зубах маленьким ножичком.

— Тихо! — рыкнул Акыр. Офицеры, многим из которых уже довелось почувствовать на себе его тяжелую руку и крутой нрав, тут же умолкли и успокоились. — Ты не похожа на других ходячих мертвецов. Не пахнешь мертвечиной, не гниешь, речь внятная... живых жрать не порываешься. В чем подвох?

Феликса услышала, как Брис глубоко вдохнула, и быстро заговорила, опередив жрицу:

— На сохранение человечности уходит немало сил, моих и Брисигиды. Скажу честно — наши совместные усилия будут помогать еще максимум года три. Но я рассчитываю не больше, чем на год.

— И что будет через год? — нахмурился капитан.

Феликса скривилась и поежилась, как при виде мерзкого насекомого, ползущего по телу, но ответила твердо:

— Через год я могу начать терять контроль над собой. Первое, что пострадает от некроза — это мозг. Мой рассудок будет постепенно угасать, уступая простейшим потребностям. По сути, одной потребности — жрать, потому что выживать больше не понадобится. Пока я помню, кто я, я смогу подавлять наклонности живого мертвеца, но угасшая память тоже оставит последствия. Мной станет руководить только голод, о прежней жизни будет напоминать лишь смутное беспокойство. В итоге останется одна ярость. Так выглядит большинство оживших мертвецов — вечный поиск, злоба и зудящее чувство, которому ты больше не помнишь названия. Мне повезло сохранить душу, но в таком сосуде, — она провела вдоль себя ладонями, — она не задержится. Если за год я не найду способ вернуть себе нормальную жизнь, я постараюсь уничтожить себя.

— Мы этого не обсуждали! — зашипела ей на ухо Брисигида. Феликса сжала ее руку и легонько кивнула, обещая вернуться к этому вопросу.

— Этот путь к спасению, — заговорил Кистень, — что это значит? Куда ты собираешься плыть?

За нее ответил Акыр.

— Это же очевидно, — хмыкнул капитан. — Владелица нашего корабля должна попасть на Остров Жизни. Я прав?

Феликса кивнула.

— Да брехня это все, остров-шмостров! — фыркнул штурман. — Сказочки ваши, ведьминские... Если и был когда, сгинул вместе с гномами, ельфами и прочими нимфами.

— Тогда бы и это, — Брис подняла повыше деревянный сундук, — сгинуло вместе с ними. Посмотри поближе, если не веришь. Такой древесины ты никогда не видел — и не увидишь, если только мы не найдем Остров.

— Арделорейские моряки искали его сотни лет, — напомнил горец. — А ты рассчитываешь найти за год?

— Да, — уверенно ответила Феликса. — Весь их опыт со мной. Я видела все судовые журналы Фарнисса и помню их почти наизусть. Если бы не революция, я уже была бы магистром магии. Я — дочь своего отца, а это значит, что я не только маг, но и боец. Я несколько лет изучала в рейдах проклятые воды. Я нашла способ плыть через архипелаг Смерти, а Брисигида сможет сделать так, что мы сумеем добраться до его сердца. Если кто и способен найти легендарный Остров Жизни, то это я.

Кистень присвистнул.

— Скромница...

— Скромность в число моих добродетелей не входит, — усмехнулась волшебница. — Между прочим, знал бы ты, как с этим непросто жить!

Кистень расхохотался.

— Да хрен с тобой, поплыли. Что ж мы, Остров Жизни будем искать на архипелаге Смерти?

— Парадоксально, но да. Фарнисс верил, что ключ к Острову стоит искать там, и у него были на то основания. Я доверяю его суждениям. Так что на Паланийских островах мы подготовимся к возвращению на проклятый архипелаг.

— Меня устраивает такой ответ, — решил Акыр. — В течение года я останусь с тобой на этом корабле. А после — посмотрим.

С этими словами он развернулся и ушел на нос к жене и дочери.

Через некоторое время офицеры, а за ними и матросня, разделились на две неравные группы: те, кто решил остаться на корабле со своим капитаном и Феликсой, и те, кто хотел сойти в паланийском порту.

— В порт заходить не будем, — категорически отказал им Акыр. — Возьмете шлюпку — на вас и одной хватит — и доплывете на веслах. Не хватало еще для вас, трусливых псов, сходни лишний раз спускать.

Возражать никто не решился.

Феликса весь день просидела на лестнице, ведущей на мостик. За пару часов до заката на горизонте стала видна бледная голубая полоса — самый южный остров Паланийского архипелага. У нее был тяжелый разговор с Акыром касательно Дины. Она прекрасно понимала, что никто в здравом уме не доверит ребенка живому мертвецу. То есть, она думала, что понимает, но Акыр смотрел на все иначе.

— Услуга за услугу, — вот что он ей заявил. — Ты за год научишь мою дочь всему, чему возможно. Будешь тратить на нее свое драгоценное время!

— С ума сошел, — поразила Феликса. — После всего, что я там расписала, ты все еще хочешь, чтобы твой ребенок проводил со мной все свое время? Учился у меня? У меня,

гнилой мертвячки?

Горец только хмыкнул.

— Я еще с неделю назад догадался, что ты мертвая.

Феликса вопросительно подняла бровь.

— Дина видела твои руки в тот день. Ну, когда ты разбила бутылку и вышла наконец поесть. Я тогда спросил себя: три дня сидит в каюте, а еды ей никто не носит, почему, неужто голода не чувствует? Потом Дина сказала, что руки у тебя почернели, а к ужину ты пришла вполне здоровой. На следующий день я тебе булавку на стул подложил, а ты и не почувствовала, — девушка только покачала головой, но тут же одобрительно улыбнулась. — И крови на булавке не было. Жрица каждый день тебе что-то лечила... Я было испугался, но быстро успокоился.

— Почему?

— Посмотрел на тебя с дочерью. Ну дела! Никогда не видел, чтоб она с кем так много разговаривала. Просто продыху тебе не дает, вечно что-то спрашивает, показывает, зовет что-то смотреть — а ты и рада, и отвечаешь ей на все, и шутки шутишь, и колдовать учишь, и сказки на ночь рассказываешь. Цефора даже приревновала, — хохотнул капитан. — Мертвяки так себя с детьми не ведут. Ты — что-то другое.

— Я что-то похуже, — горько согласилась она. — Знаешь, каковы маги, восставшие из мертвых?

Акыр покачал головой.

— А я видала таких, — угрюмо продолжила она. — Почти каждый некромант так заканчивает. Проводит свои гнусные эксперименты на трупах солдат, горожан, животных. Многие считают, что создают себе таким образом могучую армию, но потом понимают, что не в силах контролировать столько мертвецов. Им кажется, что все упирается в физиологию. Вот если бы не нужно было тратить время на сон, еду, отдых... И некромант умирает, а потом восстает. Пару недель даже остается самим собой, как живой. Потом съезжает с катушек.

Она говорила, не глядя на горца. Казалось, единственное, что ее занимало, это кисти рук: бледные, не принимающие в себя свет и тепло, не успевшие загореть за время плавания, потому что мертвая кожа не способна загорать.

— Знаешь, почему восставшие так опасны?

Акыр снова покачал головой.

— Они теряют воспоминания. Сначала уходят события — все, что происходило в жизни. Первыми блекнут воспоминания, с которыми не связано сильных эмоций: работа, время, проведенное в пути, то, что связано с знакомыми, но не близкими людьми. Последними уходят сами эмоции. Гнев. Печаль. Веселье. Зависть. Любовь. Без любви им все равно, что происходит вокруг. Даже с самой бешеной яростью можно совладать — уговорить, сдержать, исчерпать. Эмоции выдыхаются со временем...

— Не все, — возразил Акыр.

— Конечно, не все, — усмехнулась Феликса. — Но самые светлые, радостные почему-то не выдерживают дыхания смерти. А без них невозможно существование полноценного разума. Любой хищник разумнее мертвеца, хотя мертвые во многом подобны зверям. Например, они не нападают друг на друга, как волки из одной стаи. Им ведь не нужно делить самку или территорию.

— Ты-то эмоций не начала утрачивать, — после недолгого молчания заметил Акыр. —

Ишь, сколько горечи! У меня аж скулы сводит.

Волшебница кивнула.

— Пока нет. Все-таки мы грозная сила, я и Брис. Вместе мы способны бросить вызов смерти. Но не победить. Чтобы победить смерть, нужно чудо, вмешательство богов, их изначальных сил.

— Но ведь это они же тебя и умертвили, разве нет?

— Нет.

Феликса задумалась, как попроще объяснить, в чем разница.

— Эти силы спасли Брис, прежде всего. А мне дали шанс исполнить свое предназначение. Будь я обычным мертвецом, восставшим, меня даже на Острове Жизни было бы не спасти. Только упокоить.

— А тебя можно упокоить?

— Нет. В смысле, я сомневаюсь, что это кому-то под силу. Разве что Вече и Верховные жрицы соберутся вместе.

— Такое ощущение, что ты пытаешься запугать меня, — буркнул Акыр. — Но я вот что тебе скажу. До тех пор, пока моя дочь тебя не боится, и я не стану. Однажды я не поверил ее суждению, но с тех пор, как она провела корабль, я стараюсь доверять ее мнению о людях. Дина не считает, что ты мертвяк, так что...

— Дело твое, капитан, — согласилась в итоге девушка. — Следите за мной как следует. Если хоть на мгновение ты увидишь признаки, которые я тебе описывала, скажи Брисигиде. Она будет знать, как меня обезвредить.

С Брисигидой Феликсе удалось поговорить не скоро. После разговора с Акыром на горизонте перед бледной голубой полосой земли появилась медленно растущая точка. Постепенно точка превратилась в маленькую гроздь синеватых парусов. Без флага.

— Прошмандовки пархатые, — прокомментировал это зрелище Кистень. — Аж встречать выплыли. Не иначе, магического сторожа на границе вод держат.

— Ты уверен, что у них воинственные намерения? — спросила Брисигида.

Вместо ответа раздался далекий предупредительный выстрел пиратского судна.

— Какой у нас план, капитан? — почти спросили одновременно Лаэрт, Киттерс и Феликса.

Акыр ухмыльнулся.

— Для демонстрации огневой мощи нам по-прежнему не хватает опытных канониров. Так что придется положиться на наших магов, — резюмировал тот. — Что скажете?

— А кто кроме Феликсы на борту владеет боевой магией? — недоуменно спросил Лаэрт.

Феликса поняла.

— Дине достаточно дунуть, чтобы снести им все паруса. А я прослежу, чтобы ей не помешали, — предложила она.

— Ребенок за нас сражаться будет? — нахмурился Кистень.

— Мне это тоже не нравится, — поджал губы Данатос.

— В моем племени в двенадцать лет мальчикам дают взрослое имя, копьё и воинский пояс, — заявил Акыр.

— А девочкам? — ехидно уточнила Фель.

Горец слегка смутился.

— Пожалуй, к нам с Диной это не относится, ведь мы не из твоего племени, — напомнила подошедшая Цефора. — Может, кому-нибудь придет в голову спросить мать, что стоит и чего не стоит делать ее дочери?

Акыр нахмурился, но не успел ничего сказать.

— Я как раз хотела тебя попросить позволить мне поколдовать, мама, — встряла Дина. — Ты ведь видела мой ураганчик.

"Она не стала говорить, что это безопасно, — одобрила про себя Феликса. — Не стала навязывать ей мнение. В этом вся воздушная стихия — подхватить порыв, влиться в него, а потом предложить другое направление вместо того, чтобы идти против. Мне бы так..."

— Видела, — ответила Цефора. — Но ведь это будет уже не игра.

— Конечно, мам, — согласилась Дина. — Поэтому мы сделаем все так, чтобы никто не понял, что смерч — мой. Я как бы буду делать все то же самое, что и при игре, а выглядеть все будет так, будто это природный ураган.

— Это возможно? — Цефора повернулась к Феликсе.

— Разумеется, — отозвалась та. — Мы назначим оператора для дополнительной защиты Дины.

— Оператора?

— Того, кто будет направлять созданный шторм. А еще наколдуем видимость пасмурной погоды. Тучи, молнии.

Целительница покачала головой, но тут же улыбнулась.

— Выбора-то у нас все равно нет. Мы не можем вступить в морской бой, правда? Только отвлечь противника, чтобы смыться к крупному острову, возле которого сойдут те, кто не желает плавать с нами дальше. А самим найти скрытое убежище, чтобы подготовить корабль к новому плаванию.

— Да, план такой, — подтвердила Фель.

Их прервал тонкий, невероятно громкий и долгий визг. Источник визга повис на одном из близнецов-матросов, кажется, Кайле.

— Крыс она, значит, боится, — поразился Лаэрт, — а на пиратов с шашкой наголо?

Братья с хохотом успокаивали Дину. Та не особо торопилась слезать у Кайла с плеч.

— Всегда у нее так, — усмехнулся Акыр. — Ерунды трусит, зато серьезные дела делает без лишних волнений. Когда мы бежали из Арделореи, она так же легко вела корабль из гавани. А на берегу снова струсила, ногой на медузу наткнулась.

— Я тоже боюсь медуз, — карикатурно поежился Кистень. — А вдруг она меня между полжопок ужалит?

Дина начала закручивать смерч прямо на воде. Спустя несколько секунд насосавшая воды воронка уже хищно крутилась на месте, угрожая зацепить одним из ветряных лепестков такелаж. Феликса подхватила управление, но ей было не под силу держать смерч так далеко от корабля. Пришлось зачаровать сапоги, чтобы ходить по воде. Чары считались непростыми, поэтому действовать пришлось быстро: дольше получаса магия не продержится.

Волшебница проверила, что смерч повинуется ее воле, показала большой палец Дине, тревожно вцепившейся в канат, и прыгнула на волны, прямо через борт. Морская вода пружинила под ступнями в волшебных сапогах, как густая трава. Феликса подпрыгнула несколько раз, чтобы убедиться, что все сидит удобно, и взяла длинный круговой разбег к

горсти парусов, которые успели заметно увеличиться за время их подготовки.

Иллюзия штормового фронта уже наступала с северо-запада, и Феликса, хоть и не могла видеть, но живо представляла себе, как суетится команда пиратского судна. Вскоре она увидела этому подтверждение — гроздь парусов начала постепенно редеть, будто кто-то обрывал бледные виноградины с кисти. Когда возня с парусами закончилась, корабль сделал разворот в сторону берега. Волшебница ускорила приближение иллюзорных туч, запустила молнии и под их прикрытием рванула напрямую к кораблю вместе с ураганом.

Вскоре до нее стали доноситься звуки. Кто-то на корабле вопил. Маленькие фигурки человечков, как муравьи, метались по палубе и лезли на рангоут. * "Вот так выглядит паника на море, — подумала Феликса, — и никто из них не чувствует, что ветер-то вовсе не штормовой!"

Им повезло, что погода к вечеру стала и без того пасмурной и холодной. В солнечный день такая иллюзия вряд ли смогла бы кого-нибудь обмануть.

Феликса старалась держаться так, чтобы воронка смерча крутилась перед ней, а ее саму скрывала из вида. Ей казалось, что воронка растет с каждым ее шагом. Возможно, так оно и было. Оставалось только запустить ее к кораблю и смываться, пока ее не заметили.

Она дала последнюю команду, развернулась...

... И резко ухнула под воду.

От неожиданности и холода она сразу рванулась к поверхности, но тут же остановила себя, осознав две вещи: воздух ей больше не нужен, а волны скрыли ее от моряков с гибнущего от ложного шторма корабля.

"Еще капелька магии, и поплыву, как дельфин", — успокоила Феликса саму себя. Со стороны чародейка напоминала скорее каракатицу, чем дельфина. Если бы кому-то пришло в голову заглянуть под воду, он увидел бы длинный след мелких пузырей, остающийся за ней, словно она толкала воду невидимыми щупальцами.

Кое-кому и правда пришло в голову посмотреть под воду. Можно сказать, что у него не осталось выбора: смерч смел его одним из ветряных лепестков из вороньего гнезда на фок-мачте "Черной Акулы". Он всегда неплохо справлялся с ветрами, наполнял паруса движением руки и даже мог защитить корабль от несильного шторма.

Но такого он на море еще не видел. За какой-то час небо, укрытое обычной пасмурной пеленой, вздыбилось тяжелым темным свинцом и заметало рогатые лиловые молнии. Капитан приказал идти на всех парусах к берегу, но тут появился смерч, да какой! Выше грот-мачты, равнодушно всасывающий хищным хоботом холодную соленую воду — и откуда он только мог взяться?

Капитан, как и вся команда, запаниковал и приказал убрать часть парусов, опасаясь, что ветер снесет мачты, если наполнит паруса. Вот только никакого штормового порыва ветродуй Ксантрий не чувствовал — а уж он имел опыт в таких делах. Поэтому он был готов, когда смерч подошел к ним: окружил свою голову воздушным пузырем и оттолкнулся от ревушей воронки воздушным потоком, полетев в море. Оказавшись в воде, он не торопился выныривать, вглядывался вместо этого в темную толщу в поисках причины внезапного шторма.

И увидел ответ на все свои вопросы.

Корабль ждал ее у восточной оконечности Скъортальна, самого популярного среди купцов острова из семи, составляющих Паланийский архипелаг. "Мы так и не назвали

корабль, — подумала вдруг Феликса. — Безымянное судно из страны, которой больше нет".

Дина помогла ей выбраться, создав теплый восходящий поток.

— Импровизируешь? — улыбнулась волшебница.

Девочка смущенно кивнула и улыбнулась в ответ.

— Мы придумали имя кораблю! — похвалилась она.

— Но не скажем, пока его не покинут те, кто отказался плыть с нами одним курсом, — напомнил дочери Акыр. — Кстати, ребята, вам пора. Грузитесь в шлюпку.

Несколько угрюмых офицеров и горстка матросов, не более радостных, уже стояли у шлюпки. Судя по всему, в нее уже загрузили бочонок воды и немного еды, хотя плавание до порта займет всего полдня.

— Попутного ветра, — буркнула Феликса и ушла на корму, где заметила Брисигиду. В спину ей донеслось холодное прощание Акыра с моряками и слаженный скрип лебедек, на которых опускали шлюпку.

Дина, рдеющая от внимания, слушала грубоватые похвалы матросов. Брисигида улыбалась, глядя на нее.

— Вот мы и выбрались, — проговорила жрица. — Что дальше?

— Найдем пещеру или бухту, где можно прятаться ото всех, — пожала плечами Феликса. — Начнем подготовку к встрече с тем, что обитает на островах в море Фарнисса. Купим припасов — денег более чем достаточно. Потом отчалим к проклятым островам.

— Звучит просто, — подбодрила ее Брисигида. Заметив, как Феликса насупилась, Брис тоже сдвинула брови. — Тебя тревожит встреча с демоном?

Чародейка покачала головой.

— Нет... то есть да, конечно, это будет не просто. Я хочу поговорить о другом.

— Догадываюсь, — вздохнула жрица. — Ты многого просишь.

— Имею право.

Брисигида ссутулилась и обхватила себя руками, вмиг став какой-то жалкой и обессиленной.

— Я не справлюсь, — она посмотрела подруге в глаза, — мне просто-напросто не хватит сил. Ты ведь не обычный восставший мертвец и даже не лич. Твоя душа по-прежнему связана с твоим телом, но помимо этого она еще и связана с источником Смерти! Твое тело не сопротивляется регенеративным чарам, как у других некротических существ. Я понятия не имею, как тебя упокоить, если ты начнешь терять человечность.

Она говорила очень тихо, голос дрожал. Жрица плакала совсем незаметно, без всхлипываний и спазмов, только мокрые щеки блестели, а из-под длинных ресниц быстро-быстро скатывались капли, одна за другой, одна за другой...

— Послушай меня, — она мягко взяла Брис за плечи, заглядывая в лицо. Из-под опущенных век все так же каскадом стекали слезы. — Ты слушаешь? — Жрица кивнула. — Я не собираюсь взваливать это целиком на тебя. Как только я почувствую, что меняюсь, что становлюсь настоящим мертвецом, я сама себя обезврежу. Мы выкопаем яму где-нибудь в безлюдном месте, такую глубокую, на какую хватит сил, заранее. Ты ее освятишь. Голову нужно будет закопать отдельно, остальное тело обмотать серебряной цепью и кинуть в яму. Потом...

— Хватит!

Брис вырвалась и стала кричать, размахивая руками, как подстреленный лебедь — крыльями.

— О чем ты просишь меня?! Отрубить тебе голову, сковать, бросить в яму — я кто, по-твоему, мясник? А потом жить с этим — с тем, что наследница престола лежит в сырой земле с полным глины и червей ртом и сатанеет от тоски, одиночества, предательства? Это ты просишь меня с тобой сделать?

Брис в приступе праведного гнева оказалась слишком громкой. Весь корабль от носа до кормы затих, уставившись на них.

— А об этом ты когда собиралась сказать? — холодно поинтересовалась Цефора. Она явно не имела в виду упокоение Феликсы.

Феликса сползла на палубу, и ее прорвало. Она стала смеяться, громко, истерично и безудержно. Из глаз брызнули слезы, а она все смеялась, и смеялась, и смеялась...

Пока не почувствовала, как что-то неудержимо подхватывает ее и уносит в каюту. Смех сменился всхлипами, всхлипы — ноющим плачем. Фель слышала, как рядом кто-то плетется, спотыкаясь.

— Устроили тут девчачьи разборки, — буркнул откуда-то слева Лаэрт. — Теперь обе в истерике. Давай, клади королеву на кровать, я дверь закрою. А ты садись!

Это уже относилось к Брисигиде. Жрица тяжело опустилась на койку.

— Значит, так, — заговорил Данатос. Низкий голос вибрировал, как рык. — Вам обоим должно быть стыдно. Во-первых, мы не обсуждали эту чехарду с престолонаследием. Раскрывать эту информацию вот так — верх идиотизма!

Брис прятала лицо в ладонях и молчала. Феликса лежала лицом в подушку, ожидая выговора в свой адрес.

— Во-вторых, — решительно продолжал оборотень, — ты, дорогая императрица, наша, кого просить об убийстве! Ты вконец сбрендилла — просить жрицу Триединой отрубить тебе голову и кинуть в яму, как поганую крысу!

Феликса приподнялась и упрямо замотала головой.

— Вам придется смириться с тем, что я могу превратиться в чудовище. И вам придется меня убить, как поганую крысу, хотите вы этого или нет!

— Умолкни, — попросила Брис, не поднимая головы. — Замолчи сейчас же. Даже слышать об этом не хочу.

— Давайте решим это здесь и сейчас, — сказал Дани. — В чем-то вы обе правы.

Девушки одновременно вскинули головы.

— Фель действительно может начать терять человечность — это неизбежно. Но сегодня говорить об этом рано. Я не закончил, — осадил он Феликсу, которая собралась возражать. — Если мы все-таки увидим, что ты начала терять контроль над собой, разбираться с тобой будет не Брис. Ей такое и правда не под силу, в первую очередь потому, что она утратит свою благодать, если начнет поступать подобным образом.

— Меня вовсе не это беспокоит, — возмутилась Брисигида. — Благодать! О чем мы вообще говорим? Убийство чудовищно по своей природе! Мы не допустим, чтобы тебя убили.

— Ну тогда, вероятно, я убью вас, — Феликса отвернулась к стене. Разговор шел совсем не так, как она его представляла. А как теперь разбираться с командой, услышавшей про ее титул?

— Я с тобой справлюсь сам, — пообещал оборотень. — Не обольщайся. В яму я тебя кидать все равно не стану. Разбираться буду по-своему.

— Будь добр объясниться, по-своему — это...

— Не буду! — рыкнул Дани. — Не стану ничего объяснять! Хватит тебе думать о смерти. Лучше бы подумала о том, как выжить.

Лаэрт кивнул с суровым видом.

— Помирать она собралась, — подхватил разговор шпион. — А нашу страну решила бросить на произвол судьбы? Кто будет выдворять узурпатора? Тебе не приходило в голову, что сама по себе Арделорея из этого кризиса не выберется? Будут рождаться новые маги — и тут же попадать в лапы ассасинов. Кто кроме тебя сможет им помочь?

Феликса открыла рот — и тут же закрыла. Она действительно об этом не думала.

— Антимаги не останутся на арделорейских волшебниках, — продолжил Лаэрт. — Готов поспорить, они уже строят планы, как погубить магов в остальном мире.

— Получается, я уже не самая главная угроза, — усмехнулась Феликса.

Брис вымученно улыбнулась ей в ответ.

— Стало быть, вопрос закрыт, — резюмировал Данатос. — А теперь вали на палубу объясняться с командой. И ты, сестренка, тоже!

Палуба встретила ее встревоженным, слегка натянутым весельем.

— Как бишь его теперь?.. — расшаркался Кистень. — Ваше высочество? Ваше величество? Ваша светлость?

— Официальный титул — Ваше императорское высочество. Неофициальный — госпожа императрица. Обращаться к правящей персоне дозволительно только с чистым носом и в выстиранных портках, — съехидничала Феликса. — Так что расслабься, штурман, ты можешь обращаться, как хочешь. Все равно ни по одному из пунктов придворного этикета не проходишь.

Кистень раскатисто хохотнул.

— К тому же, — переглянулась с ней Брисигида, — наша милостивая государыня еще не коронована. У меня есть последний указ императора, но вне тронного зала Славиры он — прах. Указ не вступит в полную силу, пока названный в нем человек не явится на место его действия.

— Дурь какая, — фыркнул Кистень. — Сами себе палок в колеса понавставляли своей... как ее... юристикой.

— Юриспруденцией, — поправил его капитан. — Но как по мне — он прав. Неудобно же! Поэтому не говорила?

— Нет, — покачала головой волшебница. — Хотя и поэтому тоже. Между прочим, для меня это тоже стало сюрпризом, и я все еще не знаю, как буду это разгребать. Меня никто не спрашивал, готова ли я принять такую ответственность, а если бы и спросили — я до сих пор не знаю, что бы я ответила!

— Ты, должно быть, шутишь, — пророкотала Цефора. — Ты не хочешь править?

Феликса усмехнулась.

— Каждый, кто хоть раз прикасался ко власти и пытался использовать ее по совести, хочет держаться от нее как можно дальше, — заверила ее Феликса. — Только эгоисты и мерзавцы получают удовольствие от власти. Мне и капитанская-то должность поперек горла, а тут присватали целую империю! Это не подарок, это бремя — и весьма тяжелое.

Акыр согласно кивнул. Единственный из всех, кто был на корабле.

— Сюрприз, говоришь? — послышался голос из-под навеса мостика. На свет показалась сидящая голова Хольгера. — Да ты единственный человек в Славиры, для кого это стало

сюрпризом. Вся столица показывала на тебя пальцем и звала будущей императрицей.

— Но она ведь не дочь императора, — удивился Кистень. — Неужто сосватали?

— В Арделорейском престолонаследии есть одно важное отличие, — пояснила Брисигида. — Если наследник бесплоден, он лишается права наследования. Это очень древний закон.

— Почему? — спросил кто-то из офицеров.

— Все потому же. Из-за магии. Почти все особенности арделорейского права продиктованы необходимостью сосуществовать с магами, — ответила жрица. — Придворный маг всегда поддерживает здоровье императорской семьи. До недавнего времени правители имели срок жизни существенно более долгий, чем у других людей, ведь их здоровье поколениями поддерживала магия.

— В результате императорам приходилось передавать власть раньше, чем они по-настоящему старели, — продолжила за нее Феликса. — И если своим детям они еще были готовы передавать власть, то смена династии проходила невероятно тяжело.

Брис кивнула и стала рассказывать дальше.

— У императора Леветира родилось двое детей, двойняшки. Мальчик и девочка. Беременность императрицы протекала очень тяжело, а роды и вовсе ее убили. Когда они приблизились к возрасту полового созревания, стало понятно, что оба бесплодны.

— Да, — закричал Хольгер, — так что оба с детства знали, что титул никто из них не унаследует.

— Счастливики, — буркнула Феликса, — могли заниматься до конца жизни, чем нравится. На имущество-то закон не распространяется...

Брисигида раздраженно покосилась на нее, но комментировать не стала.

— Ходили слухи, что оба ребенка тяжело больны и сопротивляются лечению магией. Аянир и Аннаира... — Брис вздохнула. — Похоже, слухи правдивы, потому что двойняшки очень давно не показывались народу. Я ни разу их не видела, хотя они примерно мои ровесники.

— А я — видела, — задумчиво протянула Феликса. — Но только когда мы были маленькими. Лет до двенадцати они присутствовали на каждой аудиенции, куда приглашали отца. Но я-то тут причем? У нас знатный род, но я не последняя арделорейская дворянка на свете.

Хольгер рассмеялся.

— Разве тебя не готовили с детства быть важной правительницей? Этикет, военная подготовка, многочисленные иностранные языки, политология, экономика, философия...

— Остановись, — поморщилась Феликса. — У всех дворян такое образование.

— Но не все ездят с отцом по дипломатическим миссиям, — жрица решила поддержать Хольгера. — И не все демонстрируют выдающиеся магические способности. Леветир мечтал возвести на трон настоящего мага, чтобы его преемник не совершил ошибок его отца.

— И никто не посчитал нужным мне на это хотя бы намекнуть! — возмутилась волшебница. — Даже Маронда ни словом не обмолвилась...

Брисигида покраснела и прикусила губу.

— Я не знаю, почему, — тихо сказала она. — Но, по-моему, тебя просто еще не считали готовой к этому.

— Хорошо, что император никогда не узнает, что я мертвяк, — съехидничала Феликса. — Уж смерть-то мне точно не прибавила готовности.

— Чего уж теперь ерничать, — крикнул Акыр. — Указ подписан, на троне какой-то узурпатор, а мы здесь, в изгнании. Давайте сделаем, что должно, а потом над всем этим посмеемся.

Офицеры и матросы откликнулись одобрительным шумом. Феликса поджала губы, но тут же улыбнулась, увидев Дину, которая аж подпрыгивала от нетерпения, ожидая конца разговора. "Точно, — вспомнила девушка, — имя для корабля. Они придумали имя кораблю. Или она, она одна".

— Как корабль-то назвали? — спросила она ученицу.

— Око Бури! — выпалила Дина. — Здорово, правда?

Коппер не любил портовых таверн. Особенно на Паланийских островах. Попробуй найди тут приличную еду! Сплошная рыба. Копченая и полукопченая рыба, соленая рыба, слабосоленая рыба, маринованная рыба, жареная, вареная, тушеная, сушеная... "Рыбы я бы и в море поел! — досадовал Коппер. — Неужто в этой поганой дыре совсем нет мяса?"

Мясо, конечно, имелось. Вяленая баранина. Коппер ненавидел вяленую баранину. Впрочем, здесь подавали и свинину, и птицу — но по такой цене, что позволить себе эти блюда могли только офицеры. И не во всякой таверне. Так что Коппер и пара его парней давились ухой из угря.

Моряки с завистью смотрели на столик в углу, возле окна. Самое шикарное место. По правде сказать, они видели только часть столика, остальную панораму загоразивал шерстяной занавес, такой плотный, что Копперу он казался ковром, который применили не по назначению. Из-за края занавеса виднелись листья какого-то растения, примерно четверть стола, чья-то нога, один из собеседников и здоровенная бутылка. Служанки несколько раз шныряли за занавес с подносами, источающими дразнящие запахи жареного мяса и картошки с чесноком.

Коппер специально сел рядом с занавесом. Сидевшие за ним моряки вели очень интересный по мнению старого матроса разговор, и он ждал момента, когда сможет подкинуть пару важных деталей к рассказу.

— Найти бы ту стерву! — грохнул кулаком по столу хозяин низкого хриплого голоса. — Уж по земле она бы от нас так не ушла. Говоришь, как каракатица поплыла?

Невидимый Копперу собеседник, судя по всему, кивнул.

— Точно девка-то? Я из магов-то в основном мужиков вижу.

— Точно, — ответил высокий надменный голос. — Что я, по-твоему, сиськи с двадцати метров не разгляжу? И косу до пупа?

— Ну-ну, ветродуй, не кипятись. Верю. Стало быть, девка нашу "Черную Акулу" потопила. Как ее искать-то?

Коппер приготовился. Тут он мог им помочь.

— Можно попробовать вычислить сигнатуру, — неуверенно ответил ветродуй. — Но я в этом не силен. Надо поискать того, кто умеет распознавать магические следы.

Коппер встал из-за стола и кивнул парням. Все трое подошли к столу за занавесом.

— Или, — содрогаясь от собственной наглости, сказал Коппер, — поискать того, кто ходил с той девкой на одном корабле. То есть меня.

Четыре пары светлых цепких глаз уставились на Коппера. Моряк поежился, но отступить было поздно.

— Ее команда планировала достигнуть восточного берега Скъортальна и двинуться

дальше вглубь архипелага. На север.

Один из взглядов немного смягчился. Татуировки, шляпа и перевязь широкой сабли выдавали в обладателе строгого взгляда капитана.

— Чем докажешь, что не врешь? — спросил другой. Коппер узнал голос мага-ветродуя.

— Поеду с вами, когда вы за ней погонитесь, — ответил Коппер. — Если не найдете ее следов там, где я сказал, буду отвечать, как принято. Но вы найдете.

— Ишь ты, уверенный какой, — тихо буркнул бугай с бычьей шеей. Левая рука у него была перевязана, а лицо покрыто ссадинами.

Капитан заметил взгляд Коппера.

— Сигварду руку мачтой переломало. У меня полкоманды покалечено этим сраным смерчем. А корабль — практически в щепки разбит! — Капитан шумно выдохнул, глотнул из кубка и развернулся к Копперу всем своим широким, кряжистым телом в засаленном камзоле. — Добро. Покажешь мне место, где стоял корабль. А ты, ветродуй, ищи своих помощников и сканер этой хренатуры.

— Сигнатуры...

— Да насрать! С рассветом отплываем. Достанем эту ведьму! А ты садись, матросня, угощайся. Поговорим о плате. Вряд ли ты мне решил помочь из чистого альтур... атлури...

— Альтруизма, — подсказал маг.

— Да, в натуре, из него самого. Что ты хочешь?

Коппер пожал плечами.

— Работу. Задаток за службу на корабле. Пожрать нормально.

— Ну так жри, — засмеялся капитан. — На корабль возьму, если канат с хером не путаешь, будешь плавать со мной. А задаток... Ну, скажем, тридцать серебряных тебе выдам.

— По рукам!

Коппер облегченно улыбнулся, сел и принялся за благоухающую чесноком чечевичную похлебку со свиной.

Скьортальн остался далеко позади. "Око Бури" плыл на север в поисках небольшого острова с удобной бухтой. Феликса продолжала занятия с Диной. Тему престолонаследия и упокоения псевдоживых на корабле больше не поднимали.

На второй день Брисигида забеспокоилась. Следом забеспокоился и ее брат. Оба уверяли, что за ними кто-то следит.

— За нами всегда кто-то следит, — пожал плечами Фель, — мы ведь в розыске. Или вы чувствуете что-то конкретное?

Ни жрица, ни оборотень более внятного ответа так и не дали, но Брис уверяла, что слежка магическая.

К вечеру того же дня они плыли вдоль большого рифового кольца, окружавшего группу маленьких островов. Феликса стояла вместе с Кистенем на носу, он — с лотом в руках, она — со сканирующими чарами наготове.

— Что-то я не припомню здесь таких рифов, — ворчал одноногий. — И такого тумана. Чуешь, какое молоко? Нихрена не видно. А за рифами — как отрезало...

Штурман был прав. Туман скрывал острова за рифовым кольцом, а над самими рифами резко обрывался, словно натываясь на преграду. Как пар в оранжерее за стеклянными стенами и куполом. Феликсе казалось, что она упускает из вида что-то важное, но догадка продолжала ускользать от нее, дразня близким пониманием.

— Госпожа Феликса! — пискнула Дина. — Госпожа Феликса, мне кажется, с этим туманом что-то не так.

— С ним однозначно что-то не так, — согласилась волшебница. — Сама что думаешь?

— Похоже на те проклятые острова, — нахмурилась девочка. — Мой ветер не может его сдуть. Может, его кто-то наколдовал?

Феликса стукнула себя кулаком по лбу с досадой. Ну конечно! Рифы, которых Кистень здесь не помнит, туман, клубящийся у их границы, лот, не находящийся на дне преград...

— В самую точку, Дина, — улыбнулась молодая наставница. — Как на тех островах. Хоть и не совсем одинаково... Акыр, нам нужно сменить курс!

Капитан вопросительно посмотрел на нее.

— Сейчас покажу, — пообещала она, — только амулет из каюты возьму. Переложу пока руль к востоку.

— Там же риф, — невозмутимо возразил Акыр.

— Нет, — возразила Феликса с лихорадочно блестящими глазами. — Там магически сгенерированный барьер!

Она пробежала в каюту, возбужденно рылась в своих вещах, пока не нашла маленькую шкатулку с подарком Маронды — амулетом-маятником с желтым топазом. На палубу она тоже вернулась бегом.

— Мы точно не разобьемся? — подозрительно спросил Акыр. Он приказал переложить руль так, чтобы корабль шел чуть восточнее, но только чуть.

— Точно! — весело ответила Феликса. — Смотри.

Она сложила ладони у сердца, зажав между ними цепь маятника, и начала странно качаться, не разжимая ладоней, поднимая сложенные руки то вверх, то вниз, то вбок, поворачивая вокруг себя и раскачиваясь все с большей амплитудой. С резким криком и выдохом она метнула маятник в сторону рифа. Тот полетел, словно выпущенная из лука стрела, и врезался в невидимую преграду, пробив ее и застряв, как в стекле. Цепочка свисала вниз, слегка покачиваясь.

От пробитого отверстия во все стороны расходились сверкающие золотом трещины, все быстрее, все больше ветвясь и сверкая, пока с тихим звоном в море не посыпались осколки барьера. Маятник так и остался висеть в воздухе.

Акыр тут же отдал приказ переложить руль строго на восток, потому что за разрушенным барьером не осталось ни рифа, ни тумана. Там виднелся маленький остров, залитый теплым закатным светом, и гостеприимная бухта.

Феликса не отрываясь смотрела на остров. Она никак не могла отвести глаз от стрельчатой башни, сложенной из полупрозрачных желтых блоков, сверкающих в лучах солнца, как драгоценный камень.

— Не может быть, — выдохнула она.

Бухта оказалась еще более удобной, чем им показалось сначала. Когда они готовились уже бросить якорь, зоркий Кайл — или все же Сойл? — увидел узкий пролив, ведущий вглубь острова. За проливом открылась еще одна бухта, глубокая и укрытая скалами, даже надежнее бедеранской. С моря ее никак нельзя увидеть. С одной из скал в бухту ревущим потоком обрушивался водопад.

За водопадом обнаружилась пещера, обширная, как гавань. Закатные лучи пронзали рокошущие струи воды, освещая огромную каверну. Дина соорудила над кораблем

воздушный щит, чтобы на палубе никто не промок, и "Око Бури" скрылся за водопадом.

— Надежнее не придумаешь! — радовался Кистень. — Хорошо, что ты риф этот просекла.

Феликса не отвечала. Она ждала встречи с тем, кто наколдовал этот барьер. Она была уверена, что автор чар обитал в той самой желтой башне.

— Видал, как башня-то сверкала? — восхищался Акыр. — Из чего ж ее такую сложили?

— Да пес его знает, — пожал плечами штурман. — Но уж явно не из гранита.

— Это гелиодор, — пояснила им Брисигида. — Из такого камня вообще-то башни не строят. Он драгоценный.

— Хо-хо! — обрадовался Кистень. — Так пойдем, распилим ее и загоним местным барыгам по сходной цене!

Жрица снисходительно улыбнулась.

— Башня возведена магией. Обычной киркой ее не разбить. Да и хозяин будет возражать...

— Да что ты, я ж шучу! — надулся штурман.

— Кстати, про хозяина, — задумчиво протянул Акыр. — За разрушенный барьер небось по головам нам мечтает надавать. А ну как найдет?

— Не мечтает, — коротко бросила Феликса. — И искать не станет. Я пойду к башне сама.

Данатос и Брисигида переглянулись.

— Ты считаешь, там что-то опасное?

— Нет, — Феликса осеклась. — То есть да, но не для нас. Вам не стоит переживать.

Беспокойство по-прежнему отражалось на лицах ее спутников, и Феликса решила пояснить.

— Я думаю, нам предстоит встреча со старой знакомой.

Они вышли к башне в сумерках. Гелиодоровые блоки, из которых был сложен огромный шестигранник, увенчанный маленьким каплевидным куполом, испускали мягкое золотистое сияние, словно башня, напитавшись за день солнцем, теперь отдавала часть его света.

— Тепло, — с улыбкой проговорил Данатос. — Она не только светится, она еще и греет.

— Прелестно, — буркнул Лаэрт. — А там точно кто-то живет? Я не вижу двери.

Феликса вздохнула.

— В магических башнях нет нужды в дверях и окнах.

Дина очень хотела пойти с ними, но Феликса попросила ее остаться с родителями у бухты с пещерой. Она обещала девочке сходить с ней к башне позже еще раз, но Дина, похоже, все равно расстроилась.

Феликса не была полностью уверена в своей догадке. Она одновременно очень ждала и очень боялась этой встречи, тщетно пытаясь избавиться от ощущения, что ей снова четырнадцать и она сдает свой экзамен на подмастерье.

Девушка выдохнула, прикрыла глаза и сложила предплечья параллельно у груди и живота, локти разведены в стороны, чтобы одна ладонь смотрела в другую. Между ладоней медленно расцвел трепетный белый огонек, особенно яркий в сгущающихся сумерках. Феликса развела ладони и поместила их под жемчужно сияющий шар, направляя его вверх, к куполу башни. Шар с посланием разросся, добавив к теплomu золотистому свечению свое, белесое и холодное, и пропитал собой купол. Он остался там, как маяк.

— И что дальше? — почему-то шепотом спросил Лаэрт.

— Ждем, — ровно ответила Феликса. — Не садись на песок, простудишься.

Лаэрт поднялся, отряхнулся и стал ходить вокруг башни, периодически вздыхая и ворча что-то себе под нос. Данатос хотел опереться на стену башни, но, подойдя ближе, передумал и отошел.

— Есть в ней что-то... — он задумался. — Чужеродное. Неживое.

— Как ты понял? — раздался ехидный надтреснутый смешок.

Феликса резко обернулась, подняв каблуками волну песка. Брис тихо вскрикнула, всплеснула руками и радостно рассмеялась.

— Маронда! — дрогнувшим голосом выговорила Феликса. Опустилась на одно колено. — Наставница Маронда.

— Ну-ну, поднимись немедленно!

К ним, хромая и шаркая, опираясь на посох белого дерева с латунными бубенцами, шла маленькая пожилая женщина. Длинная роба цвета свежей сосновой смолы легко шуршала подолом о песок при движении. Наполовину седые светло-рыжие волосы, длиной чуть ниже мочек ушей, завивались в разномастные кудри и волны, образуя на голове янтарный с серебром хаос. Старая чародейка хитро посматривала на них из-под рыжеватых завитушек.

Феликса послушно поднялась. Когда наставница к ней подошла, оказалось, что младшая чародейка почти на две головы выше. Маронда ехидно хмыкнула.

— Что, похоронила меня небось?

Феликса угрюмо смотрела на нее сверху вниз, стараясь не хлюпать носом при вдохе. Глаза предательски слезились, в горле щипало, в груди kloкотали всхлипы.

— Ась? — издевалась старушка. — Не слышу. Не рада, что ли? Ну хоть ты меня обними! — повернулась наставница к Брисигиде.

Жрица без особых раздумий обняла волшебницу, счастливо улыбаясь.

— Здравствуй, Маронда! Как я рада тебя видеть, ты бы знала!

— Так я знаю, — с характерным смешком ответила Маронда. — Я вас, можно сказать, тоже рада видеть, хоть и знала, что вы здесь окажетесь. Брат что ли твой? — она повернулась к Данатосу. — Ишь, как вымахал! Видела, как ты своей кошачьей жопой пол-Бедерана разнес. Кто бы мог подумать, что из оборотня такой шикарный транспорт выходит!

Лаэрт громко рассмеялся.

— Это госпожа Маронда верно подметила, про Бедеран и жопу-то. Я бы лучше не сказал! Мы с вами лично не знакомились, но вы, быть может, и так меня знаете. Я — Лаэрт, старший лейтенант императорской Тайной канцелярии.

Он сдержанно поклонился. Маронда подошла ближе и бесцеремонно ухватила его за подбородок, повернула его голову направо, потом налево. Присвистнула и недоверчиво цокнула языком, только потом выпустила его из цепких ладоней.

— Ну, дела, — хмыкнула она. — Лейтенант, говоришь? Тайный агент?

— Так точно, — ответил Лаэрт, сдвинув брови.

— В паре с тобой обычно маг?

Лаэрт развел руками. В паре с ним последнее время был Данатос.

— Видала я проводников, — покачала головой Маронда, — но такого впервые вижу. Что, неужто в канцелярии не знали? Конечно, не знали! Знали бы они, знала бы и я... Но как вышло, что я с тобой ни разу не столкнулась?

Старая волшебница говорила себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. Феликсу

всегда нервировала эта ее привычка рассуждать о каких-то загадках, ни с кем не совещаясь, но все равно вслух. Сейчас она смотрела на нее со смесью облегчения и ностальгии. Она столько всего хотела спросить у наставницы, но ее накрыло с головой волной опустошенности, апатии и ужасной усталости, и она не могла выдать из себя ни слова.

— А больше всего меня удивляет, как ты, — она ткнула узловатым пальцем в Феликсу, — могла это проشياпить!

Феликса недоуменно уставилась на нее.

— Между прочим, я даже была вынуждена воспользоваться его помощью. Впервые в жизни я колдовала с помощью проводника.

Маронда нахмурилась.

— А что такого нетипичного в способностях Лаэрта? — удивилась Брисигида. — Нам доводилось несколько раз действовать вместе и применять свойства проводника.

Наставница присвистнула и почесала затылок.

— Когда это было? Я этого не видела... Как вас не разорвало?

Девушки переглянулись и пожали плечами.

— Я бы и не почувствовала, если бы получила какие-то повреждения. Я, если ты не заметила, вообще-то мертва.

— Уж это-то я заметила, — буркнула Маронда.

На несколько мгновений повисло неловкое молчание.

— Оставим пока вопрос уникальности Лаэрта, а то он раздуется от гордости и лопнет. Как вообще так вышло, что мы встретились здесь с тобой? — спросил Данатос. — Мы ведь просто искали убежище. Чистейшая слу...

— Не говори глупостей, — в один голос фыркнули Маронда и Феликса. — Случайностей не бывает. Все они так или иначе кем-то спланированы.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы встретились здесь по воле Триединой? — иронично спросила Брисигида.

— Ну... теоретически... — промямлила старая колдунья, косясь на Брисигиду. — Такое, конечно, возможно. Но в этот раз я постаралась сама.

Феликса сморщилась, поджала губы и отвернулась. Маронда закатила глаза.

— Не морщись, а то придется морщины заговаривать, — нравоучительно проворчала старушка.

— Эту башню даже ты строила бы не одну неделю, — проигнорировала ее замечание Феликса. — Как ты могла поставить ее и барьер в точности там, где мы появимся? И амулет, твой прощальный подарок...

Маронда пожалела плечами.

— А как ты узнаешь, что брать с собой в рейд и на задания? Как нашла дом своего капитана, попавшего в беду?

— Я могу предсказать только свою судьбу и только на ближайшее время. Ты настолько мощная провидица? Ты никогда об этом не говорила.

— А еще я не говорила, что у меня от гранатового сока несварение и газы, — снова проворчала Маронда. — Что, прикажешь мне всю подноготную тебе выкладывать? И вообще, я не отвечаю на не заданные вопросы.

Феликса уставилась в песок. Не так она представляла себе встречу с женщиной, которую считала мертвой.

— Как ты спаслась? — спросила она наконец, не поднимая глаз.

— Так же, как и ты. Портал.

— А мама?

Феликса знала ответ. Она слышала ее крик перед тем, как перенеслась в Бедеран.

— Прости. Мы могли погибнуть вдвоем — или она одна. Это не мой выбор.

Феликса кивнула. Она не искала виноватого, только хотела знать наверняка.

— Мне жаль, дорогая, — Маронда оставила напускное ехидство и колкость. В эту минуту она стала просто старой уставшей женщиной в желтом балахоне до пят, чей посох — всего лишь клюка. — Столько смертей было в тот день... — она покачала головой. — Это и моя вина. Я это допустила, я этого не предвидела, не предусмотрела. А может, это именно я спровоцировала эти события... может такое быть, может быть, может ведь?

— Нет, — отрезала Феликса, обхватив старуху за плечи. — Идем отсюда. Нечего тут ловить, солнце зашло, сейчас холодать начнет. Маяк погасишь?

— Рано еще, — в голос Маронды начали возвращаться ворчащие нотки. — Котьяра ваш правильно сказал. Чуждая башня, не живая, не мертвая, просто — иная. Знаешь, как так?

Феликса отрицательно покачала головой.

— А разве это не твое жилище? — удивился Лаэрт.

Маронда покосилась на него исподлобья и прижала подбородок к шее, мигом став похожей на мохнатую жабу. Феликса не сдержала смешок: такое выражение лица у наставницы появлялось, когда кто-то говорил несусветную — по ее мнению — чушь, то есть почти каждый раз, когда рот открывал кто-то моложе нее.

— Ты вытянула ее из астрального плана? — сделала догадку Феликса.

— Как я могу вытянуть из астрального плана что-то материальное? — фыркнула старушка. — Впрочем, истина не так уж и далеко. Думай!

Феликса вздрогнула от интонации, с которой Маронда сказала последнее слово. Сколько раз она ее слышала!

Думай!

Ты стоишь перед двумя дверями. За одной из них — страх, за другой — боль и отчаяние. Ты не знаешь, в чем именно заключены страх, боль и отчаяние, но точно знаешь, что избежать этого невозможно. Что будешь делать?

Думай!

Твоя лошадь пала, у тебя кончается запас воды и еды, скоро наступит ночь, а вместе с ней придет холод. За тобой идет погоня, так что развести костер — не очень умно. Как ты поступишь?

Думай!

Это заклинание призывает бестелесное существо, духа. При правильном произнесении ты призовешь доброжелательную сущность. Если ошибешься — узнаешь об этом, только когда перед тобой появится демон, несущий хаос. Как проконтролировать себя, чтобы не навлечь беду на всех?

Думай! Думай еще! Рассуждай логически.

Если тебе кажется, что ты нашла правильный ответ, — подвергни его критике. Представь себе, что весь смысл твоей жизни в том, чтобы опровергнуть его истинность. Ты все еще уверена в своей догадке? Проверь трижды!

Правда может лежать у тебя под самым носом, а ты не заметишь ее, потому что перестала сомневаться.

Думай!

Фель подумала. Стоило сосредоточиться, и ответ пришел сам собой.

— Здесь нет никакой башни, — проговорила Феликса. — Гелиодоровые блоки — сгустки энергии астрального плана, заточенные в камень. Технически — это не башня. Это силовой реактор... бомба? Реактор питает щитовые чары и иллюзии. Триггером для взрыва служит разрушение или любая попытка атаки?

— Атака, — кивнула Маронда. — Так что маяк останется здесь. Я очень надеюсь, что по нашим следам сюда однажды доберутся враги. Последний штрих!

Она трижды стукнула посохом о песок. Свет на вершине маяка разгорелся ярче, отделился от купола и величаво взмыл вверх. Достигнув высоты в несколько перелетов стрелы, молочно светящийся шар разлился плоским широким кольцом. Кольцо становилось все шире и постепенно опускалось.

Маронда восстановила барьер.

— Будьте осторожны. Остров больше не скрыт от посторонних глаз. Барьер сработает, только если к нам пожалуют неместные гости. Как бы Вольница чего подозревать не начала... — пояснила чародейка. — Теперь ведите меня к вашей пещере. Надеюсь, у вас там есть выпивка, а то мои бедные старые кости совсем продрогли.

В пещере, конечно же, лагерь никто устраивать не стал. Его разбили под прикрытием тех же скал, которые отделяли бухту от моря. Еще до ухода Феликсы Акыр и его матросы соорудили несколько шалашей для сна, выкопали ямы под костры, пополнили запасы пресной воды и ушли охотиться. К ее возвращению из лагеря уже доносился запах печеного мяса.

— Между прочим, перед побегом из Славиры я успела сделать кое-что важное, — с криканием сообщила Феликсе наставница. — Не хочешь меня спросить, как ты сдала экзамен?

— Имею наглость полагать, что я сдала его хорошо.

— Наглость — это да, этого у тебя не отнимешь, — съехидничала Маронда. — Да, ты сдала его блестяще. Так что я захватила твой диплом Магистра Боевой Магии и Высокоуровневого Чародейства. Ты официально больше не подмастерье.

— Благодарю, — ответила девушка. — Боюсь, в наших обстоятельствах это уже не слишком актуально.

Маронда остановилась и несколько секунд не сводила с нее задумчивого взгляда.

— Надеюсь, это не смерть тебя так изменила, — буркнула она вполголоса. Так, чтобы Феликса не услышала.

Чем ближе они подходили к лагерю, тем больше чародейку охватывало беспокойство. Она чувствовала, что чего-то не хватает, чего-то очень важного, ставшего привычным.

— Ого! Они и частокол успели поставить, — восхитился Лаэрт. — Только как-то здесь тихо.

Феликса вдруг поняла и сорвалась в лагерь бегом. За частоколом она увидела всего нескольких матросов, которые с беспокойством смотрели в густой подлесок, окружавший их лагерь. Волшебница поискала глазами маленькую фигурку с растрепанными от постоянных вихрей светлыми волосами, надеясь, что ошиблась. Но лагерь был практически полностью пуст.

— Что стряслось? — спросила она одного из матросов. — Где остальные? Где капитан?

— Хвала Триединой, вы вернулись! — воскликнул он. — Дина исчезла. Все

отправились ее искать.

Феликса не ответила. Она развернулась и со всех ног помчалась обратно к своим спутникам.

— Дани! — закричала она, едва увидев силуэт оборотня. — Дина пропала!

Девушка остановилась, как только человеческая фигура распласталась в длинном кощачьем прыжке, трансформируясь на ходу. Огромная пума замедлила перед ней движение на едва уловимое мгновение, но Фель успела вспрыгнуть ему на спину. Она обхватила горячую гибкую шею и сжала ногами бока.

Данатос на какое-то время замер у лагеря, раздувая ноздри, повел головой по ветру, резко коротко рыкнул и умчался вглубь подлеска, взяв крутой разворот вправо. Феликсе оставалось только удивляться, что она не свалилась с гладкой спины хищника.

— Ксантрий! А, чтоб тебя!

Ксантрий на оклик не отреагировал. Он сосредоточился на том, чтобы девчонка не могла заставить ветер разбросать их, как кукол. О том, чтобы она не дрыгала ногами, сидя в мешке, он позаботиться уже не мог.

— Успокоишься ты или нет! — рычал похожий на быка пират. Коппер никак не мог запомнить его имя. Свартальн? Свертуль?

Спросить Коппер боялся. Вдобавок его обуревало какое-то странное незнакомое чувство. Каждый раз, когда он смотрел на брыкающийся мешок на плече быкообразного пирата, кончики его ушей начинали холодеть, а щеки — гореть. Он не мог отделаться от ощущения, что по спине бежит целое стадо отборнейших, здоровенных мурашей.

— Сделай что-нибудь, ветродуй! У меня вся спина в синяках будет...

— Я уже делаю что-нибудь, Свьоттир, — сплюнул Ксантрий. — Если я не буду делать что-нибудь, она снова приложит нас всех спинами о стволы. И не факт, что ты при этом отделаешься одними синяками!

Из мешка послышался яростный визг. Свьоттир пошатнулся от очередного особенно отчаянного пинка.

— Проклятье, это всего лишь девочка. Твои яйца сожрала барракуда? Или ты просто девка, Свьоттир? — обругал его капитан. — Ксантрий, ты говорил, что это была баба! Баба, а не мелкая девчонка!

— У смерча сигнатура этой девочки, — сквозь зубы ответил маг, — а управляла им другая женщина, взрослая. Но я бы не стал ее искать. Эта девочка — настоящее сокровище!

К облегчению Копера, капитан Мирхард легко отыскал корабль Феликсы и Акыра там, где он указал. Они следовали за волшебницей сутки, нагнав только у острова. Ксантрию островок не понравился, а капитан и вовсе разразился ругательствами — оба уже бывали здесь. Но ни один не мог припомнить густого тумана и светящейся желтой башни. Ксантрий и рад был бы глянуть на башню поближе, но капитан запретил.

Мирхард считал, что на суше с волшебницами будет проще справиться — и оказался прав. Девчонка с нужной магической сигнатурой оказалась совсем одна неподалеку от разбитого лагеря. “Мелкая, но не такая уж и беззащитная, — поморщился Коппер, потирая синяки. — Я-то думал, сунем в мешок — и нет проблем! Спину мне отбила, гадина...”

Мешок издал очередной возмущенный вопль и уперся в спину матроса двумя ногами. Свьоттир без особой осторожности сбросил мешок на землю, развязал горлышко и схватил девчонку за волосы.

— Сиди смирно, стерва!

Девочка, кривясь от боли, извернулась всем телом и укусила его за запястье. Свьоттир стиснул зубы, но уже в следующее мгновение с невнятным хрипом схватился за горло.

Чуть ниже уха из горла торчала стрела с длинным пестрым оперением.

Следующие несколько секунд Коппер пытался уследить за развернувшимся хаосом. Он слышал тихий свист и глухой стук, раз за разом, и следующий за ними хруст веток под упавшим телом. Свист — стук — хруст. Он увидел, как пятеро упали и уже не смогли подняться. После шестого он побежал.

Коппер не слышал ничего, кроме собственного дыхания и бухающего стука сердца, отдающегося эхом в висках. Неужели Феликса так быстро выследила их? Но в ее команде не было лучников... Может быть, это горец? Или солдат-северянин?

Ему казалось, что если он добежит до зарослей погуще, это спасет его от невидимого лучника. Коппер почти нырнул в спасительные кусты.

Из его несостоявшегося убежища выскочило огромное косматое чудовище. Коппер упал на спину и завопил от ужаса. Зверь с рыком надвигался на него. Он поставил обе широкие лапы ему на грудь, и Коппер едва не задохнулся от его зловонного дыхания.

— Харм, фу! — раздался чей-то оклик. От страха Коппер не смог понять, кому принадлежал голос, мужчине или женщине. Все, что он сумел, — это повернуть голову.

В пролеске он увидел несколько трупов с торчащими в шеях, висках, груди маленькими металлическими рукоятями. Метательные ножи. У Свьоттира и еще пары убитых вместо ножей в телах торчали стрелы.

Коппер кое-как повернулся набок, и его стошнило желчью. От вони желчи резало в глазах, но он продолжал наблюдать за поляной, не в силах опустить веки.

Мохнатое чудовище, похожее на помесь небольшого медведя и огромного пса, прыгало по поляне, опрокидывая тех, кто еще стоял на ногах. Хозяин не показывался.

Ксантрий, похоже, одновременно защищался от чудовища и продолжал сдерживать девочку. Но та не пыталась с ним бороться. Она отползала к ближайшему дереву, пригибая голову к земле.

— Я предупреждала тебя, Мирхард, — прозвучал тот же голос, что отозвал собаку. — Я предупреждала, что это мои леса. Моя земля. Я не потерплю тебя и твоих сраных работяг на своей земле!

— С каких пор твоя земля простирается на половину острова? — сквозь зубы возмутился капитан Мирхард. В плече у него тоже торчала рукоять метательного ножа.

— Когда дело касается ублюдков вроде тебя, моя земля — весь остров. Харм, фас!

На глазах Коппера зверюга распласталась в невероятном прыжке. Мирхард побежал, оттолкнув с пути Ксантрия. Коппер был уверен, что капитан уйдет.

Не ушел.

Прямо перед ним с раскидистого ясеня на землю спрыгнула невысокая фигура, быстрая и ловкая. Мирхард замахнулся на нее саблей, но та ушла из-под удара и по-кошачьи прыгнула ему на спину, обхватив широкую шею капитана локтем. У нее не было шансов задушить крупного взрослого мужчину, но она обошлась и без этого. Одной рукой она крепко держалась за шею, а второй вытащила из его плеча свой нож и воткнула его пирату в висок.

Девушка успела спрыгнуть с трупа едва ли не раньше, чем он упал. Грязно-рыжее чудовище, в котором Коппер наконец-то распознал пса, стояло передними лапами на груди

ветродуя. Ксантрий даже не пытался пошевелиться под громадной тушей: напоминающая капкан пасть клочкотала прямо у его лица.

— Харм, лежать. Вот так, да, умница, дружок!

Пес лег передней половиной тела на мага, и девушка потрепала собаку по мохнатой голове.

— Ты, дрищ! — она подошла к Копперу. — Что, наклал в штаны? Сразу видно, ты не из наших краев. Ксантрий мне еще пригодится, так что расспрошу тебя. Зачем вы, мудилы пархатые, похитили девочку? Дворянка? Выкупа хотели?

Коппер не мог выдавить из себя ни слова.

— Так дело не пойдет, дохляк, — охотница отвесила ему пощечину. Не слишком сильную, но у Коппера потемнело в глазах. — Кто эта девочка? Где ее родители? — каждое слово она сопровождала ударом.

— Эээ... элелеее... — кое-как промычал Коппер.

— Слышишь, Харм? Кажется, он так тебя испугался, что лишился не только дерьма в кишках, но и рассудка.

Неуловимым движением она достала маленький острый ножичек и приставила ему к уху.

— Последняя попытка, сученьш.

— Не надо! — пискнула Дина. На ладони у нее крутился маленький смерч. Девочка была напугана до полусмерти, но полна решимости. — Не надо его пытаться. Лучше отдай его моей наставнице. Это из-за него меня похитили.

Дина жгла Коппера взглядом. Внезапно он понял, что боится ее гораздо больше, чем маньячку-метательницу и ее жуткого пса.

— Как скажешь, малая, — согласилась девушка. Она встала, заправила темно-рыжую косу под куртку, вытерла окровавленную руку о штанину и протянула ее Дине. — Я Ринна. Это мой лес. А вон там, — она показала рукой на лежащего на Ксантрии пса, — мой друг, Харм. По нему так сразу не скажешь, но он добрый пес.

Харм зевнул и клацнул чудовищной челюстью у самого носа Ксантрия, да так, что маг взвизгнул. Коппер дал бы руку на отсечение, что пес зевнул исключительно ради демонстрации набора клыков.

— А я — Дина, — ответила ей девочка. — Всегда хотела, чтобы у меня появился друг-пес.

Харм одобрительно гавкнул с другого конца поляны.

— Так значит, ты маг, Дина? Тебя поэтому похитили?

— Ее похитили, потому что она элементаль, — выговорил наконец-то Коппер. — Ее ураган разбил корабль Мирхарда. Ксантрий выследил ее по каким-то своим магическим штучкам...

— Я уж думала, язык откусил, — буркнула Ринна. — Элементаль... Хрен вас, магов, разберет. Понятия не имею, в чем разница. Кушать небось хочешь так же, как простые смертные, а? Солонину будешь?

Дина кивнула, сглотнув слюну.

— Так я и думала! Давай свяжем этих бестолочей, тогда нормально поедим.

Коппер послушно протянул руки, когда Ринна достала веревку.

— Дубина! Руки назад. Знаю я вас, шельмецов. Спереди ты зубами развяжешь.

Копперу было все равно, и он завел руки за спину. Ксантрия связали куда более

жестоко. Ринна в первую очередь затолкала ему в рот кусок замши и перевязала его кожаным ремешком. Руки ему тоже завела за спину и обмотала от локтей до запястий. Ноги связала так, чтобы сохранить возможность переставлять их короткими шажками. На лице у мага, к своему удивлению, Коппера увидел огромное облегчение.

— Что, ветродуй, никак не нарадуешься, что я не разрешила Харму сожрать твое лицо? — прошипела ему Ринна, связывая. — Напрасно. Я подумываю придать тебя той же участи, которая ждала ваших пленников. Рабство пошло бы тебе на пользу.

Ксантрий, разумеется, никак не прокомментировал.

— Что касается твоего товарища, за его говорливость я прощу ему вторжение в мой лес. Пусть с него взыскивает ущерб только Дина.

Дина присела возле Ксантрия рядом с Ринной.

— Знаешь, маг, — тихо проговорила девочка, — в племени моего отца за похищение ребенка отрезают признаки мужчины, — она говорила очень спокойно и серьезно. — Но ты, по-моему, не мужчина. Ты жалкий слизняк. Когда мои родители и наставница придут за мной, они бросят тебя на камень и раздавят каблуками. И если ты останешься жив после того, что они сделают с тобой, я сделаю так, что ветер больше никогда не услышит твой зов. Ни-ког-да.

Ксантрий отвернулся, насколько ему позволяли путы. Он знал, что девочка вполне способна исполнить свою угрозу, если не в одиночку, то вместе с наставницей — точно.

Ринна развела костер буквально за несколько секунд, и сумерки перестали казаться Дине такими густыми. В заплечном мешке охотницы, спрятанном в ветвях того самого вяза, с которого она атаковала пиратов, нашелся небольшой котелок, сверток с солониной и твердым сыром, веничек сушеной душицы и жесткая щетка.

Щетку она тут же вручила Дине для расчесывания Харма. Пес был невероятно доволен тут же плюхнулся на спину и подставил под щетку пушистое светлое пузо. Хвост вилял из стороны в сторону, разбрасывая мелкие веточки, сухую листву и пыль.

Ринна широко улыбалась, глядя на Харма и маленькую волшебницу. Она привычными движениями подвесила котелок на складной треноге, налила воды из бурдюка и стала ждать, пока закипит.

— Повезло тебе, Дина, — сказала Ринна. — Путешествуешь и с родителями, и с наставницей. Ты пропала — все тебя ищут...

— А ты живешь здесь совсем одна? — догадалась Дина. Харм недовольно заворчал.

— Не ворчи, дружище, — Ринна потрепала пса по голове. — Мы здесь вдвоем. Но если считать только людской род, то да, одна. Отец погиб очень давно, не помню его. Мама — несколько лет назад. Случился большой пожар... Я прибилась к бродячему цирку, меня взял в ученицы метатель ножей. Обращался со мной по настроению либо плохо, либо просто ужасно.

Она замолчала на несколько мгновений.

— Стыдно признаться, но спустя пару лет я его убила. На выступлении он ради зрелищности задел меня ножом, так, чтобы осталась маленькая царапина, — она показала на левую щеку. — Вот здесь.

Дина присмотрелась и увидела небольшой аккуратный шрам на левой щеке. И тут же шумно вдохнула.

Она не присматривалась как следует к своей спасительнице, к тому же, после битвы та

укрыла голову широким капюшоном. Разглядывая шрам, она поняла, что застранные тени виднелись на правой стороне лица и шеи. Шрамы от ожогов. Бугристые, многочисленные и жуткие.

— Да, вот именно, — проворчала Ринна, заметив ее реакцию. — Как будто этих справа мне мало, он испоганил еще и левую щеку! Мы повздорили с ним из-за этого. Я была намного моложе и быстрее, чем он, но слабее. Гнев здорово прибавил мне сил, так что я сумела опрокинуть его на спину, села верхом и стала бить по лицу... когда меня оттащили, он был мертв. Не от моих ударов, конечно. Сердце у старика остановилось.

— Не представляю, как ты это пережила, — осторожно сказала Дина.

— Как-как. Так же, как всегда, сбежала. Жила сначала в лесах на материке. Помимо ножей мы еще стреляли из арбалета и лука. Я стащила лук в цирке, когда сбежала. Смогла охотиться. Иногда все равно приходилось выходить к людям, клей купить там, веревки, свечи, мыла кусок, если добыча хорошая... — Ринна насыпала в котелок горсть сушеных трав. Помолчала немного, глядя на кружащиеся в воде сухие соцветия. Вздохнула и продолжила: — Один раз в деревне увидела, как мальчишки бьют щенка. Обозлилась тогда страшно! Прямо как в тот день, когда ножом по щеке получила. Надавала им по мордасам, а как они всем скопом на меня навалились, ножичком одному по руке чиркнула. Сопляки и разбежались. Щенка забрала, за покупками пришлось в другую деревню ходить.

Дина почесала пса за ухом.

— Так вот как вы встретились?

— Да, вот так. Эх и разбойничал он по малолетству! Всю дичь мне распугивал. Меня охотиться-то еще дядька сначала учил, когда совсем маленькая была, ну вот как ты или даже младше. Потом в цирковом зверинце зрителей расспрашивала. Ну а уж как сбежала, один лес мне наукой был. Голодала частенько. А как Харм подросток, стал наконец слушаться, команды понимать, так мы с ним про голод и забыли.

— Харм очень умный, — авторитетно заявила Дина. — Не каждый пес человеческую речь понимает. На островах все говорят на арделорейском?

— Все или почти все, — пожала плечами Ринна. — Писать только не каждый умеет. Я вот вообще ни по-каковски не умею. А почто оно мне в лесу?

Дина кивнула.

— А как ты попала на острова?

— А опять сбежала. Я всю жизнь бегу. То от пожара, то от циркачей, то от голода, то от крестьян злых. Спрятались с Хармом на корабле торговом из Арделореи, вышли тут, когда моряки за водой пошли. С материка сюда плыть недолго, то ли два дня, то ли три, смотря какая погода. Циркачи-то на меня егерям настучали, как увидели в одной из деревень. Надо было дальше бежать, а я все там же, по побережью, шарилась. За убийство на меня не смогли приставу доложить, фельдшер-то причину смерти понял. А егерям меня за браконьерство сдали. На островах-то егерей уж нет, живу как хочу. И кушаю хорошо.

Дина засмеялась и жестом попросила еще кусочек солонины. Ринна подвинула к ней весь сверток.

— А как же Мирхард? Вольница не будет за него мстить?

— Будет, как же не будет, — кивнула Ринна. — Что теперь, через земли мои его пускать? С похищенными девочками? Ничего, авось получится пугнуть их как следует. Башку Мирхарду откромсаю да на кол посажу, кол примотаю к ветродую, ветродую раздену, а на спине ножичком неприличное слово напишу...

Она осеклась, увидев, как Дина побледнела и зажала рот ладонью. Ринна покачала головой.

— Прости дуреху. Злая я девка, да. С волками жить выучилась, а с людьми-то как оно — забыла. Вот только Вольница — похуже волков-то будут. Они знают только язык силы, хотя сами как шакалы. Дерутся, только если жертва точно слабее.

— Разве это повод самой вести себя, как зверь? — дрожащим тонким голосом спросила Дина. — Такой ты хочешь запомниться людям? Той, кто бьет мальчишек, мстит учителю, насаживает головы на кол?

Ринна опустила голову, а Харм ткнулся лбом ей в плечо и тихо заскулил. Он всегда так делал, когда хозяйка грустила.

— Ты, Дина, конечно, права. Вот только убьют меня, — глухо ответила охотница. — Кто что про меня сейчас знает в Вольнице? Знают, что в лесу живет чудище, говорит человеческим голосом. Мечет ножи и стрелы со всех сторон. Мирхард вообще сперва думал, что я дух лесной, лица моего не видел. Когда он первый раз здесь рабов вел, я им только веревки рассекла. Второй раз одного из надзирателей застрелила, не слезая с дерева. Тогда я ему сказала, чтоб в мой лес не совался, и он понял по голосу, что я живой человек. Прислал за мной четверых, чтоб нашли и убили, — Ринна провела пальцем себе по горлу. — Я из них одного только отпустила. Но сперва Харм его немного повалил и одежду поправил, а то больно целая. Так вот я и живу. И верно, как зверь.

Харм вдруг повернулся в сторону от костра, прижав уши, втягивая носом воздух. Резко гавкнул.

— Чужие! — прошипела Ринна. — Лезь скорее на дерево, я прикрою...

Дина покачала головой, встала, дунула на ладонь. Через пару секунд слабый порыв ветра чуть всколыхнул волосы у ее ушей, и девочка широко улыбнулась.

— Незачем. Это мои друзья.

— Ну, знаешь... — Ринна мотнула головой. — К этой вашей магии хрен привыкнешь. Наставница твоя тоже магичка небось? — Дина кивнула. — Мне-то они не друзья. Не подумают на меня, что я тебя украла?

Девочка широко улыбнулась.

— Да что ты! Вон, милсдарь Коппер подтвердит. Правда?

Коппер, у которого во рту теперь торчал такой же замшевый кляп, как у Ксантрия, судорожно закивал. Глаза у него были размером с плоску — он уже видел стремительный силуэт между деревьев, мчащийся в их сторону.

Данатос влетел на поляну, подвижный и гибкий, неудержимый, как горный поток. Феликса, уже приноровившаяся к его скорости, спрыгнула, едва он затормозил, и бросилась к Дине.

На пути у нее возник огромный, грозно рычащий лохматый пес.

— Харм! Спокойно! Фу, кому сказала, свои! — прикрикнула на него незнакомка в широком капюшоне.

Пес неохотно отошел с пути волшебницы, и она опустилась на одно колено, чтобы обнять Дину. "Цела, — с облегчением подумала она. — И, похоже, совсем не пострадала. Спасена лесной жительницей?"

— Тебя не ранили? — на всякий случай спросила Феликса. Дина отрицательно замотала головой. — Хорошо. Кто твои новые товарищи?

— Охотница Ринна и Харм, самый умный в мире пес! — Дина повернулась к ним и тут же прыснула от смеха. "Самый умный в мире пес" восторженно, совсем по-щенячьи, тьякал и увивался вокруг Данатоса, вытанцовывал на задних лапах и вилял хвостом, как паровая мельница — лопастями.

— Здравствуй, Ринна, — Феликса уважительно наклонила голову в ее сторону. — Я Феликса, наставница Дины. С твоим псом мне, похоже, придется знакомиться позже.

Ринна буркнула что-то в меру приветственное. Похоже, вид Данатоса и увивающегося перед ним Харма ее откровенно шокировал.

— Я вижу здесь и кое-кого из старых знакомых, — нахмурилась Феликса. — Ну, Коппер. Здоровья тебе желать не стану, ты уж извини. А оно тебе безусловно скоро пригодится. Ибо я подумываю бросить тебя в море, привязанного к бревну, где-нибудь подальше к северу. Где не проходят транспортные пути.

Коппер побледнел и невнятно замычал что-то через кляп, дергаясь в своих путах, как выброшенная на берег сардина.

— Ха! — прокомментировала Ринна, оправившись от удивления. — А твоя наставница, видимо, тоже широчайшей души человек.

Феликса мрачно посмотрела на нее, но комментировать не стала. Вместо этого поинтересовалась:

— Кто второй пленник?

— Пират-ветродуй, — презрительно сплюнула Ринна. — Зовется Ксантрием. По правде сказать, я бы тоже охотно привязала его к бревну...

— Прекратите обе! — требование раздалось с того места, где еще секунду назад стояла огромная пума. Сейчас Данатос сидел на земле, скрестив ноги, и гладил Харму пушистое пузо. — Что за варварство? Такие методы применяли арделорейские моряки в рейдах?

— Нет, — призналась Феликса. — С другой стороны, арделорейские моряки при мне ни разу не гонялись за похитителями маленьких девочек. А по нашим законам это очень серьезное преступление! Слышишь, Коппер? Знаешь, что тебя ждало бы по арделорейскому кодексу?

Коппер знал. Поэтому задержался в путах еще сильнее.

— На твое счастье, гнусная трусливая погань, у нас сейчас нет ни суда, ни исполнительного органа. Так что ты пойдешь с нами обратно на корабль. А чтобы у тебя больше не возникло желания сдать нас каким-нибудь ушлым пиратам, — Феликса ободряюще улыбнулась Дине, — я погружу тебя в чудесный непрерывный сон.

Коппер недоверчиво уставился на нее.

— Ты возможно недоумеваешь и пытаешься понять, в чем тут подвох, — Феликса подошла к нему и присела на корточки, глядя прямо в глаза. — Не смею терзать тебя неведением. Характер твоих сновидений будет зависеть исключительно от чистоты твоей совести. Уверена, тебя ждут отборные кошмары. Это непростая магия, но я не пожалею на нее сил.

Глава 6. Демонолог

Феликса быстро отыскала Акыра и Цефору. Не физически. С помощью Дины и ее магии воздуха она создала один из вариантов волшебной розы ветров. В базовой форме заклинание облегчало навигацию и позволяло обнаружить препятствия и опасности на пути. Феликса же пользовалось вариацией, которая обеспечивала еще и телепатическую связь с союзниками. Чтобы она действовала, достаточно хоть раз говорить с человеком лицом к лицу.

— Что-то похожее мы уже делали, помнишь? — она начала объяснять Дине основные принципы действия заклинания. — Воздушный посланник, способный определить, кто рядом, друг или враг.

— Да. За сегодня я уже дважды практиковалась, — похвалилась девочка. — Сначала засекала пиратов, когда... — она осеклась и покраснела.

— Ты сбежала из лагеря? — догадалась Феликса.

Дина кивнула, надув губы.

— Обиделась, что я не взяла тебя к башне?

Юная элементаль посмотрела на нее и поджала губы.

— И да, и нет. Я просто хотела погулять по острову. Отец меня не пустил, мама тоже, и никто не хотел пойти со мной, потому что нужно было строить лагерь... Вот я и подумала, что если я буду в лесу, недалеко, ничего такого не случится. Я услышала хруст и подумала, что это отец идет за мной. Сделала посланника, чтобы убедиться, а там... — она шумно выдохнула. — Я испугалась и стала призывать ветер, чтобы отбросить врагов и убежать.

— Ксантрий говорил своим дружкам, что она здорово шваркнула их о деревья, — вмешалась Ринна. — Я слышала с ветки вяза.

— Ну да, — Дина кивнула. — Но он что-то выкрикнул, и я потеряла сознание. А очнулась уже в мешке. И он как-то отгонял от меня ветер, чтобы я не смогла его заклинать.

Феликса мрачно уставилась на связанного Ксантрия. Смотрела на него, пока он не опустил голову.

— С этим мы еще разберемся, — пообещала она. — Давай, закончим заклинание, твои родители наверняка с ума сходят.

Цефора откликнулась первой. Феликса ощутила чудовищный шквал эмоций, обуревавших целительницу: беспокойство, вину, ярость, отчаяние, подкатывающие слезы... и затем — облегчение, гнев в адрес похитителей и благодарность. Ментальная связь выдает больше, чем физическая.

Оба, и Акыр, и Цефора, согласились ждать их в лагере, и Феликса облегченно выдохнула. По правде сказать, она почти не верила, что они согласятся. Оставалось решить лишь один вопрос.

— Мирхард наверняка не последний авторитет среди пиратов Вольницы, — сказала волшебница Ринне, — раз его "Черная Акула" выходит встречать гостей Островов. За его убийство Вольница будет тебя преследовать. Искать его убийцу будут любой ценой.

— Ясен х... — охотница покосилась на Дину. — Это и так понятно. Хочешь предложить мне помощь?

Голос у нее звучал жестко, а лицо под капюшоном скисло, как щи с квашеной капустой.

— Я хочу... То есть — думаю, мы все хотим тебя отблагодарить. Для начала надо бы избавиться от тел. Хотя бы похоронить.

— Жечь надо, — проворчала Ринна. — Паланийские падалышки — это не гиены с грифами. Заночуешь рядом с трупом — наутро сам окочуришься. С упырями-то разговор короткий.

— Упыри — сказка, — уверенно заявила Дина. — Нам так в школе говорили.

— Я бы твоих учителей самих в школу отправила, — Фель закатила глаза. — Упыри, говоришь... Что ж, тогда сожжем. Что касается твоей собственной безопасности, я бы хотела предложить тебе столь же... хм... радикальное решение.

— Тоже сжечь? — хмыкнула Ринна. — Чтоб не мучилась? Или замаскироваться под упыря?

— Чувство юмора, достойное человека, выросшего в лесу, — буркнул Данатос. — Она предлагает тебе присоединиться к нам. Жить с нами в укрепленном лагере. А когда придет время — вместе с нами отплыть.

— Ты получишь кров, защиту, горячую пищу, — кивнула Феликса. — Оружие, если тебе понадобится другое. Одежду. У нас не самый безопасный маршрут, так что, если захочешь, мы дадим тебе сойти в любом порту или любой гавани по пути.

Ринна задумалась.

— Не самый безопасный маршрут — это куда?

— Проклятые острова в море Фарнисса.

Охотница присвистнула.

— С Вольницей под боком мне как-то спокойнее. Нет уж. С теми, кто плывет на верную смерть, мне не по пути.

Феликса сжала губы и задумалась на несколько мгновений, глядя на низко надвинутый капюшон.

— Понимаю. Тогда ты, может быть, позволишь излечить тебя?

Глаза Ринны расширились. Феликса уловила, как участилось ее дыхание.

— А ты можешь?

— Я — нет. Я не целитель. Но в лагере меня ждет подруга, верховная жрица богини Триединой. Она способна сделать так, что ты и не вспомнишь о своих метках.

Феликса подобрала с земли короткую палочку, зажала в кулаке и прошептала короткое заклинание.

— Кинешь ее в плоску с водой, один край начнет светиться. Будет указывать направление, в котором меня можно найти, — она протянула палочку Ринне, и та убрала ее в маленький поясной кармашек. — Мы пробудем здесь еще по меньшей мере несколько недель. Любой из нас будет рад тебе помочь, Ринна.

Охотница сняла капюшон и протянула Феликсе руку.

— Спасибо, волшебница. Вот за это — спасибо.

О том, как он сумел добраться до конюшни, Джамир почти ничего не помнил. Все плыло как в тумане. Он убеждал себя, что это эффект от "испытаний", хотя на самом деле подозревал, что все дело в обычном страхе.

По здравом размышлении коня он решил не брать. Если пропадет лошадь, его быстрее хватятся. Так что Джамир просто обыскал несколько седельных сумок, оставшихся в некоторых стойлах, и рассовал по карманам всякие полезные мелочи: огниво, трут, складной нож, мазь от порезов. Одну из сумок — на этот раз не седельную, а поясную — он забрал с собой целиком. В ней лежал большой охотничий нож и немного еды, а еще — химический

светоч.

Окончательно он убедился в своей удаче, когда обнаружил в одном из стойл слегка затупленную глевию кого-то из кадетов. С глевией идти через тундру будет спокойнее. Охотиться с таким оружием Джамир еще не пробовал, но по крайней мере он сможет отбиться от возможной погони. Оставалось только решить, в каком направлении бежать.

Он подумывал отправиться на юго-запад, в горы. За хребтом продолжали разворачиваться боевые действия повстанцев-антимагов, но на самой гряде можно относительно легко укрыться. В конце концов, он провел детство в подобном месте.

С другой стороны, все удобные дороги патрулируют. Если отправиться на запад безопасным путем, его найдут, не пройдет и дня.

Можно, конечно, отправиться и к юго-восточному хребту. Однако эти горы имели дурную славу. По слухам, там обитали дикие племена стихийных магов, элементарей земли. Подтвердить слухи не удавалось. По какой-то причине разведчики либо не доходили до их поселений, либо не возвращались вовсе. Джамир знал, что слухи не совсем беспочвенны: он вырос у подножия тех гор. Его деревня считалась очень бедной и лежала далеко от караванных маршрутов. Он радовался, когда к ним забрел раненый антимаг с горсткой торговцев и забрал его с собой. Тогда в обители ассасинов многое было иначе...

Джамир решил пройти сперва день или два пути на юг, на случай если его станут преследовать. Запад он считал слишком опасным направлением, а следы, ведущие на восток, наверняка приняли бы за ложный след. Во всяком случае, так бы подумал сам Джамир, преследуя дезертира. Ему уже доводилось охотиться на беглецов, и это был не самый приятный опыт.

Его план едва не рухнул на самом первом пункте. К конюшне он подошел поздно вечером, и пока обыскивал стойла и подумывал зайти в кузню, все ворота и даже маленькие калитки для посыльных оказались запечатаны на ночь. Джамир мог дожидаться утра и попробовать пробраться мимо дежурных — или рискнуть перелезть стену.

К счастью, Джамир, чье детство прошло в горах, не утратил старых навыков. И лазал как ящерица, даже лучше, чем его соратники. "Бывшие соратники", — поправил себя он.

К тому времени, когда над долиной показалась полная луна, Джамир был уже далеко. Пальцы, содранные о плотную кладку песчаника, немилосердно саднили.

Ринна пришла в лагерь только на третий день, когда все уже начали беспокоиться, что Вольница нашла ее. Феликса в этот момент в лагере отсутствовала.

— У нас гости! — Дина подпрыгнула и побежала сообщать всем, что ее спасительница вот-вот будет тут.

Поэтому, едва пройдя за частокол, охотница оказалась в крепких объятиях исполненной благодарности Цефоры. Харма, в свою очередь, увела Дина для невероятно важного занятия — чесаться. Когда от благодарностей, внимания, рукопожатий и восхищения команды Ринна покраснела до состояния маринованной смоквы, ее увел к костру Брисигиды Лаэрт. Жрица уже подготовила какие-то склянки, мази, амулеты и мыла руки в деревянной кадлушке.

— Здравствуй, Ринна, — Брисигида заключила руку охотницы в ладони, и та ощутила исходящее от них тепло. — Пожалуйста, присядь. Сними капюшон, нужно тебя осмотреть. Лаэрт, не смущай, пожалуйста, нашу гостью. Лучше попроси Маронду подойти к нам.

Тот коротко кивнул и ушел.

— Что, все так плохо? — нахмурилась Ринна. — Нужна еще одна знахарка?

— Не знахарка. Чародейка.

— А где Феликса?

Брис тяжело вздохнула.

— У нее очередной приступ меланхолии. Она сбежала на пляж. Не выносит сочувственные взгляды, когда грустит, а прятать грусть не умеет. Позволишь? — Она протянула руку к обезображенной щеке девушки.

Ринна покосилась на нее исподлобья, но кивнула. Пальцы, еще минуту назад источавшие мягкое тепло, теперь успокаивающе холодили, прикасались легко, едва заметно.

— Знаешь, Феликса пришла ко мне с просьбой помочь тебе сразу же, как отвела Дину к родителям, — призналась жрица Ринне. — Это первый раз, когда она просит за кого-то другого. Она и за себя-то никогда ни о чем не просила...

— Наверное, не привыкла к таким уродствам, — пожала плечами Ринна.

Брис подняла на нее округлившиеся глаза.

— Да что ты! Что ты! Она и словом не обмолвилась, что нужно излечить шрамы. Эту Дина мне уже потом рассказала.

— Но она говорила о метках, — не поняла Ринна.

— Все верно. Она видела в первую очередь магические метки, а не их внешнее проявление.

— Магические? — тупо повторила Ринна. — Но как такое может быть? На меня даже простые эликсиры не действуют. Я и идти-то сюда не хотела, но подумала, что раз ты жрица, то лечишь не магией...

Брисигида присела на ящик рядом с ней, покусывая ноготь большого пальца и глядя в землю. Ей в голову приходил только один ответ.

— Вероятно, это работа какого-то демона. Их магия происходит не от Сердца Мира, так что она могла преодолеть твой иммунитет.

— Магия-шмагия... — проворчала охотница. — Вылечить-то можно?

— Вылечить можно все, — убежденно ответила жрица. — Это лишь вопрос времени. Сними, пожалуйста, куртку и подними рубашку. Осмотрим плечо и руку. Ниже шрамы тоже есть?

Ринна нерешительно кивнула.

— Обрати внимание, — Брис указала на линию бугристой кожи, идущей от ключиц до пупка, — какая ровная граница. На лице это меньше заметно, но здесь видно, что у шрамов не естественное происхождение.

— Я думала, это просто ожоги. В городе случился сильный пожар. Я тогда надыхалась дымом и потеряла сознание, не помню, как меня вытащили из огня.

— Нет, — покачала головой Брис. — То, что ты ничего не помнишь о пожаре — еще одно доказательство вмешательства сверхъестественного.

Ринна, с выражением крайней степени страдания и стыда на лице, кивнула.

— Боюсь, в твоём случае лечение — это вопрос весьма длительного времени, — тихо добавила Брисигида. — Маронда сможет сказать точнее. О, а вот и она!

Ринна, увидев волшебницу в желтой робе, тут же схватила свою куртку и попыталась прикрыться ей.

— Ты что, хольда? — тихо спросила она. Брисигида заметила, что охотница почему-то мелко дрожала.

— Можно и так сказать, в какой-то степени, — проворчала старушка, резко позвякивая

латунными бубенцами на посохе. Она совсем не удивилась, что Ринна приняла ее за мифическую ведьму, о которой рассказывали легенды народы Палании. — В некотором смысле я украла у богатых и отдала бедным. Хотя и не в новогоднюю ночь, — она довольно бесцеремонно отвела ткань куртки от шеи охотницы. Та смотрела на нее, как невыспавшаяся сова. — А вообще хольда — миф. Дикая Охота — миф. Ледяные великаны — тоже миф, твои предки называли так айсберги. А вот твои метки вполне реальны. И невероятно опасны!

— Я живу с ними уже много лет, — Ринна зябко дернула плечами. — И все со мной в порядке.

— Кошмары? Галлюцинации? Острые приступы страха?

— Что? Ну, кошмары случались, да. У меня не самая простая жизнь.

— Тебе бывало внезапно, без особой на то причины, страшно? Так страшно, что хотелось убежать и спрятаться, или что ты не могла пошевелиться? — переспросила Брисигида, понимая, к чему клонит Маронда.

— Я постоянно испытываю страх. Я привыкла. Когда перебираюсь на новое место, становится на какое-то время легче, — Ринна пожалала плечами, будто это не имеет значения.

Жрица и волшебница озабоченно переглянулись.

— Брисигида, душа моя, дай мне один из твоих чудесных датчиков, будь так добра, — попросила Маронда. — Позволю себе кое-что пояснить, моя дорогая охотница на пиратов. Твои шрамы — это не просто рубцовая ткань, образовавшаяся на месте ожогов, — волшебница начала ритмично постукивать посохом по земле, а от руки с хрустальным датчиком, которой она проводила вдоль рубцов, исходило мягкое желто-оранжевое свечение. — Это потусторонняя метка. Подозреваю, что пожар, который ты считала причиной своих отметин, стал результатом неудачной — или наполовину неудачной — попытки призвать темную сущность с астрального плана. У вас на севере любят этим баловаться. Чем бездарнее маг, тем больше он жаждет власти. И все они почему-то категорически убеждены, что демоны способны их этой властью наделить!

От ритмичного звона латунных бубенчиков Ринну стало клонить в сон. Веки потяжелели, и она позволила им опуститься.

— Ты только не волнуйся, дорогая, — донесся голос волшебницы сквозь пелену сонливости, — я погружу тебя в легкий транс. Как сон, только без кошмаров, тревоги и прочего. Так я смогу узнать больше о предназначении этих меток.

Ринна успела только согласно качнуть головой, прежде чем отключиться. Маронда и Брисигида аккуратно уложили ее на одеяло возле костра. Жрица достала из замшевого мешочка остальные датчики. Маронда жестом заставила их левитировать над телом Ринны. Посох с латунными бубенчиками она отложила в сторону.

— У нее иммунитет к магии, — шепотом сообщила Брисигида. — Она так сказала.

— Врожденный или приобретенный?

— Она не уточняла. Не думаю, что она знает, какой у нее иммунитет.

— Что ж, надеюсь, он не слишком затруднит работу датчиков. Смотри!

Кристаллы стали наполняться тревожными алыми отблесками. В датчиках возле головы и сердца блики выглядели объемнее и ярче, остальные нерешительно мерцали.

— Ты можешь это как-то истолковать? — так же тихо спросила Брисигида.

— Безусловно. Но лучше дождаться, пока соберется более полная картина. Да ты и сама это знаешь, ты же прекрасно управлялась с анализом вод Фарниссова моря и проклятых островов.

— Эти данные тоже требуют более подробного анализа, — покачала головой жрица. — Я думала, что мы с Феликсой займемся этим, как только станет поспокойнее, но она пока слишком... ну, то есть, не совсем, но довольно-таки...

— ... нестабильна, — закончила за нее Маронда. — Ладно, разберемся с тем, что нам под силу. Нестабильность Феликсы даже мне никогда не была по зубам.

Обе продолжили наблюдать за кристаллами, периодически проводя сияющими ладонями над участками бугристых темных шрамов.

— Фель?

Данатос подошел, как всегда, бесшумно, но был достаточно деликатен, чтобы предупредить ее о своем присутствии. Она сидела на краю фьорда над песчаным пляжем, спиной к гелиодоровой башне, высившейся в нескольких десятках метров от этого места.

Феликса держала в руках горсть мелких камешков, иногда сбрасывала один вниз, на скалы и узкую полоску песка. Она не пыталась докинуть камешек до воды. Просто смотрела, как он отскакивает от участков скалы, все дальше и дальше отлетая с каждым ударом о камень.

— Ты не против, если я посижу тут с тобой?

Феликса хмыкнула.

— Как я могу быть против? Я слишком горда, чтобы просить кого-то побыть со мной, и слишком сильно раскаиваюсь в этом, чтобы врать, будто хочу побыть одна.

Данатос молча сел рядом, скрестив ноги. Феликса уже несколько раз видела, как он точно так же садится у костра, и поражалась, как он может сидеть в этой позе часами. Даже ее чувствительность еще не снизилась до такой степени, чтобы ноги в таком положении не затекали.

— Знаешь, в детстве я часто убегала, когда мне становилось плохо или когда злилась, обижалась. Сначала от родителей, потом из класса в академии, от Брис, от Маронды. Каждый раз надеялась, что за мной пойдут. Мама иногда ходила, — призналась чародейка. — Но у нее часто случались мигрени, чаще, чем я убегала. Она не могла все время ходить за мной.

— Другие не ходили?

— Другим не было дела до меня и моих глупых обид. Отец принципиально не обращал внимания.

— Могли бы просто тебя не отпускать. Не позволять сбежать.

Феликса вскинула голову, оторвавшись от очередного увлекательного полета камешка.

— Маронда так и сделала. Не позволила мне сбежать, по крайней мере с занятий.

— Но смысл ведь не в этом, верно, — сказал Данатос, глядя ей в глаза. Без всякой вопросительной интонации.

Феликса стряхнула с ладони оставшиеся камушки, заставив их бомбардировать песок внизу, под скалами. Коротко кивнула, хоть и знала, что в этом нет нужды.

— Позволишь? — Его рука зависла над ее ладонью. Феликса помолчала, вздохнула и опустила голову. Данатос воспринял это, как согласие.

Она почувствовала прикосновение шершавой кожи, очень теплой, даже горячей. Слезы, почти обжигающие, сами собой потекли по щекам. Феликса не помнила, когда последний раз так плакала. Не в истерике, как в те дни, когда она заперлась в каюте, совсем иначе. Вместе с соленой влагой, казалось, исторгались одиночество, сомнения, сожаления и самый

главный враг — глубокая, ноющая, грызущая боль.

Глаза закрылись сами собой, и Феликса увидела — почти как наяву — себя, словно она смотрела со стороны и одновременно изнутри, своими собственными глазами. Феликса стояла посреди нескончаемого моря волнующихся трав. Она пыталась идти, но что-то мешало. Чародейка увидела длинную толстую цепь, скрывающуюся между высоких переплетенных стеблей. Она ухватила цепь обеими руками, потянула, пытаясь понять, откуда она взялась, где и к чему прикован другой конец цепи, но руки стали чернеть и раскаляться. Феликса закричала, пытаясь отбросить эту цепь, но было слишком поздно: стремительно чернеющие руки и раскаленные ладони оказались намертво сплавлены с цепью... Цепь извивалась, словно змея, и росла, росла, росла, одно звено за другим, все шире, все темнее, все тяжелее, все ближе к ней. И вот она уже по пояс в обжигающих кольцах огромной цепи, наматывающейся спиралью на ее чернеющее, раскаленное тело. Феликса задыхалась от запаха раскаленного жирного металла и боялась сгореть от его жара...

Ветер взмыл откуда-то из-под трав, заставив их вспыхнуть мириадами оттенков белесо-зеленого, оливкового, хвойного, изумрудного. Ветер разметал волосы, освободив от запаха железа и огня, и Феликса с внезапной ясностью увидела путь к свободе. Руки, вплавленные в цепь, разгорелись с новой яростью, пугая ее густым дымом, валившим от черных звеньев. Металл, капающий с ладоней, тяжелых, но уже свободных, выглядел в тысячи раз светлее целых звеньев.

Феликса закричала от невыносимого жара, продолжая сражаться с растущей цепью. С каждой каплей светлого, как весенний ручей, металла жар усиливался, но тело становилось легче. Расплавленные серебристые капли облепили тело, слились в одно полотно. Цепь исчезла — остался только сверкающий плащ, укрывший плечи, горящие руки, бедра, ступни. Плащ немилосердно давил, пригибал к земле, но она смогла сделать шаг. И еще. И еще шаг, один за другим, медленно, упорно.

Феликсе стало так хорошо, что слезы, настолько горячие, что, казалось, они оставят ожоги на щеках, текли очищающим эликсиром. Тяжесть шагов стала приятна.

Ветер, наполненный всеми возможными травяными ароматами, приятно охлаждал виски. Феликса открыла глаза.

— Извини. Кажется, я задремала.

— Ты закрыла глаза всего на несколько минут, — возразил Данатос. Пожал плечами. — Мне не показалось, что ты спала.

— Я и не спала. Так, пригрезилось... Я вообще толком не сплю с тех пор, как мы покинули гавань Бедерана. Сознание понимает, что это ненормально, но отключаться отказывается. Я боюсь однажды открыть глаза и увидеть, что я причинила вред кому-то, — призналась она. — И что я не помню этого просто потому, что это перестало иметь для меня значение. Боюсь однажды перестать чувствовать этот страх.

— Мне ты вред причинить не сможешь, — оборотень сверкнул клыками, — я слишком крепкий. Знаешь, как мы начали работать в паре с Лаэртом?

Фель отрицательно помотала головой.

— Канцелярия и жрицы почти одновременно узнали об одной проблеме, — неторопливо начал свой рассказ оборотень. — Довольно нестандартного характера. Ты-то, наверное, очень хорошо знаешь, что случается с подвластными некроманту существами после его упокоения...

Феликса кивнула. После упокоения некроманта больше не подпитывает никакая энергия, и из любых его конструктов она тоже исчезает, но не сразу, постепенно. Изоляции для таких конструктов достаточно.

— У одного из некромантов, пойманного и устраненного силами антимагов, осталось логово. Длительные поиски ни к чему не привели. Тогда подключили агента Тайной канцелярии. Конкретно — Лаэрта. Жрицы с канцелярией никогда особо не ладили из-за их... хм... методов. И Брис попросила меня тоже этим заняться, в идеале — найти логово до того, как вмешается агентура или другая служба. К счастью, Лаэрт тогда был совсем молодым агентом, и его не волновали тонкости устава и методологический регламент, — Данатос широко улыбнулся, глядя куда-то в морскую даль. — Встретив меня — признаюсь, не в самом эстетичном облики — Лаэрт поступил далеко не по стандартной инструкции.

— Атакуй, потом расспрашивай? — предположила Феликса с усмешкой.

— Убей, потом препарируй — вот это поближе будет, — фыркнул Данатос. — Новоиспеченный агент вместо того, чтобы хвататься за оружие и устранять угрозу, то есть меня, довольно вежливо представился и честно сказал, что не горит желанием идти внутрь вонючей пещеры в одиночку.

— Некромант жил в пещере? — удивилась Феликса.

Данатос хмыкнул и посмотрел на нее.

— Нет, конечно. В пещере у него находилась только часть лаборатории. Та часть, которая непригодна для использования в помещении. А еще — созданные им существа. Из-за них-то все и искали это логово, ведь даже после его упокоения продолжились нападения. Сигнатурные показатели были схожи, но с менее выраженными силовыми фокусировками. К тому же, нападения шли массово, множественные укусы на телах жертв.

— Плотоядные зомби?

— Мутированные гули, — поморщился Данатос. — Куда более крупные, быстрые и агрессивные, чем обычные.

— Фууу... — протянула Феликса, скривив лицо. Упыри, о которых говорила Ринна, иначе назывались гулями. О трупоедах девушка знала достаточно. — Ну и гадость. А почему на такое опасное и важное задание послали Лаэрта? Да еще одного?

Дани пожал плечами.

— Кто знает. Я всегда думал, что один из старших офицеров пытался таким образом избавиться от талантливого новичка. Знаешь, многим не нравилось, что почти каждый маг канцелярии просил поставить в спарку Лаэрта из-за его способностей проводника. Правда, ни один не мог с ним работать больше одного раза. Всегда что-то шло не так.

— Маронда говорила, что он необычен даже для проводника, — вспомнила Феликса. — Ты знаешь, что она имела в виду?

Оборотень закивал.

— Думаю, да, я понял. Хотя я не очень хорошо представляю себе, как устроены другие проводники, честно говоря. Но одно точно могу сказать: поставка силы — это не единственное, что он умеет. Он может поглощать силу, направлять ее обратно в источник. И когда-то он не слишком хорошо владел этим процессом.

— Брис сказала, что уже работала с ним.

— Да. После того, как мы избавились от гулей, руководство канцелярии претерпело некоторые изменения, — Данатос лукаво сверкнул глазами, — и с тех пор конфронтация с жречеством ослабла. Мы стали работать не в паре, а в тройке в большинстве случаев.

— Вот почему Маронда не знала, — улыбнулась Феликса. — Жрицы не любят передавать магам информацию, особенно о таких случаях. Не хотят, чтобы маги набрали слишком много силы и вернули прежний порядок, как до Тавроса...

— А маги хотели?

Феликса посмотрела куда-то себе под ноги, то ли на скалы, то ли на пляж.

— Я не знаю. Я не хотела таких порядков. Маронда — тем более... Но были еще маги. Такие, как учителя Дины. Как Ксантрий.

Оба замолчали на несколько минут.

— А тебе не противно держать мертвяка вот так за руку? Кажется, от меня на весь мир воняет мертвечиной, — вдруг спросила Феликса.

— Первое время от тебя шел слабый запах мертвеца, — признался полиморф, — такой сладковатый, больше похож на ладан. Но с тех пор, как ты позволила Брис помогать тебе, он исчез почти полностью. Осталось только какое-то подспудное ощущение чего-то странного...

— Как башня Маронды?

— Нет. Не настолько чуждое. Больше похоже на что-то слишком древнее, чтобы быть знакомым, или слишком... — он бессильно выдохнул, не надеясь подобрать нужного слова.

— ...опасное? — предположила волшебница.

— Скорее просто могучее. Будто кто-то старый и мудрый стоит за твоим плечом, не злой и не добрый, не живой и не мертвый, жутковатый, но понятный. Уместный.

— А запах? — помедлив, уточнила она.

Данатос улыбнулся, едва приподняв кончики губ, слегка наклонил голову.

— Пока это типичный запах молодой женщины. Терпкий, свежий и волнующий, — оборотень едва заметно покраснел. — Запах яблочного мыла от твоих волос мне тоже нравится. Так что нет, мне не противно. Мне приятно.

Феликса вздохнула, подобрала ноги под себя, придвинулась к нему вплотную, положила голову на плечо и закрыла глаза. Они просидели так до самого заката.

Когда Ринна проснулась, у костра помимо жрицы и старой волшебницы сидели еще трое. Феликса, оборотень — как там его? Дан-что-то-там... — и юноша, который привел ее сюда. Лаэрт. Это имя она запомнила. Он оказался первым человеком, кто не уделил ее шрамам ни малейшего внимания.

Феликса, Маронда и Брисигида что-то бурно обсуждали, стоя вокруг начерченной на земле пентаграммы с алеющими над концами лучей кристаллами. Ринна даже в сгустившихся сумерках видела, как внутри подсвеченных кристаллов клубится какое-то ярко-красное вещество, словно жидкий огонь.

У костра было тепло, даже жарко, но ее бросило в дрожь.

— Кхак шебя шушштвуешь? — спросил ее Лаэрт, пытаясь прожевать утятину, обглоданную с ножки.

— Что? — не поняла Ринна. — Ааа... Ну, я выпалась, что бывает со мной не слишком часто. Так что чувствую себя хорошо. Есть еще мясо?

Оборотень молча протянул ей миску. В миске обнаружилось ароматное мясо — утиная грудка, горка запеченных на решетке овощей, а под ними — какие-то белые зернышки в мясной подливке.

— Что за каша? — любопытствовала Рин, принимая из его рук ложку. — Не видала

такой.

— Это рис, — пояснил Лаэрт, совладав наконец с утиной ножкой. — Остатки провианта из Бедерана. С уткой, полагаю, ты знакома?

— Еще бы, — хмыкнула девушка. — Хотя Харм, мой пес, с ними поближе знакомство водит.

Лаэрт звонко хохотнул.

— А о чем они там так спорят? — спросила Ринна, зачерпывая ложкой кашу с утятинной.

Лаэрт и его друг переглянулись и слегка посмурнели.

— Они пытаются понять, почему ты до сих пор жива, — выдавил наконец Лаэрт.

— Пентаграмма помогла понять, что за метки на тебе оставил демон, — Ринна наконец-то вспомнила имя оборотня. Данатос. Вибрирующий мягкий голос продолжал эхом отдаваться в ушах. — И ответ им очень не понравился.

— Чем же? — хрипло спросила охотница, ощутив сухость во рту.

— Эти метки должны проложить ему путь из астрального плана в материальный. А ты должна стать носителем.

Ринна непроизвольно погладила бугристую щеку. Теперь это были не просто шрамы.

— Не пугайся раньше времени, — попытался утешить ее Лаэрт. — Раз мы об этом узнали, этого точно не случится. Зря что ли они там собачатся? Сейчас придут и расскажут толком, что к чему.

Бывший тайный агент оказался прав. Спустя всего несколько минут все трое расселись на бревне напротив ее лежанки.

— Начну с плохих новостей, ты уж извини, — начала старшая из женщин, Маронда. — Вся правая сторона твоего тела покрыта особыми метками, и их физическое отображение — не самая большая беда. Метки принадлежат достаточно агрессивной и могущественной сущности астрального плана, чей вид более известен как демоны огня.

— Как мы и предполагали, велика вероятность, что демона пытался призвать какой-то нерадивый чародей из твоего города, — добавила жрица. Она постоянно сжимала и разжимала пальцы, играла костяшками, щелкала одним ногтем о другой, чем, похоже, невероятно нервировала Феликсу. Та косилась на руки жрицы и поджимала губы, но ничего не говорила. — Призыв толком не удался, но демон использовал ритуал и самого мага как лазейку в наш мир.

— Демонов притягивает материальный мир, потому что в нем они могут видеть результат своих действий, демонстрировать силу более наглядно, — продолжила Маронда. — И кому как не демону огня вызывать самые ужасные разрушения? Очевидно, именно он стал причиной пожара, о котором ты говорила.

— Целый город сгорел, — прошипела Ринна, ощущая поднимающийся по телу жар, — из-за ошибки тупоголового мага?

Феликса подняла голову.

— Поэтому в Арделорее давным-давно запрещены любые эксперименты с астральным планом и некромантией, — сказала она. — Но мы не можем нести ответственность за магов по всему миру. Среди людей любой расы, профессии, возраста всегда найдутся идиоты, и не сомневайся — идиоты всегда в большинстве. Спасибо и на том, что не все они так опасны.

— Помянем, — буркнула Маронда, — этих несчастных. Помимо того, что этот демон стал причиной чудовищной трагедии, он оставил еще и своеобразный якорь, чтобы иметь возможность вернуться в наш мир и набедокурить еще. В качестве такого якоря он

использовал твоё тело, Ринна.

— Я думала, демоны душу воруют, — прищурилась охотница.

— Душу не так-то просто своровать, — фыркнула Маронда. — Для этого вообще-то твоё согласие нужно. А пока демон в материальном мире не проявится, ему и предложить-то тебе взамен души нечего. Метки, которые он оставил — как крючья, которые помогают лезть на стену. От таких кошек камень крошится, зато сцепление надежное. Демон оставил на твоём теле таких крючков не один и не два.

— Что ж он по этим кошкам-то не полез до сих пор?

Ринна, которой только что было невыносимо жарко, теперь зябко куталась в плед, которым её укрыли на время транса. Шрамы почему-то стали зудеть, но чтобы почесать, пришлось бы вытащить руки из-под теплого пледа. Сидящие напротив неё женщины зверски нервировали своей серьёзностью и жалостью.

— Почему до сих пор не полез — точно сказать сложно, — признала Маронда. — Могу только предполагать, исходя из того, чего демоны не выносят. Например, текучая вода. Если ты часто плавала в реках, это могло отпугнуть демона. Ещё бывает, что демону нужно укорениться, так что частые путешествия или переезды сбивают злого духа с толку. Демоны не любят храмов и лечебниц. Хм, учитывая огненную природу этой твари, он вряд ли обрадовался твоей поездке за море.

— Ещё он мог испугаться твоего пса, — добавила Феликса. — Харм может его учуять, предупредить, что происходит что-то неладное. А ещё демоны с трудом терпят собачий лай и другие громкие звуки, яркий свет, серебро, воду, особенно чистую. Солёную и текучую, как уже говорила Маронда, не выносят совсем.

— И что прикажете делать? — пролаяла Ринна, глядя в огонь. — В бочке с морской водой до конца жизни сидеть?

Брисигида присела возле неё на одеяло, сочувственно положила руку на плечо. Ринна вздрогнула, но убрать руку не просила. Только что она готовилась воинственно защищаться от навязанной кем-то воли — и вот уже сникла под прикосновением кого-то, готового ей помочь.

— Никто не будет решать за тебя, что делать, — тихо сказала жрица. — Помощь предлагают, а не навязывают на своих условиях. Я буду рада, если ты просто выслушаешь наши предложения.

Охотница закивала. Брис все так же тихо продолжила:

— Если ты хочешь остаться здесь, мы будем проводить ритуалы очищения, пока не уплывем. Перед отплытием оставим тебе средства защиты. Но чтобы они действовали эффективно, придется носить их с собой всегда, даже спать в амулетах.

— Есть другие варианты? — Ринна посмотрела на Брис странно блестящими серо-зелеными глазами.

— Ты по-прежнему сможешь отплыть с нами. Как видишь, мы неплохо разбираемся в магии, демонах и связанных с ними опасностях, — улыбнулась жрица. — Ты сказала, что мы плывем на верную смерть, но мы прекрасно знаем, что нас ждет. Мы сможем подготовиться.

— Проклятые јстрова — гиблое место, — покачала головой Ринна. — Это все знают. Не зря же никто не вернулся из тумана, окружающего архипелаг.

— Мы вернулись, — подала голос Феликса.

— Мы заплыли недалеко и совсем ненадолго, но немало узнали о том, что там происходит, — пояснила Брисигида. — Поэтому у нас под рукой оказались датчики,

которыми мы собрали информацию о твоём демоне. И о демоне с островов.

— Не многовато ли демонов? — Ринна подозрительно шмыгнула носом, все так же глядя в огонь. — Прекрасный расклад. Останусь здесь — рано или поздно попадусь в лапы Вольницы. Да и без них проблем хватает. Не могу я в лесу все время сидеть, листом подтираться, одних зайцев да коренья есть! А в город как приду — обязательно ссорюсь с кем... Или плыву с вами. В логово другого демона. Как в ярмарочный день — два по цене одного!

Лаэрт неуверенно хмыкнул.

— Именно так, — Маронда тряхнула головой и наклонилась к Ринне. — И не факт, что тогда ты избежишь столкновения с местным пиратством. Многих из нас ищут и дадут за нас — живых или мертвых — хорошую цену. Знаешь, почему?

Ринна не ответила, но слушала внимательно. Маронда вовсе не нуждалась в ответах.

— Потому что мы — последние маги западной Арделореи, — голос Маронды звучал жестко, неоспоримо, будто каждое слово заковано в металл. — Мы выжили, когда нас преследовали и пытались убить, а наши враги не из тех, кто легко сдается. Это, знаешь ли, даже подогревает мою гордыню — меня считают особо опасной. И, черт возьми, правильно делают! А вот эта высокомерная мерзавка, — она ткнула узловатым пальцем в Феликсу, — назначена преемницей императора. Госпожа императрица, кстати, в свое время достигла выдающихся успехов в области боевой магии, так что на месте любого демона я бы убралась с ее дороги.

Феликса резко встала и ушла от костра.

— Ишь как ее корежит! — проворчала Маронда. — Я знаю, почему. Вечно с ней так... сначала выпендривается, мол, все на свете знает и все может. Потом стыдится — раз то-то не получилось, значит, ни на что она не годится. А в конце концов делает, что должно. Молча и без истерик. А ты, дева, послушай старушку, — она снова повернулась к Ринне. — Можешь всю жизнь бегать от опасностей, то от одной, то от другой — от жизни-то не убежишь. Или будь храброй и встреть все беды лицом к лицу, но — бок о бок с соратниками.

— Даже не знаю, что и сказать, — покачала головой охотница. — Императрицы, волшебницы, демоны... Я девка простая. Росла в маленьком городе. Осиротела, потом работала до надрыва пупа. Озлобилась вконец, живу в лесу бобылем. Хреновый я спутник для ваших приключений.

Лаэрт коротко хохотнул и хлопнул ладонью по колену.

— Завидую я людям с природной скромностью! — прокомментировал он. — Разнесла отряд из десятка здоровенных мужиков и сидит румянится, я, говорит, не боец, приключения не для меня. А бедный Коппер до сих пор штаны пачкает, когда лай собачий слышит. А если при нем свистнуть, рыдает, как девочка.

— Ринна, ты, кажется, не до конца осознаешь, какая опасность тебе грозит, — добавил Данатос. — Рано или поздно хозяин меток явится к тебе, забыв про то, что он не любит собак, воду и соль. Он возьмет свое. А ты ничего не сможешь с этим сделать, ты вообще перестанешь себя чувствовать. Демон начнет делать то же, что всегда делают демоны: убивать, пытать, жечь и разрушать. Он убьет твою собаку. Он сожжет весь лес на острове. В твоём теле он сможет вытерпеть дорогу на корабле, а значит, все жители островов тоже окажутся под ударом.

Охотница молчала, опустив голову.

— Прекратите. Нельзя ждать от Ринны решения сию минуту! — вступилась за нее

Брисигида. — Мы все сделаем все, чтобы защитить и себя, и тебя от любых напастей. Честно говоря, мне очень страшно. Но я уверена, что при должной подготовке мы со всем справимся. Конкретно для тебя мы уже кое-что можем сделать.

Ринна подняла голову и выжидающе посмотрела на Брис. Жрица нащупала на шее тонкую цепочку и вытянула из-за пазухи витой серебряный амулет с многочисленными кристаллами кварца, хрусталя, флюоритов и раухтопазов.

— Это амулет Триединой. В Палании, насколько мне известно, ее тоже почитают. С его помощью я смогу постепенно ослабить, а потом и устранить сигналы твоих меток. Пока ты спала, мы не только сняли информацию, но и подготовили кое-что для ритуала очищения.

Она встала с расстеленного одеяла, отошла к палатке с начерченной рядом пентаграммой, взяла из-за полога небольшой ящичек без крышки. Внутри стояли баночки, склянки и миски, накрытые хлопковым полотенцем.

— Ощущения будут не из приятных, — предупредила она Ринну. — Метки будут как минимум саднить. Вот это, — она достала из ящичка маленькую бутылочку с бледной зеленоватой жидкостью, — нужно выпить. На вкус ужасно, но не больно.

— Ну, хуже перловки на воде я уже вряд ли когда-нибудь что-то попробую, — отшутилась Ринна, принимая бутылочку. — Прямо сейчас пить?

— Пей, — кивнула Брис. — С завтрашнего дня нужно будет пить это дважды в сутки. Мужчин попрошу уйти.

Ринна залпом выпила отвар, едва заметно скривившись.

— Нет, пусть останутся, — попросила она вдруг. — Не люблю, когда от меня уходят и отворачиваются. Все время кажется, что это из-за шрамов, а меня это злит.

— Хочешь, я даже пялиться буду? — сверкнул зубами Лаэрт.

Брисигида посмотрела на него исподлобья, и бывший агент тут же перестал улыбаться.

— Тебе придется полностью раздеться, — пояснила жрица. — Насколько я знаю, по местным обычаям незамужней девушке не принято обнажаться перед малознакомыми мужчинами...

— Да, — кивнула Ринна, — но по местным меркам я вообще на редкость неприличный человек. Сяду к ребятам спиной, чтобы не слишком смущать.

Она отвернулась лицом к костру и стала стягивать с себя куртку. Всю жизнь люди неприязненно смотрели на Рин: ее часто просили надеть капюшон, прикрыть шрамы, встать к зрителям цирка другой стороной... После представлений она назло всем ходила в безрукавках, даже если было холодно. Она давно сбежала из цирка, но строптивное желание мозолить глаза своими шрамами, оказывается, никуда не делось.

Ринна услышала, как Брисигида у нее за спиной вздохнула и стала доставать и открывать многочисленные баночки с мазями.

— Вонючий порт вонючего острова с гребаными толпами вонючих пиратов! — возмущался Лаэрт. — Кистень прав. Скьортальн — настоящая помойка.

Светлые волосы агент выкрасил самодельным составом в каштановый цвет и перетянул кусочком ткани. Он постоянно протягивал руку, чтобы почесать затылок, но тут же отдергивал — краска не успела засохнуть и еще пачкалась.

Данатос старался не обращать внимания на его нытье. Шпион всегда себя так вел, когда считал ситуацию не критичной. К тому же, Лаэрт говорил правду: порт Скьортальна отчаянно провонял подгнившей рыбой, прокисшим вином и немывтыми телами. Даже в

Бедеране, который казался оборотню образцом нечистоплотности, было не так противно находиться.

Несколько раз их зазывали из узких переулков девицы весьма недвусмысленного вида — даже грудь прикрыта не у каждой. Лаэрт, который обычно и шагу не мог ступить, не пошутив с какой-нибудь девчонкой, и не думал глядеть в сторону этих дам.

— Надеюсь, хотя бы соль на этой помойке найдется, — ответил наконец Данатос. — Мясо на местном рынке я бы не рискнул покупать. Разве что такое, которое еще бегаёт.

В порт их привела необходимость пополнить не только припасы, но и команду. В то время, как они искали рынок поприличнее, Акыр искал таверну подороже. "Будь у нас выбор, — ворчал капитан, когда они сошли на берег со своей шлюпки, — я бы не набирал здесь вообще никого. Но сейчас единственный выбор, который у меня есть — это не набирать пьянчуг и наркоманов".

Приличный рынок они все-таки нашли. Расспросив без малого половину порта и едва избежав схватки с зазывалами на рынки неприличные. Впрочем, даже после всех расспросов понадобилось обостренное обоняние оборотня, чтобы разыскать один-единственный на весь город рынок, где не торговали тухлятиной и фальшивками, да еще и втридорога. Рынок для местных.

Здесь не орали зазывалы, не размахивали рыбинами толстые торговки, не клянчили милостыню лже-сироты и бродяги, не стояли со скучающим видом карманники. Каждое место за прилавком согласовывали с Вольницей, и налоги через администрацию города шли капитанскому совету. Любой, кто хотел торговать на Островах, должен так или иначе договариваться с морскими разбойниками.

Арделорейские купцы на Паланийских островах никогда не торговали. Брезговали. Но сегодня Лаэрт и Данатос увидели в порту сразу три корабля с новым красно-бело-черным арделорейским флагом с полосатой красно-черной лентой, обозначающей негласное разрешение на торговлю на территориях Вольницы. Акыр, увидев эти корабли, оплевал себе всю бороду.

К счастью, пиратский рынок предназначался для снабжения кораблей. Нанять повозку, чтобы доставить покупки в порт, оказалось не так уж дорого.

— Надолго, видать, собрались, — присвистнул возница. Он был явно из островных паланийцев, рыжий, крепко сбитый мужик с обветренным лицом. — Отплываете на юг?

— Ну не на север же, — весело ответил Лаэрт. — С севера много добычи не привезешь!

— Ваша правда, — мужик подкрутил ярко-рыжие усы. — Вольница на север, как в ссылку, плавает! А патрулировать острова кто-то должен. Товары на материк и с материка возить. Торговать наш брат умеет плохо — без обид — а жить как-то надо. Земля суровая, с урожаями тоже как повезет. Кабы не Вольница...

Данатос перестал слушать льстивого возницу. Он не верил ни единому слову оправдания, которые жители придумывали для морских разбойников.

Когда мореплаватель Фарнисс только получил звание командора, он, вернувшийся из путешествия на север, с ужасом рассказывал о том, как изменились приоритеты пиратского братства — вместе с главой капитанского совета, неофициального правителя островной части Палании. К власти пришел жестокий и жадный человек. Он встретил прославленного командора ультиматумом: или арделорейские торговые корабли начинают регулярные рейсы до островов, или ни один их корабль не будет допущен в эти воды.

Фарнисс решил, что даже такое откровенное оскорбление не стоит войны, и больше не

вернулся на островную часть Палании.

— Ребеллион, — буркнул Лаэрт, как только болтливый рыжий возница уехал, — не слишком-то долго он размышлял над прозвищем! Слыхал официальный титул?

Данатос, конечно, слыхал. И теперь думал, как Феликса отреагирует на это имя.

— Его императорское величество Аянир, первый своего имени, — продолжал ворчат Лаэрт. — Очень сомневаюсь, что это настоящий Аянир, сын Леветира. Наверняка самозванец.

— Хотелось бы в это верить, — вздохнул Данатос. — Хотелось бы верить, что вражда отца и сына еще не стала традицией арделорейских правителей. Давай грузиться.

Они приплыли на Скьортальн в двадцати шлюпках, чтобы спокойно увезти все припасы и новых членов команды, если Акыру повезет и он таковых найдет. Матросы с "Ока Бури" ждали их в порту возле шлюпок, и теперь они все вместе перетаскивали бочонки, мешки и ящики с припасами.

Акыр подошел к причалам только к вечеру. С удивительно многочисленным сопровождением, возглавляемым огромным лысым чернокожим моряком. На вопросительный взгляд Данатоса Акыр расплылся в широкой улыбке и хлопнул чернокожего по плечу, до которого едва смог дотянуться.

— Нынче нам везет! — громко сказал горец. На лице чернокожего появилась блистающая здоровой эмалью улыбка. — Это Ранжисона. И он канонир. И все его племя — канониры, а другие спутники — опытные мореходы. Знаешь, кого они ищут? Лесного духа, свершившего месть над гнусными работорговцами!

— Долгих лет тебе, Ранжисона, — Лаэрт и Данатос по очереди пожали великану руку. — А знаешь ли ты, уважаемый канонир, что твой лесной дух — молодая девка?

Ранжисона раскатисто расхохотался. Бархатистый низкий смех шел откуда-то из самых глубин необъятного мощного торса, затянутого багровым кушаком поверх свежей холщовой рубахи. "Не слишком традиционная одежда для сардана, — подумал Дани. — И говорит очень чисто. Давно, стало быть, плавает".

Ни в одной стране Сарданафара Данатос не бывал. Лаэрт — тоже. Феликса наверняка хотя бы раз заплывала на север Сарданафара, в одно из княжеств-фаров или в недавно объединенный Кессах. Возможно, даже сказала бы, какое из многочисленных племен сардан породило плечистого Ранжисону.

— Акыр-ага рассказал! — пробасил сардан. — Братишку выкупил сегодня. Меня и самого тащили через лес на небольшом острове к северо-востоку от Скьортальна. А потом как засвистит! — Слабый акцент у Ранжисоны все-таки был. "Засвистит" у него звучало как "засвыстыт", и Данатос едва заметно улыбнулся. — И все разбойники побежали, а Ранжисону и его людей оставили. Мы освободились, построили лодку и приплыли сюда за моим братишкой. Мне сказали, его хозяина уже почти две недели никто не видел, поэтому продали за гроши.

— А тебя не пугает место, куда мы поплывем? — продолжил расспрашивать канонира Лаэрт.

Сардан слегка посерел.

— В недостатке храбрости Ранжисону еще не обвиняли, — укоризненно ответил он. — Но я понимаю твой вопрос. Мой народ зовет это место Хажия Азира. По-вашему — Испорченные острова. У нас считают, что это обитель дьявола. Кто не боится дьявола — герой!

— Ранжисона — изгнанник, — пояснил Акыр. — Узник чести, так сказать.

— Ранжисона мог быть вождем, — сардан гулко стукнул себя кулаком по широкой груди. — Но меня изгнали, чтобы замирить более могучее племя. Я не сержусь на них, — он перехватил возмущенный взгляд Данатоса. — Все хотят жить. Ранжисона сильнее других. Только я мог выжить без племени. Но кое-кто ушел вслед за мной, и возвращаться стало совсем незачем. Будь Ранжисона герой, — он хитро улыбнулся, — основал бы свое племя. Но Ранжисона не герой — пока. Так что поплывем к дьяволу в логово. Хорошее дело. И жалованье немалое.

Акыр хлопнул сардана по спине и пошел проверять, все ли закуплено и готово к отплытию. Лаэрт прошел следом за ним к одной из лодок.

— А про Феликсу ты ему сказал? — спросил он шепотом.

— Что именно? — невинно воззрился на него горец.

— Ты знаешь.

Капитан вздохнул.

— Сарданы иначе относятся к мертвецам, знаешь ли, — уклончиво ответил он наконец. — Я намекнул. Ранжисона не похож на человека, который любит расспрашивать, как мне показалось.

Лаэрт поджал губы, но возражать не стал.

Гребцы расселись по скамьям. Парни Ранжисоны тоже взяли за весла. Плыть предстояло не так уж далеко. Вовсе не до маленького островка где-то между Скьортальном и Гардйо, другим крупным островом дальше к северу. Только до границы видимости с острова.

Их корабль, "Око Бури", был слишком приметным, чтобы заходить в бухту. Маронда предлагала зачаровать шлюпки так, чтобы они плыли сами по себе весь путь, но Феликса сказала, что незачем впустую тратить силы и вызывать подозрения шлюпками из ниоткуда. Так что "Око" прятался за ближайшим мысом, в месте, которое им подсказал Кистень. "Вольница — они ведь кто? Сплошь бестолочи! Рифов боятся. А я тут каждый камушек знаю, так-то. Сюда никто даже носа не сунет, вот увидите", — пообещал им штурман.

Оставалось только навести иллюзию того, что они плывут до какого-то из кораблей в гавани. Маронда и новоиспеченный магистр Феликса немного поспорили, но в итоге соорудили амулет, который Лаэрт активировал, когда им предстояло взять курс к тайной стоянке их корабля. Агент недоверчиво потер амулет — позеленевший от времени медный грош, использованный ради неприметности, — и увидел, как от каждой лодки отделилась вполне реального вида копия. Копии преспокойно плыли к ближайшему кораблю, скромному небольшому судну без флага. Они с Данатосом подозревали, что это был временный корабль почившего капитана Мирхарда, который собратья по Вольнице пригнали с острова, когда Мирхард не вернулся, но еще не успели выставить на продажу.

"Око Бури" невозможно заметить с моря, если не знать, куда смотреть, а с суши вообще не разглядеть из-за ощерившегося ряда голых, похожих на шипы скал. Искусство навигатора не просто провело огромный корабль по рукаву фьорда. Он проплыл кормой вперед, так что сейчас корабль мог в любой момент взрезать форштевнем волны и умчаться в открытое море.

Что он и проделал, едва приняв моряков из шлюпок на борт.

Почти два десятка кристаллических датчиков зависли в разномастных сосудах с дистиллированной водой. Процесс дистилляции Феликса вспоминала матерьясь и сквозь

зубы, но необходимое оборудование все-таки удалось воспроизвести.

Теперь вода служила для считывания информации с кристаллов, побывавших в тумане и водах проклятого архипелага. Над каждым сосудом Феликса и Маронда установили маленькие зеркала: походные, собранные у всех девушек с борта "Ока Бури", одолженные у тех моряков, кто привык бриться, даже драгоценные, извлеченные из сокровищницы в трюме.

— Скучаю по лаборатории, — бросила Маронда, глядя на клубящийся над кружками, плосками и котелками разноцветный туман. — По серебряным уловителям... тонкостенным колбам...

Феликса покосилась на нее и приподняла бровь.

— Да, я по-прежнему недолюбливаю алхимию, — отреагировала старуха. — Но сейчас у нас другая задача.

— Да. Другая. Только я уже не уверена, что она нам по силам.

— А ты изучала демонологию? — поинтересовалась Брисигида. Жречество немалое времени уделяло изучению всех существующих и существовавших темных тварей, которые могут угрожать человеку, в том числе, конечно, демонов.

— Ну так, поверхностно...

— Поверхностно по твоим меркам или по общепринятым? — хмыкнула жрица.

— В смысле по моим? — возмутилась Феликса.

Маронда и Брисигида переглянулись и почти одновременно рассмеялись.

— Можешь не сомневаться, ее величество императрица — практически демонолог, — съехидничала старушка. — Поверхностно — значит, она изучала только теорию и только в рамках общих пособий по работе с астральным планом.

— В таком случае, учитывая, что специализированные пособия в нашей стране уничтожаются, — улыбнулась Брисигида, — ты скорее всего изучила всю доступную теорию.

Феликса поджала губы.

— Ну а если и так? Если бы я сказала, что прекрасно ориентируюсь в вопросе, ты бы возмущалась, какая я несносная всезнайка, — проворчала чародейка, — как все мои однокурсники...

Маронда вздохнула и посмотрела на нее искоса.

— Вот уж не думала, что тебе было дело до того, что говорят о тебе твои ровесники.

— Может, и было.

Все трое некоторое время молчали, глядя как цветной дым курсирует между водой и зеркалами. Наконец дым иссяк, и они пошли снимать зеркальные уловители.

— Поздравляю вас, дамы, — дрогнувшим голосом выговорила Феликса.

— Мать Триединая, — выдохнула Брисигида. — Это же сигнатура Древнего!

— Древней, — машинально поправила Фель, — лепестки на вихрях вовнутрь...

Маронда хохотнула.

— "Поверхностный" магистр поправляет углубленно изучавшую демонологию жрицу, картина маслом... М-да. Мало того, что Древняя. Тип видите?

— Суккуб, — хором ответили жрица и чародейка, разглядывая отпечатанную на зеркалах сигнатуру. Брисигида продолжила: — Да еще и в собственной плоти. Получается, что туман — не атакующая мера, а защитная... как теплица для растения. Кусочек астрального микроклимата. Но ей все равно нужна подпитка.

— Мы все знаем, чем она питается, — поморщилась Феликса. — Отвратительно.

Брисигида тяжело опустилась на одну из импровизированных лавок из поваленного ствола. Она выглядела так, будто ее только что ударила молния — и она выжила.

— Невероятно. Ты была права! — Она закусилась ноготь большого пальца и продолжила рассуждать, быстро и лихорадочно, глядя в никуда. — По какой еще причине Древняя могла остаться среди людей?

— Она одна из Хранителей Пути, очевидно... — согласилась Маронда. — Без нее до Острова Жизни никогда не добраться.

— Но как договориться с таким существом? — всплеснула руками жрица. — Не жертву же ей приносить...

— Нет, — прервала ее Феликса. — Я думаю, такое мощное хаотичное существо могли сделать хранителем только ради испытания. Если приносить ей жертвы или душу обменять — попадешь к ней в плен, а пути не найдешь.

Брисигида покачала головой, и ее губы едва дрогнули в странной улыбке.

— Никак не привыкну к мысли, что мы отправляемся искать легенду. Даже в Арделорее в Остров Жизни верит не каждый.

— Подумаешь, — Феликса пожала плечами. — В Кузуре уже забыли, что слово нимфа не всегда обозначало прелестную юную девушку.

— А Ринна, возможно, последний человек, кто помнит слово "хольда", — поддержала ее Маронда. — Я думала, что хоть ты к моему пророчеству относишься серьезно...

Она тут же зажала рот обеими ладонями.

— *Твое* пророчество, — отчеканила Феликса. — Ты передала его мне, но никогда не говорила, что ты — автор.

Маронда скрестила руки на груди, готовясь защищаться от нападков ученицы, как она делала это в Академии. Феликса вздохнула, увидев знакомый жест, и осадилась себя. В груди kloкотало, в висках билась чудовищная пульсация, но она начала вдыхать и выдыхать, пока kloкочущий ком не ослаб.

— Не понимаю, какие у тебя могли быть причины скрывать от меня, что ты оракул. Что ты предрекла не то апокалипсис от моих рук, не то мою изощренную смерть, — выговорила она наконец. — Но какие-то были наверняка. Ха! Я могла бы и догадаться после твоих выкрутасов с башней.

Старая волшебница опустила руки, посмотрела на ученицу, слегка наклонив голову, и широко улыбнулась.

— Да уж, — насмешливо проворчала она. — Могла бы.

Она присела на лавку рядом с Брисигидой. Феликса села по другую сторону. Брисигида деликатно коснулась ее плеча и ободряюще улыбнулась. "Кажется, заметила, — поняла Феликса. — Заметила, что я успела разозлиться".

— Ладно, дамы! — сказала Маронда спустя пару минут. — Пора приниматься за работу. Теперь, когда мы знаем зверя, можем точить рогатину и готовить капкан. Благо материала достаточно. Узнала императорскую сокровищницу в сворованном добре?

Феликса кивнула.

— Гномы Драконьих островов не продавали свои работы абы кому. Я видела ожерелье... — Феликса коротко рассказала о колье, которое ей предлагал Мордред. — Многие сундуки имеют замки, которые даже мне непросто раскусить, магические преграды. Я смогла открыть примерно половину, или, скорее, немногим меньше половины.

— Хорошо, что ты теперь императрица, — буркнула Маронда, — а то пошла бы под трибунал за взлом императорского имущества.

У Феликсы резко вытянулось лицо.

— Я овца, — призналась она. — Магические печати настроены на официальный титул, то есть его обладателя. Если указ подписан рукой Леветира, это перенастроило все магические печати на мои показатели. Я могу открыть их, просто коснувшись пальцем.

— Вот почему новый правитель вывез эти сундуки, — догадалась Брисигида. — Надеялся найти мага, который рискнет здоровьем и попробует их вскрыть.

— Ага, здоровьем, — Маронда покрутила пальцем у виска. — Жизнью, не меньше! А что из этой сокровищницы нам может пригодиться?

— Почти ничего, — Брис развела руками. — Нас в первую очередь интересуют камни, так или иначе символизирующие кровь, предпочтительно полудрагоценные...

— Но драгоценные лучше накапливают магическую энергию, — нахмурилась Феликса.

Брисигида покачала головой.

— Нам не нужно вкладывать много энергии, — пояснила она. — Многие маги исходят из этого, когда делают защитные амулеты от астральных существей. Но это ошибка, которая часто стоит им свободы воли, а потом и жизни. Я видела таких, когда меня отправляли с братом и Лаэртом...

Маронда взглянула на нее и тут же опустила глаза.

— Слишком уж долго ты ходила в послушницах, — едва слышно проворчала волшебница. — Вот и попала на грязную работу.

— Работа как работа, — Брисигида вздернула подбородок. — В императорские советницы я все равно никогда не годилась.

— Правильно, — проскрипела Маронда, глубоко нагнув голову, — не годилась. И сейчас не годишься. Тебе предназначалось более почетное занятие. С которой твоя предшественница, говорят, не справилась катастрофически.

— Ты о чем? — перебила ее Феликса. — Какая работа?

— А вот такая! — Маронда положила ладони на колени, наклонила голову, став похожей на сипуху, и посмотрела вверх, в лицо Брисигиды. — Работа императорского воспитателя. Прежняя воспитательница не справилась с детьми Леветира. И не спрашивайте меня, что случилось! Старый дурень все держал в тайне, но догадаться, что возникла какая-то проблема, было нетрудно. Аннаиру и Аянира давно никто не видел.

— Я думала, что они в какой-нибудь лечебнице, — кивнула Феликса. — Но не придала этому значения. Видно, напрасно.

Брисигида шумно выдохнула.

— Ффух... Отлично. Ну, раз моя более почетная работа — воспитание, начнем с того, что проследим, чтобы было, кого воспитывать, — неловко пошутила жрица. — Вернем Феликсе жизнь и фертильность, отыскав Остров Жизни.

— Древняя, суккуб, во плоти... Думаешь, чтобы вытянуть из нее путь к Острову, не понадобятся мощные амулеты? — засомневалась Феликса.

— Повторяю: мощь сыграет скорее против нас, чем нам на пользу, — уверенно сказала Брисигида. — С обычным демоном, вроде того, что пометил Ринну, еще можно попробовать разобраться силой. С суккубом, тем более древним, это плохая идея. Она качает энергию напрямую из астрального плана, а значит, ее сила почти безгранична. Единственное, что мы можем — это защититься от воздействия ее магии. Опять же, не

щитами, а перенаправлением или отражением.

— Вот теперь видно, кто тут профи, — хмыкнула Маронда. — Значит, особо ценные материалы нам не нужны. Я бы предположила, что наш выбор — гранат.

— Гранат — для отражающих амулетов, — кивнула Брис. — Для перенаправления лучше взять гематит. Можно попробовать лал и магнетит в качестве альтернативы.

— Магнетитов в сокровищнице почти наверняка нет, — задумалась Феликса. — Гранаты и шпинель я точно видела. Гематит... Гематит нужно будет поискать.

Гематит в сокровищнице Феликса так и не нашла. Она открыла все оставшиеся сундуки, но самое близкое к искомому, что там осталось — все то же мифриловое ожерелье. Так что она отобрала гранаты и шпинель подходящей формы, ссыпала их в отдельный мешочек и пошла к бухте — встречать Акыра с новостями и покупками.

— Я смотрю, вы с солидным прибавлением, — присвистнула она, увидев огромного сардана и его спутников. Волшебница пробежалась глазами по нетипичной одежде и краю белой татуировки, видневшейся на шее. "Изгнанник, — сообразила Феликса, — и, я бы сказала, довольно знатный — если это слово можно применить к сарданам..." — Мир по дороге, — поздоровалась Феликса с темнокожими моряками.

Глаза сардана расширились, и он расплылся в огромной, поразительно белоснежной улыбке.

— Ранжисону давно не встречали традиционным приветствием! — пробасил он. — Мало кто знает обычаи племен Сарданафара. Приятно, когда уважают твою родину! Кого же я благодарю за свою радость?

— Феликса Ферран, так сказать, спонсор и инициатор нашей экспедиции, — Акыр представил ее, как положено. — А это, как ты могла догадаться, наш новый главный канонир. Ранжисона.

— Ранжисоне больше нельзя носить племенное имя из-за изгнания, — добавил сардан. Волшебница кивнула и понимающе улыбнулась.

— Я свое тоже предпочитаю лишний раз не произносить. Здесь почти каждый — беглец или изгнанник... А где Ранжисона научился искусству артиллерии?

— После изгнания мы пошли в большой город, — Ранжисона отвлекся, чтобы указать кому-то из своих направление, в котором нужно сгружать провизию, и тут же продолжил. — В большом городе проще устроиться выносливому человеку. Мои парни — самые крепкие! Из моряков нас лучше всего встретили канониры, потому что мы тягаем ядра, — Ранжисона гулко хохотнул. — Даже самый слабый легко поднимает тридцать шесть фунтов ядра и опрокинуть большую бочку с водой, чтобы охладить ствол. Так что нас охотно учили. Особенно чужие моряки, маленький народ с востока Тандара. *

— Микандзины? — воскликнула Феликса. — Пороховые мастера?

Ранжисона наклонился и с лукавой улыбкой поведал:

— Маленьким микандзинам тяжело возиться с ядрами на жаре. Пупок трещит! Ранжисона слышал, что они ценят и щедро благодарят сильных работников. А уж как нас любят их маленькие скромные женщины!

Феликса невольно расхохоталась от такого откровения.

— Твое племя много потеряло, изгнав тебя. Зато нам повезло встретить тебя здесь! — она крепко двумя руками пожала широкую, как лопата, темно-коричневую руку с белыми точками татуировки на запястье. — Добро пожаловать. Мы проводим вас в лагерь.

Через несколько минут их догнали Данатос и Лаэрт.

— Мы тут кое-что интересное узнали, — осторожно начал Лаэрт. — Скорее плохие новости, чем хорошие, но по-моему важные.

— Расскажите всем после ужина, — отозвалась Феликса. — Все удалось купить?

— Практически, — ответил Данатос. — Некоторые травы для Цефоры мы не нашли. Боеприпасов взяли немного, как и планировали. Ты хочешь докупить где-то еще?

— Да. На Скьортальне слишком много пиратов, поэтому рынки рассчитаны в основном на них и неопытных купцов. Сами пираты там почти ничего не продают, контрабанду туда тоже не возят. К северу от нас остров Гардйо, — Феликса указала рукой в соответствующую сторону, — который славится оружиевыми мастерскими. Сырье им привозят с островной части Палании.

— Но у нас и так укомплектованный корабль, — возразил Лаэрт. — Каждая вылазка для нас опасна. Нам действительно надо на этот остров?

— Ранжисона видел даже баллисты на корабле, — согласился с ним сардан. — Разве нужно что-то еще? Пороха и снарядов вполне достаточно, с лихвой хватит даже на несколько битв.

Феликса кивнула.

— Корабль готов к отплытию, это правда. А вот оружие команды мне не очень нравится, — призналась она. — Для рукопашного боя нормальное оружие есть только у Кистеня. Наш капитан ходит без капитанского кортика! Да и ты, Ранжисона, уж извини, но твой клинок... — она замешкалась, подбирая не слишком обидное слово.

— ...сделан из сплава дерьма и ссанины, — бесцеремонно перебил ее другой подбежавший сардан, с такими же белыми татуировками из точек, плавных линий и волн, как у Ранжисоны. Он был заметно моложе канонира и его спутников. — Я тебе говорил! Лучше бы ты носил с собой дубину!

— Дубина бегаёт за мной сама, — съязвил Ранжисона и отвесил юноше подзатыльник. Феликса вздрогнула, представив, какая тяжелая у сардана рука, но юноша даже не пошатнулся. — И называет себя моим братом!

Младший сардан попытался его в ответ пнуть под зад, но Ранжисона извернулся, схватил его за ногу и заставил его плясать на второй. Юноша ухватил старшего брата за плечо, подтянулся, оттолкнулся второй ногой от широкой спины и освободился. Оба громогласно расхохотались.

— Мелкий бес! — выругался сквозь смех Ранжисона. — Братишка мой, Тадж и. Лазаёт, как ящер!

Таджи надулся от гордости и сложил руки на груди. Феликса, глядя на него, развеселилась еще больше.

— Рада знакомству с вами. Отдохните у наших костров и набейте брюхо как следует. Нам предстоит тяжелое путешествие и еще немало подготовки к нему.

Она указала им на пустые шатры, подготовленные для новых членов команды, а сама вернулась к Брисигиде и Маронде.

Старая волшебница чертила на земле сложную фигуру из глифов и пиктограмм. Феликса смогла распознать глифы силы, знания, воды и смерти. Пиктограммы тоже выглядели знакомо, но, как и глифы, лишь частично. Брисигида периодически указывала на один из светящихся завитков, кружков или росчерков, и Маронда стирала или добавляла что-то еще. Рядом стояли латунные треноги с крючками для подвесок и маятников.

— Все, что нашла, — она протянула жрице мешочек с камнями. — Гематита нет. Я попрошу ребят поискать гематит или магнетит на Гардйо. Мне все равно нужна сталь.

— Ты имеешь в виду оружие? Ты говорила, что нужно вооружить команду... — вспомнила Брис.

— Не только, — Фель покачала головой. — Мне нужна чистая сталь. Сырье.

— Но зачем? — недоумевала жрица.

Феликса неопределенно дернула плечами. Отвечать не хотелось.

— Вы готовите ритуал? — полюбопытствовала она. — Защита?

— Маскировка, — проскрипела Маронда, не отрываясь от чертежа. — Но защита тоже, конечно. Для кораблей. Людям не сгодится.

— Я могу помочь?

Маронда оторвалась от глифа и воззрилась на нее светло-карими, почти янтарными глазами. Левая бровь поползла при этом вверх, а правая сдвинулась к переносице, отчего чародейка еще больше стала напоминать хищную птицу.

— Нет, спасибо, — ответила тем временем Брисигида. — Здесь нужны знания довольно специфического характера. Позже займемся камнями — тогда, я думаю, без тебя не обойтись.

Феликса кивнула.

— Тогда помогу Цефоре с ужином. Готовлю я так себе, но овощи чистить могу.

Маронда проводила свою ученицу немигающим взглядом. Лицо ее наконец расслабилось.

— Я боялась, что беды ее окончательно ожесточат, — тихо-тихо сказала она Брисигиде. — Не говоря уже об этой мистической затее с Живой и Мертвой водой... Неужели я одна замечаю?

— Что именно?

Маронда перевела глаза на Брисигиду. Та лукаво улыбалась, глядя на нее.

— Гематит для амулетов, — кивнул Лаэрт, зачерпывая из котла густую похлебку. — А сталь зачем?

Он передал полную дымящуюся миску Ринне. Та благодарно кивнула и села на свободное место на бревне возле костра. Феликса заметила, что она больше не старается сесть так, чтобы шрамы оказались в тени.

— И правда, — удивился Данатос. — Зачем тебе чистая сталь?

Феликса обвела всех сидящих у костра взглядом. Несколько пар глаз выжидательно смотрели на нее. Девушка вздохнула.

— Кто-нибудь из вас знает, почему рейдовый корабль, на котором я плавала, назывался "Стальная Гарпия"?

Данатос пожал плечами, Лаэрт промычал что-то отрицательное, набив рот тушеным мясом, Брисигида покачала головой.

— Я знаю, — загундела Маронда из-за ее спины. Она прохромала к котлу, положила себе еды и села поближе к огню. — Но никому не скажу. И ты, Хольгер, молчи.

— А что я? Я не сплетник, — хмыкнул солдат.

— Ха! Он думает — все враки, — хохотнула чародейка. — Лучше дай им возможность самим увидеть и догадаться. Уверена, нам выпадет такой случай, — добавила она.

Брисигида поняла смысл ее последней фразы раньше остальных.

— Ты что-то видела.

Брисигида не спрашивала. За последние дни она научилась прислушиваться к малейшим оттенкам интонаций старой наставницы. Феликса всегда поражалась этой ее способности — просто и быстро понимать людей. Жрица могла с полуслова — а то и просто по вздоху — узнать все, что на самом деле беспокоит человека. Еще удивительнее было то, что Брисигида понимала людские беды и печали, но ее проницательности не хватало, чтобы увидеть угрозу самой себе.

Иногда Феликсу нервировала такая эмпатия, постоянное сочувствие, ответы на незадаанные вопросы. Но не сейчас.

— Конечно, видела. Я старая, но не слепая и не глухая! — проворчала Маронда. Несколько секунд она молчала. — Впрочем, для прорицания и это не помеха, — продолжила она.

— Раз ты смогла предсказать что-то, значит, нам грозят не антимаги, — рассудила Феликса. — Неужто пираты узнали про Мирхарда и решили мстить?

— Нет, — Маронда помотала кудрявой головой, — на это им мозгов не хватило. Кто-то из их братии умудрился купить еще один фрегат из императорской флотилии. На галеон денег не хватило... И теперь этот герой плывет в свою обитель, да во главе целой эскадры, аж четыре шгуки. Два фрегата, бриг и совсем крошечный шлюп.

— Ты видела капитана, который возглавляет эскадру? — спросила вдруг Ринна.

Маронда кивнула.

— А как же. Мордатый. Сам черный, а борода рыжая. Камзол...

— Уродский красный камзол в золоченой вышивке, — закончила за нее Ринна. Чародейка кивнула. — Это Блод Беор. Он — неофициальный вожак Вольницы. Ублюдский бешеный пес!

Охотница презрительно плюнула на землю.

— Можно не сомневаться — он потратит уйму времени, чтобы опробовать новую игрушку, — уверенно заявила она. — И искать будет прежде всего одиночные корабли. Он трусливая крыса, ни за что не нападет на добычу, если не будет уверен в победе, если он не в большинстве.

Феликса пожала плечами.

— Стоило бы избегать подобных встреч, — проговорила она. — У нас помимо боевой команды есть еще и гражданские, те, кто не привычен к военным действиям. Дети, в конце концов...

— Ну да, в логово к демонам в таком составе идти годится, — съехидничал Лаэрт. — А вот пиратов явно стоит избегать! Куда до них древним злобным духам!

— Я бы хотел напомнить, — прокашлялся Хольгер, — что императорский фрегат — прекрасный трофей. А Вольница, похоже, уже заключила союз с новой арделореской властью...

— ...И, устранив Блод Беора, — подхватил Данатос, — мы сможем повлиять на баланс сил в этих водах. Перекрыть торговый путь через нелегальные организации и заставить узурпатора договариваться с официальными властями. Береговая часть Палании не поддерживает союзы пиратов, так что это будет ох как не просто!

— Воткнем революционерам огромную занозу в задницу! — поддержал его Лаэрт.

Феликса тяжело вздохнула и скрестила руки на груди. Миска — уже пустая — стояла на земле возле ее ног, и девушка какое-то время не сводила с нее глаз. "Дина и Цефора каждый день напоминают, что мне необходима пища. Как я могу решать, когда стоит вступать в

битву, если я забываю, когда нужно поесть?"

— У "Ока Бури" есть капитан, — сказала она наконец. — Если он решит дать бой целой эскадре, мы должны сделать так, чтобы он прошел на нашей территории и по нашим правилам. Нужно будет подготовить план, ловушки, магию и вооружение. Если мы готовы рискнуть...

Акыр, обнимавший Цефору, которая только что закончила что-то тихо шептать ему на ухо, посмотрел на Феликсу и коротко кивнул.

— ...Тогда нам нужно достать лучшую сталь, какую сможете найти, — закончила чародейка. — Не хочу делать Стальную Гарпию из говна и палок.

— Кто бы мог подумать, — проворчал Данатос, присаживаясь на перевернутую бочку на выходе из кузнечного квартала, — что высококачественную сталь здесь проще достать, чем задрипанный гематит!

— Да ты посмотри на них, — ответил Лаэрт. Он стоял на одной ноге, держа второй сапог в руках, и пытался вытряхнуть из него мелкий камешек. — Нахрена этим людям гематиты и магнетиты? Тут не каждый знает, как работает компас. Даже если гематит у них есть, они могут попросту не знать, что это такое.

— А магнетит? Он ведь нужен для компасов.

— Здесь не делают компасы. Может, кузнецы и используют эту руду для чего-то, — пожал плечами Лаэрт, — но ты слышал то же, что и я. В продаже того, что нам нужно, нет.

Оборотень поставил одну ногу на бочку, оперся локтем на колено и подпер кулаком голову.

— Я видел где-то лавку с дешевыми безделушками, — вспомнил он. — А у одной из местных женщин висел черный блестящий кулон на шнурке. На вид — гематит. Где-то же она его взяла?

— Я на таком расстоянии не отличу гематит от обычной гальки, — фыркнул Лаэрт. — Ладно, пойдем проверим эту твою лавку.

Они прошли снова через относительно широкую улицу с кузнями. Запах раскаленных горнил, нагретых мехов, раствора для травления клинков и горячей кожи нервировал кошачье обоняние Данатоса, заставляя ежеминутно чихать и фыркать. Наконец они миновали кузни, свернули в один из проулков и вышли к нескольким лавочкам с разными безделушками. В основном продавались творения все тех же кузнецов, но гораздо менее практичные: грубые кованые браслеты, кулоны и обручи-налобники, цветы и шкатулки из легких металлов.

Данатос равнодушно осматривал прилавки. Несколько темных кулонов и правда походили на гематит с его металлическим, почти зеркальным блеском. Дани скупил их все, но этого было слишком мало.

Лаэрт тоже отошел от прилавков с покупкой, но к делу она отношения не имела.

— Может, есть и другие лавки? — вздохнул Лаэрт, осматривая их добычу.

Дани покачал головой.

— Гардйо — большой остров, но крупный рынок только здесь. Кистень говорит, если чего-то нет в главном порту, в остальных можно даже не искать. А ты что купил?

Бывший шпион посмотрел на небольшой мешочек в своей руке так, словно видел его в первый раз. Данатос — в который раз — увидел, как на его лице расцветают неровные красные пятна.

— Можешь не отвечать, — он хлопнул друга по плечу. — Что бы там ни лежало, Брис будет приятно.

— Или она скорее, как всегда, сделает вид, что ей приятно, — буркнул Лаэрт, пряча попку в карман.

— Ты к ней несправедлив, — заступился за сестру оборотень. — Ей действительно приятно. Просто не так, как тебе хочется.

Лаэрт не стал отвечать. Этот разговор они вели уже не впервые, и еще ни разу друг не принял его сторону. Данатос всегда был участлив, всегда проявлял понимание и сочувствие, но при этом отказывался помочь Лаэрту наладить отношения с Брисигидой. Как-то раз они даже подрались из-за излишней любвеобильности Лаэрта. С тех пор оборотень лишь однажды позволил себе высказаться насчет равнодушия сестры. "С твоей репутацией я бы и не ждал другого. Большинство твоих знакомых считают тебя бабником, и у них есть на то некоторые основания, — сказал ему раздраженный Данатос, когда друг в очередной раз доконал его своим нытьем. — И тот факт, что твои чувства вполне искренни, на эту репутацию никак не влияет!"

Возле причалов им повезло. Несколько испуганных девушек жались к стенам портовых таверн, пытаясь хоть немного укрыться от пронизывающего ветра. Данатос смотрел на них с каменным лицом, а поймав на себе взгляд — отворачивался. Но на каждой позвякивало множество дешевых украшений, в том числе и браслеты из мелких гематитовых бусин, такие же ожерелья и талисманы.

Некоторое время они потратили, выбирая из взятых с собой ценностей похожие украшения, но с другими камнями. В основном — куда более ценными.

Кася уже неделю торчала возле таверны в порту с другими девочками. Каждое утро она стояла над кадкой с водой, глядя в маленькое дешевое зеркало из полированного металла, и убеждала себя, что иначе нельзя. Иначе не выжить.

— Каська! Тащи свою задницу!

Каждое утро она слышала голос Ма грун. Касе, как и другим новым девушкам, не доверяли. Ждали, что сбегут. Поэтому первое время их сопровождали более опытные девушки. Магрун, с ее пышным телом, гортанным смехом и нежеланием застегиваться на все пуговицы в любое время года, казалась самой опытной на свете.

Всю неделю девушкам не особо везло с клиентами — их попросту не было. Невезением это считала Магрун. Кася же едва справлялась с тем, чтобы скрывать свое облегчение при виде полупустого порта. Вместе с тем, от голоса Магрун каждое утро ее трясло все сильнее.

Когда в порту причалили три шлюпки, девушки заметно оживились. Из каждой лодки вышло не меньше дюжины моряков. К досаде Магрун, все они разошлись, едва взглянув на них. Но двое вернулись, совсем под вечер, когда Кася уже благодарила богов за еще один спокойный день. Эти двое совсем не походили на остальных моряков, грубых, как дубленая кожа, обветренных и угрюмых. Один, светловолосый и ясноглазый, со смехом убирал со своих плеч руки девушек, шутил и делал комплименты, но сразу сказал, что пришел он не как клиент.

Кася набиралась смелости подойти ко второму, более молчаливому и оттого жутковатому. Она давно заготовила фразу, с которой будет подходить к мужчинам: "Хочешь быть моим первым?" Магрун считала, так ее дороже возьмут. Но когда она подошла к мужчине и увидела его глаза — хищные, золото и янтарь степных охотников, — выпалила

совсем другое:

— Кто ты такой?

Золотоглазый не ответил. Он смотрел на ее левое запястье. Кася перехватила многозначительный взгляд Магрун и собралась, чтобы предложить ему то же, что другие девушки, но он наконец и сам обратил на нее внимание.

— У этой девушки есть хозяин?

Кася вспыхнула от этого вопроса и отшатнулась от незнакомца.

— Нам всем покровительствует капитан Блод Беор, — ответила Магрун. — Но за девушек отвечаю я. Что, понравилась? Каська тут одна такая. Нетронутая.

Касе казалось, что ее облили ледяными помоями. Захотелось разреветься и убежать, но в плечо вцепилась пухлая рука Магрун в тяжелых кольцах.

— Мой друг коллекционирует украшения, — золотоглазый невозмутимо кивнул в сторону второго мужчины. — Он обменяет ваши кулоны, браслеты и серьги с гематитом на более дорогие украшения. Разницы в цене должно хватить не меньше, чем на день с этой девушкой. Но мне нужно всего полчаса.

Магрун картинно вздохнула и подтолкнула Касю к нему, хлопнув пониже спины.

— Долго же вы плавали, раз тебе хватит всего полчаса! Не переживай, дорогой. Если передумаешь, будем не в обиде.

Золотоглазый кивнул ей, взял Касю за руку и повел в ближайшую таверну. От прикосновения сухой теплой ладони она сначала вздрогнула. Ей вдруг вспомнилось, что такие же сухие и теплые были руки у ее матери, и такие же длинные и густые волосы, и так же ровно и спокойно звучал ее голос... Кася даже не заметила, как они прошли мимо хозяина таверны, поднялись по лестнице и оказались в комнате.

Мужчина отпустил ее руку и сел на кровать, оперевшись локтями на колени и обхватив ладонями опущенную голову. Кася дрожащими руками потянулась к завязкам на рубашке.

— Стой! — сказал ей золотоглазый, не поднимая головы. — Я не затем тебя увел. Триединая, какой кошмар... Что за звери здесь живут? Как можно так жить? Как эту бесчувственную тварь земля только носит?!

Кася не поняла, о чем он, но с облегчением завязала обратно тесемки на рукавах.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина. — "Каська" не звучит, как полное время.

— Я... — она замялась. Хотелось деть куда-нибудь руки, но у нее не было ни карманов, ни фартука, так что она сцепила их за спиной. — Мама назвала меня Кассандрой. Но Беор решил, что я не заслужила еще называться полным именем.

Золотоглазый совсем по-кошачьи фыркнул.

— Блод Беор, похоже, редкостная свинья и паскуда! — Он поднял голову, посмотрел на нее и скривил губы, отчего Касе стало совсем жутко. — Сколько они держали тебя в кандалах?

Кася вздрогнула и невольно потянулась к шее, где внезапно зачесался старый след от ошейника.

— Год, — выдохнула она. — Как ты понял? Мне всю шею завесили бусами, чтобы никто не увидел.

— У тебя следы на запястьях, — пояснил мужчина. — Браслетов на тебя, видимо, не хватило? Почему тебя так долго держали в оковах?

— Беор всех так держит, — пояснила Кася. — Всех, кому кандалы не мешают работать. Пока была маленькая, служила при трактирах судомойкой и уборщицей. Как закровила, он

их снял. И отправил меня к Магрун, на улицы, в таверны... куда скажет.

— Закровила?..

Кася почувствовала, как щиплет в носу и глазах. Щеки моментально стали мокрыми и горячими.

— Повзрослела... — прошептала она, задыхаясь и глотая слезы.

У незнакомца вытянулось лицо.

— Я дурак. Прости. Сядь, пожалуйста.

Золотоглазый взял ее за руки и усадил на кровать. Касе снова стало тепло, и она перестала всхлипывать.

— Кто ты такой? — снова спросила она. Золотоглазый сидел на корточках и все так же держал ее за руки. В голове стало удивительно ясно.

— Меня зовут Данатос. Я бывший храмовый страж.

— И зачем ты забрал меня сюда, Данатос?

— Чтобы поговорить без своры портовых девок, — честно ответил тот. — Ты одна среди них со следами от кандалов. Могу себе представить, как они относятся к тебе.

Кассандра наконец поняла, что происходит, но поверить боялась. Она не была рабыней с рождения, но за пару лет привыкла к побоям, оскорблениям и требованиям подчиняться по первому слову.

— У кого тебя выкупить? — спросил Данатос. — Вряд ли Магрун может продать тебя насовсем. Должен быть кто-то, кто возьмет у меня деньги и отдаст тебя. А я помогу добраться тебе домой и отпущу.

Кася отшатнулась.

— Что ты! Выкупных так просто не отдают.

— Что значит — не отдают? — нахмурился Дани. — Я могу хорошо заплатить.

— Одну из девушек Беора хотел выкупить торговец, — принялась объяснять Кассандра, — и тот согласился. Сказал, что ему привезут девушку через два дня. На один день он отдал ее своим людям, — голос сорвался, пришлось несколько раз вдохнуть и выдохнуть, прежде чем продолжить. — А весь следующий день два лекаря приводили ее в чувство. Она ни слова не произнесла, даже когда ее усадили в шлюпку и повезли к покупателю. Будто разучилась говорить.

Данатос стиснул зубы. Касе показалось, что она слышит глухой низкий рык, kloкочущий у него в груди.

— А что, если я скажу, что мне нужна девушка на несколько дней? Или даже недель? — спросил он. — Это не выкуп. Скорее аренда.

— Но тогда тебе придется привести меня обратно, — Кассандра не понимала, к чему он клонит.

— Зачем? — улыбнулся Данатос. — Чтобы ты и дальше ждала, пока какой-нибудь похотливый ублюдок решит купить твое время у Магрун? Я не собираюсь возвращать им то, что по определению не может никому принадлежать.

Кася дрожала от мысли, что весь этот кошмар может кончиться. Но если ее найдут, если ее снова поймут... "Лучше совсем не жить, — подумала она, — чем даже не пытаться".

— Не бойся, — подбодрил ее юноша. — Нас не так-то просто найти, и еще сложнее — заставить делать то, что мы не хотим. И, насколько мне известно, Блода сейчас нет на островах.

Кася улыбнулась сквозь слезы и хотела сказать что-то в знак согласия, но смогла только

кивнуть.

— Вот и славно. Слезы не вытирай. Пусть твоя мегера думает, что я мерзкая скотина, как ее друзья пираты.

Глава 7. Стальная гарпия

— Данатос купил... Что? — Брисигида не верила своим ушам.

— Не что, а кого, — веселился Лаэрт. — Уже третья дама к вашей девчачьей банде!

Феликса слушала Лаэрта, опершись о ствол старого раскидистого дуба. Но смотрела только на Данатоса, непривычно мрачного, с тяжелым, озлобленным лицом.

— Утихни, — тихо пророкотал оборотень. — Я обещал все объяснить — я объясню. Будь добр воздержаться от своих остроумий до тех пор.

Следом за ним семенила невысокая девчонка — совсем молоденькая, худенькая и на смерть перепуганная. Она смотрела только себе под ноги, изредка косясь на непомерно высокого по сравнению с ней Ранжисону. Канонир, похоже, пребывал в таком же настроении, что и оборотень; периодически он гулко стучал себя кулаком в грудь и раздувал ноздри.

— Нехрен тут объяснять, — проворчал подошедший Кистень. — Тоже мне, агент Тайной канцелярии! Башкой-то подумай.

— Да подумал я, — обиделся Лаэрт. — Хотел пошутить, чтобы разрядить обстановку...

— Когда нас взяли в плен, — пробасил Ранжисона, — мы тоже шутили. Но мы — воины. А ты шутишь над девочкой.

— Все в порядке, — пискнула девочка из-за спины Данатоса. — Мама говорила, что беды боятся смеха. Если над бедами шутить, они уходят.

Феликса улыбнулась.

— Твоя мать, похоже, была стойкой женщиной, — она подошла и протянула девочке руку. — Здравствуй. Я Феликса.

Девочка слегка напряглась, но подала руку.

— Кася...

— Это ведь не полное имя? — удивилась Феликса.

Девочка вдруг хихикнула.

— Нет. Кассандра.

Она остановилась и зарделась от всеобщего внимания.

— Ты была в плену, Кассандра? — тихо спросила волшебница.

Кася закивала и снова опустила голову, шмыгнув носом. Данатос повернулся к ней:

— Эй, все в порядке, — он присел на корточки, чтобы заглянуть ей в глаза. — Ты свободный человек. Ты среди друзей. Даже этот жуткий темнокожий дядька, — Ранжисона в ответ на его слова расплылся в добродушной жемчужной улыбке, — твой друг. И тот одноногий сквернослов, — Кистень карикатурно поклонился, — и даже наш хмурый капитан.

Акыр и правда насупился и молчал больше обычного.

Кассандра кивнула, и Данатос отвел ее к костру, где Цефора готовила на всех еду. Он представил ее и тихо попросил:

— Не спрашивайте ни о чем девочку. Дайте ей несложное дело в руки, а еще лучше — расскажите о себе. Как жили в своем небольшом городе. Как Дина училась магии. Про нашу одиссею, неприятности Феликсы и Ринны. Про предстоящую битву с пиратами лучше помалкивайте.

Цефора укоризненно посмотрела на него, мол, и так все понятно, и кивнула. Позвала

Касю к себе, познакомила с Диной, дала обеим по большой рыбине — чистить.

Данатос, постепенно успокаиваясь, ждал всех у шатра Брисигиды, где по негласной традиции проводились теперь все советы. Маронда, Лаэрт, Брисигида и Феликса пришли сразу. Акыр, Кистень и Ранжисона — чуть позже. Ранжисона шел в сопровождении Ринны — к ней он относился с особым благоговением и считал необходимым держать в курсе всех дел. Данатос только порадовался ее присутствию.

— Я увел Кассандру от портовых проституток, — начал он, когда все собрались. — Все они были свободными женщинами. У Кассандры я увидел следы от кандалов и понял, что она рабыня. Я не мог иначе. Я оплатил ее на две недели, потому что выкупить рабыню у Блод Беора...

— ... все равно, что убить, — закончила за него Ринна. — Догадался поговорить с девушкой, прежде чем выкупать?

Оборотень кивнул.

— Ну а как же мы с ней дальше? — вздохнул Кистень. — Нельзя было, конечно, оставить девку в порту. Но и в море ей с нами идти — разумно ли? Может, в деревню какую отвезти?

— А то ты не знаешь, как с девками в деревнях обращаются? — сплюнул Акыр. — Она ж одна. Будет такой же рабыней, только для крестьян безмозглых. Стирать за всеми, жрать всем готовить, пахать, детей нянчить. И своих рожать. Скорее всего — каждый год. И никто отцом не назовется.

— Так, а в городе к кухарке какой приставить? — предположил штурман.

— Будет подавать еду в тавернах — кончится тем же, — хмуро отозвался Ранжисона. — Как же так вообще вышло, что разбойник, могучий суровый мужик, девками торгует? Даже для того, кто выбирает противника слабее и не ищет воинской доблести, брать женщину против ее желания — величайший позор! Кто не может привлечь женщину, не может привлечь ни удачу, ни славу — так говорит мой народ.

— Женщину?! — взорвался Данатос. — Эта девчушка максимум года на три старше Дины. Нет ни одной цивилизованной страны в мире, где она считалась бы совершеннолетней!

— Так я и ушел из племени, — вполголоса буркнул Акыр. — Когда меня пытались женить на четырнадцатилетней девочке, которая еще в куклы играла. Мы даем двенадцатилетним копыа, но даже горцы не отправляют детей на войну и в бордели.

— Если бы я оставил все как есть и прошел мимо... — начал Данатос.

— Если мы начнем проходить мимо таких вещей, — подняла голову Феликса, — все вокруг станут, как Блод Беор. Я не хочу жить в мире, где постоянно происходят подобные вещи. Мы найдем девочке такое место, где ее не обидят. На материковой части Палании есть учебное заведение для чародеек, интернат для девочек. Маронда, помнишь, ты рассказывала?

Старая волшебница кивнула.

— Да, и правда, мысль хорошая. Учиться ее, конечно, не возьмут, а вот кухаркам помогать — запросто. Это будет уже не таверна, среди женщин ей ничего не грозит. Ринна, а ты, кстати...

— Ну уж дудки! — оборвала ее охотница. — На материк я больше не ногой. Женщины там, не женщины — решили к дьяволу в пекло, значит, решили. А ну как демон мой меня там сцапает, а? Смогут паланийские чародейки справиться с ним?

Феликса и Маронда переглянулись. Брисигида посмотрела на них и покачала головой:

— Я за то, чтобы Ринна осталась с нами. Только так можно наверняка обеспечить ее безопасность. Даже если паланийские чародейки совладают с демоном огня, Ринна при этом может не выжить.

Феликса согласно кивнула и снова уставилась себе под ноги.

— Добро, — Акыр хлопнул ладонями по коленям. Казалось, он повеселел от принятого решения. — К тому же, на материке можно будет докупить недостающий гематит. Вы ведь за ним к девкам пошли? Бусы их скупать?

Лаэрт и Данатос подтвердили, и оборотень передал Брисигиде добычу.

— Да, этого маловато, — жрица погрузилась. Ранжисона с любопытством заглянул ей через плечо.

— Ранжисона болван! — сардан картинно стукнул себя ладонью по лбу. — У меня тоже есть такие бусы, — признался он, нашаривая что-то в объемном кошелье. — Вот!

Он стал вытягивать из кошелья длинную нить черных, радужно поблескивающих пластин, как фокусник на ярмарке — платки из рукава. Нить была невероятно длинной, несколько раз обмотать вокруг шеи — и еще останется немалая дуга из овальных гематитовых пластинок. Брисигида смотрела на бусы, как на самое драгоценное сокровище.

— Невеста подарила свои бусы мне перед моим изгнанием, — признался сардан, — в знак того, что будет ждать. Это бусы из дара горы. Она будет счастлива, если узнает, что ее подарок защитил Ранжисону от демонов!

Брис всплеснула руками и порывисто обняла огромного сардана.

— С этим можно работать, — восхищенно выдохнула она. — Мы будем готовы через день-другой! Спасибо, дружище.

Ранжисона снова расплылся в своей сияющей улыбке.

Джамир уже несколько дней шел по тундре. Жажда становилась практически невыносимой. Пресная вода у него закончилась еще вчера. Он знал, что если не найдет источник воды, скоро начнет сходить с ума. Пока его выручало только то, что живность в тундре непуганная, охотиться на нее не слишком сложно.

Когда у него закончилась вода, он перестал жарить дичь. В сыром мясе больше влаги. Поначалу его тошнило от запаха крови. Мясо приходилось резать на мелкие кусочки — рвать сырую плоть зубами оказалось слишком тяжело. Целый день он заставлял себя проглатывать мясо и запивал его кровью. К вечеру он решил, что если на следующий день не найдет воды, то перестанет себя истязать.

Спал Джамир мало и очень тревожно. Ему снилась деревня в предгорьях, где он родился. Ощущение голода, постоянной жажды и усталости были родом оттуда — в Цитадели антимагов он привык к другим проблемам. Он снова видел себя в собачьей будке, но во сне рядом не сопел мохнатый пес, который позволял греться о свой бок. Проснулся Джамир еще до первого луча рассвета от невыносимого ощущения паники. Десны зудели немилосердно. Антимаг встал, оперевшись на древко глефы, и двинулся дальше.

Ближе к закату ему повезло. Он погнался за крупным оленем, но, конечно же, не догнал. Он и не думал, что догонит. Джамир просто увидел, что у оленя мокрые копыта, и рассудок антимага помутился. Придя в себя, он по оленьим следам доковылял до небольшого озера среди топких кочек в остатках желтоватого стланика. Там же, у озера, напившись и порадовавшись возможности есть жареное мясо, Джамир и заночевал. Утром он собирался

повернуть на запад.

Он уснул крепко, гораздо крепче, чем последние дни. И даже увидел сон.

Во сне он летел низко над зарослями карликовых деревьев и кустарника. Тундра расстилалась во все стороны, куда доставал взгляд. Тонкий убывающий месяц чуть заметно бликовал на поверхностях маленьких озер, которых становилось все больше и больше по мере того, как его несло над тундрой. Между всхолмий и низин вилась бледная золотая дымка, будто кто-то провел огромной лучиной по земле, оставив дорожку из прозрачного сияющего тумана. Золотистая ленточка вильнула, и Джамир увидел небольшой пролесок, а за ним — приземистый домик с дерновой крышей, едва заметный в ночной тундре. Домик-землянка скрывался за ползучими зарослями, но возле самой крыши в крохотном окне горел огонек — белый, нежный и трепетный, как летняя бабочка.

Наутро он проснулся свежим и полным сил. И двинулся дальше на юг.

Брисигида не заметила, как прошел день. Для зачарования гематитовых амулетов приходилось раскачивать их на длинных нитях, как маятники. Красные камни она распределила по импровизированным сосудам — глиняным и стеклянным пузырькам от мазей, притираний, зелий, а также по бутылкам и флягам от спиртного. Даже Кистень отдал для общего дела свою серебряную флягу с гравировкой в виде голой русалки, с печальным вздохом и жалобным лицом, но отдал. Каждый камешек был подвешен к пробке, пробки запечатаны воском, в итоге внутри сосудов камни как бы зависали в толще жидкости — отвара чертополоха, крапивы и полыни. Закупоркой занимались в основном Ринна, Цефора и Дина, как самые ловкие и аккуратные члены команды.

Гематитом Брисигида занялась позже. Феликсу к зачарованию она все-таки не допустила — боялась осквернить амулеты. Та, казалось, отнеслась к этому с пониманием, но очередное напоминание о смерти ее расстроило, и она снова отправилась шляться по берегу. Брис краем глаза успела заметить, как за ней потянулся Данатос, но не придала этому значения. Маронда помогала ей развешивать гематитовые маятники, но наводить чары отказалась наотрез.

— Довольно с меня чистюльной магии, — проворчала волшебница. — Мне распахивания щитов по бутылкам хватило. Втроем делали, а все равно умаялась. Терпеть не могу всю эту чехарду, уж больно к жречеству близко. А я в этом и так не сильна!

— Но я не справлюсь одна! — возмутилась Брисигида.

— А куда ты торопишься? — резонно заметила старуха. — Гонит тебя кто с острова? Отдыхай, спи, потом снова за работу. А будет скучно, я тебе на цимбалах сыграю. Я даже это делаю лучше, чем перенаправляющие чары.

— Может, зря я отказалась от помощи Феликсы? — засомневалась жрица. — И ее расстроила, и сама надорвусь...

— Не драматизируй, — фыркнула Наставница. — Как бы ее магия вместо перенаправления не начала притягивать демона. Ты же знаешь, как их тянет на мертвечину.

Брисигида вспыхнула.

— При всем уважении, гроссмейстер Маронда...

— Ой, все, — махнула рукой та. — Больно ты над ней трясешься. И над собой — тоже, причем когда не надо. Поработай над амулетами три-четыре часа и отдыхай. А я пойду соберу себе брусники с листом, что-то мочевой пошаливает...

Хрипло напевая что-то себе под нос, Маронда ушла от ее шатра и поковыляла в сторону

выхода из лагеря, оставив Брисигиду в одиночестве. Жрица вздохнула и принялась за работу, монотонную, нудную и изнуряющую. Теплый закатный свет окрашивал блики на гематитах в охру и багрянец. Брис невольно залюбовалась на их разноцветное сияние...

...И не заметила, как уснула мертвецки глухим сном без всяких сновидений. Ветер позвякивал заготовками-маятниками, убаюкивая ее, заставляя провалиться в сон все глубже.

Проснулась она в глубокой тьме на лежанке у костра, укрытая толстым шерстяным одеялом. Рядом с ней кто-то тихо играл на свирели; тренога с маятниками стояла рядом с ее шатром, накрытая мешковиной. Брисигида не спешила показывать, что проснулась — боялась смутить музыканта.

— У тебя дыхание изменилось, — свирель умолкла. Брисигида узнала голос Лаэрта и невольно вздохнула.

— Ты меня сюда перенес? Спасибо, — тихо ответила она. — Ты давно играешь на свирели?

— Научился, пока ты болела, еще в Бедеране, — так же тихо сказал Лаэрт. — У меня руки начинали дрожать, когда я видел тебя без сознания, — вдруг признался он. — Пришлось их чем-то занять. Я решил научиться чему-то, что могло быть тебе приятно.

Жрице вдруг стало нестерпимо жарко. Она порадовалась, что в темноте ее лица толком не видно. Брисигида всегда легко краснела. Самое неприятное — ей было нечего сказать в ответ.

— Я понимаю, — Лаэрт прервал повисшее молчание. — Мои попытки понравиться тебе наверняка доставляют уйму неудобств. Ты не должна отвечать, — он уже привык к тому, что она каждый раз не могла подобрать слов для своих мыслей о нем и его ухаживаниях.

— Ты стараешься понять, — быстро сказала Брис, — но ты знаешь не все. Ты ведь не можешь знать, что у меня в голове. Есть причины, по которым я не принимаю знаки внимания вообще ни от кого, никому не отвечаю взаимностью.

— Знаешь, что я понял, когда Феликса выпила мертвой воды тогда в пещере? — Лаэрт пересел с бревна к ней на лежанку. Брис помотала головой. — Что мое отношение к тебе не зависит от твоей взаимности. То, что ты меня не гонишь — уже огромная радость.

— Это единственное, что я могу, — выдавила Брисигида. — Но все равно — это как-то неправильно. Ты привык быть популярным среди женщин...

— Ты очень деликатно намекаешь на то, что я бабник, — усмехнулся Лаэрт.

— Важно не это! — Брис села и повернулась к нему. — Ну, то есть, я не могу сказать, что меня это совсем не волнует, — она запнулась. — Просто я не могу отделаться от ощущения, что лишаю тебя чего-то. Я чувствую себя виноватой.

Лаэрт в голос расхохотался. Из ближайшего шатра послышалось недовольное бурчание.

— Какая ерунда! — он широко улыбнулся. В темноте блеснули белые ровные зубы. — Строго говоря, ты тут вообще ничего не решаешь. Я имею в виду, — поспешно добавил он, — ты не можешь заставить меня относиться к тебе иначе. А значит, если кто и должен чувствовать себя виноватым, то только я. Хотя мне было бы немножко легче, если бы ты объяснила, почему избегаешь подобного рода... эээ... отношений.

— Если я объясню, ты начнешь со мной спорить, — Брисигида поджала губы. — Мне сейчас не до этого. Пойми, если Фель не вернется к нормальному состоянию, она не сможет заявить свои права на трон.

— Почему? — нахмурился Лаэрт. — Из-за того, что некромантия вне закона?

— Не только, — серьезно сказала Брис. — Технически можно доказать, что это не совсем некромантия. Другое дело, что мертвецы бесплодны. В Арделорее правителю нельзя восходить на трон, если он бесплоден. Она не сможет претендовать на трон на законных основаниях.

— Уговорить бы ее сначала, — фыркнул Лаэрт. — Помнишь, как она отреагировала? Сделала вид, что это ее не касается. Приказ императора, я имею в виду.

— Сначала она не хотела быть чародейкой, — усмехнулась Брисигида, — и вот она одна из самых многообещающих выпускниц. Теперь она не хочет править. Готова поспорить, она войдет в историю как великая императрица.

Бывший шпион хохотнул.

— Как насчет великого тирана? — пошутил он. Брисигида цокнула языком.

— Да ну тебя! — буркнула она. — Знаешь, когда-то я тоже думала, что таким, как она, нельзя давать в руки власть. Она так изменилась после переворота. После смерти родителей.

— Ты скучала по ней? — спросил вдруг Лаэрт. — Ты была ее единственной настоящей подругой, так?

— Наверное, — нерешительно ответила жрица.

— А она для тебя? Почему вы подружились?

Брисигида долго молчала. Вспоминала их знакомство.

— Тебе знакомо понятие дихотомии? — спросила она наконец.

— Конечно, — Лаэрт тряхнул головой. — Единство и борьба противоположностей. Я хорошо учился во время офицерской подготовки. И философию любил.

— Тогда ты должен понять, — грустно улыбнулась Брис. — Мне всегда легко давалось общение с людьми. Ей — тяжело. Я ненавижу драки, я ведь целитель. Для нее вся жизнь — сражение, а исцеляющая магия ей дается с невероятным трудом. Мы сошлись, потому что оказались очень разными. И потому всегда знали, какой реакции ждать друг от друга.

Лаэрт понимающе хмыкнул. Хотя их с Данатосом дружба зарождалась иначе, он знал, каково это. Он тоже мог во многом противопоставить себя Брисигиде.

— Знаешь, — он наклонился к ней и перешел на шепот, будто рассказывал тайну, — это ведь первый раз, когда мы разговариваем вот так.

— Так — это как? — так же шепотом спросила Брис.

— Как друзья, — Лаэрт закатил глаза. — Я к тебе не пристаю и не пытаюсь пошлить.

— А мне не приходится тебя осаживать, — прыснула жрица.

— Точно, — притворно вздохнул Лаэрт. — Придется немного нарушить эту идиллию.

Брис жалобно посмотрела на него, но он всего лишь достал из-за пазухи сверток с подарком.

— Давай договоримся, что это не в рамках ухаживаний, — осторожно сказал Лаэрт. — Я просто подумал, что эта штука тебе пригодится. Спокойной ночи.

Он оставил сверток рядом с Брис и ушел в темноту в сторону своего шатра. Брис развернула сверток. Зная Лаэрта, она думала, что там будет какое-то украшение или просто безделушка. Но подарок ее удивил. Это оказалась маленькая крепкая щетка для волос.

Брис вспомнила, как на корабле жаловалась, что никак не может расчесать волосы. Ее щетка осталась в их убежище в Бедеране, а с собой она взяла только костяной гребешок. У него зубья ломались, когда она пыталась им расчесаться. Лаэрт же не просто запомнил — он нашел на Гардйо точно такую же щетку, какую она потеряла. Даже лучше.

Брис так и уснула у остывающего костра под теплым шерстяным одеялом, сжимая в

руках новую щетку.

Под большим навесом у высокой скалы Феликса собрала всех на военный совет. Так она назвала их план сражения с Блод Беором и его небольшой флотилией.

— Корабли Беора держат курс с юга, — девушка расстелила большую карту Паланийских островов, добытую на Скьортальне. — Мы выманим его к восточному мысу Скьортальна и поведем сюда, — она указала на фьорд, где “Око Бури” прятался во время их последнего визита на остров. — Акыр?

— Все так, — кивнул капитан. — Мы успели изучить берега и воды в этом месте. Расположение скал и рифов позволяет маневрировать, и нам это будет делать удобнее, чем Беору, если ждать его между этими рифами, — горец отметил на карте две едва заметные точки. — Лоцманы Блода наверняка хорошо знают эти места, так что мы расставим им ловушки.

— Этим займусь я, — произнесла Маронда. — Больших усилий не потребуется. Подниму пару тонких скал со дна. Если повезет — на них напорется один из фрегатов или бриг. Шлюп для нас особой угрозы не представляет.

— Верно, — подтвердил Акыр. — Шлюпу достаточно снести мачту. Имперский фрегат, копию нашего, — капитан махнул рукой в сторону берега, — будем брать на абордаж. Если все пойдет по плану, мы захватим корабль целым. Лаэрт, вы продумали наступление?

— Да, — ответил тот. Он был очень серьезен. — Ранжисона и его парни будут управлять не только пушками, но и баллистами. Мы подготовили цепи для повреждения такелажа, книппели* и картечь. Я и Данатос пойдем в авангарде. Ринна высказала пожелание прикрыть нас, ей будет нужно место на верхней палубе с хорошим обзором. Или, возможно, будет лучше подготовить для нее марс.

Акыр и Феликса одобрительно закивали.

— Мы с Марондой пойдем с берега, — волшебница снова указала на карту. — По словам Акыра, самая высокая скала — здесь. Брис останется на борту, — жрица жестом выразила согласие, — для поддержки абордажной команды. А теперь самое главное, — она посмотрела на Акыра и Цефору. — Среди нас есть те, кто не может и не должен участвовать в бою. Я не хочу, чтобы Дина снова пострадала из-за разборок с Вольницей. За ней и Кассандрой должен кто-то присмотреть.

— Это хороший повод оставить на берегу Таджи, — прогудел Ранжисона. — Он хороший воин, но неопытный и вспыльчивый. Когда противник превосходит числом, нужна выдержка.

— Кроме Таджи неплохо бы оставить еще пару парней, — вмешалась Ринна. — Если кто-то доберется сюда, вид взрослых мужчин отпугнет их надежнее.

— Барьер восстановлен, но действует очень избирательно, — проговорила Маронда. — Так что перестраховка не помешает. Беор возит с собой магов?

— У него два ветродуя и пиромант, насколько мне известно, — ответила Рин. — Постой, восстановила барьер? Он и раньше был? Как тогда Мирхард попал сюда?

— Должно быть, проплыл сразу следом за Феликсой, — нахмурилась старуха. — Больше такого не повторится. Барьер пропустит тех, кто находился внутри на момент создания. И тех, кто их сопровождает, как Кассандра, — вздохнула она и почесала затылок. — Итак, два ветродуя и пиромант. Это все?

— Мне тоже известно только о троих, — подтвердил Кистень. — Разве что он нанял

кого-то еще в Бедеране.

Феликса несколько секунд смотрела на карту, потом добавила:

— Это не так важно. Больше одного мага после покупки корабля он не сможет нанять, услуги чародея в Кузуре стоят очень дорого, — она прикусила губу и решила: — Если заметите магов — нейтрализуйте их в первую очередь. Для защиты от пироманта мы с Марондой зачаруем вам одежду и обувь.

— У ветродуев, как правило, атакующий потенциал ниже, — согласилась Маронда. — Так что от них особую защиту ставить я смысла не вижу. Как мы заманим Блод Беора к нужному месту?

— Иллюзия, — предложила Феликса.

— Да, я думала об этом, — старуха оперлась рукой о стол, — но что-то мне подсказывает, что иллюзия не сработает. Мы привыкли к превосходству магии, но после последних событий пора что-то менять.

Фель сдвинула брови и посмотрела в центр карты. Наставница была права. Что, если маги пиратского лидера способны распознавать иллюзорные чары?

— Иллюзия внутри иллюзии, — сказала вдруг она. — Мы превратим один хороший корабль в два небольших и слабых. Даже если его чародеи поймут, что это иллюзия, они также узнают, что она показывает больше, чем есть на самом деле. Рин, как думаешь, это заставит Беора напасть?

— Вне всяких сомнений, — фыркнула охотница. — Как по мне, он и без всяких иллюзий за вашим кораблем погонится. К чему усложнять?

— Если он встречался с новым правительством Арделореи и бывал в Бедеране, — вместо Феликсы ответила Брисигида, — он может понять, кто мы такие, как только увидит корабль. Тогда он не станет просто гнаться за нами.

— Сперва он пошлет весточку своим новым друзьям, — подхватил Данатос.

— Иллюзия внутри иллюзии — неплохой план, — согласилась Маронда. — Их можно наслоить друг на друга, как шелковые подъюбки. Пока маг пробьет все иллюзии, эскадра уже будет в нужном нам месте.

— Осталось только встретить их к югу от Скьортальна, — проворчал Кистень. — Хотя вычислить курс будет не так уж сложно. В отличие от нас, Беор мог позволить себе плыть напрямую.

— Тебе виднее, ты ведь у нас штурман, — улыбнулся Акыр. — Надеюсь, у нас все получится.

Феликса тоже на это надеялась. Но не могла отделаться от ощущения, что они ловят дичь, которая слишком часто сама становится охотником.

Разумеется, Дине совсем не понравилось, что ее оставляли на острове.

— Я могу помочь, — канючила девочка. — Вы ведь все будете рядом. Я многому научилась!

— Ты научилась большему, чем я могла надеяться, — мягко ответила Феликса. — Ты уже однажды приняла удар на себя. Я бы не хотела, чтобы очередной Ксантрий тебя похитил, чтобы попытаться использовать твои силы.

— Все равно нечестно, — надулась Дина. — Я знаю, как сражаться.

— Кассандра не знает, — напомнила дочери Цефора. — С тобой ей будет спокойнее. И Таджи с вами останется.

Дина надула губы, но крыть ей было нечем. Они подружились с Касей за это время — несмотря на разницу в возрасте. Кассандре очень не хватало детства. И нормального человеческого общения.

— Ты слишком ценный член экипажа, чтобы так тобой рисковать, — Фель хитро прищурилась и улыбнулась. — Да и на кого еще можно оставить лагерь?

— Ты ей льстишь, — зашипел ей на ухо Акыр. Феликса отмахнулась, мол, главное, чтобы ребенок не остался обиженным.

— Так я за главную? — обрадовалась Дина.

— Главная по вопросам безопасности, — рассмеялась чародейка. — Хозяйственной частью заведует квартирмейстер Киттерс. Ты всегда можешь посоветоваться с ним.

Девочка вздохнула. Джереми Киттерс не отличался разговорчивостью, а Дина любила поболтать.

— Все самое интересное пропускаю, — вздохнула она наконец. — Хоть попутный ветер вам можно заколдовать?

Акыр цокнул языком.

— Ну что за неумный ребенок! — капитан покачал головой. — Не насиделась в мешке у пиратов? Ищешь новых приключений на пятую точку?

Дина насупилась и что-то пробурчала себе под нос.

— Ладно, — проворчала она вслух, — пойду помогу Касе с посудой. Займусь мирным девчачьим делом!

Девочка развернулась и поплелась в сторону ручья, у которого Кассандра отмывала сковороды и кастрюли.

— Вся в тебя, — резюмировала Цефора, насмешливо глядя на мужа. Акыр фыркнул, но спорить не стал.

Они ушли к своему шатру, а Феликса отправилась к Маронде — планировать атаку магическими средствами. Маронда собиралась поднять скалы с морского дна, почти так же, как это сделала Феликса в гавани Бедерана. Кроме того, она хотела зачаровать вещи моряков, чтобы им не мог навредить огонь пироманта.

Феликса не хотела признаваться себе, что боится предстоящего сражения. Когда-то в ее распоряжении был один из лучших линейных кораблей императорского флота — и лучшие люди. Военные, которые не оглядывались на то, что осталось на берегу. Сейчас она всерьез опасалась, что если что-то пойдет не так, Дина, Кассандра и Таджи останутся без их защиты. Ей еще не приходилось отвечать за детей, и теперь переживания и сомнения не давали ей ясно мыслить. На кону стояло нечто большее, чем ее собственная жизнь.

К тому же, ей еще не доводилось вести сражение с этой командой. Она доверяла Акыру и его офицерам, но все еще не знала, чего ждать от них в бою. У противника были превосходящие силы, а она едва ли могла прогнозировать, насколько хорош будет “Око Бури” для сражения.

Когда Феликса нашла наконец Маронду, та уже разговаривала о чем-то с Брисигидой, Лаэртом и Данатосом. Оборотень тепло улыбнулся ей. Брисигида скрестила руки на груди и косилась на Лаэрта исподлобья. Лаэрт размахивал руками и сумбурно пытался что-то объяснить.

— От меня будет больше толку на борту! — услышала Фель. — Я не слишком хорошо управляю этим, понимаешь? Мне крышу сносит, если я подпитываю кого-то другого!

— Вот об этом я тебе и говорю, дурья башка! — неожиданно резко рывкнула

Маронда. — Столько лет! Чем ты вообще занимаешься в канцелярии?

— Я специальный агент, я занимаюсь оперативной работой, — Лаэрт изобразил удар. — Иногда расследованиями. Канцелярия пристегнула бы мне какого-нибудь высокомерного мага, если узнала бы, что я проводник. Я и не распространялся особо! Так что понятия не имею, на что я способен.

— А я имею! — Маронда дотянулась до его головы и постучала по лбу указательным пальцем. Лаэрт отшатнулся, но старушка извернулась и схватила его за ухо, потянув к себе. — И мы никогда этого не узнаем, если ты продолжишь размахивать своим палашом!

— Это карабела, — буркнул Лаэрт, потирая ухо. — Хреновый из меня проводник. Я как-то пробовал подпитать одного мага, так мы оба в обморок упали. Хорошо хоть, он так и не догадался, что из-за меня.

— Но ты подпитывал меня и Брис, — нахмурилась подошедшая Феликса.

Лаэрт только развел руками.

— С Брисигидой и Данатосом у меня всегда получается, — сказал он. — Ну а тебе я не боялся навредить. Ты ведь нам все уши прожужжала, что уже мертвая и ничего тебе не будет...

Маронда переводила взгляд с Феликсы на Лаэрта, с него на Брисигиду и обратно на Лаэрта. Феликса знала этот ее взгляд. Она знала ответ на загадку и ждала, когда и до них дойдет. Чародейка терпеть не могла, когда Маронда догадывалась быстрее, чем она сама.

— Может, дело в эмоциональной связи? — предположил Данатос. — Мы лучшие друзья. Я много времени с ним проводил. Брис часто отправлялась с нами на задания.

— Это не объясняет, почему я не ощутила последствий взаимодействия с ним, — возразила Феликса. Разгадка была где-то близко. Девушка поймала на себе насмешливый взгляд Маронды — та ждала, когда она догадается. — Думаю, Лаэрт может больше, чем обычные проводники. Рискну предположить, что другой маг упал в обморок, потому что не сумел переработать огромный поток магической энергии. Либо у Лаэрта больше... эээ... как бы это назвать, — Феликса задумалась на несколько мгновений. — Пропускная способность? Да, наверное так. Либо он проводит энергию из какого-то невероятно мощного источника.

— Такого источника, где энергия концентрированная? — поняла Брисигида. — Первородная сила вместо разбавленной маны?

— Они на каком языке разговаривают? — возмутился Лаэрт. — Эй! Что со мной не так?

— Будь его пропускная способность слишком велика, — продолжила жрица, — он бы все равно рано или поздно научился это контролировать. Я не работала с другими проводниками, мне сложно сравнивать, — она хихикнула, увидев досадливо поджатые губы шпиона. — Извини, Лаэрт. Сейчас попробуем объяснить, как только сами разберемся.

— Согласна, — улыбнулась Феликса. — Судя по улыбке Маронды, мы рассуждаем верно, — Маронда тут же перестала усмехаться и сделала каменное лицо. — Мы с тобой черпаем силу в разных источниках. Ты — в божественной энергии. Я — из стихий, астрального мира или психополя. Чаще всего проводники работают с одним источником, но Лаэрт смог передать силу нам обеим.

— Я думала, это из-за его прежнего опыта, — призналась Брисигида. — Дани тоже использует божественную энергию для превращений.

— А Дина ничего не ощутила, когда я открыл канал, — сказал вдруг Лаэрт ошарашенно. — Я ее потом спрашивал...

— Вот и ответ, — воскликнула Феликса. — Дина — элементаль воздуха! Мы не знаем, откуда они заимствуют силу. Раньше думали, что из стихий, но эту теорию опровергли, когда элементали стали проявлять способности к другим видам магии. Слабо выраженные, но все же. Следовательно, единственное, что объединяет тебя и меня, но может не действовать на Дину...

— ...Наличие посредника между Сердцем Мира и оператором, — хором закончили они. Брисигида потрясенно умолкла.

— То есть элементали взаимодействуют напрямую с Сердцем? — удивился Данатос. — Но почему тогда Дина не почувствовала поток Лаэрта?

— Потому что к первоисточнику можно обращаться только напрямую, — ответила Маронда. — И никак иначе. Стихии, астральный план, божественная энергия — это инструменты, которые адаптируют чистую магию для использования. И Лаэрт тоже может выступать таким инструментом. Дина же инструментами пользоваться не способна.

— Сука, — бесстрастно прокомментировал Лаэрт. — Всё не как у людей.

Данатос хохотнул, глядя на побледневшего друга. Похоже, Лаэрт начал понимать, что все это время забивал гвозди астролябией.

— Не каждый маг способен управлять чистой магией, — продолжила объяснения Маронда. — Этому учатся только самые способные. В основном те, кто хочет в совершенстве освоить стихийную магию. Ты, моя дорогая, была из таких, к сожалению. Брисигида у нас — возлюбленная дочь Великой Матери Триединой. А Данатос, очевидно, возлюбленный сын.

— Вы способны работать с магией напрямую, без преобразования в ману, благодаря благословению высших сил, — пояснила Феликса. — Сборище уникамов какое-то...

— И только поэтому вы все до сих пор живы, — заворчала Маронда. — Чтобы это и дальше оставалось так, тебе, Лаэрт, стоит потренироваться работать с магами. За мной!

— Но...

— Никаких но! — отрезала старая волшебница. — Подумай-ка вот о чем: твоя поддержка не только даст нам сил, но и вырубит пироманта Блода Беора, если все сделать как следует.

— Мы с Данатосом работаем в паре, — предпринял последнюю попытку Лаэрт. — Так мы намного сильнее.

— Бестолочь! — повысила голос Маронда. — Полжопками что ли меня слушал? Тебе не нужно будет стоять с нами на берегу. Тебе нужно научиться увеличить область действия, чтобы зацепить и часть берега.

— И все? — захлопал глазами Лаэрт.

— И все! — передразнила его Маронда. — Разговор окончен. Вы двое — марш за мной. Лаэрт послушно поплелся за старой волшебницей.

— Ума не приложу, как она так быстро вычислила его особенность, — Феликса виновато посмотрела на Данатоса и его сестру. — А я и правда не почувствовала это тогда на корабле. Пойду наверстывать упущенное.

Она направилась следом за Лаэртом, снова чувствуя себя неопытной ученицей.

Маронда привела их на побережье. Ее гелиодоровая башня мягко светилась неподалеку.

— Снимай сапоги, — обратилась она к Лаэрту. — И все побрякушки с рук.

— Зачем? — Лаэрт скрестил руки на груди и слегка наклонил голову.

— Так тебе будет проще почувствовать магический поток, — ответила за Маронду

Феликса. Она знала, что наставница не утруждает себя объяснениями, если есть хоть малейший шанс, что ученик и сам догадается. Но ей не хотелось заставлять Лаэрта ломать голову — тот и так был взвинчен. — На морском побережье лучше всего чувствуется первородная магия. Встань босиком на песок, заройся ступнями, руки тоже погрузи в него как можно глубже.

— Терпеть этого не могу, — пожаловался юноша. — Брис всегда приходится лечить меня после подкачки.

— Подкачки? — не поняла Феликса.

— Я не знаю, как это правильно назвать, поэтому называю подкачкой, — Лаэрт опустился на нагретый песок и стал стягивать сапоги. — Когда тянусь к силе и открываю ей путь, направляю на мага... подкачка. Как с кузнечными мехами.

Он справился с сапогами и теперь снимал с запястий многочисленные браслеты из металлических и деревянных бусин, кожи и мелких костей. Феликса растирала запястья. Маронда тяжело опиралась на свой посох, ожидая, когда Лаэрт будет готов.

— Всё, — сказал он наконец. Он закатал штаны почти до колен, рукава рубашки — до локтей. Ступни по щиколотку зарылись в песок, руки — до середины предплечья. — Начинаю?

— Погоди, — спокойно сказала Маронда. — Сперва закрой глаза и прислушайся к своим ощущениям. Обычно ты неплохо предугадываешь намерения противников, не так ли? — Лаэрт кивнул. — Ты способен чувствовать окружающих тебя людей, только почему-то не обращаешь на это никакого внимания. Давай, настройся на меня или Феликсу.

Лаэрт опустил веки. Стоя на четвереньках с погруженными в песок конечностями он явно чувствовал себя неловко — Феликса видела это по напряженности его позы.

— Постарайся расслабиться, — посоветовала она. — Если будешь сопротивляться, ничего не выйдет. Тебе плохо от этих "подкачек", потому что ты все время сопротивляешься этой своей способности. Подумай о чем-нибудь приятном. О тех, кого любишь.

Лаэрт на мгновение открыл глаза, улыбнулся ей и кивнул. Феликса видела, как постепенно исчезло натяжение в спине и шее; проводник опустил колени на песок, и ему явно стало удобнее. Разгладилась морщина между бровями, дыхание стало ровнее. Он словно входил в транс.

— Так, — Маронда подошла к нему чуть ближе, всматриваясь в лицо. — Очень хорошо. Теперь попробуй мысленно потянуться к одной из нас. Лучше к Фель. С ней у тебя уже налажен контакт.

Феликса ощутила его попытки где-то на периферии своего сознания. Словно путник, заблудившийся в ночной тундре, он боялся сделать еще пару шагов. Где-то там, в темноте, его подстерегали коварные топи и голодные хищники, но он еще не мог довериться интуиции, шепчущей: вот он, безопасный путь. Иди смелее. Феликса бывала порой бесстрашна до безрассудства, и все же — она понимала эти ощущения. Магия казалась бездной, способной поглотить без остатка — и постоянно давала об этом знать тем, кто соприкасался с ней.

"Я здесь", — мысленно позвала она и призвала образ маленького светлячка, указующего путь. Лаэрт почувствовал ее зов и постепенно смог полноценно ощутить ее присутствие в пространстве его мыслей. Это было все равно что взять человека за руку. "Я тебя нашел!" — Феликса ощутила его облегчение и радость. Нашел! Смог!

Маронда не стала помогать ему, как Феликса, но после первого успеха Лаэрт

почувствовал в себе силы упорно добиваться необходимого результата. Найти Маронду у него получилось не сразу, но старуха все равно осталась довольна.

— Эмоциональные связи часто недооценивают, — пробурчала она, — а смотри-ка — на свою подругу ты настроился быстрее, чем на меня. Вот теперь можно поработать с потоком. Понял, зачем в песок зарываться?

— Понял, — ответил Лаэрт, — мне всегда на берегу это легче давалось. Особенно на песчаном. Приготовьтесь, пожалуйста.

Волна энергии обрушилась на обеих чародейек подобно штормовому валу. Как и прошлый раз, от Лаэрта исходило сине-фиолетовое свечение. Оно растекалось по его телу яркими чернильными кляксами.

— Остановись! — выкрикнула Маронда. — Это слишком много!

Проводник выдернул руки из песка и резко открыл глаза. Свечение в них гасло, постепенно бледнея. Он закашлялся и повалился на песок, скорчился от спазма. Но сознания не потерял.

— Ты пытаешься передать сразу все, что есть, — Маронда тоже едва отдышалась. — Все равно что дно у бочки вышибить! Неудивительно, что тебе сразу становится хреново. Ты ухаешь в силу с головой, а достаточно просто ее коснуться.

— Она как трясина, — захрипел Лаэрт. — Словно бешеный водоворот. Меня затягивает и уносит куда-то.

— Тебя уносит поток магии, который рвется через распахнутые настежь ворота, — вмешалась Феликса. — Попробуй приоткрыть створку чуть-чуть.

— Ох уж эти метафоры, — заворчал проводник. — Дайте мне несколько минут передохнуть.

Маронда и Феликса уселись на песок поодаль от него.

— Куда слила силу? — тихо спросила Маронда.

— На исцеление, — так же тихо ответила Феликса. — Если я хочу снова стать живой, о теле нужно заботиться. Кормить, заставлять работать дыхательную, пищеварительную, кровеносную системы. Выделительную — тоже. Это очень энергозатратно. А ты?

— Добавила к заряду башни, — сказала волшебница. — Что будешь делать с кораблями Беора?

— Ты хотела сказать, что мы будем делать, — Феликса выделила интонацией слово "мы". — Ты ведь не собираешься просто наблюдать после того, как поднимешь скалы под корабли.

— Точно, — Маронда не стала спорить. — Но я спросила тебя о твоих планах.

— Нужно лишить оба фрегата Блода Беора возможности маневрировать, — начала Феликса. Она уже думала о том, как эффективнее применить свои силы. — Ребята раздобыли очень неплохой стали. Запущу многоуровневую трансфигурацию с привязкой на себя — тогда я смогу легко повредить руль и часть такелажа.

— Стальная Гарпия снова взлетит? — усмехнулась Маронда. — Эти трансформации всегда негативно сказывались на тебе.

— В моем нынешнем состоянии бесполезно заботиться о чистоте крови, я ведь все равно обновляю ее каждый день, — угрюмо откликнулась Феликса. — Отравление металлом мне не грозит. Если повезет — выцеплю самого Беора. Без него пираты наверняка быстро потеряют боевой пыл.

— Я бы особо на это не рассчитывал, — подал голос Лаэрт. Он все еще говорил с

хрипотцой, но дышал уже ровнее. — Пираты редко бывают привязаны к своему лидеру. Боюсь, нам придется немало из них убить, прежде чем остальные сдадутся. Но вот что тогда делать с пленными? Нельзя, чтобы о нас узнали.

Он поднялся и сел, вытянув ноги. Лицо выглядело не румянее сметаны. "Как же он справлялся до этого? — подумала Феликса. — Может, его чувства к Брисигиде помогали ему сдерживать поток? Магия чутко реагирует на душевные порывы..."

— Пленных можно оставить здесь или на каком-нибудь другом мелком острове. Опоить сонным зельем, чтобы не сразу вспомнили, где и как оказались, — предложила Феликса. — Мне бы не хотелось быть излишне жестокой. Хотя перебить всех до последнего надежней.

— Оставить их на этом острове — все равно что привязать к заряженной пушке, — заметила Маронда. — Рано или поздно в поисках нас сюда доберутся антимаги. Когда башня рванет, на острове лучше не быть.

— Значит, сонное зелье и другой маленький остров, — равнодушно пожала плечами Феликса. — При условии, что у нас все получится.

— Получится, — тряхнул головой Лаэрт. — Давай попробуем еще раз.

Он снова зарылся ступнями в песок, опустился на колени и погрузил руки. Фель кивнула ему, и глаза Лаэрта стал заполнять сине-фиолетовый свет — уже не такой интенсивный, как прошлый раз. Чернильные пятна магического свечения снова начали расплываться, но не дальше ключиц.

Поток силы все еще ошеломлял своей мощью, но уже не грозил сбить с ног. Феликса наконец-то почувствовала силу как-то иначе: если раньше она ощущала ее как бурное течение реки, в котором едва ли возможно что-то разобрать, то сейчас она словно оказалась на берегу пруда. Чувствовались бьющие со дна ключи и движение жизни, и стало очевидно, что эта сила — сырая, необработанная, первородная. Чародейка могла только удивляться, как она сразу этого не поняла.

— Можешь еще ослабить? — спросила она Лаэрта. Юноша едва уловимо наклонил голову, подтверждая. Сияющие кляксы убрались с его шеи, а потом и лица — остались лишь горящие глаза. Тонкий ручеек магии теперь стало совсем не сложно переработать.

— Достаточно, — сказала вскоре Маронда. — Ты быстро схватываешь. Тебе ведь не составит сложности это повторить?

— Нет, — ответил Лаэрт через несколько секунд. Ему понадобилось время, чтобы полностью разорвать связь с источником магии. — Порой точное сравнение помогает больше, чем часы тренировок. Врата оказались хорошим сравнением, очень похоже на то, что я чувствовал. Спасибо, Фель.

Маронда искоса глянула на свою ученицу и усмехнулась. Когда-то Феликса заявляла, что хуже нее преподавателя и придумать нельзя и что никогда в жизни она не сможет никого ничему научить. С тех прошло всего несколько месяцев.

— Завтра попробуем увеличить область действия, — сказала Наставница. — Беор приплывет к Скьортальну послезавтра на закате. К этому времени мы должны быть готовы.

— Как скажешь, Маронда Премудрая, — сказал Лаэрт, сидя на песке с опущенной головой. Феликса видела, как с виска стекает крупная капля пота. — Если я усилю вас и не словлю обморок — это уже будет маленькая победа.

Следующий день все провели за приготовлениями. Ранжисона и его ребята проверяли запасы пороха и состояние баллист. Кистень смазывал механизмы в своем протезе, хитром

многозарядном арбалете и скрытых клинках. Матросня начищала палубу и проверяла состояние снастей. Акыр и Данатос гоняли офицеров и свободных матросов по такелажу, а после — отправляли в спарринг.

Маронда, Феликса, Брисигида и Лаэрт весь день провели на пляже. Гелиодорова башня постоянно сбивала Лаэрта с толку.

— Она как огромная свеча на торте в темной комнате, — пожаловался проводник. — Чувствую себя мотыльком. Все время тянет к ней.

— Ты же понимаешь, что тянуться к ней нельзя, — заметила Маронда.

— Разумеется, — фыркнул Лаэрт. — Может, мы пойдем на другой пляж?

— Тренироваться с помехой в радиусе действия будет намного полезнее, — мягко возразила Брисигида. — Ведь у Беора есть маги, и тебе придется подпитывать нас выборочно, чтобы не дать силы им.

— Сомневаюсь, что они будут полыхать перед моим внутренним взором, как факелы, — фыркнул Лаэрт. — Но правда твоя. Кто знает, какие сюрпризы способен преподнести старый пират? Не просто так же он подмял под себя островную часть Палании.

Феликса вздрогнула. Прежде ей не приходило в голову, что Блод Беор может оказаться не просто кровожадным разбойником, каким его видели Ринна и Кистень. Действительно, никто не мог толком сказать, как Блод пришел к власти.

— Конечно, не просто так, — согласилась Маронда. — И сдается мне, что без магии здесь не обошлось. Давай-ка еще разок — и закончим. Мы отойдем в лагерь, попробуй найти нас там. Заодно зачаруем команде одежду от огня.

Лаэрт уже не зарывался в песок. На этот раз он даже не закрыл глаз. Волшебницы ушли в лагерь, а Брисигида осталась с ним для подстраховки. Проводник уже намного увереннее прикасался к источнику магии и избавился от нервозности, которая мешала ему сосредоточиться. Рядом с Брисигидой он едва ли беспокоился из-за возможных последствий подпитки магией.

— Не помогай ему на этот раз, — предупредила Феликсу Маронда. — Ты же знаешь, как это работает.

— Я знаю, что это работает со мной, — улыбнулась волшебница. — Но он — не я. Не все бросают сами себе вызов.

— Долго же до тебя это доходило, — хмыкнула старуха. — Впервые вижу, чтобы смерть на кого-то влияла так... отрезвляюще.

— Мы с тобой обе знаем, что дело здесь не в смерти, — Феликса посмотрела на Маронду прищурившись. Та промолчала. Последнее время она все реже спорила со своей ученицей.

Лаэрт справился. Далеко не сразу и с большим усилием, но результат оставался стабильным. Феликса и Маронда зачаровали одежду всех моряков на двое суток. В обычном случае это потребовало бы колоссальных усилий, но с подпиткой проводника ни одна из волшебниц не почувствовала усталости. Сам Лаэрт, однако, был не в лучшей форме. Он больше не падал в обморок, но выглядел бледным и жаловался на головную боль и ломоту в мышцах. Брисигида здесь была беспомощна. Так камнепад ломает деревья и калечит травы — лишь со временем природа восстанавливается.

— Завтра отплываем, — сказала Феликса Брисигиде, как только та пришла с берега. Лаэрт еще оставался там. — Не могу себе объяснить, зачем мы в это ввязались. Но ведь и оставить все как есть нельзя, правда?

— Правда, — спокойно кивнула жрица. Она словно ждала этого вопроса. — Мне всегда казалось, что мы живем в каком-то легендарном королевстве, где неприятности только от опереточных злодеев и чудовищ. Некроманты, мутанты, фанатики странных сект... С обычными разбойниками боролся кто-то другой.

— Блод Беор — не обычный разбойник, — заметила Феликса.

— Но он человек, — попыталась объяснить Брисигида. — Нет, конечно, и те, с кем приходилось бороться Дани, были когда-то людьми. Все равно для меня это разные вещи. Некроманты не строят прибыль на малолетних и слабых. Они просто злые. Сектанты не заключают союзы ради власти — они сумасшедшие, помешаны на своих богах или демонах. Беор же... — она всплеснула руками, не сумев выразиться яснее.

— Он гораздо больше похож на нас, — договорила за нее Феликса. — Я понимаю, о чем ты. Некроманты перестают пугать на фоне соседа, избивающего жену и детей до потери сознания. Глядя на чудовище любой понимает, что оно — зло. А Беор может казаться обычным моряком, пока не наткнешься на одно из его... хмм... делишек.

— Ты уже сталкивалась с подобным, да? — Брисигида робко улыбнулась. — Ты у нас бывала. Тем удивительнее, что ты сомневаешься.

— Будь я на “Стальной Гарпии” с командой отчаянных храбрецов, как прежде, — хмыкнула Феликса, — я бы и не сомневалась. Но сейчас на кону так много... Дина нуждается в хорошем наставнике. Ринну нужно избавить от клейма демона. Кассандру — отвезти в безопасное место. А главное, этот чертов указ в твоей сумке! Ума не приложу, как это разгрести.

— Больше некому, — Маронда подошла, сопровождаемая звоном бубенцов на посохе. — В Славире устроили настоящую бойню. Из гроссмейстеров Веча в живых осталась только я. Возможно, архимейстеру Казимиру удалось бежать, но сама понимаешь — подтверждений этому нет и не будет, — старуха опустила на бревно у кострища, поправила желтую робу. — Дворянские роды вырезаны практически под корень. Среди них было слишком много магов...

Феликса села рядом с ней и взяла за руку. Маронда выглядела непривычно понурой, изможденной. Слово прошедшие годы разом согнули ее, иссушили и оставили один на один со старостью.

— Я слишком устала, — выдохнула наставница. — Мне пора на покой. Но сперва нужно привести дела в порядок. Вольницу давно пора поставить на место. Пока есть такая возможность, Беора необходимо устранить. Я и не думала, что влияние Вольницы простирается так далеко.

— Я ни разу не задавалась этим вопросом, — призналась Феликса. — А ведь должна была.

— Ты не так долго ходила на своем корабле, — Брисигида попыталась утешить ее. — Ты не единственная, кому следовало беспокоиться по поводу Вольницы.

Маронда посмотрела на жрицу и потеряла переносицу. Феликса вдруг поняла, что старая волшебница так и не обзавелась ни семьей, ни преемником. Феликса являлась ее единственной ученицей в последние годы, но едва ли приблизилась к мастерству наставницы. Маронду ведь ценили не за боевую магию и даже не за дар предвидения.

— Что уж тут говорить, если мы даже заговора у себя под носом не заметили, — покачала головой Маронда. — Я не заметила. Император не заметил. Полный состав Веча!

— Тайная канцелярия — тоже, — эхом откликнулась Брисигида. — Значит, нечего

было замечать. Новая власть говорит от имени сына императора, Аянира, но нет ни слова о его сестре. Эту революцию спланировали либо слишком давно, либо слишком близко к кругу Леветира.

— Твой фатализм меня поражает, — прежняя саркастичная Маронда снова подала голос, будто и не существовало усталой старой женщины. — Ладно. Завтра трудный день. Нам всем нужно отдохнуть как следует.

Она поднялась с бревна и пошла к шатру. Как только Маронда скрылась за пологом, Феликса задала Брисигиде давно мучивший ее вопрос:

— Оставим на время войнушки. Что происходит у вас с Лаэртом?

— А что происходит? — рассеянно отозвалась Брисигида. — Мы знакомы с ним несколько лет. Три или четыре года, наверное. Он мне как брат.

— Тебя он едва ли считает за сестру, хоть и бережет не меньше, — съехидничала Феликса. — Скажешь, что не понимаешь, о чем я?

Жрица открыла рот и тут же закрыла. Вдохнула, поджала губы и шумно выдохнула.

— Считаешь, что сейчас самое время обсудить это? — сказала она наконец.

— Ну, Данатос ни с одним из вас это не обсуждает, как я поняла, — продолжала веселиться Феликса. — А больше никто и не обращает внимания, насколько неровно Лаэрт к тебе дышит. И как холодна ты в ответ.

— Я не холодна! — возмутилась жрица. — Я просто... — она всплеснула руками, будто хотела жестом выразить то, чему не могла подобрать слов. — Просто есть дела поважнее, чем крутить романы, — прошипела Брисигида, переходя на шепот. — А сейчас вообще не до чувств! Я была при смерти, потом на нас напали антимаги, после мы плыли через логово древнего демона, а теперь планируем расправиться с пиратами!

— Но если бы всего этого не случилось, ты бы ответила ему взаимностью? — не сдавалась Феликса.

— Откуда мне знать, — жрица вспыхнула мгновенным румянцем. Даже у корней волос кожа покраснела. — Я жрица Триединой, а не любви! Я служу своей богине и ее детям, и нашему народу...

— Бла-бла-бла, — прокомментировала Феликса. — Непонятно только, как это мешает личной жизни.

Брисигида скрестила руки на груди.

— Так я и думала, — усмехнулась чародейка. — Очевидно, никак. Должно быть, есть еще какая-то причина, по которой ты игнорируешь его.

— Кого игнорируешь? — Лаэрт вынырнул откуда-то из зарослей неподалеку от шатров вокруг кострища. Он был весь в песке и репьях.

— Здравый смысл, — пошутила Феликса, почувствовав на себе обжигающий взгляд подруги. — Отмыть бы тебя, дружище. Зачем ты полез в эти кусты?

— Хотел сократить дорогу к лагерю, — пробубнил Лаэрт. Он похлопывал себя по бедрам, будто не знал, куда деть руки. — Зря я это, конечно, местность-то дикая. Ну, спокойной ночи!

Он сорвал с одежды несколько самых крупных репьев и скрылся в шатре.

— И этот что-то скрывает, — покачала головой Феликса. — Вы поссорились что ли?

— С чего ты взяла, — фыркнула Брисигида и дернула плечом. — Маронда права. Нам стоит как следует отдохнуть перед завтрашним рейдом. Спокойной ночи!

Брисигида развернулась и ушла спать. Феликса еще какое-то время сидела у кострища.

Она слушала звон тренировочных сабель и далекие крики Акыра и Данатоса: “Спокойнее! Руби! Подскок! Отступай!” Некоторое время она раздумывала, не присоединиться ли к ним, но в итоге решила, что тело сейчас проще беречь сном, чем магией.

Ветер неистовствовал. Феликса туго заплела волосы в косу, но та уже наполовину растрепалась на ветру. В поясной сумке и в двух плотных мешках у ее ног лежала лучшая сталь, какую смогли найти Данатос и Лаэрт на Гардйо. Слитки немного отличались по форме и размеру, но это было неважно.

“Око Бури”, сокрытый множеством иллюзий, одна поверх другой, уже ждал эскадру Беора к югу от Скьортальна. Феликса же занималась последними приготовлениями — созданием особого заклятия. Когда-то один мальчик из племени сардан дал ей прозвище. Когда она вернулась домой, это прозвище подарило ей идею заклятия Стальной Гарпии. Несколько месяцев она изучала формулы для трансформации, процессы преобразования, алхимические составляющие. В итоге она вывела ритуал, который позволял ей превратиться в неземное существо, продукт магии, алхимии и воображения.

— *Arno duin, sandano molten*, — нараспев произнесла Феликса. Слитки с металлическим гулом поднимались из раскрытых мешков в воздух и прилипали один к другому, объединяясь и сплавляясь. — *Ergo sum bellum, sungra mora cedare ferrotum*, — сталь серебрилась в закатных лучах, текучая, светлая. — *Boro de potecium, lehavere de vicia*, — она развела руки, повернула ладони вверх. Это помогало раскрыть тело и дух для металла, который она собиралась впустить в себя. — *Tottem mirta, miraklem!*

Сталь разлетелась на мириады сверкающих капель, которые тут же устремились к ней. Кожу обжигало с каждой каплей, проникающей под кожу. Сталь стала частью ее крови, продолжением ее самой. Теперь она могла творить с ней все, что угодно: снаряды, оружие — или цепи, кухонную утварь, украшения... Но Феликса звалась Стальной Гарпией. Воином, повелевающим металлом. Ей было нужно нечто большее.

— Травишь себя железками, — пробурчала рядом Маронда. — Мастер Торран говорил, что даже у метеоритного дождя меньше побочных эффектов.

— Мастер Торран так и не понял главного принципа преобразования, — ответила Феликса. Ее голос сильно изменился — он звенел и вибрировал, искажая звуки. — Подобное притягивает подобное, так? Алхимики знают, что металлы есть даже там, где мы их не видим: в яблоках и гранатах, в мясе, особенно печени, в некоторых орехах и главное — в нашей крови.

— Спасибо за лекцию, — съехидничала Маронда. — А то я-то молодая и глупая, ничего в этом не смыслю.

— Мастер Торран старше меня в три раза, а связи так и не уяснил, — прозвенела Феликса. Тело становилось очень, очень горячим от брожения магической реакции внутри. — Чем выше уровень железа в крови, тем легче переносится ритуал. Я ведь говорила ему об этом, — она усмехнулась, вспомнив тот спор. — Торран ответил, что алхимики — чудаки и шарлатаны, а польза от них только в зельях “Боевой пыл”.

— Неудивительно, — рассмеялась Маронда. — Те, кто достигает высот в боевой магии, не остаются преподавать. Торран — редкостный ретроград. И все же, напитывать металлом свое тело...

— Последствия есть, не спорю, — пожала плечами Феликса. — Но я и так каждый день очищаю организм от скверны и разложения, разгоняю кровь... заклинанием больше —

заклинанием меньше, мне без разницы.

— Можно подумать, ты не знаешь иной магии для боя, — продолжала ворчать старуха. Она растирала кисти рук специальным черным маслом, усиливающим проводимость для стихийной магии.

— Эй, это ведь ты предложила продемонстрировать Стальную Гарпию, — не выдержала Феликса. — А теперь сводишь меня с ума своим брюзжанием.

— Потому что мне надо побрюзжать, — невозмутимо ответила Маронда. — Я так завожусь перед сражением. Я старая больная женщина, не придирайся ко мне.

Феликса и без того понимала, почему Маронда гундит. Эта перепалка бывала у них каждый раз, когда им предстояло колдовать вместе. У Маронды было много привычек и ритуалов, сопровождающих все более-менее значимые действия и события.

— Паруса, — Феликсе становилось все тяжелее говорить. Голос наливался металлической тяжестью, а тело наоборот, становилось все легче — в ритуал входила магия левитации.

— Вижу, — кивнула Наставница. — Ждем пиратов.

Вскоре за парусами иллюзий “Ока Бури” показались несколько блекло-голубых силуэтов кораблей. Один был заметно крупнее. “Флагман Беора, — подумала Феликса. — Я бы не доверила никому новый корабль. Вряд ли он поступил иначе”.

Вместо величественного силуэта фрегата с латунной обшивкой чародейки видели две торговые шхуны с потрепанными парусами. Штурман Беора должно быть, страшно недоумевал, как эти развалюхи развивают достаточно скорости, чтобы уходить от них. Но вскоре иллюзия кораблей поравнялась с фьордом и замедлила ход. Корабли Беора подошли совсем близко.

— Пора, — решила Маронда. Ее руки, пропитанные черным маслом, взлетели в затейливом жесте. Свободная желтая роба взбухла огромным пузырем под порывом шквального ветра.

Маронда, как и любой маг, работающий со стихией, стояла в напряженной, строго выверенной позе: ноги широко расставлены и согнуты под прямым углом, руки параллельно земле. В отличие от Феликсы, Маронда колдовала плавно и мягко. Если Феликса действовала рывками, резкими взмахами, то Маронда тянула силу из недр земли потихоньку, ласково.

Один из двух отстающих кораблей Беора дернулся и остановился. Феликса при желании могла бы разглядеть, как маленькие человечки носятся по палубе и убирают паруса. Вглядываться было незачем: мгновением спустя второй корабль точно так же дернулся. Феликса посмотрела на один из фрегатом, но ее надежды не оправдались: судно грациозно развернулось, покинув прежний курс. Возможно, кто-то на борту почувствовал присутствие магии.

Маронда досадливо цокнула языком:

— Ну и пройдохи, — пробурчала она. — Просекли. Твой выход, дорогая.

Девушка кивнула, разбежалась и прыгнула с уступа — чтобы тут же взлететь. Конечно, это не был полноценный полет. Металл тяжело поддавался левитации, но сейчас он являлся ее частью. Ее тело уже завершило трансформацию: стало легким, как птичье, но при этом прочным, как сталь. За спиной появились два стальных крыла из перьев с заточенными краями — не хуже клинков. Крылья походили на ястребиные — или крылья гарпии, — и каждое перо в них несло смерть.

— Поворот! — Феликса услышала крик капитана пиратского судна. — Орудия к бою! Шевелись, черти поганые!

Это был старый фрегат Блода Беора, тот, на котором он плыл в Бедеран пополнять флот. Ей достаточно вывести из строя рулевых, штурмана и канониров, чтобы корабль больше не представлял опасности для ее соратников. "Снесу еще румпель и грот-мачту, — решила Феликса, — чтоб уж наверняка".

Гарпия спикировала на верхнюю палубу и выпустила несколько маховых перьев в штурвал и рулевого. Широкий клинок прошел между спицами колеса и вонзился в доски, заклинив руль. Еще одно перо чиркнуло по ноге рулевого. Тот лежал теперь под колесом штурвала, истекая кровью. Он попытался встать, опираясь на свою саблю, но не смог.

— Кажется, повреждена бедренная артерия, — проскрежетала Феликса, приземлившись. — Теперь ты умрешь.

— Выродок! — заорал пират. — Бестия! Он достанет тебя!

— Кто достанет? — любопытствовала девушка. — Беор?

— Нет, — оскалился рулевой. — Аспид. Он не терпит таких, как ты.

— Спасибо за предупреждение, — улыбнулась Феликса.

Но внутри у нее все похолодело. Блод Беор вез на борту антимага. Только они брали себе звериные прозвища. Нужно было скорее вывести этот фрегат из боя. К ней уже бежали вооруженные моряки. "Во главе черноволосый бугай в красном, — отметила она про себя. — Неужели сам Беор? Но кто тогда командует флагманом?"

Она выпустила несколько мелких перьев в атакующих. Пара матросов вскрикнули от боли, но не вожак. Вокруг него возникла сфера в густых алых бликах, и перья вспыхнули в ней. Волшебница распознала огненный щит. Как он справится со снарядами покрупнее?

Феликса взмыла вверх и с разворота прицельно метнула еще несколько перьев. Щит капитана заиграл дикой иллюминацией. Часть клинков оплавилась, но снаряды достигли цели. Блод Беор вскрикнул, и одновременно с ним заорали несколько матросов: у каждого из них появились раны и ожоги в тех же местах, где перья пронзили тело пиратского капитана.

"Вот ублюдок! — ужаснулась Фель. — Да он же маг! Маг крови..." Магия крови принадлежала к одной из запретных школ, основанных на некромантии. Ее приемы требовали жертвоприношений и усиливались от чужих увечий и боли. Она пользовалась популярностью среди работорговцев с юга Сарданафара и восточного побережья Тандара. Люди без магических способностей не могут сопротивляться магии крови. Даже Феликса, будучи боевой чародейкой, сомневалась в своей способности противостоять силе такой магии. К счастью, сейчас ее кровь насытил металл, так что использовать ее Беор не мог.

Оставалось предупредить Маронду. Феликса снова крутанулась в воздухе и выбросила перед собой сразу оба крыла, осыпав палубу внизу градом стальных перьев-клинков. В нее целились из мушкетов, так что пришлось взлететь выше. Она увидела "воронье гнездо" на мачте. Гарпия ударила крылом моряка, выбила его из "гнезда" и приземлилась на его место.

Феликса коснулась кулона-кристалла для связи с наставницей. "Здесь Беор, — она послала мысленный сигнал Маронде, как только кристалл потеплел. — Он маг". Маронда ответила мгновенно: "Нужна помощь?" Феликса задумалась. Она могла вывести корабль из строя, но не могла в одиночку сражаться с его командой, учитывая пироманта и мага крови. "Здесь нужен Дани, — признала она. — На втором корабле есть антимаг. Он опасен для абордажной команды. Лучше помощи им".

Феликса разглядела силуэт в желтом на уступе. На некотором расстоянии, чуть ближе к

устью рукава, сходились два похожих корабля: "Око Бури", уже сбросивший покров иллюзий, и новый пиратский корабль. Маронда обрушила на пиратов дождь огромных ледяных игл. На борту "Ока Бури" Феликса различила едва заметный сине-фиолетовый огонек — глаза Лаэрта. В тот же миг она почувствовала прилив сил, а потом увидела, как пошатнулся Блод Беор.

Она не могла позволить себе упустить момент и спикировала на пиратов в новой атаке. Моряки пригнулись, но целью были не они. Острые стальные крылья рассекли фалы, шкоты и брасы*, как осеннюю паутину. Гарпия развернулась и нанесла два мощных удара по гот-мачте. Та треснула, но устояла. Феликса развернула крылья горизонтально и прошлась по мачте еще раз. Мачта накренилась. Девушка увидела бегущих противников и толкнула накренившуюся мачту в их сторону. "Проверенный прием", — усмехнулась она. Одного из пиратов пришибло мачтой, еще двоих придавило реями. Несколько человек запутались в парусах.

Оставалось разобраться с канонирами. Феликса видела люк, ведущий под палубу, но проигнорировала его — слишком долго. Она взлетела и штопором ухнула на доски рядом с люком, ввинчиваясь острым краем крыла. Щепки разлетелись в стороны; доски трещали под напором пил из стальных перьев.

В облаке опилок и пыли гарпия провалилась на оружейную палубу. Крылья метались, рушили опоры, разбивали бочки с порохом и водой для охлаждения пушек. Канониры с криками и рычанием бросились на металлического монстра. Перья-кинжи беспорядочно полосовали атакующих. От раскаленного металла в крови Феликсе снова стало тяжело дышать, но и не думала останавливаться. Нужно зачистить корабль, пока не иссякла поддержка проводника.

Пушки весили слишком много. Она хотела вытолкнуть их за борт, но поняла, что не справится. В нескольких метрах от себя Феликса увидела большой запас пороха. Взорвать корабль сейчас — проще простого. Небольшой фитиль и огонек...

Кто-то пронзительно завизжал. Феликса дернулась на звук и увидела две тесных клетки. Они битком были набиты людьми — молодыми девушками и юношами. Многих из них полосовали свежие следы кнута. Рабы.

— Твари! — пророкотала Феликса с металлическим звоном. — Нелюди!

Крылья ощерились пиками клинков. Она развернула их во всю длину. С протяжным лязгом перья сталкивались с оружием пиратов. Сталь окрасилась багрянцем. Кровь и порох смешались, осев на металле темно-бордовыми, почти черными, кляксами. Моряки откалывали перья от основы — крылья стали почти на треть легче. Но и канониры с матросами оставались лежать на потемневших мокрых досках, мертвые — или покалеченные настолько, что встать уже не могли.

Поддержка Лаэрта иссякла. Феликса порадовалась, что успела расправиться с канонирами до того, как закончился приток силы. Она победно заклекотала, расправив остатки перьев.

В следующее мгновение в пролом спрыгнули Блод Беор и высокий мужчина в багровой мантии.

— Почему они не стреляют? — нервничал Кистень. — Чего медлят?

— Не хотят повредить трофей, возможно, — с сомнением протянул Данатос. — Они ведь уже видят настоящий корабль, а не иллюзию. Два современных быстроходных корабля

все же лучше, чем один.

— Тогда бы стреляли по такелажу и картечью, — не унимался Кистень. — Ставлю свою ногу — они готовят какую-то пакость.

"Око Бури" уже остановил свой ход, сделал разворот и палил из всех пушек картечью. Тут и там вспыхивали щиты огненного мага. Еще несколько выстрелов — и щиты потеряют силу.

— Смотрите! — заорал Кайл из "вороньего гнезда". — Вот она! Это Феликса!

— Стальная Гарпия! — заорал Данатос.

— Стальная Гарпия! — подхватили Кистень и Акыр. Вскоре вся команда скандировала ее прозвище.

— Да уж, — усмехнулся Лаэрт. — Есть на что посмотреть.

Женский силуэт с огромными крыльями хищной птицы сверкал огненными вспышками в закатных лучах. Будто невероятных размеров ястреб, она атаковала второй фрегат. Блики перьев подсказывали, где сражалась гарпия. Вскоре она высоко взлетела и сбросила с обзорной площадки пирата.

— Сейчас атакует Маронда, — напомнила им Брисигида, заворуженно глядя на металлический блеск застывшей гарпии. — Самое время им помочь.

Лаэрт кивнул, опустил на несколько секунд веки. Когда он открыл глаза, те уже наполнились пронзительным сине-фиолетовым сиянием.

Следующий залп картечи уже не встретил сопротивления. Следом паруса прошли ледяные иглы — заклятие Маронды. Еще мгновение, и корабли сошлись на расстояние абордажа.

— Баллисты готовься! — пробасил Ранжисона.

— Крючья! — заорал капитан.

— Пли!

— В атаку!

Данатос перемахнул через оба борта еще до того, как сошлись корабли. Огромная золотистая пума покрылась коричневыми полосами и обзавелась парой витых рогов. Такая форма требовала магической подпитки, зато помогала сопротивляться магическим повреждениям. Рогатая пума ловко маневрировала между исполинскими ледяными иглами, торчащими из палубы вражеского корабля. На некоторых Дани заметил следы крови. Эти иглы пришили моряков к палубам, как бабочек для чудовищной коллекции.

Бойцы Беора проявляли чудеса храбрости. Они бросались на оборотня с саблями, словно его монструозный размер, клыки и когти ничего не значили. Вскоре причина их смелости очень просто объяснилась: над рядами пиратов, вооруженных пистолетами и ружьями, на марсе стояла фигура в черно-белом плаще с капюшоном. Вокруг марса не было ни одного ледяного конуса. Антимаг целился в Дани из длинного ружья. Данатос вспорол когтями доски палубы, уходя с линии огня. Пуля расколола доску там, где он стоял.

— Не нравится мне все это! — ворчал Кистень, перезаряжая свой арбалет. — Етить твою мать!

Одноногий штурман отшатнулся от светящейся руническими знаками окружности, повисшей прямо перед ним. Ее центр вспыхнул волной белого света, и из портала на палубу шагнула Маронда.

— На корабле антимаг, — выпалила она. — Лаэрт, у нас мало времени. Мы должны

расправиться с ним в первую очередь.

— А как же Феликса? — ахнула Брисигида. — Ты ведь должна быть с ней. Она останется одна против целой команды!

— А ты глянь на корабль! — усмехнулась волшебница.

На втором фрегате со скрипом рухнула грот-мачта. Отливающий сталью силуэт метнулся вверх и тут же обрушился на палубу.

— Мы поможем ей позже, — отрезала старая наставница. — Она предупредила об антимаге. Ну же, девочка, давай, ставь щиты, готовь свои заклятия, не стой столбом.

Брисигида оторвала взгляд от второго корабля и зашептала молитвы, сложив руки на груди.

Маронда удовлетворенно кивнула и стукнула посохом о палубу. Бубенчики издали тонкий мелодичный звук, и от них заструился поток бело-золотых светлячков. Они вели на вражеский корабль.

— С магами тоже надо бы разобраться, — буркнула себе под нос чародейка и резво двинулась к фальшборту.

Блод Беор, крупный мужчина с черной бородой, смотрел на Феликсу из-под сросшихся кустистых бровей. Второй мужчина, несомненно, маг, скорее всего — пиромант, стоял за ним. Феликса могла только надеяться, что ей хватит сил сдерживать их обоих до того, как придет помощь.

— Любопытно, — прохрипел Беор. — Экую птицу к нам тут занесло. Я было подумал, что ты — чудовище... — он оскалил крупные желтые зубы. — Но сейчас я чую твою кровь, девка. Дурная кровь. Мне такая не по вкусу.

Алый кафтан оказался пробит и обуглен в нескольких местах. Однако следы крови отсутствовали. “Небось все вытянул из своих ребят, никого не пожалел, — Феликса стиснула зубы. — Гребаный кровосос!” Она выставила оба крыла вперед, растопырив маховые перья.

Пиромант крикнул и выбросил в ее сторону обе руки. Пламя вырвалось из них широкой спиралью, едва не ослепив ее. Феликса сбила огонь одним крылом, вторым махнула параллельно палубе. Беор прыгнул под крыло и поднялся на ноги прямо перед ней. Новая вспышка пламени мелькнула справа, и Феликса припала на колено, закрыла себя коконом крыльев. Пламя прорвалось там, где перья откололись, опалило лицо и руки.

Чародейка закричала от жара. Раскаленный металл внутри и огонь снаружи — так она могла бы чувствовать себя в преисподней. Феликса не выдержала и исторгла из себя весь металл. Перья брызнули от нее смертоносным веером. Капли жидкой стали на мгновение повисли сверкающим туманом — и опали серебристой лужицей.

Чародейка оглянулась на противников. Пироманта отбросило к борту двумя маховыми перьями. Одно торчало чуть выше паха, второе пробило шею. Но ран на теле виднелось куда больше. Мантия и рубашка насквозь промокли и окрасились багрянцем. Феликса снова огляделась в поисках Беора, но увидела только несколько окровавленных стальных перьев. Кровь стекала по ним к Феликсе, хотя перья ровно лежали на досках...

Она обернулась слишком поздно. Беор вцепился ей в горло и поднял на вытянутой руке.

— Долеталась, птичка! — оскалился пират.

Феликса согнула ногу в колене и дотянулась до голенища. В глазах темнело. Блод Беор держал во второй руке саблю с широким клинком; лезвие коснулось ее живота и врезалось выше, выше, выше...

Последним усилием Феликса воткнула Беору под подбородок длинный узкий кинжал. Убило его это или нет — она уже видеть не могла. Она даже не почувствовала, как острие его сабли вышло у нее между лопаток.

Маронда всегда действовала тонко. Дерущиеся моряки даже не заметили маленькую старую женщину с посохом, деловито снующую между ними. Щит, наложенный Брисигидой, надежно охранял ее от случайных ударов. Волшебница на ходу ставила пиратам колдовские подножки, вызывала икоту, спазмы и прочие мелкие недомогания, которые здорово помогали команде “Ока”. Прямо перед ней, повинувшись звону лагунных бубенцов, громко чихнул матрос-пират. Противник тут же проткнул его саблей. Маронда перешагнула через тело, едва заметно вздохнув.

Краем глаза она видела сражение гигантской пумы и антимага в черно-белом одеянии. Марсовую площадку повредило одним из книппелей, и стрелку-ассасину пришлось спуститься на палубу. Рогатая кошка изворачивалась всем телом, избегая ударов и выстрелов асассина. Тот норовил отойти подальше и выстрелить из очередного орудия. Пума настигала его в один прыжок, отскакивала от клинка, и все начиналось по новой.

Сама Маронда опасалась подходить к антимагу. Колдовское чутье указывало на плотную защиту от магии, а значит, она бессильна против него. Здесь нужна боевая магия, взаимодействие с окружением — в этом Маронда была не сильна. “Стальная Гарпия, вот кто здесь нужен, — невольно подумала Наставница. — Но она, увы, занята другим. Если Данатос не словит снаряд крупного калибра, у него будет шанс”.

Чародейка собиралась отыскать на корабле ветродуя. Он оказался куда искуснее плененного Ксантрия и вполне мог устроить команде с “Ока Бури” серьезные проблемы. Она обещала позаботиться о нем и собиралась свое слово сдержать.

— Берегись! — услышала она крик.

Прямо на нее летела мачта с поднятыми парусами. Маронда сделала шаг под паруса и произнесла простенькое заклинание, волшебный клинок. Он вспорол парус. Парусина опала вокруг Маронды сероватым полотном. Слева послышался недовольный рык: похоже, мачту каким-то образом свалил антимаг, чтобы лишить Данатоса подвижности. Черно-белая фигура мелькнула возле реи, достала пистолет...

— Да прям! — фыркнула Маронда и выставила обе руки в сторону асассина.

Два тонких каната бросились к антимагу, как ядовитые змеи. Один обвил запястье, и рука с крупнокалиберным пистолетом дернулась вниз. Второй незаметно обмотал ноги. Асассин попытался сделать шаг и упал.

У обломка упавшей мачты Маронда увидела наконец ветродуя. Он тоже ее заметил и уже плел какое-то хитрое заклятие. Чародейка не стала мудрить: еще один канат обвил магу шею. Тот пытался разрезать его заклятием. Маронда заставила щепки из остатков мачты впиться ему в ладони. “Попробуй, поколдуй с окровавленными руками в занозах, — злорадно подумала она. — Хотели обыграть старушку Маронду? Надо было придумать что-то получше!”

Посиневший ветродуй упал на палубу. Маронда брезгливо отряхнула руки и вдруг дернулась от боли. Боль казалась несильной. Волшебница подумала, что наткнулась на торчащий гвоздь или щепку, но встретилась глазами с антимагом. Правую руку всё так же связывал канат. В левой он держал дротик с каким-то зельем.

Второй такой же торчал у Маронды в бедре. Магические барьеры не спасают от оружия,

обработанного зельями по рецептам ассасинов-антимагов.

Чародейка подняла юбку и бросилась бежать обратно на “Око Бури”.

— Лаэрт! — заорала она на ходу. Голос предательски сорвался. — Лаэрт! Выключай шарманку! Меня подстрелили.

— Что? — испугалась Брисигида. — Как подстрелили? А барьер?

— Антимаг, — коротко бросила старуха, сиюсь отдышаться. — Данатосу нужна помощь.

— Присмотрите за Брисигидой, — попросил Лаэрт. Он обращался к Кистеню и Ринне стоявшей на капитанском мостике.

— Я присмотрю, — кивнул Кистень. — Девочке пора забраться повыше.

— Девочка и здесь неплохо справляется, — поджала губы Ринна. — Но ты прав, старик. Ветроудей еще жив?

Маронда поехала. Лаэрт как раз закрыл глаза и прервал поток силы. Она тут же стала зябнуть, хотя и так лишилась магии на какое-то время из-за дротика ассасина.

— Нет, — ответила она. — С этим все кончено.

— Тогда проблем не будет, — уверенно заявила Рин и ловко полезла по канатам и рангоуту наверх, на марсовую площадку.

Лаэрт перемахнул через фальшборт и прыжками пробирался между дерущихся моряков. Защитное заклятие Брисигиды висело и на нем, но против антимага оно не поможет. Зато оно оберегало его от мушкетных выстрелов. Команда “Ока Бури” почти не пользовалась огнестрельным оружием — только канониры и Ранжисона могли похвалиться богатым арсеналом. Зато противостоящие им пираты Беора уже успели расстрелять все свои запасы пороха.

Данатоса нигде не было видно. “Странно. Такой туше едва ли можно спрятаться на корабле, — забеспокоился Лаэрт. — Разве что...” Он быстро понял, что произошло. Рядом с упавшей мачтой сражался ассасин в черно-белом — сразу с шестью противниками. В одном из них он узнал темнокожего гиганта с белыми татуировками, Ранжисону. В одной руке сардан держал тяжелый мушкет незнакомой Лаэрту конструкции, в другой — огромный серповидный клинок. Клинком Ранжисона атаковал антимага, а мушкетом пытался бить, как дубинкой — судя по всему, он уже сделал выстрел и теперь не мог найти момент для перезарядки.

Лаэрт на ходу скинул из рукава в ладонь метательный клинок и бросил его в антимага. Ассасин перехватил его полой короткого плаща. Он улучил момент и выстрелил Ранжисоне под колено из маленького пистоля. Сардан упал, перекатился и встал в нескольких метрах от него. Он выронил свой мушкет и теперь отступал под натиском узкого клинка. Остальные пятеро, которые пытались достать ассасина, уже не могли сражаться. Лаэрт мог только надеяться, что кто-то из них еще жив и просто без сознания.

— Ранжисона, в сторону! — рявкнул агент, доставая из второго рукава еще один кинжал.

Сардан отшатнулся и бросился на землю ничком. Кинжал свистнул над плечом антимага у самого уха и сдернул с того капюшон. На лице ассасина промелькнуло удивление. Лаэрт подскочил к нему, уклонился от удара и рубанул карабелой снизу вверх, метя в подмышку. Антимаг вывернулся, достал из хитрой кобуры небольшой пистоль и прицелился в Лаэрта. Он успел подбить руку антимага с зажатым оружием и нанес удар

сверху. Противник отпрыгнул, перекатился и снял со спины тяжелый капсюльный револьвер.

— Такого даже у меня на вооружении не было, — присвистнул Лаэрт. — Дашь погонять?

Вместо ответа ассасин выстрелил. Лаэрту пришлось приближаться к нему дикими прыжками по зигзагообразной траектории. Антимаг палил по нему гораздо чаще, чем любой другой стрелок. Наконец агент кувырком выкатился к нему, поднялся и махнул антимагу по ногам. Тому снова пришлось достать клинок.

Они прыгали, уворачивались и атаковали, падали и перекатывались. Лаэрт не сомневался в силе и ловкости противника — и вовсе не был уверен, что знает, как его одолеть. Он устал от перекачки магической силы и не мог надеяться измотать противника.

— Хоть бы слово сказал, — рассмеялся он в лицо антимага при очередном парировании. — Я ни с одной девушкой столько не танцевал!

Лицо ассасина покрылось жарким румянцем. “Э! Да это ж девчонка, — сообразил Лаэрт. — То-то глазищи такие большие и щеки гладкие совсем. Хрен поймешь по ним — лысые же...” Он увидел широкую доску, упавшую поперек мачты: стрелки Ранжисоны продолжали сбивать рангоут и очень удачно задели кусок фальшборта, так что он упал на мачту. Лаэрт стал отступать к этой доске. Убийца следовала за ним, неустанно нанося удары.

Когда он оказался на дальнем конце обломка, а ассасин — на противоположном, Лаэрт спрыгнул с доски. Без его веса на противоположном крае легкая девчонка не смогла удержать равновесие и упала. Он тут же пнул доску и встал на нее так, чтобы антимага придавило другим краем к палубе.

— Еретик! — плюнула девушка, пытаясь достать из кобуры новый пистоль. Лаэрт заметил такие маленькие кобуры, закрепленные в разных местах на ее одежде. — Поганое отродье!

— Я тоже рад знакомству, — скривился Лаэрт. Девушка могла бы быть симпатичной, если бы не злобная гримаса и уродливая татуировка на виске.

Он вложил карабелу в ножны и свернул ей шею.

— Ты в порядке? — Данатос услышал знакомый голос сквозь пелену зелья. Дротик антимага оказался пропитан чем-то, что блокировало магию. На оборотня оно подействовало как снотворное или сильный удар по голове. — Эй, брат!

— Могло бы быть и лучше, — прохрипел Данатос. Раздался звук рвущейся ткани, и он увидел перемазанное кровью и порохом лицо Лаэрта. — Где Феликса?

Лаэрт плюхнулся на палубу, вытянул ноги и склонил голову.

— Лаэрт? Ты знаешь, где она? — повторил оборотень.

— Маронда сказала, что потеряла с ней связь, — вздохнул Лаэрт. — Нам нужно обезвредить остальные корабли. Второй фрегат Беора она вывела из строя. Его пушки ни разу не выстрелили, — рассуждал он, — значит, она устранила канониров, как и планировала.

— Пироманта не было здесь, — протянул Данатос. — Равно как и капитана. Мы ошиблись.

— Скорее всего, они плыли на том корабле, — Лаэрт махнул рукой в сторону фрегата с переломленной мачтой. — Надо придумать, как туда попасть побыстрее.

Лаэрт поднялся и протянул Данатосу руку. Оборотень благодарно улыбнулся и принял помощь друга. Голова все еще кружилась после антимагического зелья.

Палубу завалило обломками такелажа. Большинство пиратов сложили оружие, когда погибли офицеры, шкипер и ассасин-антимаг. Впрочем, выживших оказалось не так уж много: после того, как Маронда прошла по палубе, пираты потеряли много своих. Так что после гибели антимага все кончилось практически в один момент.

— Готовьте шлюпку, — Акыр уже командовал на "Оке Бури". — Расцеплять корабли слишком долго.

Горца ранили дважды: правая рука беспомощно свисала вдоль тела, рукав пропитан кровью. В левой ноге чуть выше колена торчал арбалетный болт. Акыр заметил взгляд Данатоса и посмотрел на свою ногу.

— Этим займется Цефора, — буркнул он и зашипел, выдернув из ноги болт. — Вы двое, Брисигида и Маронда наверняка хотите узнать, что случилось на втором корабле. Ранжисона с парнями поплывет на второй шлюпке.

— А с нами? — нахмурилась Маронда.

— С вами поплывет Кистень и полтора десятка моих парней, — фыркнул Акыр. — Или хочешь сама грести?

— Ишь, развыпендривался, — поджала губы волшебница. — Я слишком стара, чтобы пикироваться с надменными горцами.

Акыр широко улыбнулся. Он явно получал удовольствие от мелких перепалок. К нему уже спешили Цефора и Брисигида. Жрица была бледной и сосредоточенной, Цефора наоборот, вся раскраснелась и явно нервничала. Перед тем, как сесть в шлюпку, Брисигида взяла руки Цефоры в свои, закрыла глаза, зашептала себе под нос. Потом вручила ей баночку из поясной сумки и уселась на скамью. За ней разместились и остальные: Маронда, Кистень, Ринна, несколько офицеров и матросы.

— Спускайте на воду, — скомандовал Кистень, когда все погрузились в шлюпку. — Э! А это еще что такое?

Харм сидел у ног Ринны, высунув язык. Пес весь измазался в крови, но явно не в своей. Под прикрытием хозяйки он устроил настоящий погром на нижней палубе вражеского корабля. Команде "Ока" было проще простого расправиться с пиратами, которых появление огромного пса и сыплющихся с небес стрел явно сбilo с толку.

— Харм — прекрасный боец, — невозмутимо ответила лучница. — Нам снова предстоит драться, так что он будет не лишним.

— Ну и пес с вами, — буркнул штурман. — Лишь бы лодку не опрокинул.

— Харм! — Рин положила руку на загривок пса. — Будешь послушным мальчиком?

Пес утробно гавкнул и положил голову ей на колени.

— Чего угодно я ожидал, но только не этого, — присвистнул Лаэрт, глядя на трупы пиратов по всему кораблю. — Это что вообще за хрень?

У каждого второго моряка под подбородком они увидели одну и ту же рану, будто кто-то ударил тонким клинком снизу вверх. У других были раны от стальных перьев. Ни Феликсы, ни признаков того, что здесь кто-то остался в живых, они не нашли.

— Вынуждена признать, что даже я не могу ответить на такой вопрос, — мрачно отреагировала Маронда. — Впрочем, хрень — понятие обширное. Даже не знаю, что именно ты имеешь в виду: то, что мертвы поголовно все, или то, как они умерли?

— Огромная дыра в палубе вообще никого не смущает? — возмутился Кистень.

— Это как раз по плану, — вздохнула Брисигида. — Дани, будь так любезен...

Данатос помог сестре спуститься по разломанным доскам и спрыгнул вниз сам. Следом за ним внизу оказались Рин и ее пес. Харм тут же прижал уши и угрожающе зарычал.

— Да, брат, мне тоже этот запах не по душе, — дрожащим голосом отреагировала охотница. — Не говоря уже о зрелище.

В луже застывающего металла и спекшейся крови лежали две фигуры. В одной из них они узнали Феликсу. Противник надел ее на клинок, как кусок шашлыка: острие вышло у нее со спины в районе лопатки. Вторую едва можно было опознать. Из-под подбородка у него торчала рукоять длинного кинжала — того самого, который Феликса всегда носила за голенищем.

— Это Блод Беор, — сказала подошедшая Маронда.

— Да, это точно он, — Ринна осеклась. — О боги. Я была так уверена...

— Мы все с тобой согласились, — прошептала Брисигида. — Мы все думали, что он всего лишь пират. Жестокий и страшный, но все же.

— И я тоже считал, что он поплывет на новом корабле, — растерянно проговорил спускающийся Кистень. — Как он вообще это скрыл? Маронда? Ты знаешь, что здесь могло произойти?

Чародейка пожала плечами и вопросительно посмотрела на Брисигиду. Жрица без всяких сомнений подошла к Феликсе. Данатос пошел с ней.

— Она мертва, — глухо сказал он. — Не могу поверить...

— Она и до этого была мертва, — в голосе жрицы слышалась дрожь. — Помоги мне. Держи ее.

Оборотень опустился и сел на пятки, положив голову Феликсы себе на колени. Брисигида сглотнула, шумно выдохнула и потянула за рукоять сабли, торчащей в теле волшебницы. Клинок высвободился с мерзким чавканьем. На нем осталась темно-коричневая жижа, едва ли напоминающая кровь. Жрица отбросила оружие, будто скорпиона.

— Только бы не оказалось слишком поздно, — прошептала себе под нос жрица и вытянула руки над раной. Она зашептала молитвы, призывая все доступные ей силы, и ладони окутало теплое желто-оранжевое сияние.

— Это займет какое-то время, — выдавил Лаэрт, не отрывая взгляда от Брисигиды, неустанно шепчущей молитвы и мантры. — Когда меня здорово потрепали, Брис потратила не меньше получаса, чтобы я мог хотя бы глаза открыть.

Маронда обошла блестящий металлический круг, глядя на тело Беора. Она легонько постучала посохом по полу, и от него разбежались едва различимые волны, словно вода разлилась. Коснувшись тела Беора, волна забликовала багровым светом.

— Маг, как и сказала Феликса, — вздохнула чародейка. — Давненько я с таким не сталкивалась. И вообще никто не сталкивался. Беор был сангромантом.

— Кем? — не понял Кистень.

— Что это значит? — нахмурилась Ринна.

— Он маг крови, — мрачно пояснил Лаэрт. — Связан кровными узами с командой, очевидно.

— Они все — его родственники? — недоверчиво хмыкнул Кистень.

— Не те узы, — фыркнул агент. — Магические узы крови. Они получают раны вместо него. Получали, то есть...

Ринна подошла к телу в багровой мантии, распростертому на борту. В нем торчали стальные перья, но ран было куда больше. Харм обнюхал тело и коротко гавкнул.

— Похоже, этого тоже заколдовал Блод Беор, — Маронда тоже подошла к телу. — Судя по знакам на мантии — это пиромант. Из секты Инсендаре Муэрте. Есть такая где-то на западных материках... — она брезгливо приподняла край мантии. — Наверняка считал Беора каким-нибудь святым или избранным Огненной Смерти. Кстати, именно их секте приписывают рецепт яда из цветов Черного Пламени.

— Он все о нас знал, — вздрогнул Данатос. — Он давно сговорился с повстанцами!

— Моя вина, — Ринна прикусила губу. — Это я убедила вас, что на него стоит напасть.

— Только после того, как я привел Кассандру, — горько возразил Данатос. — Мы ведь все решили, что не можем оставить всё, как есть.

— Мы все знали, на что идем, — резко сказала Маронда. — И она — тоже!

— Она — в первую очередь, — подняла глаза Брисигида. Свечение у ее рук не угасало, но стало заметно, каких усилий ей это стоит. — Феликса всегда принимает первый удар на себя. Для нее это... ну, что-то вроде принципа. Или кредо.

— Способ самоутверждения, я бы сказала, — прокомментировала Маронда. — Сколько бы я ни пыталась выбить из нее это глупое геройство, она продолжала лезть на рожон.

Брисигида бросила на старуху укоризненный взгляд, но развивать тему не стала. Все свои усилия ей требовалось направить на исцеление Феликсы.

— Я могу помочь, — Лаэрт опустил руку Брисигиде на плечо. — Действительно могу.

— Ты потратил много сил сегодня... — начала жрица, но Лаэрт уже смотрел на нее сквозь сине-фиолетовое сияние.

— Едва ли это имеет значение, — сказал он. Голос звенел странным эхо, как если бы он говорил из колодца, полного колокольчиков.

Брис утерла со лба пот и продолжила скандировать молитвы и заклятия.

Глава 8. Пленник

Феликса сразу решила, что это сон или видение. Она помнила пронзившую ее боль и считала, что эта галлюцинация — последнее, что ей суждено увидеть.

Вокруг нее простиралась серая безжизненная долина. Временами над ней мелькали вспышки молний, неуверенные и будто бесцветные. Плоскость долины испещряли трещины и широкие провалы. В них клубилась густая первобытная тьма.

— Поганое место, — произнесла Феликса. Она не знала, услышит ли здесь свой голос. Звук был: такой же серый, никакой, как и все вокруг.

Она попыталась рассмотреть себя, ущипнуть или просто взмахнуть руками — ничего из этого не вышло. Она была здесь — и при этом ее здесь не было. “Дурацкий сон, — рассердилась она. — Хотелось бы напоследок увидеть что-то поинтереснее”.

Феликса не придумала ничего лучше, чем направиться вперед. Вид перед ней менялся, будто она перемещалась, хотя движений ногами она не ощущала. Чародейка решила приблизиться к трещине с тьмой — тьма казалась единственной настоящей вещью. Феликса плыла, перетекала в пространстве. Очень быстро она оказалась рядом с провалом, где клубами взлетала и опадала черная пелена.

Феликсе очень не понравилось это зрелище. Тьма звала окунуться с головой, предлагала тишину и покой. Она знала, кто обычно дает подобные обещания. Ей совсем не улыбалось утратить сущность в обмен на забвение, как бы заманчиво не выглядело это предложение в таком бессмысленном, угнетающем месте.

— Да пошла ты, — буркнула она переливающейся тьме.

Чародейка отвернулась от трещины и двинулась в ту сторону, где мелькали вспышки молний. Чувство времени атрофировалось. Сколько она так плыла, избегая темных провалов, понять было невозможно. Очень долго — вот единственная характеристика, пришедшая ей на ум.

Молнии так и не приблизились, и Феликса замерла. “Ладно, — подумала она. — Ничто не длится вечно. Это тоже закончится. По крайней мере можно проговаривать про себя слова. Повспоминать что-нибудь приятное”.

Из приятного мало что шло на ум. Серая равнина и черные расщелины навевали мрачные мысли. Тело отца, напичканное взрывчаткой и скрытое иллюзией. Крик матери, едва различимый за песчаной бурей. Горящие от удушья легкие и головокружение от прохода через портал, вкус морской соли на губах... Брисигида, известково-белая, с лиловыми венами и артериями. Черные руки и разбитая бутылка. Чудовищный стон, доносящийся из морских глубин, словно предсмертный крик исполинского кита. И постоянный привкус мертвечины во рту.

“Может, это месть Беора? Говорят, маги крови способны влиять на психику и сосуды головного мозга...” — устало подумала Феликса. Она пыталась думать о Данатосе. Оборотень был единственным, кто не вызывал в ней неприятных ассоциаций или чувства вины.

Через какое-то время она продолжила движение. Феликса пыталась запомнить взаиморасположение темных трещин, чтобы понять, морок это или реальное место, шутка подсознания или злая магия. Двух похожих друг на друга она пока не замечала. В одной из расселин клубы черноты поднимались поразительно высоко и принимали причудливые

формы. В какой-то момент они стали напоминать человеческую фигуру, неестественно худую и высокую.

— Надеюсь, это не чистилище для злых магов, — пошутила она вслух, пытаясь хоть как-то развеять тоску. — Не хотелось бы провести здесь вечность.

— Тебе это не грозит, — ответил ей вдруг дым. Феликса содрогнулась от этого звука. Голос казался одновременно знакомым — и запредельно чуждым.

— А что мне грозит? — спросила она.

— Забвение, — от фигуры к ней протянулся тонкий черный ус. — То, что ждет всех.

— И тебя?

— Я уже забыт, — пророкотала фигура. — Хотя может ты меня помнишь? У меня было имя, знаешь... давно. Или недавно — я не различаю здесь времени.

— Кто ты? — спросила Феликса.

— Тень, — фигура отшатнулась.

— Кто ты? — резко повторила Феликса, начиная прозревать.

— Заблудший странник, — фигура дернулась, как от порыва ветра.

— Вспоминай! — закричала Феликса. Ее голос едва ли изменился — но нужный эффект произвел.

— Нет! — от потустороннего крика равнина колыхнулась. — Если я вспомню, она найдет меня! Она узнает! Узнает!

— Ты помнишь море? — спросила она. — Знаешь, что это?

— Знаю, — успокоился призрак.

— У тебя был корабль?

— У меня было много кораблей. Да, я шел на корабле, когда мы с ней встретились...

— Что еще ты помнишь? — Феликса боялась двинуться и спугнуть его.

— Туман. Он... не такой, как здесь. Совсем другой. Не помню, как называется, — жалостливо протянул призрак.

— Белый, — подсказала Феликса. — А звук?

— Крики, — тут же ответил он. Черный дым внутри фигуры забеспокоился, забурлил. — Так кричат птицы там, на море. Которые летают вокруг корабля. Только эти крики страшнее.

— Мертвецы, кричащие, как чайки? — ахнула Феликса.

— Да, да! — еще один дымный ус протянулся к ней.

— Я знаю, кто ты, — прошептала она. — Я тебя помню.

— Не говори мне! — всполошился призрак. — Нельзя. Не хочу снова к ней. Только не к ней. Забвение лучше.

“Не знаю, что это за место, но похоже, никакой это не сон, — ужаснулась Феликса. — Чистилище? Ловушка для душ? Я могу застрять здесь и стать такой же”. Она решила, что ни за что больше не подойдет к черному провалу. Забвение пугало ее куда больше, чем боль и смерть.

— Мир тебе, тень, — сказала она дымной фигуре. — Быть может, нам еще помогут.

— Тебе помогут, — уверенно ответил призрак. — За тобой уже идут. Оглянись.

Феликса обернулась. Она едва не ослепла от яркого, с силой тысячи солнц, света.

— Еще не очнулась? — Данатос зашел в каюту, присел на кровать у ног Феликсы.

Брисигида, сидящая в кресле в изголовье, покачала головой. С того дня, когда они

столкнулись с Беором, прошла почти неделя. Всех убитых похоронили, раненых — лечили, а Феликса все так же лежала без сознания. Без сердцебиения и дыхания сложно было сказать, какова вероятность, что она вообще очнется. Брисигида поддерживала ее тело в жизнеспособном состоянии, но не могла понять, почему она не приходит в себя.

— Вы отвезли Кассандру? — спросила жрица. — Все прошло нормально?

— Да, — ответил Данатос. — Маронда договорилась с ректором.

— Она что, выдала себя? — ахнула Брисигида.

— Что ты, — улыбнулся оборотень. — Она использовала древний магический прием.

— Какой? — подняла бровь жрица.

— Деньги.

Брисигида натянуто рассмеялась. Уже который день она пыталась призвать душу Феликсы обратно в тело, но не могла даже выяснить, на каком плане она находится. Брисигида боялась, что она могла застрять на астральном плане или где-то между мирами, или вообще в каком-то неизвестном духовном пространстве. С каждым днем ее беспокойство росло.

Если бы не невозмутимость Маронды, Брисигида бы уже рехнулась от бессилия.

— Маронда ничего не сказала по поводу нее? — Брис кивнула на тело подруги.

— Почему ты сама ее не спросишь?

— Она отказывается со мной разговаривать о том, как спасти Фель, — поджала губы жрица. — Почему она так спокойна? Она знает что-то, чего не знаем мы?

— Она всегда знает что-то, чего не знаем мы, — закатил глаза оборотень. — И Маронда не скажет об этом, пока не сочтет нужным.

Брисигида вздохнула. Старая волшебница порой и ее доводила до исступления — что уж говорить о вспыльчивой Феликсе?

— И как они вообще уживались? — буркнула она. — Обе бывают просто невыносимы!

— Ты о ней и Маронде? — хмыкнул Данатос. — Брось. Именно поэтому у них такое взаимопонимание. Может быть, она только по этой причине и взяла ее в ученицы.

— Ну, это уж точно не единственная причина, — возразила Брисигида. — Хотя в целом ты наверняка прав. Ты пришел просто узнать, как она?

— Я бы хотел помочь, — тихо ответил Данатос. — Только не знаю, как.

— Знаешь, — жрица скрестила руки на груди и сжала губы. — Помолись со мной.

Оборотень вздохнул. Раньше он сбегал из храма на время молебнов и медитаций — пока не смог с чистой совестью уходить на задания с Лаэртом.

— Без этого никак?

— Участие Лаэрта мне не помогло, — мягко сказала ему сестра. — Я знаю, как ты этого не любишь. Не понимаю, почему, но знаю. Я бы не просила, если бы видела другой выход.

Данатос обхватил руками голову. Потом посмотрел вверх, сложив ладони на груди.

— Ладно. Давай попробуем.

Он опустил на колени рядом с кроватью и распустил волосы. Брисигида присела рядом и взяла его за руку. Данатос кивнул ей, и жрица начала очередную молитву. Рядом с братом она молилась беззвучно, едва шевеля губами. Ей и так было несложно сосредоточиться.

Данатос закрыл глаза и стиснул зубы. Его зазнобило; по телу прокатилась крупная дрожь. Казалось, что каждый нерв пронзает раскаленная игла, и вместе с тем — он

испытывал нестерпимый восторг. Глаза заслезившись. Из-под век скатывались горячие капли. В голове стало тепло и пусто — и все равно из груди рвался неистовый крик, нечто первобытное, дикое и своевольное.

— Ты сопротивляешься, — сердито шепнула Брисигида. — Прекрати с этим бороться! Ты родился таким.

Данатос распахнул глаза и выпустил на волю свой клич. Смесь воя и крика вспугнула чаек снаружи. Оборотень выгнулся в порыве жреческого экстаза — чтобы мгновением позже скорчиться на полу каюты.

— Дани! — Брисигида бросилась к брату.

— Он в порядке? — слышался хриплый шепот. — Кх-ха, к-х-ха...

Брисигида обернулась и увидела, как Феликса свесилась с кровати. Ее рвало желчью.

— Триединая! Слава Богине, ты очнулась, — всхлипнула жрица. — Я боялась, что ты уже не вернешься.

— А я не боялась, — простонала чародейка. — Я была уверена, что сдохла, причем окончательно.

— Я думала, что тебя не так просто убить... э-э-э... в твоём нынешнем состоянии, — смутилась Брисигида.

— Да, — Феликса утерла рот рукавом, — но ведь Беор оказался сангромантом. Вы его добились?

— Вообще-то, это сделала ты, — ответила Брисигида, нащупывая пульс Данатоса. — Когда мы добрались до его корабля, там все уже были мертвы.

— Все? — опешила Феликса. — Но как?

Брисигида пожала плечами. Тело Данатоса, скрученное спазмом, постепенно расслабилось, но он все еще не пришел в сознание.

— Я видела что-то странное, — проговорила чародейка, осторожно садясь на кровати. — Темную равнину. Черный дым в расщелинах...

— Расскажешь чуть позже, хорошо? — попросила жрица. — Все так переволновались из-за тебя. Нужно сказать Акыру, что ты очнулась.

— А Дани? Он из-за меня так?..

— Он будет в порядке, — кивнула Брисигида. — Смотри, он уже приходит в себя.

Оборотень шумно вдохнул, закашлялся и повернулся на бок. Он оперся на руки и замотал головой — так встряхиваются мокрые коты.

— Все еще не понимаешь, почему я не люблю молиться вместе? — недовольно прошипел он. — Ну за что мне это? Чем я так провинился? Это мое наказание?

— Брат. Она очнулась.

Данатос посмотрел на Феликсу, будто первый раз увидел. Со сдавленным воплем он бросился к ней и сжал так, что она едва могла протолкнуть воздух в легкие.

— Я так скучал, — шепнул он едва слышно.

Феликса молча обхватила его и прижалась лбом к плечу. “Ярче тысячи солнц, — подумала она. — Негасимый светоч”.

Маронда и Акыр стояли на корме. Феликса их не увидела — слышала.

— Я с места не сдвинусь, пока ты не скажешь, что с ней! — орал горец.

— Орать будешь в своем ауле, старпер! — пристукнула посохом Маронда. — А у мудрой старушки Маронды все под контролем. Мне лучше знать!

— Я здесь капитан. Имей хоть каплю уважения, женщина!

— А я тебя очень даже уважаю, капитан, — фыркнула волшебница. — Я ведь все еще с тобой разговариваю.

— Я поклялся помочь ей живой, а не мертвой! — продолжал бушевать Акыр.

— Ты никогда не видел ее живой, — напомнила ему Маронда.

— Не смей тыкать в меня своими сраными софизмами! — вспыхнул капитан. — Ты знаешь, что я имею в виду!

— Софизмы! Ишь ты, какие слова горцы знают... Вы все беспокоитесь напрасно, — отрезала наставница. — Мертвяки не умирают. Ее возвращение — вопрос времени.

— Тогда и отплытие — вопрос времени, — парировал Акыр. — Все, ребята, швартовы на место и кыш отсюда. Дискуссия окончена.

Капитан кивнул Маронде и пошел на мостик. И только тогда он увидел усмехающуюся Феликсу.

— Вовремя я очнулась, однако, — съехидничала девушка. — Еще пара дней — и вы бы пересобачились тут насмерть.

— Ба! Слава Старому Когтю, — всплеснул руками Акыр. — Уж думал в трюм старуху упрятать.

— А я хотела околдовать его под шумок, — сверкнула зубами подошедшая Маронда. — С возвращением из тени, дорогая.

— Могла бы нормально их успокоить, — укорила ее Феликса. — Что все это значит, мать твою?

Маронда вздернула бровь и посмотрела по сторонам, будто искала зрителей.

— На том свете борзянку разливают что ли? — хмыкнула она. — Я что, уже не наставница?

— До тех пор, пока ты дразнишь и заставляешь напрасно беспокоиться моих людей, — Феликса сделала небольшую паузу, — неважно, кто ты. Мое уважение заканчивается там, где начинается твое высокомерие и жестокость.

Несколько секунд Маронда пристально смотрела на свою ученицу.

— Столько лет я проверяла тебя на прочность, девочка, — сказала она, — чтобы упустить момент, когда ты наконец повзрослела. Не зря девушку называют женщиной только после того, как у нее появляются дети.

Феликса не ответила. Маронде было нужно высказаться.

— Если ты намерена нести ответственность за — как ты сама сказала — своих людей, — она спустилась к ней по лестнице, — тебе не стоит больше так опрометчиво бросаться в бой.

— Хорошее же время ты выбрала для урока, Маронда Премудрая, — тяжело проговорила Феликса. — Не ты ли призывала меня продемонстрировать Стальную Гарпию?

— Это был урок не только для тебя, — Маронда стукнула ей пальцем по лбу, — а для всех. Во-первых, тебя довольно легко вывести из строя. Во-вторых — очень сложно вернуть обратно. Ну, и в-третьих: ты не можешь умереть. Вообще никак, совсем не можешь. Понял, о чем я, горная лаванда? — она повернулась к Акыру.

— Старая ты горгулья, — плюнул капитан. — Дина все глаза себе выплакала, а ты! Ты!..

— Скажи честно, ты знала, как меня пробудить? — спросила Феликса. — Признайся! Ты знала?

— Ну конечно я знала, — откликнулась Маронда. — Чрезвычайно неприятная

процедура, должна заметить. В первую очередь — для тебя.

Феликса покачала головой и поджала губы.

— Это жестоко.

— Ну, дорогая моя, я ведь не всемогуща, — волшебница развела руками. — Да, постыдилась признаться. Я знаю этот ритуал только в теории, поэтому боялась его начинать. Все проверяла и проверяла...

Феликса не выдержала и прыснула от смеха.

— Я надеялась, что старческий маразм настигнет тебя позже, — съехидничала она. — Но такое оправдание я по крайней мере понимаю. У тебя было решение, но ты оказалась недостаточно уверена в себе, чтобы его воплотить.

— Ты настоящая змея, Ферран, — скривилась Маронда. — Однако я вынуждена признать твою правоту. Я слишком стара для всего этого, знаешь ли. Я вообще надеялась, что ты предусмотрела такой исход и сможешь ожить...кхм... выбраться сама. Так оно и произошло.

— Вообще-то нет, — отвела глаза Феликса. — Я понятия не имела, что со мной произойдет при смертельном ранении. И уж никак не ожидала увидеть то, что увидела.

Старая наставница помрачнела в мгновение ока.

— Я думала, тебя выбросит в подсознание, — проговорила она. — Ты ведь умеешь выбираться из ментальных ловушек, не так ли?

— Не самая сильная моя сторона, но с поддержкой Брис я наверное могла бы справиться. Сперва я подумала, что это сон, — вздохнула Феликса, — шутки гаснущего сознания. Потом решила, что морок. А потом я кое-кого встретила.

Маронда и Акыр переглянулись и снова уставились на нее. Феликса надеялась, что хотя бы наставница сможет объяснить, что с ней произошло. От озадаченного вида Маронды внутренности скрутило в холодный скользкий ком.

— Встретила, говоришь, — протянула Маронда. — Астральный план?

— Астральный план я бы распознала, — возразила Феликса. — Больше было похоже на лимб. Бескрайняя серая пустошь. Бесцветные молнии у горизонта. И расщелины, полные тьмы.

— Это не лимб, — нахмурилась волшебница. — Я о таком даже не слышала. Так кого ты увидела? И как ты выбралась?

— Данатос и Брисигида как-то вытащили меня. Рывком. Я не помню последних минут. Только яркий свет — и я очнулась в каюте.

Маронда опустила глаза и ухватилась за посох, будто боялась потерять равновесие.

— Если бы я знала, — прошептала старуха. — Прости меня. Как безответственно с моей стороны...

Феликса положила руку ей на плечо:

— Все обошлось. Мы сможем разобраться с этим позже, — сказала она. — Надо готовиться к отплытию в проклятые воды. Где мы сейчас?

— У берегов южной материковой Палании, — отозвался Акыр. — Пристроили Кассандру. Странная эта школа, конечно. Больше похожа на монастырь.

— Практически он и есть, — подтвердила Маронда. — У них очень строгие порядки, зато куча охраны. Адептов берегут, как зеницу ока — боятся пиратов.

— Правильно делают, — хмыкнул капитан. — Эти двуличные черти просились к нам в команду! Трусливые псы!

— Все прошло по плану? — поинтересовалась Феликса.

— Да, — кивнул горец. — Допросили выживших — те почти ничего не знали о договоре Беора с новым правительством Арделореи. Едва не обоссались, когда узнали, что их капитан мертв.

— Теперь понятно, как он держал в страхе острова, — заметила Феликса. — Я никогда прежде не встречала сангромантов. Закон преследует их почти во всех странах мира. Брисигида сказала, что на корабле все оказались мертвы, когда вы поднялись на борт.

Акыр кивнул.

— Да, и у многих была рана от удара под подбородок. Как та, что осталась у Блода от твоего кинжала.

— Мы его недооценили, — вздохнула Маронда. — Маг крови такой силы... Его сила распространялась на всю команду, связала его с ними. Но от повреждений мозга даже такая связь не спасает.

— Он перенаправил удар на всех сразу? — ахнула Феликса.

— Когда клинок пронзил его мозг, он едва ли мог сделать что-то осознанно, — покачала головой Маронда. — Думаю, их всех убила его предсмертная агония.

— Теперь у нас три корабля, — добавил Акыр. — Шлюп и шхуну мы оставили на рифах. Притопили только маленько. Пленных после допроса напоили этим вашим зельем для беспамятства и оставили на острове чуть севернее нашего.

— Хорошо, — успокоилась Феликса. — Как Дина?

Капитан покосился на Маронду и поджал губы.

— Цела, — вздохнул он. — Но страшно расстроена. Очень переживала за тебя, сама понимаешь.

— Я поговорю с ней, — пообещала Феликса. — Мы продолжим занятия в ближайшее время. Скольких мы потеряли?

— Благодаря вмешательству Маронды — немногих, — успокоил ее горец. — Похоронили троих. Трэверса, Оррана и Богсли. Двое матросов и офицер. Еще с десятков все еще отлеживаются, но Цефора говорит, что они идут на поправку.

— Мне жаль, — тихо сказала Феликса. Она не ожидала, что сражение дастся им легко, и все же трое погибших казались слишком большой ценой.

— Вот что я тебе скажу, девушка, — Акыр пристально посмотрел на нее. — Эти ребята погибли не по твоей вине. Они считали честью смерть в бою. Богсли — северянин, он всю жизнь провел в морских сражениях, — объяснил горец. — Трэверс потерял семью из-за паланийских пиратов. Уверен, он улыбался с небес, когда увидел у Беора в башке твой кинжал.

Феликса закусила губу. Она тоже это знала.

— Орран был уже староват для таких битв, — продолжил капитан. — Он говорил, что Кассандра похожа на его дочь. Не оскорбляй их память жалостью и чувством вины.

— Большой сложили костер? — спросила девушка после недолгого молчания.

— Пламя взлетало выше деревьев, — гордо ответил Акыр. — Будь уверена, мы похоронили их с честью.

После ужина все собрались в кают-компани. Дину тоже пригласили на совет — в качестве извинений. Феликса была страшно рада снова видеть девочку. Маленькая заклинательница расплакалась, увидев ее, а потом долго молчала. Только когда волшебница

рассказала про то, как опасны сангроманты и как побывала в серой пустоши, Дина успокоилась и дала себя обнять.

Феликса знала, что они захватили два корабля. Но у них не хватало людей, чтобы укомплектовать их. Предстояло решить, как распорядиться лишними.

— Все три корабля стоят на якоре в одной бухте, — доложил Акыр. — Мы находимся на “Оке Бури”. Второй арделорейский фрегат занял Ранжисона и его парни, — он кивнул Ранжисоне, который прибыл на совет на шлюпке, — третий сюда привел Кистень с парой ребят. Сейчас там только несколько часовых.

— Мы можем разделить команду на два корабля, но никак не на три, — пояснил Киттерс. — Самое простое, конечно, продать корабль.

— Но сделать этого мы не можем, — покачала головой Феликса. — Корабли слишком приметны.

— Любой дурак опознает фрегат Беора, — поддакнула Ринна. Харм согласно гавкнул у ее ног. — Проще уж продать арделорейский.

— Не уверен, что проще, — возразил Акыр. — Продать что-то в Палании мы можем только незаконно. А значит, судно снова попадет к пиратам. Если с нами вообще кто-то захочет торговать.

— У нас есть документы для дворян из разных стран, — напомнил Фабио. — Франциска Дебюсси мы уже использовали в Бедеране, но у меня есть бумаги и на других.

— Я бы все равно не рискнула продавать ни один из кораблей, — решила Феликса. — С Беором был антимаг. В Палании могут быть и другие. Императорский флот тоже слишком приметный. Даже просто заходить в крупные порты — большой риск.

— Согласен, — поддержал ее Лаэрт. Он выглядел свежим и отдохнувшим, а еще — непривычно серьезным. — Боюсь, что бывшая сеть Канцелярии тоже под контролем нового правительства. В школе магии наших агентов быть не могло, а вот в городах — запросто.

— Оставлять такие корабли где попало — не дело, — крикнул Кистень. — Подарить ведь тоже не вариант? Может, надо было затопить их, как другие?

Феликса задумалась. Она никак не ожидала, что два прекрасных корабля на ходу могут быть такой обузой. И что будет так трудно придумать, куда их деть.

— Наставница Ферран, — вполголоса позвала ее Дина. Маронда хмыкнула и беззвучно передразнила ее реплику. Феликса когда-то клялась, что ни за что не станет никого учить. — Могу я кое-что спросить?

— Не возражаю, — ответила чародейка.

— Мы не можем взять третий корабль, потому что для этого недостаточно людей, верно? — начала девочка.

— Все так, — подтвердил ее отец.

— И не можем продать, потому что это опасно? — уточнила Дина.

— Верно, — снова кивнул Акыр.

— Почему бы нам их не спрятать?

Акыр открыл рот и тут же закрыл. Феликса прикусила губу. Лаэрт постучал себя костяшкой пальца по лбу. И только Маронда озвучила их общую мысль:

— И как мы раньше до этого не додумались?

Дина покраснела, но решительно продолжила:

— Прежние наставницы как-то на уроке рассказывали нам, как один моряк спрятал сокровища на морском дне. И никто не мог их найти, — пояснила девочка. — Сундук был

деревянный, но моряк немного владел магией воды, и протолкнул сундук на глубину. А потом под тяжестью воды он сам пошел на дно.

— А как же он его достал потом? — недоверчиво спросил Кистень.

— Магией, конечно же, — Дина сложила руки на груди. — Не нырять же за сундуком на самое дно!

Кистень развел руками — мол, ну раз ты так говоришь, так оно и есть. Дина улыбнулась в ответ. Штурман вел себя так непосредственно, что девочка не воспринимала его, как взрослого мужика — или страшного одноногого пирата, каким его видела первое время Кассандра.

— Задача нетривиальная, — присвистнула Феликса, — но в целом выполнимая. Выпустить якоря, чтобы течением не снесло...

— А потом-то мы куда их денем? — поинтересовался Лаэрт. — И где будем прятать?

Феликса еще не думала о “потом”. Все мысли крутились вокруг того, что ждало их на проклятых островах. Будет ли вообще какое-то “потом”?

— Паланийские острова приняли нас не слишком дружелюбно, — она начала рассуждать вслух. — Да и не место нам там, пока Вольница правит бал. Если выплывем из мертвых вод целыми, попытаем счастья на юге, — решила Феликса.

— В Сарданафаре много ничейных земель, — прогудел Ранжисона. — Я был бы рад повидать родные берега.

— А что, там хотя бы тепло, — пожал плечами Кистень. — Кости свои старые погрею.

— Есть предложение, где спрятать корабли, — подал голос квартирмейстер Киттерс. Джереми говорил редко, зато всегда — по делу. — Что если утопить их на самой границе архипелага Смерти? Глубина там невелика, а рыскать никто не станет.

Маронда одобрительно кивнула.

— Я и сама об этом подумала, — призналась старуха. — Для нашей авантюры лучше места не придумаешь. Больше одного раза всяко не умрем, а так хоть по пути будет. Мы ведь готовы к отплытию, не так ли?

— Припасы пополнены, если ты об этом, — отозвался Акыр. — Команда приходит в себя после боя. Я бы подождал еще дня три.

— Торопиться некуда, — согласилась Феликса. — Будь за нами погоня, мы бы уже знали. Стоим еще неделю здесь, в бухте. Сколько пути до тех островов отсюда?

— Чуть больше суток, максимум — двое, — ответил капитан. — Не так уж и далеко. Отплывать лучше ночью, если хочешь быть там засветло.

— Брис, — позвала Феликса подругу, — ты все еще планируешь благословить корабль?

— Конечно, — устало улыбнулась жрица. Она все еще выглядела бледной от недосыпа после недели, проведенной в молитвах у постели Феликсы. — Только отдохну немного. Спокойная неделя на берегу мне не помешает.

— Добро, — резюмировала чародейка. — У нас наконец-то есть внятный план. Отдохните как следует.

Зеркало исказилось зеленоватой рябью. Человек в черно-белом плаще с капюшоном невольно вздрогнул. “Говорят, это не магия, — подумал он. — Но ведь и не наука. Что же тогда?” И тут же одернул себя — мысль в высшей степени неуместная. Почти кощунство — подозревать в магии самого Владыку.

— Есть вести от Насиры? — высокий холодный голос сразу перешел к делу, без

приветствий и расшаркиваний.

— Нет, господин, — ответил человек в плаще. — Она не выходила на связь с отпльтия из Бедерана.

— Ты передал ей сведения о готовящемся нападении?

— Передал, — пролепетал человек. — Боюсь, она слышала сообщение не целиком. Как будто вошла в зону, где действуют помехи. Когда я попытался связаться с ней снова, она не ответила.

— Скоро мы разберемся с этим треклятым архипелагом, — пообещал высокий голос Владыки. — Слишком много помех. Постоянные искажения, — зеркало еле слышно вздохнуло. — Что насчет беглеца?

Человек в черно-белом плаще нервно сглотнул. “Черт меня дернул согласиться на работу координатора, — пронеслось в его голове. — Чую, ждут меня тренировки...”

— Джамира преследовали до южных болот, — проговорил антимаг. — Он должен был погибнуть от жажды, однако... его тела так и не нашли. Но поиски продолжаются, господин, мы делаем все возможное...

— Хватит лебезить! — рявкнуло зеркало голосом Владыки. — Меня не волнует, сколько усилий вы приложили! Мне нужен результат, а его нет!

Рябь на зеркале улеглась на несколько мгновений. Этого координатор боялся больше всего.

— Вы слишком мало тренируетесь, — снова раздался голос. — Выдернуть тебя на три дня ради тренировок, увы, невозможно. Надеюсь, за один день ты вспомнишь, как ловить святотатцев и дезертиров. А теперь скройся отсюда.

Зеркало помутнело и снова разгладилось, налившись мягким блеском отраженных свечей.

“Пронесло. Что ж, моя вина. Нельзя подвести Владыку снова”, — подумал человек в черно-белом и утер пот со лба.

За последнее время Феликса начала привыкать к тому, что с ней обращаются, как с больной. В каком-то смысле она и была больна. Тело вело себя так, будто его одолевала болезнь: порой ее знобило, по ночам прошибал холодный пот, воздух приходилось проталкивать в легкие. Раньше она не замечала своего сердцебиения, а теперь ей казалось, что оно неистово колотится, пытается сломать свою реберную клетку.

— Я здорово перепугался тогда, знаешь, — Данатос, как всегда, подошел бесшумно. — Надеюсь, у демона в логове подобного не случится.

Феликса смотрела на “Око Бури”. Корабль стоял на якоре недалеко от берега. Два других укрылись в маленькой бухте в нескольких перестрелах к югу.

— Там может случиться что-то похуже, — закусила губу чародейка. — В таком состоянии я очень уязвима к демонической энергии. Я ведь слышала ее зов.

— Мы присмотрим за тобой, — улыбнулся оборотень. Он вздохнул и сел рядом с ней на нагретый солнцем камень. — Я и Брис. И Лаэрт.

— Маронда сказала, что это он разделался с антимагом, — Фель выжидательно посмотрела на Данатоса.

— Жаль, ты не видела его в деле, — сверкнул глазами полиморф. — Это ведь лучший меч канцелярии. Лаэрта взяли на службу вовсе не за то, что он способен проводить Силу. В первую очередь он первоклассный фехтовальщик.

— Так в Тайной канцелярии не знали об его способностях проводника? — удивилась Феликса. — Я думала, ему поэтому разрешили работать с тобой и Брис.

— Они узнали об этом не сразу, — признался Данатос. — Его пытались ставить в пару с магами, но они не справлялись. Маронда удивилась, когда почувствовала его силу, помнишь? — Волшебница кивнула. — И ему, и напарникам моментально становилось плохо, когда он направлял поток энергии.

— А как они познакомились с Брисигидой? Ты представил его ей? — полюбопытствовала Феликса. Лаэрт говорил, что с Данатосом он встретился, когда пришел на задание, но никогда не упоминал, откуда он знает жрицу.

— Нет, я тогда еще не настолько ему доверял, — помотал головой перевертыш. — У него начался припадок от очередной попытки работать с магом. Маг вообще упал без сознания, а Лаэрт никак не мог закрыть свой энергетический канал, — оборотень тяжело вздохнул. — Брисигида оказалась среди жриц, которых позвали на помощь. Обычные средства не помогли, и Брис влилась в его поток.

Он сорвал тонкую травинку покрутил в руках. Некоторое время молчал. Потом посмотрел Феликсе в глаза:

— Она первая, кто смог использовать его силу, — тяжело выговорил Данатос. — И, похоже, это связало их каким-то образом. Она даже не заметила, как это тяжело. Удивлялась, что маги отказываются с ним работать...

— А ты?

— Прошел почти год, прежде чем мы смогли с ним так сражаться, — оборотень опустил глаза. — Пришлось сказать ему, что она моя сестра, хотя обычно мы никому об этом не говорим. Даже другие жрицы считали меня сиротой.

— Он ведь влюблен в нее, правда? — Феликса коснулась его плеча.

— Правда, — Данатос снова посмотрел на нее. Его лицо приобрело какое-то жалобное, почти отчаянное выражение. — Раньше я не понимал, что он чувствует. Думал, что врет. Мы с ним даже подрались из-за того, что он спал с другими девушками, а ухаживал за Брис.

— Серьезно? — подняла брови чародейка.

— Еще бы, — он хмыкнул, но улыбка вышла грустной. — Мы с ней не привыкли думать о личной жизни. Я служил тайным храмовым стражем, она со временем стала бы верховной жрицей. Мы оба считали, что не имеем права на семью.

— Но священнослужителям Триединой ведь не запрещено ничего, — нахмурилась Феликса.

— Это добровольные ограничения, — пояснил оборотень. — Мы боялись, что если свяжем себя с кем-то, эти люди будут с нами несчастны. Потому что не смогут примириться с нашим долгом.

— Чушь, — отрезала волшебница. — Лаэрт жизнь за нее готов отдать.

— А я — за тебя, — разозлился вдруг Данатос. — Но что толку, если вы обе готовы умереть во имя каких-то своих высоких целей?! Кому из нас с ним от этого легче?

Феликса ошарашенно умолкла. Перевертыш смотрел на нее неотрывно, просто сверлил глазами. Ей казалось, что он вот-вот бросится на нее, как хищник на свою добычу. Она снова почувствовала себя хрупкой и одинокой и нуждалась в защите. В ком-то, кто будет ограждать ее, даже когда в этом не будет необходимости. Как в детстве.

— Ты ведь знаешь, каково это, — продолжил он. Голос становился громче с каждым словом. — Каково это, когда твои близкие сознательно подвергают себя опасности! Я едва

смирился с тем, что Брисигида избрала для себя такой путь. А теперь мне нужно смириться с тем, что и ты идешь той же дорогой!

— Дани, я... я ведь смотрела, как отец отдал жизнь, чтобы защитить меня. А потом и мама. Я думала, что и Маронда тоже... — она всхлипнула, но слез не было. — Мы не должны умирать друг за друга. Мы должны ради друг друга жить. Все, что мы сейчас делаем, мы делаем для этого. Чтобы я смогла прожить жизнь ради вас. Ради тебя.

Данатос встал с камня и сел еще ближе к ней, прямо на траву, и обхватил ее обеими руками. Феликса прижалась к нему и уткнулась лицом в воротник его куртки. Он гладил волшебницу по волосам, а она с наслаждением вдыхала запах меда, телячьей кожи и дыма, которым пропитался оборотень.

Неделя пролетела почти незаметно. Здоровые моряки каждый день уплывали на шлюпке в ближайший портовый город, где пьянствовали, дрались, искали любовных утех и играли в азартные игры. Когда они еще были на островах, Лаэрт обменял золото из сокровищницы Пигсвеллов на местную валюту, так что матросы спускали свое жалование, не вызывая подозрений.

Акыр, Кистень, Ранжисона и большая часть офицерского состава в город не совались. Предпочитали резаться в кости между собой.

— Три пятерки! — хлопнул по импровизированному столу Кистень. — Переброс?

— Ранжисона пас, — поджал губы канонир. — А ты бросай, сколько хочешь. Не перебеешь все равно!

— Перебрасываю все, — отреагировал Джереми Киттерс. — Фартит тебе сегодня, чертяка!

— Ранжисону любит фортуна, потому что он лишен любви невесты, — сверкнул зубами сардан. Его кости выстроились ровненько от двойки до шестерки. — Бросай давай!

Кистень закинул два кубика в кружку, зажал ладонью, потряс и со стуком перевернул кружку на стол. Под ней обнаружили тройка и пятерка.

— А, да и похрен! — плюнул штурман. — Все равно надоело. Киттерс?

Квартирмейстер тряс кружку долго. Выпали единица, две двойки, четверка и шестерка.

— Пойдем лучше рыбу ловить, — вздохнул Киттерс. — На рыбалке мне больше везет.

— Да ну, — лениво потянулся Кистень. — Лучше уж крабов гонять. Рыба приелась уже. Хотя вот если ухи сварить...

— Правильно, — рассмеялся Ранжисона, сгребая с грубой столешницы монеты, — а то до нитки вас обчищу. А на рыбалке делать нечего. Капитан наш каждый день ходит рыбачить к заливу, приносит по два ведра. Вы-то больше рыбины за раз еще не принесли, зато глаза вечно красные, как у демонов, потому что огненной водой всю глотку себе заливаете. Всю рыбу ему распугаете.

Квартирмейстер Киттерс только развел руками. Кистень почесал в затылке.

— Айда в спарринг тогда, — решил он. — Вон старпом-то капитанский целыми днями Динку гоняет, продохнуть девчонке не дает.

В паре десятков метров от них Феликса и Дина вели воздушный поединок. Чародейка расставила на поляне крутящихся ветряков с широкими лопастями. Лопасты были легкими, из тонкий рей и бумаги, чтобы не поранить девочку. Но Дина прекрасно ориентировалась в воздушных потоках. Она скользила между бумажных лопастей, как воздушный змей. Чародейка постоянно меняла направление ветра и вращения лопастей, а ее ученица

перемешалась между ними, пытаясь попасть на другую сторону поляны.

— Ап! — Дина наконец преодолела последний ряд ветряков и выпрыгнула через лопасти на траву.

— Вот теперь очень хорошо, — похвалила ее волшебница. — Поняла, в чем подвох?

— Да, — девочка довольно кивнула. — Нельзя пытаться развернуть лопасти. Проще вписаться в их движение.

— Верно, — улыбнулась Феликса.

— Купаться? — прищурилась Дина.

Ее наставница закатила глаза. Дина тащила ее на море при каждом удобном случае.

— Дина, душа моя, я больше не могу! — взмолилась Феликса. — Опять купаться? Я так скоро водорослями обрасту.

— Ну я же не обросла, — парировала девочка. — И милсдарь Лаэрт тоже. Он очень хорошо плавает.

— Так может ты с ним пойдешь купаться, а я на берегу посижу? — предложила Феликса.

Дина прикусила губу. На корабле все хорошо к ней относились и принимали за равную, но воспитание не позволяло ей так запросто находиться наедине с взрослым мужчиной. Феликса поняла, что сморозила глупость.

— Ладно, — сдалась она, — но на глубину я не полезу. Надоело волосы сушить.

Девочка подпрыгнула и побежала переодеваться в рубаху и штаны для купания. "Предлагала мне мама завести себе нормальный купальный костюм, — вздохнула про себя Феликса. — Зря не послушала". Феликса неплохо плавала и даже могла нырять очень глубоко, но последнее время не получала от этого удовольствия.

Когда они спустились к пляжу на берегу бухты, Лаэрт уже выходил из воды. К ногам прилипли хлопковые шаровары, на талии он застегнул какой-то странный пояс.

— Что это у тебя? — поинтересовалась Феликса.

— Где? — не понял тот.

— Ну на поясе. Что за перевязь?

— А, — Лаэрт покраснел. — Это сумка.

— Зачем она тебе? — удивилась Дина.

— Ну-у, — агент скрестил руки на груди и посмотрел себе под ноги. — Я как бы... э-э-э... нырял.

Он умолк и посмотрел на них так, будто это все объясняло.

— И? — настаивала девочка.

— И собирал в нее всякую всячину, — признался Лаэрт, покраснев еще больше.

— Прямо под водой? — восхитилась юная волшебница. — А что собрал?

Он переминался с ноги на ногу, потом взглянул на свою сумку, выдохнул и выпалил:

— Ракушки. Хотел найти жемчуг.

Феликса наконец поняла, почему он смутился. Брисигида очень любила дары моря. Жемчуг — тоже. Единственные драгоценности, которые она носила.

— Пойдем вместе посмотрим, что ты там наловил, — предложила она. — Помогу тебе открывать раковины, пока Дина купается. Ты не против?

Лаэрт тут же расслабился и кивнул.

Дина с радостными воплями помчалась к морю и влетела в воду, окруженная гейзером брызг. Она тут же окунулась с головой и поплыла на глубину.

— Дина, пожалуйста, только не уплывай далеко! — крикнула ей Феликса. — Егоза. Цефора и Брисигида делают последний обход раненых сегодня. Так что Дина весь день со мной. Она сказала, ты хорошо плаваешь.

— От нее это настоящий комплимент, — засмеялся Лаэрт. Он развязал узел и снял свою сумку. На поверку она оказалась куском старого паруса, свернутого и стянутого веревками, чтобы ракушки не вываливались. — Есть нож?

Феликса хмыкнула.

— Ну да, — ехидно протянул Лаэрт. — У леди Стальной Гарпии всегда при себе есть нож. Небось еще и не один.

— Так точно, — подтвердила она и протянула ему охотничий нож, который носила на поясе, а сама взяла длинный кинжал из сапога.

— Спасибо, — он сел на камень под раскидистым платаном, взял одну из раковин. — Честно говоря, я не уверен, что в таких моллюсках могут быть жемчужины.

— Могут, могут, — заверила его Феликса. — Мы с отцом собирали такие. К северу от Славиры, когда встречали паланийского посла. А еще они очень вкусные.

— И как эта дрянь называется? — озадаченно спросил он, поворачивая лезвие между створок.

— Понятие не имею, — фыркнула чародейка. — Тогда меня интересовало только съедобные они или нет.

Она ловко вскрыла зеленоватую раковину. Внутри белело нежное мясо моллюска.

— И как она это ест, — вполголоса буркнул Лаэрт. — На сопли похоже...

— А ты пробовал? — заступилась за моллюска Феликса.

Лаэрт вздрогнул. Кажется, он не планировал произносить это вслух.

— Нет. Но выглядит ужасно.

Он отложил открытую раковину и взял следующую. "Надо бы их сразу запечь, — подумала волшебница. — В открытых раковинах быстро пропадут. Да и нести как?" Она встала, проверила, что с Диной все в порядке и огляделась в поисках плавника.

— Присмотри за ней, — попросила она Лаэрта. — Костер разведу.

— Ладно, — отрешенно согласился он. Потом вскинул голову: — Э, ты что, собираешься это жарить?!

— Тебе понравится, — ухмыльнулась Феликса. — Брисигиду угостишь. Она любит печеных моллюсков.

Чародейка повернулась и пошла собирать плавник по берегу, оставив Лаэрта краснеть с очередной раковиной в руках. "Было бы, из-за чего смущаться, — недоумевала Феликса. — Ну влюбился. Ухаживает. Самое естественное дело!" Потом она вспомнила, как трепыхалось сердце у нее в груди, когда Данатос сказал, что готов умереть за нее, и передумала. Даже ее не живой и не мертвый организм бурно воспринимал такие эмоции. Едва ли Лаэрт, молодой мужчина, первый меч канцелярии, магический проводник, считал эмоции чем-то настолько естественным, чтобы спокойно воспринимать свою влюбленность.

Феликса быстро набрала достаточно топлива для костра. Она вернулась к Лаэрту, беспорядочно свалила весь плавник в кучу.

— Так ты костер не разожжешь, — заметил агент. — Огниво у тебя тоже с собой?

— Сразу видно, что ты редко общался с магами, — покачала головой Феликса. Она достала из поясного кармашка кусочек специального мела, быстро начертила на маленьком камушке руну огня и бросила его в кучу плавника. Тот вспыхнул яркими языками.

— Удобно, — прокомментировал Лаэрт. — Вертел тоже магией соорудишь? И тарелку под моллюсков?

Феликса пожала плечами, выбрала камень покрупнее и произнесла формулу трансфигурации. Плоский камень изогнулся и выгладился, превратившись в блюдо. Подобным же образом она сделала из листа лопуха несколько листьев салата.

— Так вот как в Арделорее победили голод, — хмыкнул Лаэрт. — Усилиями благодетельных магов.

— К твоему сведению, дружище, — усмехнулась она в ответ, — я проходила практику в ночлежке для бездомных. Мы мыли их с помощью магии, лечили, чинили их одежду. Кормили обычным способом. Не все можно превратить в еду.

— Туше, — замахал руками Лаэрт. — Я восхищен. Маги и правда принесли огромную пользу. Тем непонятнее, почему кто-то против вас взбунтовался.

— Маронда потратила немало времени, чтобы сбить с меня спесь, — призналась Феликса. — Многие чародеи проходят через это. Маги слишком долго считали себя элитой, знаешь ли.

— Далеко не все перестали себя к ней причислять, — фыркнул Лаэрт. — Когда я был помладше, я терпеть не мог кадетов из вашей Академии.

— Я тоже, — хохотнула Феликса. — Стабильно дралась с кем-нибудь из них пару раз в год. Те еще засранцы. Помню, как один из них пытался подкатить через меня к Брисигиде...

— И что ты сделала? — напрягся Лаэрт.

— А ничего, — ответила чародейка. — Сказала, что это не мое дело, и не стала ему помогать. Он не настаивал.

— А Брисигида? — Лаэрт сглотнул. — Она ответила на его ухаживания?

— Брис никогда не отвечала парням, — покачала головой Феликса. — Чаще всего она делала вид, что не понимает, чего от нее хотят. Если ей говорили в лоб, что она нравится парню, Брис отвечала, что не ищет близости. Обычно на этом все заканчивалось.

— Понятно, — Лаэрт притих и снова принялся ковырять раковину.

Несколько минут они сидели молча. Феликса срезала мясо с раковин и поджаривала кусочки, накалывая на кинжал. Лаэрт открывал раковины одну за другой. Вскоре подошла Дина.

— Красивые, — заметила она, глядя на пустые створки. — Нашли жемчужину?

— Пока нет, — вздохнула волшебница. — Хочешь попробовать?

— А что тут пробовать, — Дина подсушила на себе одежду теплыми потоками воздуха и села рядом. — Я такие уже ела. Рыба мне больше нравится. Вот мама их любит.

— Похоже, все целители равнодушны к морским гадам, — резюмировала Феликса. — Сейчас дожарим и отнесем им.

— А вечерняя тренировка? — возмутилась Дина. По вечерам они делали дыхательные упражнения.

— Точно, — Феликса сделала вид, что забыла про нее. Маленький спектакль для робкого влюбленного. — Тогда Лаэрт сам отнесет. Сам наловил, сам и отнесет. Правда?

Лаэрт бросил на нее косой взгляд. Спектакль был раскритикован, но он решил принять правила игры.

— Так и быть, — весело сказал он. — Пару жемчужин я, кстати, нашел. Но есть моллюсков все равно не стану.

Лаэрт скорчил брезгливую рожицу, заставив Дину прыснуть от смеха. Феликса тоже не

сдержала улыбки.

— Беги переодеваться, — велела она своей ученице. — Встретимся через полчаса у того же дуба. Покажу тебе сегодня новое упражнение.

— Ладно, — кивнула девочка и умчалась вприпрыжку.

Лаэрт посмотрел ей вслед и почесал затылок.

— Уже совсем не такая, какой я забрал ее из их землянки в Бедеране, — заметил он. — Ты, оказывается, отлично ладишь с детьми.

— Не с детьми, а с одной девочкой, — не согласилась Феликса. — Еще пару лет назад я была уверена, что никогда не возьму себе учеников.

— А я думал, что не смогу полюбить, — тихо ответил Лаэрт. — Не то чтобы я скрывал, но... это так заметно?

— Твои чувства к Брисигиде? — Феликса сразу поняла, о чем он. — Конечно. Ты даже смотришь на нее иначе, чем на других. А еще я видела у нее новую щетку для волос. Прежняя у нее валялась где попало. А эту она носит с собой.

— Я привез эту щетку с Гардйо, — кивнул Лаэрт. — Хотел выбрать украшение, но вспомнил, что она потеряла расческу. Думаешь, она когда-нибудь ответит мне?

— Не знаю, Лаэрт, — призналась Феликса. — Но очень надеюсь, что да.

— Почему?

— Она должна помнить, что нужна не только своей богине.

Феликса отдала ему каменное блюдо с жареными моллюсками, хлопнула друга по плечу и ушла вслед за Диной.

— Дамы! — Лаэрт заглянул в шатер, где лежали раненые. — Не пора ли сделать перерыв?

— Мы уже почти закончили, — улыбнулась Цефора. — Сойл! Сколько раз тебе говорила, не ковырай болячку! По рукам получишь!

— Ну чешется же, — виновато ответил матрос. Но руки от струпа на колене убрал.

Брисигида хлопотала у кровати Хольгера. Его несильно ранили, явно магическим оружием. Рана сопротивлялась заживлению. Только отвары и молитвы жрицы помогали ей затягиваться.

— Готово, — сказала она северянину, закрепив новую повязку. — Завтра сменим последний раз — и даже шрама не останется.

— Да хрен с ним, со шрамом, — отмахнулся солдат. — Не первый и не последний. Спасибо.

— Отвар пьешь? — напомнила ему Брисигида.

— Три раза в день, — кивнул Хольгер.

Лаэрт по себе знал, что отвар этот — ужасно горький и вонючий, но солдат не жаловался. Не каждая жрица могла его приготовить, зато эффективность отвара превосходила большинство других средств.

— Будешь пить еще три дня, а то рана снова откроется, — предупредила Брисигида и повернулась к Цефоре. — Я закончила.

— Я тоже, — кивнула Цефора. — Ну, что там у тебя? Пахнет вкусно.

Лаэрт на мгновение исчез за пологом и вошел в шатер с блюдом, полным моллюсков. Трое парней из отряда Ранжисоны, пострадавших от девчонки-антимага, узнали его и не поленились подняться с лежанок, чтобы поклониться. Они помнили, как он расправился с

ассасином.

— Вы мне это бросьте, — шутливо пригрозил Лаэрт. — Я вам не вождь. Перед Ранжисоней-то шапки не ломаете, а тут чего удумали?

Чернокожие канониры не смутились. Как только Лаэрт поставил блюдо на стол, каждый подошел и пожал ему руку, расплываясь в белозубой улыбке. Они делали так каждый раз, когда он появлялся в импровизированном госпитале, а приходил он туда часто: помогал стирать повязки, носил воду для промываний, приносил нужные травы. Первые дни дежурил с другими матросами у входа, чтобы позвать целительниц, если кому-то резко станет хуже.

— Ой, мои любимые! — всплеснула руками Брисигида. — Сам догадался пожарить?

— Нет, — признался Лаэрт. — Феликса подсказала. И тарелку сделала.

— Она у нас мастер трансфигурации, — жрица явно гордилась подругой. — Ты наловил их в бухте?

— Да, — небрежно ответил Лаэрт. — Ты же знаешь, я люблю нырять. Честно говоря, я надеялся найти жемчуг.

— Не повезло? — сочувственно спросила Цефора, отправляя в рот большой сочный кусок.

Лаэрт загадочно улыбнулся и опустил руку в карман.

— Это как посмотреть, — ответил он и протянул Брисигиде раскрытую ладонь. На ней лежали две маленькие розовые жемчужины неправильной формы. — Здесь слишком мало света. Переливаются очень красиво.

Цефора многозначительно стрельнула глазами в сторону жрицы, и та покраснела.

— Выйди, посмотри, — предложила ей целительница. — Я пока принесу немного вина к моллюскам. Да, да, и про вас не забуду, негодники! — прикрикнула она на загалдевших моряков.

Они вышли из шатра, и Цефора ушла в сторону провианта. Лаэрт заметил, как она остановилась посмотреть на Феликсу и Дину, плавно взмахивавших руками под старым дубом.

— Держи, — он снова протянула Брисигиде жемчуг.

— Так это мне? — жалобно спросила она. Жрица снова раскраснелась и обхватила себя руками.

— Ну я вряд ли найду в своем гардеробе подходящее к ним платье, — усмехнулся Лаэрт. — Что не так? Я слишком назойлив?

— Нет, — Брисигида ответила слишком быстро. — То есть, да, бывает... Нет, не обижайся! Дело не в этом. Мне просто неловко. Я ведь уже говорила тебе, что не могу ответить взаимностью...

— А я уже говорил, что это не нужно, — насупился юноша. — Смысл в том, чтобы ты порадовалась, а не чувствовала себя обязанной.

Девушка вздохнула и виновато улыбнулась.

— Мы с Дани всегда будем тебе немного должны, — проговорила она, коснувшись его руки. — До встречи с тобой у нас не было друзей. Я, конечно, дружила с Феликсой, — Брис задумалась ненадолго. — Только это совсем другое. Тебе не нужно все время делать какие-то подарки. Того, что ты рядом, более чем достаточно.

— Неправда, — губы Лаэрта изогнулись в горькой усмешке. Он накрыл ладонь Брисигиды своей ладонью. — Что бы я ни делал, этого всегда будет мало.

— Я не это хотела...

— Я понимаю, — прервал ее тайный агент. — Я имею в виду... Хм. Я не понимаю, почему ты так сторонись меня и моих знаков внимания. Но я могу это принять, как должное. У меня все равно нет выбора...

— Лаэрт!

— Извини, — коротко ответил он. — Я больше не поставлю тебя в неловкое положение.

Лаэрт положил жемчуг ей на ладонь и ушел. Брисигида некоторое время смотрела ему вслед, чувствуя, как глаза предательски щиплет. Несколько раз она глубоко вдохнула и выдохнула, потом вернулась в шатер к раненым.

— И как вы только едите эту гадость, — покачал головой один из раненых, канонир из сардан, которые пытались свалить антимага. — Столько еды с собой везем: рыба, мясо, сыры...

— Не приставай к девушке, — осадил его пожилой офицер с соседней койки, Тольн. В драке на корабле он потерял мизинец, но пальцев все равно осталось пять. Тольн Шестипалый — так его звали моряки. — Я слышал, сарданы вообще гусениц едят. И змей.

— Да что бы ты понимал в этом, старый пень, — осклабилась другой сардан. — Гусеница жирная и сладкая. А змею даже перчить не надо — и так вкусная! А это... склизкая штука какая-то.

— Так она ж пожарена! — хмыкнул Хольгер. — Ты бы попробовал хоть.

Моряки продолжали препираться. Брисигида едва ли их слышала. Иногда она невпопад отвечала на их шутки. Взгляд оставался прикован к двум крохотным жемчужинам нежного персикового цвета.

Вскоре вернулась Цефора с двумя кувшинами: маленьким, с вином, и большим глиняным — с пивом для обитателей шатра. Те сразу уселись за большим столом в дальнем углу большого шатра и стали разливать темный ароматный напиток. В отличие от мужчин, целительница сразу поняла, что с Брисигидой что-то не так.

— Лаэрт тебя обидел? — нахмурилась Цефора. — Что он сказал?

— Ничего такого, — всполошилась Брисигида. — Это скорее я его обидела. Он так старается...

— Лаэрт совсем тебе не нравится? — удивилась целительница. Она пододвинула к Брис кубок с вином. — Такой видный парень, веселый. Дурачится правда много, но это с возрастом пройдет. Не до конца, конечно...

— Я знаю, — едва слышно шепнула жрица. — Он славный.

— Тогда в чем дело?

Брисигида снова уставилась на жемчужины. Но она будто видела что-то совсем другое.

— Не знаю, как объяснить, — ответила наконец девушка. — Я не могу связать себя браком или любовными узами. Мой близкий человек будет неизбежно страдать рядом со мной. Мой долг перед Триединой...

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — Цефора отпила из своего кубка. — Разве Триединая не прославляет любовь во всех ее проявлениях?

— Я не отказываюсь от любви, — попыталась объяснить Брисигида. — Просто... какой мужчина смирится с тем, что его женщина подвергает себя опасности, пусть даже ради высшей цели? Мы должны вернуть жизнь Феликсе. А потом помочь ей вступить в законные права императрицы.

— Ну, и тогда ты наконец освободишься от своей великой миссии? — улыбнулась

Цефора.

— Что ты! — отмахнулась жрица. — Придется восстанавливать жречество с нуля. Меня готовили к тому, чтобы возглавить храм, и я должна это сделать. Прежняя Верховная жрица не была замужем. И мне не стоит.

Целительница покачала головой.

— Сдается мне, что это большая жирная отговорка, — заявила она. — А на самом деле ты просто боишься привязаться к кому-то. И сама себя обманываешь.

Брисигида не ответила. Она повертела в руках кубок, подняла его в сторону Цефоры и залпом опустошила.

Через пару дней Акыр объявил, что команда готова к отплытию. Брисигида раздала всем амулеты и проверила, чтобы каждый надел защиту. Бутылки и другие сосуды с маятниками уже расставили по всем уголкам “Ока Бури”. Оставалось только благословить фрегат.

— Дани, пожалуйста! — взмолилась Брисигида. — Ты же понимаешь, как это важно!

— Все, не смотри на меня так! — сдался оборотень. — Да, я понимаю. Я с тобой помолюсь. Откачивать меня сама будешь!

Феликса усмехалась, слушая их перепалку. Данатос почему-то очень стеснялся эффекта от своих молитв и медитаций. Как помощник чиновника, который не хочет слишком часто дергать своего начальника по пустякам.

— Наверное, именно поэтому тебе доверена такая сила, — вмешалась она в их разговор. — Ты не жаждал ее и не просил, боишься злоупотребить данным тебе. Если кто и имеет право просить о чем-то высшие силы... — Феликса положила руки на плечи Брисигиды и ее брата, — так это вы двое. Без защиты Великой Матери я буду как приманка для этой демоницы.

Данатос посмотрел на нее из-под нахмуренных бровей, и напряжение в его лице заметно ослабло. Он сжал губы и серьезно кивнул. Брисигида опустила веки, наклонила голову и улыбнулась.

— Идем, братец, — сказала жрица спустя несколько секунд.

Они ушли к кораблю. Закатное солнце золотилось на светлых прядях Брисигиды и медовых локонах Данатоса. Феликса бросила на них еще один взгляд и отправилась проверять собранные вещи.

У тюков сидела Маронда. Она держала перед глазами маятник с желтым топазом, ее гадальный амулет. Кристалл на длинной цепочке окутывало теплое карамельное свечение. Глаза старой волшебницы тоже светились: глазные яблоки выбелились от этого сияния. Феликса как можно тише подошла к небольшому свертку с вещами, которые брала с собой с корабля — не хотела помешать наставнице.

— Ты мне не мешаешь, не крадись, — отреагировала Маронда, не отрываясь от своего занятия.

Феликса хмыкнула. Старуха благоразумно не стала погружаться в видения незадолго до их отправления; она просматривала только ближайшие вероятности.

— Какие прогнозы? — спросила девушка, как только убедилась, что в ее свертке все на своих местах.

— Темна вода во облацех, — протянула Маронда. — Сплошные обрывки, абсолютно бессвязные.

— Ничего удивительного, — прокомментировала Феликса. — Мы ведь собираемся плыть к месту обитания демона. Аура островов наверняка схожа с астральным планом.

— В астральный план я бы залезла, — проворчала старуха. — Ненадолго, но я такое уже делала.

— По словам Брисигиды, это очень древняя сущность, — вспомнила чародейка. — Возможно, ей требуется еще более специфическое окружение.

— Все верно, — подтвердила Маронда. — Мне удалось почувствовать ауру в обрывках видений. Другое дело, что нам это ничего не дало. Разве что...

Феликса уловила напряжение в голосе наставницы.

— В чем дело? — девушка тоже невольно напряглась.

— Это напомнило мне то место, где ты оказалась после удара Беора, — тихо проговорила колдунья. — Твой лимб, который на самом деле не лимб.

— Значит, мои предположения верны, — обрадовалась Феликса. — Проклятые острова как-то связаны с Островом Жизни и источниками живой и мертвой воды.

— Боюсь, есть и другое толкование этой связи, — глаза Маронды потухли, и она опустила руку с маятником. — Демон на островах имеет власть над мертвыми.

— Несомненно имеет, — Феликса не позволила себя напугать. — Я ведь уже почувствовала ее зов. Но я уверена, что источник ее силы...

— Возможно, — прервала ее наставница. — Тем опаснее для тебя это плавание.

Феликса опустила глаза. Она и сама думала, не будет ли разумнее ей остаться на берегу и довериться своей команде. Чародейка все еще сомневалась, что поступает правильно, отправляясь вместе с остальными.

— Думаешь, мне не стоит плыть туда? — все-таки спросила Феликса.

— У тебя нет выбора, — уверенно ответила Маронда. Она оперлась на посох, охватив древко двумя руками. Сгорбленная, с опущенными плечами, она напоминала старую дворовую кошку, которая учуяла мышь, но поняла, что не сможет ее достать. — Тебе необходимы ежедневные процедуры. Без них смерть и безумие овладеют тобой несравнимо раньше, и ты по воде помчишься туда, к этой демонице. Образно выражаясь.

Перспектива звучала безрадостно, но Феликса выдохнула. Она рассуждала примерно так же и обрадовалась подтверждению своих выводов.

— Идут, — Маронда посмотрела куда-то за груды тюков и сумок. — Думаю, можно грузиться.

Феликса обернулась и увидела Брисигиду. Одну.

— Дани? — волшебница заглянула подруге в глаза.

— Приходит в себя, — успокоила ее жрица. — Лаэрт и Ранжисона помогли ему пройти по сходням, так что Данатос уже на борту. Акыр сказал, можно грузиться.

— Славно, — прокряхтела Маронда. — Я так скучала по морской болезни...

Старуха подхватила небольшую котомку с пожитками и заковыляла к кораблю. Феликса закинула на плечо свой сверток и отправилась за ней.

Солнце опускалось у нее за спиной, обещая недолгий, но трудный путь.

— Все ушли с кораблей? — осведомился Акыр. Кистень и Ранжисона согласно кивнули. — Хорошо. Дамы, можно погружать.

Маронда и Феликса стояли наготове у борта лицом к двум захваченным фрегатам. На кораблях спустили и убрали все паруса и канаты, трюмы опустошили, унесли всю мебель,

ковры, посуду — в общем, все, что может повредить морская вода. Теперь, когда и команда с них отплыла, фрегаты можно было прятать под толщей воды.

— Глубина? — обратилась Феликса к лоцману.

— Достаточная, — откликнулся тот. — Лот дна не достиг.

Маронда расправила плечи, отвела левую ногу назад и выбросила обе руки вверх и вперед. Феликса повторила те же движения секундой позже. Некоторое время ничего не происходило. У Феликсы на висках выступили и скатились несколько крупных капель пота. Когда лоб и шея чародейки стали полностью мокрыми, вода у бортов забурлила. Вскоре обшивка скрылась за поднявшейся морской пеной.

— Поднажмем! — хрипло крикнула Маронда. Рыжие с проседью пряди облепили морщинистое лицо.

— Давай! — отреагировала Феликса. Рев воды заглушал большинство звуков и заставлял их повышать голос.

Пот струился у волшебниц между лопаток. Роба облепила старухе спину; Феликса дрожала от ветра, холодящего намокшую рубашку. Толща воды продолжала расступаться под влиянием их совместных усилий. Прозрачные сине-зеленые валы вздымались уже на несколько человеческих ростов. Остовы кораблей скрылись за бликующими волнами.

— Отпускаем! — скомандовала Маронда.

Феликса одновременно с наставницей начала медленно опускать руки. Пальцы у обеих мелко подрагивали. Они не могли просто отпустить воду в одно мгновение: тонны жидкости поломали бы мелкие детали такелажа и оглушили морских обитателей.

— Потихоньку... — шептала себе Феликса.

Наконец последние капли влились обратно в океан. На месте кораблей осталось едва заметное волнение — остатки образовавшихся от заклятия водоворотов.

— М-да, — утерла пот Маронда. — Поднять их будет не легче.

— Зато полезно для сердца, — съехидничала Феликса. — Мне-то, мертвячке, без разницы, а для тебя отличная профилактика.

— Ишь, языкастая! — хмыкнула старуха. — А, все равно — твоя правда. Полезно косточки-то поразмять. Все, ребята. Дайте мне кадушку пресной воды, и можем плыть дальше.

— Мне тоже, — попросила Феликса и вдруг закашлялась.

Брисигида бросилась к ней, обхватила за плечи и заглянула в глаза.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, — просипела чародейка. Откашлялась и продолжила: — Все хорошо. Мне просто не по себе от близости этого тумана. От одного вида становится холодно...

— У тебя кровь! — ахнула Брисигида.

Феликса коснулась губ и увидела на руке алое пятно.

— Что это... — прошептала девушка. — Я ведь не настолько напряглась. Не понимаю...

Жрица уже шептала под нос молитвы, ее руки окутало знакомое золотое свечение. Но вкус железа на губах Феликсы стал еще сильнее. Она уже ощущала, как горячие капли стекают из уголка рта.

— Не помогает, — простонала Брисигида и достала из поясного кошелья свой маятник с зеленым флюоритом, чтобы усилить действие исцеляющих чар.

Феликса не смогла уследить за собственным движением: рука дернулась, выбив маятник.

— Прости, — крикнула чародейка. — Я не специально! А-а-ах...

Феликса опустила на колени, скрученная внезапным спазмом. Брисигида подобрала свой маятник и достала еще один, из тех, которые собирали информацию о демоне в тумане островов. Между бровями пролегла глубокая морщина. Кристаллы раскручивались на цепочках над телом волшебницы, скорчившейся и кричащей от боли.

— Туман, — проронила Маронда. — Брисигида, туман!

Сосредоточенная жрица нашла взглядом брата и кивнула ему. Данатос достал из кармана связку тонких прутьев и трав, перетянутых прядью его волос, высушенной водорослью и кожаным ремешком. Он снял ремешок, растер в руках травы и переломил прутья. В то же мгновение корабль затянуло светлой дымкой. “Око Бури” теперь плыл в пузыре теплого света. За его пределами белый туман, еще несколько минут назад вздымавшийся стеной в сотнях метров от них, жадными плетью пытался облепить борта.

Феликса на палубе затихла и мелко задрожала. Брисигида провела над ней флюоритовым кристаллом, и чародейка задышала ровнее и опустила веки. Она погрузилась в глубокий сон.

— Эта тварь ее запомнила, — прозвенел голос Брисигиды. — Запомнила и попыталась с ней расправиться.

— Нет, — возразила Маронда. — Демоница не пыталась убить Феликсу. Это предупреждение. Она увидела в ней опасного противника и стала искать слабинку.

— И нашла, — Брисигида склонила голову и коснулась лба костяшками пальцев. — Ведь это было на поверхности.

— А как же маскировочный амулет? — нахмурился Данатос.

— Он не защищает подобное от подобного, — рассеянно отозвалась жрица.

— Что? — не понял тот.

— Если демоница управляет некротической энергией, спрятать от нее мертвеца в разы сложнее, чем живых, — пояснила Маронда. — Мы этого не учли.

— Я не учла, — поправила ее Брисигида. — Это моя вина...

— Прекрати, — прервал ее брат. — Без толку искать виноватых и ругать себя. Ты могла истратить все силы, пытаясь замаскировать Фель, и все равно ничего не добиться. Сама это знаешь.

Брисигида неуверенно кивнула.

— Я отнесу ее в каюту, — оборотень положил ладонь на плечо сестры. — Помни, что мы слышали на берегу, — добавил он шепотом. — Голос Триединой, ты помнишь?

— Смерти нет, — шепнула Брисигида. — Я помню.

Акыр вопросительно посмотрел на них. Горец побледнел и глубоко дышал. За его руку цеплялась Дина — такая же бледная, с широко раскрытыми глазами.

— Вперед, — скомандовала Маронда. — Чем быстрее мы доберемся до бестии, тем лучше для Феликсы.

Кистень переложил руль, не дожидаясь приказа капитана, и “Око Бури” нырнул в туман — одинокий светлячок среди белой мглы.

Тишина давила на моряков. Матросы третий раз перемывали палубу. Кистень лихорадочно чистил свой многозарядный арбалет, ногу, пистолы и саблю — а потом начинал заново. Ранжисона и Таджи резались в “пьяницу” на пустой бочке, не особо следя за соблюдением нехитрых правил. Акыр вертел в руках складную подзорную трубу, ставшую

абсолютно бесполезной в погодных условиях архипелага.

— Такое ощущение, что мы плаваем кругами, — бурчал Лаэрт. — Как вы вообще ориентируетесь в этом молоке?

— Здесь течение, — откликнулся Кистень. — И не одно. Я пытался сменить курс, но каждый раз попадал в новые течения, ведущие к одной точке. Середина архипелага.

— Мы в ловушке? — нахмурился Данатос.

— Не то чтобы, — Кистень досадливо дернул непослушный шомпол. — При желании можно развернуться. Только ветра здесь нет. Придется на веслах выгребать или магией какой.

— Моя не работает, — напомнила Дина. Она помогала матери смешивать лечебные мази, чтобы не скучать.

— У меня со стихийной магией тоже беда, — прокомментировала Маронда. — Если это место похоже на астральный план, так и должно быть. В этом случае сработает только тайная магия.

— Это неважно, — вмешался Акыр. — У нас пока нет причин поворачивать назад. За его словами последовал протяжный высокий крик.

— Что это? — дернулся Данатос.

Надрывный крик повторился. Потом еще. И еще. Лаэрт подошел к борту, перегнулся через фальшборт.

— Мертвецы... — он повернулся к соратникам. — С белыми глазами. Это они кричат. Как Феликса рассказывала.

Акыр, Брисигида, Данатос и Маронда тоже подошли к борту.

— Кошмар... — выдохнула жрица.

Сквозь густую белую дымку они различили только воду у самого борта, не дальше нескольких метров. Но даже это зрелище угнетало. Поверхность воды выглядела неестественно гладкой для океана. Даже рябь от движения корабля была едва заметной, что только добавило жути.

В глубине темной воды все так же колыхались белые плети, словно туман проник и под поверхность океана. Туман удерживал бледные усохшие тела, настолько худые, что проступали кости и суставы мертвецов.

— Разве трупы не раздуваются в воде? — удивился Акыр.

— Это не просто трупы, — хмуро ответила Маронда. — Из них высосали жизненные силы. Ручаюсь, тела обескровлены.

Один из мертвецов медленно раскрыл рот, и раздался тонкий крик. Ему вторило эхо с другой стороны. Брисигида вздрогнула от этого звука.

— Они страдают? — спросила Дина. К борту она подходить не стала. — Поэтому так кричат?

— Страдают? — рассеянно повторила жрица. — Безусловно. Ни один живой мертвец не наслаждается своим состоянием. Существо, создавшее эту ауру, питается их страданиями. Или скорее использует их, как люди — алкоголь и наркотики.

Дина ахнула и скривила губы.

— Мало этих криков, еще и говном воняет, — проворчал со своей скамьи Кистень.

— Это сера, — поправил его Данатос. — Уж лучше бы говном пахло.

— И вода странная, — вздохнул Лаэрт. — Обычно темно-синяя или зеленоватая, а тут... черная совсем. Не как на торфяниках, а какая-то бесцветная что ли.

— Да так оно и есть, — прокомментировал Акыр. — Цвет воды зависит от глубины и содержащихся в ней веществ. Будь здесь солнце, вода казалась бы совсем другой. В море тоже вода сама по себе не цветная.

Раздалось еще несколько криков, громче и отчаяннее предыдущих. Дина закрыла уши ладонями. Кистень бросил чистить амуницию.

— Почему на них не действует благословение корабля? — спросил вдруг Акыр.

— Наверное, они прокляты, — откликнулась Брисигида, глядя в бельма на месте глаз мертвеца. — Тот, кто отдал душу демону, уже не может надеяться на помощь богов. Для них пришлось бы просить отдельное благословение.

Лаэрт вдруг отшатнулся от борта и попятился. Он глубоко и часто дышал.

— Там есть что-то еще! — крикнул Данатос. — Я видел...

Крики мертвецов резко стихли, будто кто-то утопил разом все тела. На глазах у Данатоса проклятые стали стремительно погружаться в воду, увлекаемые подводным туманом. Их глаза были широко раскрыты — так же, как и рты. Среди белых плетей и клубов появились очертания огромных черных щупалец. Мгновением позже раздался низкий рокочущий стон. Одно из щупалец с исполинским когтем потянулось к “Оку Бури” и тут же отпрянуло, коснувшись золотого света. Ревущий стон повторился, стократно усиленный. Черные тени в белом тумане отчаянно заметались; вода вокруг вскипела пузырями и потоками пены.

— Так щита с благословением надолго не хватит, — простонал Данатос.

Брисигида сжала губы и стремительно двинулась на нос корабля. Лаэрт потянулся за ней:

— Брис, что ты делаешь?

— Пойдем со мной, — уверенно ответила она. — Здесь ты можешь помочь. Ну, идешь?

Лаэрт в пару прыжков догнал ее. Его глаза уже заполнялись знакомым сине-фиолетовым свечением.

Жрица встала на самый край носа и распустила длинную светлую косу.

— Совсем дурная! — крикнула ей Маронда. — Оставь, побереги силы!

— Мать и дева, старуха и ребенок, покровительница моя, прародительница сущего, трижды благословенная богиня, — нараспев произнесла Брисигида, не обращая внимания на Маронду, — именем твоим заклинаю тьму расступиться. Да достигнет свет очей несчастных душ, заточенных в этой обители. Да обретут они свой покой. Сердцем мира заклинаю это место отпустить их из мира сего. Уповаю на милость природы, создавшей воды мирового океана и древа мировых лесов...

Она продолжала говорить, с каждым предложением ритм нарастал. Маятник в ее руках бешено вертелся, мерцая попеременно зеленью и золотом. Девушка слегка раскачивалась, вводя себя в медитативный транс.

— ... милостью Триединой, стинь и воссоединись со своими братьями!

Светлые локоны взметнулись одновременно с черными щупальцами, брызнувшими из воды. Когти на их концах дрожали гораздо выше мачт. Брисигида задрожала, судорожно глотнула воздуха, но маятника из рук не выпустила. Лоб мгновенно взмок, между лопаток заструился пот. Брисигида стиснула зубы и продолжила молитву про себя, вновь и вновь повторяя имя Триединой.

Щупальца заколыхались и дрогнули, стали медленно истончаться, истаявать в слабом

охряном сиянии. Брисигида закрыла глаза — голова кружилась, напряжение душило, и мир вокруг плыл. Губы еле заметно вторили молитве — даже ими стало тяжело двигать. “Ничего не выйдет, — отчаялась жрица. — Сил не хватает...”

По плечам разлилось тепло. Брисигида услышала тихий шепот — Лаэрт повторял ее молитву. Он побледнел не хуже мертвецов в океане и опустил на колени. Из-под век текли слезы, а руки на груди дрожали, но шепот все так же вторил ее молитве. Даже опустившись на четвереньки, он не умолк.

Минута, другая, и руки Брисигиды отогрелись. Она снова смогла сосредоточиться на благословении.

— Да обретут они свой покой. Сердцем мира заклинаю это место отпустить их из мира сего. Уповаю на милость природы, создавшей воды мирового океана и дерева мировых лесов...

Только когда холод истощения снова закрался жрице за ворот, щупальца опали облаками янтарных и золотых искр.

Брисигида утерла пот со лба. Колени подогнулись, и жрица осела на палубу. Лаэрт подхватил ее, но он и сам чувствовал себя не лучше: у обоих дыхание вырывалось с хрипом, влажные волосы слиплись, веки опускались сами собой. “Хорошо хоть, без припадка обошлось”, — устало подумала Брисигида.

— Не сиделось тебе спокойно, да?! — Маронда ковыляла к ним, нахмутив брови. Ее голос звучал резче и громче обычного. — Ты теперь на ногах не держишься! Эта тварь и так не смогла бы до нас добраться!

— Я бы не была так уверена, — еле слышно шепнула Брисигида. — К тому же, эта тварь страдала больше всех. Этот стон, этот зов... Феликса слышала его. Потому что она тоже мучается от своего состояния. Все они.

— Кто теперь сразится с демоном? — вздохнула старуха. — Ты вымоталась. У меня совсем другой профиль. Ферран в отключке! Да и она не справилась бы, ее боевой стиль — стихии, а не аркана.

— Я в порядке, — Брисигида поднялась, опираясь на руку Лаэрта. — Посплю и приду к себе.

— Тьфу, — плюнула Маронда. — Ничего удивительного, что вы с ней тогда спелись! Два сапога пара! Беречь себя, следовать своей стратегии — нет, зачем... Вот сорваться и спиноломным усилием расхреначить все — это да, это по-вашему! Никакой ответственности!

Она пристукнула посохом и ушла к корме, продолжая ворчать.

— В чем-то она права, — заметил Лаэрт.

— Она всегда права, — натянуто улыбнулась Брисигида. — Спасибо, что помог. Для меня это важно.

— Не за что, — сухо отреагировал он. Агент вдруг повел носом: — Чуешь?

— Нет...

— Я чую, — отозвался Данатос, все еще стоявший у борта. — Розы.

К омерзительному запаху серы примешался сладковатый цветочный аромат. Вместо того, чтобы перебить вонь или хотя бы сделать ее терпимой, дух роз многократно усилил отвращение. Моряки на корабле стали зажимать носы и обматываться шарфами и платками.

— Очередной трюк от демона? — забурчала Ринна, заматывая морду чихающему псу.

— Все, кто может ответить на этот вопрос, немного вымотаны, — фыркнул Данатос. Он

потер щеку и опустил голову. — Я думаю, да, — он покосился на сестру, и та кивнула. — Демоница не может пробиться через ауру благословения, поэтому пытается бить нейтральными средствами по психике. Одно только странно...

— Что? — насторожился Акыр.

— Насколько мне известно, демоны не могут повелевать силами природы, — проговорил оборотень. — Запах не от настоящих роз. Это галлюцинация.

— И что? — не поняла Ринна.

— Дьяволица в башку к нам может влезть? — возмутился Кистень.

— Я, честно говоря, ничего вообще не чувю, — пожалала плечами охотница.

— Брисигида тоже, — вспомнил Акыр.

Жрица, уже собравшаяся уйти в свою каюту, вдруг встрепенулась.

— А ведь и правда... — Брисигида бросила испуганный взгляд на соратников. — Дина, ты чувствуешь запах?

— Нет, — закусила губу девочка.

— Под ударом только мужчины, — констатировала Брисигида. — Это значит, что кроме некротической энергии ей доступна еще и сексуальная. Следовательно... следовательно...

Она прикрыла рот рукой.

— Мы знали, что наша Древняя — суккуб, — отозвалась Маронда, слушавшая их у другого борта. — Теперь знаем, что она находится в фазе активной вегетации. Я тоже не чувствую роз. Иди отдыхать, девочка. Мы что-нибудь придумаем.

Брисигида скрылась в проеме под капитанским мостиком. Лаэрт проводил ее взглядом и обратился к Маронде:

— Какая разница, просто это демон или суккуб? — поинтересовался он, устраиваясь под мачтой. Агент достал из-за пазухи кулек с орехами и сахарными конфетами и стал потихоньку закидывать их себе в рот. — И что за фаза вегетации?

— О, голубчик, — зловеще протянула старуха. — Уж для кого-кого, а для тебя разница колоссальная. Одолеть суккуба может только женщина. Ты в этой битве самый хреновый помощник.

— А Дани? — поперхнулся Лаэрт.

— С учетом явного покровительства Триединой — немного лучше, — признала колдунья. — Правда, толку от его звериной формы немного. Физическая сила против демонов бесполезна. Будь она в спячке, а не вегетации...

— Я могу мутировать, — предложил Данатос. — Еще больше, чем во время драки с антимагом. У меня есть форма, в которой я могу драться с магическими существами.

Маронда наморщила лоб и свела брови.

— Как долго ты можешь находиться в таком состоянии? — уточнила она.

— Минут двадцать, — задумался Данатос. — Полчаса, если повезет.

— Мало, — отрезала старуха. — Тебя хватит максимум на отвлекающий маневр. К сожалению, Брисигида — единственная, кому есть, что противопоставить суккубу. Может, и к лучшему, что она освятила и избавилась от этого чудища, — наставница тряхнула рыжими кудрями. — Явись оно в момент их противостояния, с ним пришлось бы разбираться нам.

Данатос отвернулся от пронизывающего взгляда волшебницы. В темной воде больше не всплывало кричащих тел. Тут и там стали появляться не то стволы, не то колья, торчащие из воды. Когда оборотень заметил на очередной торчащей деревяшке перпендикулярную

перекладину, он понял, что это не остатки деревьев. Это затопленные суда.

— Не хотелось бы напороться на корабль ее жертв, — перевертыш обратился к Кистеню и Акыру. — Смотрите.

Акыр глянул на торчащие останки кораблей и крикнул лоцману:

— Снизить ход! Идем как по рифам. Замеряй!

Матросы засуетились, спуская бесполезные паруса. Кистень встал к штурвалу.

— Глубина стабильная, капитан! — откликнулся лоцман.

Спустя несколько часов плотный белый туман стал редеть. Очертания погибших кораблей проглядывали все чаще, но между ними будто проложили тропы — течения, ведущие суда к сердцу проклятых островов. Все они сливались к одному большому бассейну, в котором уже не торчало ни одной мачты. Только длинный каменный причал выдавал здесь бухту.

Когда корабль вышел в бассейн, из тумана проступил край берега.

— Серый песок? — недоверчиво завертел головой Акыр. — Или скалы?

Ответа не последовало. За причалом начиналась мертвая равнина с разломами тьмы и вихрями белого тумана.

— Отдать якорь, — сухо приказал капитан. — На берег не сходить ни при каких обстоятельствах.

Голос из зеркала бесновался. Зеленоватые волны нарастали при каждом слове.

— Что значит погиб? — вопрошал Владыка. — Где Насира?

Бешенство угадывалось только по формулировкам. Нужно было хорошо знать говорившего, чтобы понимать, насколько он зол.

— Насира мертва, — отозвался координатор. — Наблюдатель нанял еретика, и тот обнаружил их кости на дне. Они погибли неподалеку от Скьортальна.

— Корабли? — потребовал голос.

— Бриг и шлюп налетели на рифы, — координатор в черно-белом плаще отчаянно пытался скрыть дрожь в голосе. — Остальные не найдены.

— Их увела предательница-еретичка, — безапелляционно заявил Владыка.

— Мы не нашли этому подтверждений...

— Я в них не нуждаюсь! — отрезал голос из зеркала. — Ты ведь понимаешь, какие последствия будут у гибели капитана Беора?

— Разумеется, — пролепетал человек в плаще.

— Торговое сообщение с севером нарушено, — продолжил голос. — Мы лишились капитала на юге. Паланийских пиратов вскоре охватит хаос. Мы не можем позволить себе таких потерь. Вольнице нужен новый лидер как можно скорее.

— Я займусь этим сейч...

— Нет, — холодно прервал его Владыка. — Ты все еще недостаточно расторопен. Отправишься на повторное обучение. Я вышлю замену. Передашь ему дела и незамедлительно уедешь в Цитадель.

Координатор не сдержал всхлипа. Сердце колотилось, отдаваясь эхом набата.

— Да, Владыка.

Серая равнина практически не двигалась. Тонкие побеги черного дыма едва заметно перетекали в расщелинах. Маронда уже пару часов наблюдала за пейзажем, но он нисколько

не изменился за это время. Армия мертвецов не шествовала по потрескавшейся земле. Языки пламени не летели со всех сторон. Рогатый бес не вышел пугать моряков чудовищными муками. Не летали страдающие души, не являлись зловещие тени, не сводили с ума странные звуки.

— Видишь что-нибудь? — волшебница обратилась к часовому. — Что-нибудь странное?

— Кроме сраного черного дыма? — хмыкнул моряк. — Не. Воняет, как в сортире у дома старосты. Дерьмом и розами. А больше ничего странного не заметил.

— Как-то это... обескураживает, — вздохнула старая колдунья. — Мы ждем, пока отдохнет Брисигида. А эта тварь чего может ждать?

Часовой пожал плечами.

— Не отвечай, вопрос риторический, — отмахнулась Маронда. — Мысли вслух.

Она оторвалась от созерцания безжизненной равнины и спустилась к каютам. У постели Феликсы сейчас опять дежурил Данатос. В этом не было необходимости, но оборотень все равно находился рядом. Маронда сперва думала, что он опасается еще одной атаки суккуба. Потом поняла, что ему так просто-напросто спокойнее. Так же, как и Лаэрту, который проснулся значительно раньше Брисигиды, но постоянно заглядывал в ее каюту — проверял, что все в порядке и никто не тревожит ее сон.

Цефора сделала для всех тонизирующий отвар по гибрийскому рецепту. Однако выпить его предстояло позже: большая часть экипажа спала, восстанавливая силы после трудного перехода. Зельем для крепкого сна целительница тоже всех снабдила. Отсутствие магических способностей не мешало ей помогать всем наравне с жрицей Триединой. Даже Маронда узнала от нее кое-что новое о свойствах разных трав и водорослей.

Старуха устроилась за круглым столиком в кают-компани. В очередной раз она достала колоду крупных потрепанных карт. Традиционные Таро никогда не давали ей нужного результата, но и ее модернизированная колода никак не могла хоть сколько-то прояснить ситуацию. Нынешний расклад тоже ее огорчил, предельно путаный, пространственный и противоречивый. Исход схватки с суккубом мог быть любым.

Колдунья досадливо сложила карты обратно в чехол и откинулась на спинку кресла. Она не заметила, как задремала.

И нисколько не удивилась, увидев себя посреди серой равнины с трещинами, полными клубящейся тьмы. Вот только вместо белого тумана, скрывающего часть пейзажа, Маронда смотрела на вереницу пепельных вершин вдаль. Иногда в них беззвучно били белесые молнии.

— Ага, — произнесла старуха. Собственный голос звучал так, будто говорил кто-то внутри ее головы. — Вот так, стало быть. Прорицание ты, поганка, блокируешь. А на онейромантию даже тебе силенок не хватает!

Маронда не пыталась двигаться. Она хорошо помнила рассказ Феликсы об этом месте и знала, что видит нематериальную копию острова, к которому причалил “Око Бури”. Точнее, источник его ауры. А значит, везде ее будет ждать одно и то же: серый грунт, черный дым, горы и молнии на горизонте.

— Давай, змеища, — проворчала она в пустоту, — хоть личико покажи. Что же ты не приветствуешь дорогих гостей? Или струсил?

Очередной бесцветный разряд беззвучно прокатился над горизонтом. Мгновением позже все пространство, начиная с молний и гор, стало заполняться алыми и багровыми волнами.

— То-то же, — прошептала старуха. — Еще встретимся, тварь.

Маронда заставила себя представить, что стоит над бездонной пропастью, и сделала шаг вперед. Бестелесное сознание поверило в обман, и колдунья очнулась в кают-компании, все в том же кресле.

Перед ней лежала одна-единственная карта. Колесница.

Брисигида услышала стук в дверь. Она проснулась несколько минут назад, но вставать не хотелось.

— Войдите, — жрица спала одетой, так что стучащий не застал бы ее в неглиже.

В каюте появились Цефора и Маронда.

— Тонизирующий отвар, — Цефора протянула ей глиняную чашу, шершавую на ощупь и теплую.

— Спасибо, — наклонила голову Брисигида. Она спала крепко, без сновидений, но не чувствовала себя отдохнувшей. — Вы сами-то поспали?

— Успнешь тут, — буркнула Маронда. — Поганое место. Выспаться невозможно.

— Дина тоже плохо спала, — кивнула Цефора. — Лаэрт сказал, что вообще не смог уснуть. Пришлось напоить его снотворным.

— Он еще спит? — Брисигида бросила взгляд на целительницу поверх чашки, делая глоток.

— Нет, проснулся пару часов назад. Он был тут, но вышел, — ответила та.

Жрица украдкой выдохнула. Напиток постепенно приводил ее в чувство.

— Суккуб не показывалась? — Брисигида зевнула после очередного глотка и потрясла головой, прогоняя остатки дремы.

— В физическом облике — нет, — Маронда почесала шею под подбородком. — Зато мне удалось заглянуть в ее духовное пространство. Не знаю, чем это все закончится, — она взглянула на жрицу, прищурив глаза, — но после встречи с демоницей все изменится. Никто не вернется с этого архипелага прежним.

— Если я не справлюсь...

— Цыц! — шикнула на нее старуха, пристукнув посохом. — Не хватало еще, чтобы ты начала в себе сомневаться.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не выдержу прямого противостояния с Древней, — поджала губы Брисигида. — Я не сомневаюсь в своих силах. Я просто знаю, что у них есть предел.

— Ты знаешь то, чему тебя научили, — проскрипела старуха. — На место Верховной жрицы тебя прочили не за это.

Щеки Брисигиды моментально вспыхнули румянцем. Она допила отвар и вернула Цефоре чашу.

— Ладно, у меня есть план, — призналась жрица. — Что-нибудь произошло за время, пока я спала?

— Нет, — покачала головой Маронда.

— Я так и предполагала, — Брисигида выдохнула, собираясь с духом. — Возможно, “Око Бури” — первый корабль с женщинами на борту, который добрался до ее логова. Суккуб считала нас угрозой, поэтому отключила Феликсу и прислала за нами то существо — вероятно, восставшего кракена, — продолжила она. — Но после этого не предприняла никаких действий, затаилась и позволила нам причалить. Почему?

Цефора пожала плечами. Маронда прищурила глаза:

— Я поняла, к чему ты клонишь, — кивнула старуха. — Ей любопытно.

— Дьяволица готова к переговорам, — подтвердила Брисигида. — Сначала мы с ней поговорим, ты, я и Данатос.

— Почему именно мы? — Маронда говорила, как экзаменатор, который знает ответ на вопрос, но хочет проверить, что ученик выучил урок.

— Мы с тобой — женщины и владем магией на высоком уровне, — робко объяснила жрица. — А Дани пойдет в зверином облике. Чтобы она не могла воздействовать на его психику. Он — храмовый страж, избранный Триединой.

— Ни один демон не будет властен над ним, тут ты права, девочка моя, — Маронда одобрительно похлопала жрицу по плечу. — Поешь как следует. Сойдем на берег часа через два.

Через пару часов Брисигида, Маронда и Данатос в обличье огромной золотистой пумы спустились по трапу на берег. Дани сделал еще несколько шагов и оказался за пределами защитной ауры корабля. Ничего не произошло. Никто не попытался наброситься на оборотня, зловещие струи дыма не поползли к нему. Брисигида вышла следом за ним. За ней проковыляла старая наставница.

— Нормально, — проскрипела старуха. — Господин котяра?

Данатос мягко зарычал, подтверждая, что никаких воздействий на свой разум не ощущает. Брисигида проверила на себе амулеты: сердоликовую пластину на кожаном шнурке, латунное кольцо с янтарем, костяной гребень в волосах, поясок из высушенных трав, шерстяную нить с деревянными бусинами на лодыжке. Весь ее арсенал. Бутылки и маятники остались на корабле, защищать команду.

Жрица выпрямилась, стиснула зубы и пошла по серому крошеву вперед.

— На свидание что ли спешишь, — фыркнула Маронда. — Куда так торопишься? Я за тобой не поспеваю.

— Полно тебе, — ответила Брисигида, не оборачиваясь. — Ты крепче, чем пытаешься казаться.

Старуха хмыкнула и прибавила шаг. Через несколько минут туман вокруг поредел. На мертвой равнине стали попадаться чудовищные обломки скал. Они выглядели так, будто древний титан откромсал их огромной секирой от исполинских гор. Резкие линии и изломы, острые края — и расположение под таким углом к земле, что процессия предпочитала держаться от этих скал подальше.

Еще через какое-то время туман окончательно рассеялся. Жрица, чародейка и оборотень вышли к странному сооружению.

— Вряд ли это построил человек, — тихо заметила Брисигида.

— Природа этого тоже не создавала, можешь не сомневаться, — добавила Маронда. — Тайная магия. Однозначно.

Перед ними вздымался гигантский темно-серый рогатый череп. Очертания скал складывались в оскал с двумя выдающимися клыками. Провалы глазниц и носа наполняла та же тьма, что клубилась в расщелинах. Между верхней и нижней челюстью виднелся вход в пещеру, откуда ползли тонкие завитки молочного тумана.

— Слышишь шепот? — спросила Брисигида.

— Нет, — Маронда свела брови. — Дани?

Пума отрицательно мотнула головой. Хвост хищника хлестал по бокам.

— Можешь различить слова? — поинтересовалась Маронда.

— Я не слышу отдельных слов, но воспринимаю смысл, — девушка коснулась сердоликового кулона на груди. — Это приглашение войти.

Данатос заревел и вздыбил шерсть. Потом развернулся хвостом к пещере и стал отбрасывать гравий задними лапами в сторону входа.

— Ты весьма лаконично и красноречиво выразил мою мысль, — поджала губы Маронда. — В гробу видала я ее помойку.

Брисигида слышала низкий грудной смех. Он будто доносился со всех сторон.

— Это я слышала, — скривила губы волшебница. Данатос согласно фыркнул. — Эй! Мы и так сами к тебе пришли. Имей уважение сделать хоть шаг навстречу! — заорала старуха, глядя в провал рта черепа.

Оборотень взревел, танцуя на задних лапах.

Струи белого тумана в портале клыкастой пасти сгустились и ускорились. Вместе с очередной волной тумана над нижней челюстью показалась темная ступня, затем лодыжка, колено, бедро... Демоница, антрацитово-черная, с плетью кровавых волос, облепивших ее с макушки до щиколоток, просунула в проем между челюстями рогатую голову и наконец явилась целиком. Широкие черные рога причудливо изгибались. Ее облик походил на человеческий: под алыми волосами угадывались привычные женские формы, округлые и плавные, черты лица почти не искажены. Кроме рогов и волос от человека ее отличали глаза, неправдоподобно большие, пронзительно-багровые, в тенях длинных густых ресниц.

— Добро пожаловать, — низкий голос сочился медом. Суккуб не размыкала губ. Слова все так же доносились из ниоткуда — но со всех сторон сразу.

— Сперва ты постесняла проявлять гостеприимство, — Брисигида сделала пару шагов навстречу. В голове ее прокручивались правила: не говори демону своего имени, не смотри демону прямо в глаза, не принимай у демона даров.

Суккуб широко улыбнулась, обнажив прелестные белые зубки с маленькими клыками.

— Я стара и пуглива, — раздался медовый голос, — а вы — чужаки. Разве вы не вторглись на мою землю?

— Пограничные воды принадлежат не тебе, — напомнила Брисигида. Во рту у жрицы пересохло, а ладони, напротив, вспотели. — Но ты причинила вред кое-кому.

— Черноволосая девочка? — притворно удивилась демоница. — Все ее тело — моя вотчина. Я храню мертвых, которые не могут обрести покоя. Твоя подруга не принадлежит миру живых.

— И ты знаешь, как это исправить, — твердо сказала Брисигида.

— Так вы пришли за помощью, — рассмеялась суккуб. Смех налетел на них порывами, повторившись многократным эхом. — Как мило.

Жрица смотрела на темные ладони, которые теребили алые пряди. Волосы укрывали Древнюю, как плащ, свисали гирляндами с витых рогов. Кончики скрывались где-то в пещере.

— Я и правда могу помочь, — демоница снова широко улыбнулась. — Но всему есть цена. Ты ведь понимаешь это, правда, моя маленькая жричка?

Брисигида глубоко вздохнула и сложила руки напротив живота.

— Чего ты хочешь? — хрипло поинтересовалась Маронда. — Жертвы?

— Ах, это ты, незваная гостья, — демоница чуть повернула голову в сторону наставницы, будто только что заметила ее присутствие. — От тебя я ничего не хочу. Старая

лиса! Надеешься сбыть мне душонку какого-нибудь простака?

— Уж этого добра у тебя должно быть в достатке, — звенящим голосом ответила чародейка. — Или тебе мало Фарнисса и его моряков?

От имени знаменитого арделорейского мореплавателя лицо суккуба дрогнуло. Едва заметно, но даже Брисигида это заметила.

— Тут ты права, лисичка-сестричка, — хихикнула Древняя. — Такая старая, что почти моя ровесница, да? Тебе придется предложить мне что-то особенное за спасение своей любимицы.

— Я могу предсказать твою судьбу, — сощурилась Маронда.

— Чушь, — воскликнул медовый голос. — Смертному это не по силам.

— Я и не такие пророчества выдавала, — надменно прокаркала старуха. — Не тыкай меня носом в мою смертность, дорогуша! Все там будем.

Демоница даже сделала шаг в ее сторону и повела носом, потом облизнулась.

— Что ж, — ее голос опустился еще на пару тонов, — даже если ты не врешь, проверить мне нет резона. Но у вас есть кое-что, что мне интересно. Или скорее кое-кто.

Брисигида вся вспотела от этого замечания. Данатос глухо зарычал.

— Может и ты, котик, — суккуб снова улыбнулась, на этот раз не разжимая губ. — А может, кое-кто другой.

— Я не отдам тебе человека, — отрезала Брисигида. — Предлагаю услугу за услугу. Расскажи нам, как добраться до Острова Жизни, и мы...

— Остров Жизни? — хохот едва не сбил их с ног. — Ты приплыла в логово Владычицы Смерти, чтобы спросить об Острове Жизни?

— Да, — уверенно ответила жрица. — И даже не говори мне, что не связана с источником Мертвой воды.

— Так вот как она умерла, ваша маленькая отважная птичка?

Демоница снова принялась перебирать пряди своих волос. Тонкие черные пальцы быстро-быстро мелькали между алыми локонами. Древняя при этом не отрывала своего взгляда от Брисигиды.

— Я устала, — заявила наконец суккуб. — Твои побрякушки меня угнетают, милая. Во внешнем мире солнце уже скрылось за горизонтом... — томный вздох сопровождался россыпью шепотков. — Завтра. Ты одна. И без этих... штучек. Только ты и я. Уверена, мы договоримся.

Брисигида поджала губы, но кивнула.

— Если учую кого-то еще, — вмиг охладел медовый голос, — ваша мертвая подруга никогда не очнется. Так что будь умницей.

Брисигида не удостоила ее ответа. Развернулась и пошла обратно к кораблю, ни капли не сомневаясь, что ее спутники идут следом.

Суккуб еще долго смотрела им вслед. Она больше не улыбалась.

Лаэрт уже почти час ходил по палубе от одного борта к другому. Каждый раз он перекладывал кольца каната у левого борта и пинал бочку, подходя к правому.

— Задолбал мельтешить, — не выдержал Акыр.

— Знаю, — буркнул агент, укладывая очередной виток пеньки.

Капитан вздохнул и ушел на корму. Вид мечущегося Лаэрта вызывал у него тошноту и легкое головокружение.

— Идут! — заорал Соил с марса. — Все трое!

Брисигида, Маронда и Данатос вскоре поднялись по сходням. Оборотень тут же стал перекидываться в человека, разбрасывая вокруг клочки шерсти. Лаэрт искусал губы едва ли не в кровь, дожидаясь их, но торопить с рассказом не стал.

— Ни единому ее слову верить нельзя, — Брисигида обращалась к Маронде, продолжала какую-то мысль. — Но я явлюсь к ней завтра. Вряд ли тот, кто ей нужен — я.

— Но она тебя боится, — возразил Данатос. — Я найду способ пойти с тобой так, чтобы она не заметила.

— Нет! — вскинула руки жрица. — Что если ей нужен именно ты? Твоя сила?

— Моя сила связана с божественными сферами, с Триединой, — напомнил оборотень. — Суккуб не сможет мной воспользоваться.

— Если только ты сам не дашь ей своего согласия, — Брисигида скрестила руки на груди. — В обмен на жизнь Фель.

— Ну и что! — крикнул ей брат. — Ее жизнь не стоит моей?!

— Не нам об этом судить!

Лаэрт ворвался между братом сестрой, раскрасневшимися от спора. Маронда ковыляла за ними с насупленным видом.

— Друзья мои! — он обхватил Данатоса за плечо. — Остановитесь, прошу вас. Расскажите все по порядку, и обдумаем это вместе.

Брисигида несколько раз глубоко вздохнула, опустила руки и стала пересказывать разговор с демоницей. Маронда изредка поправляла ее. Старуха хмурилась и явно раздумывала о чем-то другом.

— Она не сказала, кто именно ей нужен? — уточнил Лаэрт.

— Какая разница? — возмутилась Брисигида. — Никаких жертвоприношений! Я не позволю ей никого забрать.

— Я не говорю о том, чтобы дать суккубу то, что она требует, — замотал головой агент. — Я только пытаюсь понять, чего она добивается.

— Этот остров — ее клетка, — вмещалась Маронда. — Она не может выбраться отсюда сама. Но очевидно, что она этого жаждет. И ищет носителя. Мужчину. Ей нужен сильный, выносливый мул, который потащит ее на своей горбушке, — прошипела старая волшебница. — Пойду к себе. Надо все это как следует обдумать. Непроста Древняя, ох непроста!

Брисигида при этих словах поджала губы.

— Я тоже пойду, — сказала жрица. — Нам всем есть над чем поразмыслить. Надо как-то перехитрить бестию.

И она спустилась на нижнюю палубу следом за Марондой.

— Что там у вас произошло? — Лаэрт надеялся, что хоть Данатос прояснит ему ситуацию.

— Брис считает, что демону нужен я, — пояснил оборотень. — А Маронда уверена, что ей вообще никто из нас на самом деле не нужен. Что она хочет избавиться от Брисигиды или каким-то образом заставить нас вывезти себя с проклятого архипелага.

— Ты сам-то что думаешь? — спросил Лаэрт у друга.

— Не знаю, — замялся тот. — По мне так они обе ошибаются. Но в чем именно... трудно сказать. Брис явно недооценивает врага. Наивно полагать, будто суккуб и правда предложит ей какую-то сделку, и тем более — что сдержит слово.

— Мне это не по зубам, — Лаэрт потер виски. — Демоны, тайная магия — все это не по нашей части, брат. Понятия не имею, что я могу сделать, кроме как подключиться в роли проводника.

Оборотень почесал затылок, убедился, что рядом больше никто не стоит, и сказал другу вполголоса:

— Присмотри за мной, пока я буду молиться.

В общей каюте Данатоса и Лаэрта царил легкий хаос. Часть вещей валялась на сундуках и кроватях, по столу разбросаны игральные кости, свечные огарки, колода карт и мелкие монеты. Шляпа с плюмажем, в которой Лаэрт щеголял на Гардйо, и вовсе валялась на полу. Только его карабела в ножнах черного дерева висела там же, где и всегда — на крючках над кроватью. Он сам вбил их так, чтобы удобно подхватить среди ночи, под правую руку.

Данатос закрыл за собой дверь и повернул в скважине ключ.

— Брис считает, что это плохая идея, — объяснил он. — Я все еще с трудом переношу моления и медитации. В таком месте, как это, может вообще ничего не выйти. Но я хочу попытаться.

— Это уж тебе решать, — пожал плечами Лаэрт. — К чему я должен быть готов?

— Если увидишь, что я упал и трясусь — укрой одеялом и приподними мне голову, — ответил Данатос. — Если перестал дышать — сделай искусственное дыхание. Если взбешусь и начну превращаться... клистир с кошачьей мятой при тебе? — он густо покраснел.

Лаэрт только хмыкнул и похлопал себя по нагрудному карману.

— Всегда при мне.

Оборотень неловко улыбнулся. Он сел на пол, скрестил ноги и стал напевать мантру, не размыкая губ. Лаэрт устроился на кровати поблизости. На подушке лежала раскрытая книга, которую он оставил сегодня после завтрака. Книжка была почти детской — старинные сказания Арделореи — но очень интересной. Как только дыхание Данатоса выровнялось, Лаэрт перестал опасаться, что с другом что-то случится в ближайшее время, и углубился в чтение.

"Озеро Каракач издревле славилось своей чистой водой. Здесь, на его берегах, зародилось древнее искусство заклинателей воды. В озере заключался неисчерпаемый источник их силы, и никто не смел покушаться на земли элементалей..."

Данатос очнулся в своей каюте один. Звериное чутье подсказывало ему, что час сейчас еще ночной, предрассветный. Медитация не принесла никакого результата. Он словно стучался в закрытую дверь, а потом вместо шагов хозяина услышал, как дверь замуровывают с той стороны. Раньше подобного он не испытывал.

Резкий стук прервал его размышления. Он вспомнил, как закрыл дверь, но не увидел в скважине ключа. "И Лаэрта нет, — мимоходом заметил Данатос. — Должно быть, что-то случилось, раз он оставил меня одного". Оборотень потянул за ручку, но дверь не открылась. Он услышал, как металлический брус замка ходит в пазу. Закрыто снаружи.

— Меня заперли, — громко сказал перевертыш. — Должно быть, Лаэрт поторопился и закрыл по привычке за собой.

— Как, он не с тобой? — услышал он приглушенный голос сестры с той стороны.

— Нет... — по позвоночнику Данатоса поползли ледяные мурашки. — Я решил, что что-то случилось, и он убежал помогать...

— Случилось, — голос Брисигиды дрожал. — Случилось, Дани! Благословения больше

нет. Корабль беззащитен.

— Я выломаю дверь, отойди, — оборотень тут же собрался, готовясь принимать самое грозное обличье.

— Не надо! — проскрипел старушечий голос. — У Акыра есть запасные ключи от всех кают. Нас не атакуют. Торопиться некуда.

Через несколько минут Данатос услышал поворот ключа в замке.

— Кто-нибудь видел Лаэрта? — спросил он у Акыра. — Часовые?

— Большая часть корабля спит, — плюнул Акыр. — На ногах только ты, я, Ранжисона и девушки. Будить ребят бесполезно.

— Эта сволочь его увела, — Брисигида сжала кулаки. — Лаэрта, я имею в виду. Вот кто ей нужен!

Маронда разразилась многоэтажным ругательством, словив уважительный взгляд капитана.

— Как я сразу не поняла! — негодовала старуха. — Ну конечно! Ей нужен источник силы. Если она подключится напрямую к Сердцу Мира, сможет выбраться с островов.

— Похоже, она уже подключилась, — вздрогнула жрица. — Иначе как бы еще она сняла благословенную ауру?

Маронда молча кивнула. Брисигида стояла вся красная и взлохмаченная, не зная, куда деть руки.

— Дани, я знаю, тебе это нелегко дается, — сказала она через некоторое время, — но может ты попробуешь...

— Я пробовал только что, — признался Данатос. — Потратил несколько часов, но ничего не добился.

Брисигида застонала и схватилась за голову.

— Если бы я хоть как-то ответила ему, — прошептала она. Плечи девушки дрожали. — Сказала бы...

Данатос прикрыл рот рукой. Он тоже понимал, почему он сам, Акыр и Ранжисона единственные из всех мужчин на корабле остались в сознании. Ранжисону в Сарданафаре ждала невеста. Акыра любила Цефора. А его самого, Данатоса... его тоже любила женщина. Самая отважная и дерзкая женщина Арделореи. Нет, всего мира.

— Отставить, девочка, — Маронда коснулась подбородка Брисигиды и посмотрела в глаза. — Ну-ка! Знаешь, что это?

Волшебница достала из складок широкой робы карту.

— Колесница, — всхлипнула Брисигида. — Я не понимаю...

— Колесница — это ты, — Маронда ткнула пальцем ей в грудь. — Ты в судьбе суккуба. И эта дьяволица — в твоей судьбе. Вас обеих ждут большие перемены. Обеих, понимаешь?

Жрица молчала, глядя будто сквозь волшебницу, не видя ее лица, не слыша того, что она говорит.

— Что-то ты мудришь, провидица, — Акыр оттеснил Маронду в сторону. — Посмотри на меня, милая. Ну же, я должен знать, что ты меня слышишь!

Брис подняла заплаканные глаза.

— Это богомерзкая тварь навредила твоей подруге, нашей подруге, — веско проговорил горец. — Напугала команду. Послала за нами гребаного кракена. Угрожала тебе. Требовала жертв. Обманула тебя. Но самое главное — она увела твоего мужчину. Друг он тебе или нечто большее — демоница обошлась с ним, как с вещью! Украла его. Разве он заслуживает

быть игрушкой в руках подобного существа?

Брисигида прикусила губу. Данатос с облегчением увидел огонек упрямства во взгляде сестры.

— Оставьте меня ненадолго, — попросила девушка, вытирая слезы со щек. — Встретимся у сходней.

Брисигида не приходила почти час. Когда она появилась, на ней белела тонкая льняная сорочка — и больше ничего. Ни амулетов, ни кольца, ни оберегов — даже ленты в волосах.

— Спасибо, — Брис взяла Акыра за руку, — это были правильные слова. Они заставили меня вспомнить кое-что.

Маронда смотрела на девушку с легким прищуром и поглаживала один из колокольчиков на посохе. Данатос с трудом сдерживал порыв превратиться в пуму и попробовать разодрать на части суккуба.

— Когда я работала в храмовой библиотеке, наткнулась там на книгу, к которой большинство жриц относились скептически, — Брисигида ни на кого не смотрела, говорила спокойно и тихо. — Сказания истинной веры. Ее авторство приписывали едва ли не основателям учения о Великой Матери, но подтверждения этому так и не нашли.

Жрица оперлась о борт и уставилась на серую равнину. Ключев тьмы в разломах стало заметно больше.

— Сказаний записали не так много, и все они учили одному: неважно, как ты называешь своего бога. Его часть есть внутри тебя, и она есть дух, и она есть сила, и она есть любовь. И если есть в душе твоей место любви, ты выдержишь любые испытания, выступишь в любой битве с тьмой.

Маронда недовольно заворчала, но Данатос положил ей руку на плечо.

— Доверься ей, — шепнул оборотень. — Брис знает, что делает. Это единственный шанс.

— Так что ты будешь делать? — не понял Акыр. — Что это значит?

Брисигида повернулась к ним.

— Есть только один способ обезвредить демона так, чтобы его пленники не пострадали, — она продолжила, будто не слышала вопроса. — Подавить его волю. Для этого нужно открыть ему свою душу. Дух, который есть любовь.

Маронда взялась обеими руками за посох, будто ей стало тяжело стоять.

— Я открою ей свое имя, посмотрю ей в глаза. И когда она предложит мне дар, я соглашусь.

Глава 9. Проводник

Брисигида шла через чернеющую равнину. Одна. Маронда оказалась настолько обескуражена ее решением, что даже не пыталась остановить. Брат лишь пожелал ей удачи, но глаза оборотня при этом подозрительно блестели. Они обещали доверять решениям друг друга, но давалось это нелегко.

Вскоре в монохромном пейзаже — черные расселины, серый гравий, белый туман — стали проглядывать багровые сполохи. Еще немного, и Брисигида увидела соперницу. Та сидела на нижней челюсти черепа-пещеры, рассеянно поглаживая шевелюру Лаэрта. Он сидел у ее ног с бессмысленным сине-фиолетовым взглядом и маниакальной улыбкой. От этого вида у жрицы защемило за ребрами.

— Ты все-таки пришла, — суккуб наклонила голову. Теперь ее голос звучал у Брисигиды прямо в голове.

— Я держу свое слово, — ответила жрица, выпрямив спину. — А ты?

— Я уже получила, что хотела, — антрацитовые губы обнажили клыки. — Тебе больше нечего мне предложить.

Брисигида молчала. Она смотрела только на Лаэрта.

— Даже не обвинишь меня в двуличии и подлости? — съехидничала демоница. — Не потребуешь хотя бы освободить чернявую подругу?

— Мы обе знаем, что сделку мы так и не заключили, — Брисигида сохраняла невозмутимость. — И ты права, мне нечего тебе предложить. Но и терять нечего.

— И что же ты будешь делать, маленькая кошечка? — улыбка суккуба стала шире. — Звать свою богиню? Ох, сколько я сама ее звала, сидя здесь! Молила пощадить меня, выпустить из этого ужасного места. Ведь и я была ее возлюбленной дочерью. Прямо как ты.

— Мне всё равно, что ты предала свою веру, — пожала плечами Брисигида. — Я пришла не за этим. Ты знаешь, как зовут юношу, которого ты призвала?

— Мне не нужно имя мужчины, чтобы заставить его следовать моей воле, — демоница кокетливо дернула плечиком. — Он и так у моих ног. В буквальном смысле.

— И все же твоя власть над ним ограничена, не так ли? — Брисигида на мгновение перестала дышать. Вдруг Лаэрт все-таки сказал ей...

— Хочешь предложить мне его имя? — она сдвинула брови. — Из твоих уст оно ничего мне не даст.

— Меня зовут Брисигида, — вздернула голову жрица и посмотрела суккубу в глаза. — Владей моим именем.

— На кой ляд мне сдалось... — демоница осеклась, глаза ее расширились. — Маленькая хитрая дрянь! Ждешь от меня подарка?!

— У тебя нет выбора, — повысила голос Брисигида. — Тебе придется отдать мне одного из них. Или ты можешь предложить мне что-то еще, демон?

Суккуб вскочила со своего импровизированного трона и уставилась на жрицу.

— Ты не сможешь получить их обоих, — прошипела она. На этот раз голос доносился прямо из черных уст. — Один из них так и останется моим!

— Они не вещи, и я не стану торговаться, — выплюнула Брисигида.

— Хорошо, — сощурила алые глаза демоница. — Тогда прими мой дар!

Она хлопнула в ладоши, и перед Брисигидой завис хрустальный фиал в переливах

зелени, золота и серебра.

— Принимаю, — процедила жрица.

Переливы сверкающей зелени испарились из фиала, и тот тоже исчез.

— А я принимаю тебя, Брисигида, — выдохнула суккуб.

— Пошла ты! — тонко выкрикнула жрица. — Думала, я буду с тобой честной? Давай, попробуй меня забрать! Рискни бессмертием!

Она сама не ожидала от себя таких слов. Брисигида думала о Феликсе и Лаэрте, и они вырвались сами собой. Словно это и их слова тоже.

Демоница мигом избавилась от напускной неги и озорства. Лицо исказилось свирепым оскалом.

— Ты мне не ровня! — взревела суккуб. — И ты тоже будешь моей! Вы все!

Брисигида стояла напротив нее и смотрела прямо в глаза. В теле медленно вздымалась тяжелая волна, перерастающая в штормовой вал. Дыхание стало ровным, глубоким. В груди kloкотала чистая концентрированная ярость. Ничего похожего она прежде не испытывала.

Перья алых волос взвились вокруг темной фигуры исполинскими крыльями. По обнаженной черной коже прокатывались багряные сполохи: вся она превратилась в тлеющий уголь. Поднялся неистовый ветер. От налетевшего шквала Брисигида пошатнулась, но устояла. За ней была вся правда мира — и огромная, подавляющая, страстная, нестерпимая боль.

Увидев, что жрицу не смело порывом, суккуб топнула перед собой и вытянула руки. Раздался гулкий стук и хруст. Повсюду начали появляться новые расселины. Они стремительно расходились паутиной трещин. Брисигида не шелохнулась. Ветер продолжал рвать на ней тонкую рубашку — единственное движение в ее силуэте.

— Вы, проклятые фанатички, — зарычала демоница. — Из-за таких, как ты, я осталась прозябать здесь. Из-за тех, кто молился Матери, как и мы. Как я молилась!

Бестия выбросила обе руки в сторону жрицы. На этот раз шквал не заставил ее даже вздрогнуть. Суккуб сощурилась и наклонила рогатую голову.

— Зачем ты вообще явилась за ним? — зашипела Древняя. — Жаждешь его силы? Или есть и другая причина?

Брисигида задрожала, но взгляда не отвела.

— Если бы ты любила его, — продолжила демоница. — Ах, если бы ты только могла его полюбить! Он бы не попал в мои сети, не так ли?

По щекам жрицы скатывались горячие капли. Ветер иссушал лицо, но слезы текли снова и снова. Очередной порыв едва не сбил ее с ног, сорвал белую сорочку и швырнул ее в расщелину.

— Уже не такая уверенная, правда? — улыбнулась дьяволица.

Феликса очнулась в своей каюте. Света едва хватало. Чародейка села на кровати и посмотрела в окно: там виднелся кусочек серого берега и клубы белого тумана. "Не лимб, — подумала она. — Это определенно был не лимб. Но если я очнулась, тварь должна быть мертва. Почему же..."

Феликса встала и вышла из каюты, поднялась на палубу. У мачт спали часовые. Кистень храпел возле штурвала с бутылкой черного рома в руке. Феликса раскинула самое простое поисковое заклинание и поняла, что бодрствуют только Маронда, Акыр с семейством, Ринна, кухарка Радна и Ранжисона. Брисигиды и Лаэрта на корабле не было.

— Беда, — буркнула чародейка.

Феликса присела на ступеньку и вытащила из кошелька на поясе сердоликовую пластину на кожаном шнурке. Парный амулет, подарок Брисигиды. "Давай, побрякушка, — подумала она, вливая в сердолик каплю силы, — помоги мне ее найти. Без нее мы отсюда не выберемся..." Амулет быстро нагрелся и дал отклик. Брисигида находилась недалеко. Вот только...

— Сука! — чертыхнулась Феликса. — Чтоб меня!

Разум жрицы проваливался куда-то на астральный план. Отклик был сильный, но нечеткий, прерывистый, как дыхание человека с гирей на ногах, который держится в море за обломок доски. Парный амулет, за который могла бы уцепиться жрица, отсутствовал. Феликса лихорадочно соображала, что могло случиться с Брисигидой и как ей помочь, но ничего дельного в голову не приходило.

Краем уха девушка услышала стук дерева о палубу и тихий звон. Маронда.

— Ты очнулась, — улыбнулась старуха. — Значит, у Брисигиды получилось...

— Что получилось? — нахмурилась Феликса.

— Одолеть суккуба, — старая волшебница присела рядом с ней на ступеньку.

— Значит, мы все верно определили, — Феликса цокнула языком. — Это многое объясняет. Но не то, что команда спит. Это дело рук демона?

Маронда непонимающе оглянулась и потеряла виски.

— Вот черт. Если бы Брисигида покончила с ней, проснулись бы все, а не только ты.

— С ней явно что-то не так, — Феликса снова зажала амулет между ладоней. — Если она дерется с Древней прямо сейчас...

Чародейка приложила пластину к губам, закрыла глаза и прошептала:

— Держись, дорогая. Не отключайся. Если кому и под силу справиться с этой тварью, то только тебе.

Ментальный удар суккуба заставил Брисигиду пасть на колени. Гравий больно впился в обнаженную кожу. Жрица зашипела, стиснула зубы и начала подниматься.

— Оставь надежду, — пропела ее противница. — Эти острова принадлежат смерти. Я сбегу с них, и оставлю тебя гнить здесь вместо меня!

Брисигида нашла сине-фиолетовые огоньки — глаза Лаэрта. Она чувствовала, как противостояние истощает ее, как тает ее уверенность в собственных силах. Если в ней и была частица божественной благодати, она скрылась под усталостью и отчаянием.

— Ты предала свою веру, — прохрипела девушка. — Вся твоя сила — заемная. Сама по себе ты не стоишь ничего.

— А ты, со всей своей верой, со всей своей святостью и самопожертвованием, — демоница взяла ее за шею и подняла перед собой, — чего стоишь ты? Ты оказалась неспособна защитить даже того, кто всегда был рядом с тобой.

Перед глазами Брисигиды поплыли круги. Ей показалось, что над серой равниной прокатилась ветвистая молния, но тут же погасла. В белом тумане угадывались очертания гор. Жрица цеплялась за сине-фиолетовые огоньки, но все равно безвозвратно тонула, тонула в видении бесцветной молнии и скалистых гор...

Сквозь свист ветра послышалось низкое рычание. Золотистый силуэт разметал черные клубы над расщелинами, метнулся к суккубу, рванул челюстями антрацитовую руку. Брисигида упала на колючий гравий, жадно глотая воздух. Морок перед глазами не желал

рассеиваться. Горы и белесые молнии словно выжгли себя на внутренней стороне век. Только слух воспринимал реальность.

Древняя взревела, будто тоже превратилась в зверя. Новый чудовищный порыв ветра разбросал гравий, но направлялся не в Брисигиду. Удар полутонного тела о скалу заставил землю вздрогнуть.

— Больно! — пожаловалась демоница. — Не вставай, перевертыш. Даже у твоей регенерации есть предел.

Данатос протестующе зарычал. Брисигида хотела крикнуть, остановить его, но вместо крика издала невнятный сиплый клекот. Бесцветные молнии вытягивали из нее силы.

Новый рев суккуба болезненно кольнул уши. Мгновением позже раздался грохот удара, и оборотень жалобно вскрикнул.

Демоница снова нависла над Брисигидой, дохнула свежей кровью. Даже сквозь пелену морока жрица видела, как вместо правой руки у суккуба клубится черный дым с алыми всполохами. На боку виднелась схожая рана, но обе затягивались прямо на глазах.

— Отчаянная попытка, — прошипела бестия. — Но тщетная. Твой братец меня разозлил!

“Если кому и под силу справиться с этой тварью, то только тебе”, — раздалось у Брисигиды в голове. Жрицу словно окатили ледяной водой. Жар и холод пронзили ее тело; она выгнулась, захрипела... Когда Брисигида огляделась и попыталась встать, она поняла, что чего-то не хватает. Сине-фиолетовые огоньки пропали, как и огромная золотистая пума.

Раздумывать над этим было некогда. Брисигида увидела перед собой прядь алых волос, намотала на кулак и дернула на себя. Раздался раскатистый рев.

— Пора кончать с этим, — зашипела демоница, снова вперив в нее угольки глаз.

— Пожалуй, — согласилась жрица.

Она накинула прядь, которую держала в руках, на изогнутый черный рог и снова дернула, почти повисла на багряных волосах. Рог треснул, но не отломился. Суккуб неловко завалилась. Брисигида схватилась за треснувший рог обеими руками. Тот задымился под ее ладонями, и демоница издала высокий пронзительный вой. Жрица подавила желание закрыть уши ладонями, сняла одну руку и ухватила второй рог. Тот тоже задымился, гладкая черная поверхность пошла трещинами. Суккуб металась и выла на той же высокой ноте. Черные когти впились Брисигиде в спину, но жрица не позволила себе сдаться. Краем глаза она видела, как начинает рассеиваться белый туман и зарастают черные провалы в земле.

— Великая Мать, трижды единая во всех мирах, — зашептала девушка, — даруй прощение своей бедной дочери. Бездну страданий пережила она и заслужила немного покоя. Имя твое не предалось забвению, так да пребудет же с ней твое милосердие, и милость твоя, и имя твое.

Сердце жрицы трижды медленно и сильно стукнуло, и она с облегчением увидела несколько рун, выжженных на обратной стороне век.

— Возвращаю тебе имя твое, дитя, — она закончила молитву и выпустила остатки сожженных рогов. — Анаштара.

Красноволосая демоница скорчилась у ее ног и заплакала. Обломанные, обожженные

остовы у нее на голове постепенно рассыпались в прах.

Феликса пила отвар душицы. Снасти поскрипывали, моряки болтали, Кистень и Джей Киттерс распевали похабные песенки. "Идиллия, — подумала она. — Как же мы пересрали, когда рассеялся туман и появились эти четверо. Голая Брис, огромная чернокожая демоница — тоже не обремененная одеждой — и избитый Дани с Лаэртом на руках". Первое, что пришло им в голову в тот момент, — что суккуб подчинила их троих и пришла за остальными. Но демоница взошла по трапу только после Брисигиды и Данатоса.

Сейчас чернокожая Анаштара сидела рядом — уже не такая высокая и мощная, но все равно рослая. Надевать штаны она отказалась наотрез. Феликса отдала ей свою старую робу, чем-то похожую на ту, что носила Маронда. Длинное черное одеяние устроило суккуба и, кажется, подняло настроение, причем настолько, что она согласилась помочь им поднять с морского дна спрятанные корабли. После того, как Брисигида вернула Анаштаре имя, зловещая аура островов спала, и найти границу проклятых вод, где они оставили суда, демонице оказалось намного проще. Суккуб отпустила всех своих мертвых, включая душу Фарнисса. Кажется, она даже обрадовалась такому исходу.

При Брисигиде Анаштара вела себя кротко, как овечка при пастухе. С Марондой Феликсой и Диной она держалась непринужденно и дерзко. При мужчинах и вовсе строила высокомерную мину и отказывалась отвечать на вопросы из мужских уст. Феликса решила расспросить ее один на один.

— Так ты — один из ключей к Острову Жизни? — переспросила чародейка.

— Нас называли Хранителями Пути, или Проводниками, девочка моя, — наставительно поправила ее Анаштара. — Как и вашего парня. Я — Проводник к источнику Мертвой воды, к источнику смерти. К твоему сведению, я не всегда была такой.

— Такой — это какой? — усмехнулась Феликса.

— Злобной и жадной, — скривилась демоница. — И острова эти не казались таким гиблым местом. Пару тысяч лет назад я еще терпела пришельцев. Они не находили здесь воды и припасов и быстро уплывали.

Феликса сделала еще несколько глотков из кружки с отваром. Анаштара пила свиную кровь. Радна сцеживала ее с запасов заколдованного мяса несколько часов. Без этого суккубу пришлось бы погрузить корабль в туман и опять всех усыпить, чтобы ее аура никому не повредила.

— Пару тысяч лет назад уже умели строить корабли для таких далеких путешествий? — подняла бровь Феликса.

— Ну, может, лет пятьсот, — махнула рукой Анаштара. — Я не слежу за ходом времени. Все равно вы, люди, никогда не меняетесь.

Феликса подняла кружку, как если бы демоница сказала тост. Та в ответ подняла свою чашу с кровью.

— Ты знаешь, где второй Хранитель? — спросила чародейка.

Суккуб помедлила с ответом.

— Я знаю, как это место называлось много-много лет назад, — призналась она. — Но это ничего вам не даст. Хранители не могут вести кого попало к Острову Жизни.

— А кого могут? — насторожилась волшебница.

— Некую сущность, — Анаштара задумалась, подбирая слова. — Ее называли Странником, Пришельцем, Чужим, Иномирцем...

— Страница из мира без сердца, — выпалила Феликса.

Суккуб посмотрела на нее исподлобья и сощурила глаза.

— А ты откуда знаешь?

— Моя наставница...

— Старуха?

— Да, — чародейка поджала губы и погрозила ей пальцем. Анаштара только хмыкнула. — Она прирожденная провидица.

— Это я уже поняла, — надулась демоница. Маронда единственная ожидала увидеть владычицу проклятых островов поверженной.

— Так вот, — продолжила Феликса, игнорируя скептическое замечание. — Когда-то она предрекла мне кое-что...

И Феликса пересказала ей пророчество Маронды. Анаштару оно не слишком впечатлило — она уже слышала предсказания о Странице и дочери меча и магии. Демоница кивнула и задала лишь один вопрос:

— С чего ты взяла, что речь в нем идет о тебе?

Джамир вышел к границе озерного края на закате. Он долго петлял между мелких водоемов, но шел быстро и уверенно. Золотой дымки, которая вела его во сне, в реальности не было. Путь отпечатался у него на подкорке. Бывший ассасин всегда хорошо ориентировался на местности и быстро запоминал маршруты. Правда, сейчас его вело скорее нечто сверхъестественное, чем простое чутье опытного путешественника.

Преследователи из Цитадели едва не нагнали его перед озерным краем. Только водоемы его и спасли: он укрылся на дне мелкого болотца, выставив наружу тонкую соломинку. Собаки не почуяли его в воде, а люди не увидели из-за ряски и темной от торфа воды. Дальше в болота ассасины не пошли: боялись трясин. Джамир, которого вел незримый указатель, меж болот прошел легко. И то сказать — смертоносных трясин там никогда не водилось. Беглец не мог этого знать, но его проводник — знал.

Пройдя мимо последнего озера, мужчина позволил себе передохнуть. Еще чуть больше часа, и он узнает, кто так настойчиво зазывал его к себе.

Наконец он вышел к невысоким густым зарослям, среди которых едва угадывался силуэт землянки. Дымоход хитро запрятали: Джамир подумал было, что по крыше стелется туман, и только потом почуял запах съестного. Еще через несколько шагов он различил небольшое окошко. словно в ответ на его мысли в окошке зажегся огонек — белый, нежный и трепетный, как летняя бабочка.

Из зарослей рядом с краем дерновой крыши в порослях мха и стланика вышел рослый мужчина. Он был одет во все зеленое и коричневое. Джамир и не заметил бы его среди растений, если бы не бледное пятно бритой головы.

— Добро пожаловать, отступник, — поприветствовал его хозяин землянки. — Наконец-то ты здесь. Как тебя зовут?

— Я Джамир, — ответил беглец. Глефа в руке вдруг показалась тяжелой и ненужной. Он понял, что может доверять хозяину землянки во всем.

— Приятно познакомиться, — бритоголовый отвесил церемонный поклон, достойный человека, много лет проведенного при дворе. — Меня зовут Аянир. Я сын императора Леветира Первого, внук императора Тавроса Второго. Войди в мой дом и будь моим гостем.

notes

Ферискея — материк к западу от места событий. Бедеран находится на материке Тандар Ланвен — крупнейшая страна Ферискеи.

Арделорея — крупнейшая страна материка Тандар. Родина Феликсы. Граничит с Кузуром (где происходит действие сейчас).

Арак — ароматизированный анисом крепкий алкогольный напиток, распространённый на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в нашем мире — или на юге и востоке материка Тандара в мире “Мертвой воды”.

Обрасопить — повернуть паруса в определенную сторону.

Полуют — дополнительная палуба над кормовой надстройкой судна или кормовой частью верхней палубы.

Фальшборт — ограждение по краям наружной палубы корабля, представляющее собой сплошную стену без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и прочими.

Квартердек — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, где обычно находится капитан.

Рангоут — общее название устройств для постановки парусов, выполнения грузовых работ, подъема сигналов и т. д.

Тандар — один из четырех материков мира “Мертвой воды”.

Книппель — снаряд из двух массивных чугунных деталей, соединенных железным стержнем или цепью.

Фал, шкот, брас — части бегучего такелажа, грубо говоря, канаты для управления парусами.